ПРОГРАММА
«ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры России
Комитет по культуре Санкт-Петербурга

Институт Петра Великого
Фонд имени Д. С. Лихачева

Государственный Эрмитаж
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербургский институт культурных программ
Ассоциация «Путь Петра Великого»

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е. В. АНИСИМОВ, научный руководитель Института Петра Великого, научный руководитель департамента истории НИУ Высшая школа экономики — Санкт-Петербург, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Г. В. ВИЛИНБАХОВ, заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа

Д. Ю. ГУЗЕВИЧ, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

И. А. КАРПЕНКО, заместитель генерального директора Государственного музея истории Санкт-Петербурга

А. В. КОБАК, исполнительный директор Фонда имени Д. С. Лихачева, председатель совета Института Петра Великого

С. А. МЕЗИН, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ, генеральный директор Государственного Эрмитажа

И. Ф. СВИДЕРСКАЯ, руководитель Института Петра Великого, заместитель директора Санкт-Петербургского института культурных программ

Институт Петра Великого
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Фонд имени Д. С. Лихачева

АКАДЕМИЯ, ИЛИ СОЦИЕТЕТ ХУДОЖЕСТВ И НАУК

Материалы
XVII Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2024 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2025

Программа «Путь Петра Великого»
осуществляется при поддержке

Комитета по культуре Санкт-Петербурга
и
ПАО «Газпром»

Научный редактор
д.и.н., проф. Е. В. Анисимов

Составители
И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская

Редактор
Е. С. Степченко

Академия, или социет художеств и наук: материалы XVII Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 31 мая—1 июня 2024 года / сост. И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская. — СПб.: Европейский Дом, 2025. — 452 с., илл.

ISBN 978-5-8015-0443-8

© Институт культурных программ, 2025
© Издательство «Европейский Дом», 2025

Содержание

АНИСИМОВ Е. В. (Санкт-Петербург). Пётр Великий – демиург российской науки 9

I. РАЗВИТИЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

КЕЛЛЕР А. В. (Екатеринбург). Петербургская Академия художеств и наук – 300 лет фундаменту российской науки 16

АВАКОВ П. А. (Ростов-на-Дону). Когда и как была учреждена Академия наук в Санкт-Петербурге? (правовой и источниковедческий аспекты) 28

МЕЗИН С. А. (Саратов). Петр I и история 46

СОРОКИН П. Е. (Санкт-Петербург). Археологические свидетельства об освоении стрелки Васильевского острова в первой половине XVIII в. 60

МУХИН О. Н. (Томск). «Учиться, учиться и еще раз учиться»: образовательная политика Петра I в свете теории модернизации 72

КЛЕЙТМАН А. Л. (Москва). Делопроизводственные источники по начальному этапу истории Школы математических и навигацких наук в архивах Москвы и Санкт-Петербурга 82

КОЗЛОВА Ю. А. (Москва). Влияние Второго путешествия Петра I 1716–1717 гг. на создание научных институций в России 87

СЕРОВА И. А. (Ярославль). Славяно-греко-латинская школа в Ростове «для лиц благородных и неблагородных» и ее роль в распространении знаний в петровское время 95

II. АКАДЕМИЯ НАУК В XVIII ВЕКЕ

СМАГИНА Г. И. (Санкт-Петербург). Просветительская деятельность Академии наук в XVIII веке 105

АГЕЕВА О. Г. (Москва). Петербургская академия наук XVIII в. и главные торжества Романовых: коронации и погребения 115

ТЮХМЕНЕВА Е. А. (Москва). «Планы потехам и другие разные»: к вопросу о деятельности Академии наук во второй половине 1720-х — первой половине 1730-х гг. (по материалам РГАДА) 127

ПЕТРУХИНЦЕВ Н. Н. (Липецк). Российская Академия наук в оценке немецкого архитектора Карла-Фридриха Шесслера и попытка ее реформы в 1730-е гг. 146

БУЛАТОВ В. Э. (Москва). Академия наук и русская картография: тактические успехи – оперативное поражение – стратегическая победа 163

КОРЕПАНОВ Н. С., КОРЕПАНОВА С. А. (Екатеринбург). Тамгинский завод: опыт промышленного обеспечения научной экспедиции в XVIII в. 171

САФРОНОВА А. М. (Екатеринбург). В. Н. Татищев и формирование первых связей Екатеринбурга с Академией наук (1734–1739) 179

КУРАПОВ А. А. (Астрахань). Экспедиции и исследования Академии наук на Нижней Волге во второй половине XVIII в. (по материалам Государственного архива Астраханской области) 188

ШИШИГИНА А. Н. (Якутск). Из истории экспедиционных исследований и изучения естественной истории Сибири в XVIII веке 195

ЕРМАСОВ Е. В. (Москва). Сообщения о Российской Академии наук на страницах немецких публицистических изданий в 20-40-х гг. XVIII в. 205

СПИРИДОНОВА Е. П. (Саратов). Роль Петербургской академии наук в развитии отечественной медицины первой половины XVIII века 215

КАЛИНИН М. В. (Москва). Организация платных дорог и типография Академии наук 225

КОМОЛОВ Н. А. (Воронеж). Воронежская губерния и Императорская Академия наук в XVIII в.: исследования и исследователи 232

КОШЕЛЕВА О. Е. (Москва). Вопросы Академии наук — ответы городов: совместные усилия по созданию атласа Российской империи 242

НОВИКОВА О. В. (Санкт-Петербург). Князь Г. Г. Орлов – «просвещенный вельможа» при дворе императрицы Екатерины Великой 255

III. СОБРАНИЕ УЧЕНЫХ И ИСКУСНЫХ ЛЮДЕЙ

МОРОХИН А. В. (Москва). К вопросу о документальном наследии первого президента Академии наук Л. Л. Блюментроста 265

БОЛОТИНА Н. Ю. (Москва). Академик Г. Ф. Миллер во главе Московского архива Коллегии иностранных дел (К 300-летию архива) 275

ЕПАТКО А. Ю. (Санкт-Петербург). Академический отряд Г. Ф. Миллера в Якутске (судьба племянника Мазепы Андрея Войнаровского) 287

КУРУКИН И. В. (Москва). Екатерина II, академик Иван Стриттер и педагог Фёдор Янкович за составлением официального учебника русской истории 304

РЯЖЕВ А. С. (Тольятти). Лютеране, пиетисты, янсенисты и другие: вероисповедные «партии» в российской Академии наук в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. 313

ПАШКОВ А. М. (Петрозаводск). Ученые Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге и их исследования территории Карелии во второй половине XVIII века 323

IV. НАУЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ

КОРОЛЬКОВА Е. Ф. (Санкт-Петербург). Наука и музей: концепция Петра I и её роль в развитии музейного дела в России 331

БАРИНОВА И. Н. (Санкт-Петербург). «Костяной Животворящий Крест с Апостольскими ликами на ковчеге»: попытка реконструкции замысла 341

БАСАРГИНА Е. Ю. (Санкт-Петербург). «Махина равномерная в продажу вина» А. К. Нартова 359

ЦЫГАНКОВ С. Г. (Санкт-Петербург). Неосуществленный проект оформления Генеральной карты Российской империи 1732 г. 368

БАХАРЕВА Н. Ю. (Санкт-Петербург). Петербургские достопримечательности и новости, удивившие барона Мюнхгаузена 385

ЮРКИН И. Н. (Москва). Петр Великий у Демидовых в Петербурге (из истории Кунсткамеры после пожара 1747 г.) 395

ЗОТОВА О. А. (Санкт-Петербург). Первые хранители военно-морской документальной истории: имена и судьбы (к 300-летию РГАВМФ) 405

КАЗАКОВА Е. П. (Астрахань). Обзор академических изданий в коллекции Астраханского музея-заповедника 414

ЭМИНОВ Н. Г. (Дербент). К вопросу изучения эпиграфических памятников Дербента 423

Принятые сокращения 432

Издания по программе «Путь Петра Великого» 434

Евгений Викторович Анисимов
(Санкт-Петербург)

Научный руководитель института Петра Великого,
научный руководитель Департамента истории
НИУ Высшая школа экономики — Санкт-Петербург,
Главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

Пётр Великий — демиург российской науки

Книга Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (лат. Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica) вышла в 1687 г. и перевернула мир. В этом ошеломительном научном бестселлере (при жизни Ньютона «Начала» трижды переиздавались) были сформулированы три закона движения и закон всемирного тяготения, что стало основой науки в мире. Опираясь на гелиоцентрическую систему Николая Коперника, философию картезианства, Ньютон начертал на этой базе новые научные основы мироздания — недаром он говорил, что видит так далеко, ибо стоит на плечах гигантов. Центральное место учения Ньютона — опыт, его значение для Ньютона абсолютно. По его мысли, экспериментальные исследования должны подтвердить или опровергнуть выставляемые учеными положения — то, что Ньютон называл «аксиомами» и «теоремами». Последние, согласно принципам геометрии, вытекают из доказанных опытом аксиом.

Нет никаких сомнений в том, что Пётр не просто был знаком с положениями «Начал» — возможно, он встречался с самим Ньютоном во время пребывания в Англии в 1698 г., но главное — Пётр разделял ньютоновскую концепцию мироустройства. Этому есть множество свидетельств. В частности, до наших дней дошла рукопись сопровождавшего царя в поездке по Англии Якова Брюса, который именно в этом 1698 г. подготовил компиляцию «Теория движения планет». Известно, что Пётр с Брюсом бывали в Гринви-

че и наблюдали звездное небо. С того времени до нас дошел анекдот — рассказ о том, как Петр, оторвавшись от окуляра телескопа, якобы воскликнул: «Бесконечен звездный мир, преклоняюсь перед этим замыслом творца, но не по силам земным наукам постичь этот замысел Господа». В этом анекдоте есть что-то от истинного восприятия Петром и его современниками значения Бога как первотолчка в устройстве мира. Да и до сих пор, мысль эта не кажется примитивной, и множество современных ученых разделяют ее. Примечателен факт, что в Париже Пётр купил за огромную сумму (2000 экю) «сферу Коперника» — движущуюся модель небесной сферы[1].

В 1716 г. Брюс перевел на русский язык не менее «взрывную» книгу великого голландского ученого Христиана Гюйгенса «Космотеорос», написанную на основе идей Коперника и Ньютона. Тут важна ремарка. Обычно в текстах об основании Академии наук в России почти ничего не говорится о роли в этом деле Якова Брюса, но в эти юбилейные дни должны помянуть его среди основателей Академии, ибо он, в силу своего передового по тем временам образа мысли и особой близости к царю, ценившему всегда ученость, стал для царя проводником в мир идей картезианства, в сферу ньютоновского понимания мироустройства. Именно эти идеи и легли в основание Академии наук.

Петровская инициатива издания перевода этой книги вызвала буквально ярость весьма просвещенного по русским понятиям начальника типографии Михаила Аврамова. Он называл эту книгу «сумасбродной книжичищей», безбожной, атеистической и категорически отказывался ее печатать. Пётр проигнорировал вопли Аврамова, и в 1724 г. книга была издана под названием «Книга мироздания, или Мнение о небесно-земных глобусах». Нет сомнений, что это был просветительский подвиг: не будем забывать, что и ныне, в двадцать первом веке, треть населения Земли концепцию Коперника не разделяет, а одобряет всецело мысли Птоломея о плоской Земле.

Словом, это, самое современное в той обстановке, восприятие мироустройства стало основой образа мысли царя-реформатора, его рефлексий, его политики, идет ли речь о реформах управления или о создании Академии наук. Но вот что важно. Задолго до знакомства с идеями Декарта, Ньютона, Гюйгенса, Лейбница Пётр сам проделал быстрый, просто стремительный, путь в своем разви-

[1] *Мезин С. А.* Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 73–74, 134, 191.

тии. Сохранились учебные тетради Петра: он осваивает начала арифметики — сложение, вычитание, деление. Казалось бы, обычная тетрадка ученика. Но если посмотреть на дату, то невольно приходишь в изумление — 1688 год! То есть царю Петру 16 лет, и он только осваивает начала арифметики. И это в тот год, когда его ровесники в Кембридже изучают «Начала» Ньютона! Неизбежно возникает вопрос: как, за счет чего Пётр совершил ошеломительный путь от вычитания столбиком до создания в своей стране Академии наук? Ведь у него, в отличие от Ньютона, не было тех гигантов, на плечах которых он мог бы свободно расположиться. При господстве в Европе XVII века картезианства, механицизма, прагматизма, в России эти начала были почти неведомы, хотя общее движение в западном направлении уже наметилось. Недаром протопоп Аввакум с тревогой восклицал: «Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступков и обычаев». Но в целом, картина была удручающая. «Циркуля по всей стране не найдешь», — восклицал ученый поп Феофан Прокопович. Ему вторил совсем не друг Петра Сильвестр Медведев: «Русь — земля без мудрецов, познавших семь свободных художеств, без правильного образования, без света наук, это земля, невежественные обитатели которой шествуют во тьме»[2].

Но у Петра было то, что называется политической волей. С одной стороны, бескомпромиссное и резкое неприятие современной ему России, что было во многом обусловлено драматическим началом его царствования. Радикальные петровские реформы порой мне кажутся реформами ненависти, местью за страх, который он испытал в юности, — так они бескомпромиссны. С другой стороны, так случилось, что компенсацией отвергнутой им старины, Московии, стала втянувшая в себя Петра протестантская модель восприятия мира, воспринятая им от иностранцев, с которыми он сдружился в юности, и ставящая во главу угла культ практики, труда и учения, вечной учебы как универсального способа совершенствования себя и преобразования окружающего мира. Знаменит его девиз: «Я есмь в чину учимых и учащих мя требую», — писал Пётр. Навсегда Пётр освоил роль мастера, учителя, который своим примером показывает подданным, как нужно правильно работать и жить. Нужно иметь в виду, что Петру был присущ поразительный оптимизм людей той эпохи, освободившихся от эсхатологического гнетущего ожидания конца света. Тут вдруг впереди, как сияющая на восходе линия горизонта, засветилось салюс публикус — всеоб-

[2] См.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

щее счастье, во имя которого можно менять старое, строить новое. Гуго Гроций писал: «Государство строят как дом», а наш-то мог поправить: «Государство строят как корабль», капитаном-шкипером которого он себя считал. Долгое пребывание Петра в Европе во время Великого посольства убедило его в правильности принципов, по которым он интуитивно начал жить в России. Тогда произошло осмысление своего предназначения как роли лидера, который должен ввести Россию в круг ойкумены, цивилизованного мира. Недаром ему так нравилась идея круговорота наук — из Греции на север и их расцвета там.

Конечно, при отсутствии разделения и специализации наук, Пётр понимал науку как «науки» — теоретические и практические познания в самых разных сферах, для использования их на практике. Полное название Петербургской академии наук — «Академия наук и курьезных художеств». Если «курьезное» (куриозитет) понималось как любопытное, необычное, непривычное, подлежащее осмыслению и объяснению, то «художества» никакого отношения к современному понятию искусства, художественного творчества не имели. Скорее это понималось как высококлассное мастерство, связанное с изобретательством, усовершенствованием. Пётр также использовал и термин «мастерство» (во множественном числе «мастерства»), предполагая, чтобы быть в Академии «мастерствам, чтоб учить всех мастерств, что касается до механики, языков, пиктуры, скултуры, архитектуры, геометрии, прешпективы, оптики и протчих мастерств, кроме мелких, как сапожное и портное и протчее тому подобное»[3]. Если же Пётр перечисляет те книги, которые нужно переводить для Академии, то он упоминает «художества же следующие: математическое, хотя до сферических триангулов, механическое, анатомическое, хирургическое, потаническое [вероятно, ботаническое. — *Е. А.*], архитектур милитарис, цивилис, гидроика и прочие тому подобные»[4]. При этом художество не считалось ремеслом. В регламенте Главного магистрата сказано: «...каждое художество и ремесло свои особливые... цехи имеет»[5]. Более всего под понятие «художество» подпадает деятельность токаря Петра Андрея Нартова с его станками.

---

[3] Цит. по: *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий. Сб. статей под ред. д. и. н. А. И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 307.

[4] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. С. 139.

[5] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VI. Стб. 295.

Однако, в конечном счете, Пётр принял за основу то разделение наук, которое было предложено в проекте создания Академии в виде трех отделений — «классов», причем согласился на включение в число изучаемых наук гуманитарных дисциплин, чего ранее при перечне наук, «художеств» и «мастерств» не было:

1) науки математические (арифметика, алгебра, геометрия, астрономия, география, навигация и механика);

2) физика теоретическая и экспериментальная, анатомия, химия и ботаника);

3) «гуманиора»: элоквенция, студиум антиквитатис, история древняя и нынешняя, право натуры и публичное купно с политикою и этикою (ндравоучением)[6].

У Петра было ясное представление и об ученом — фигуре, неведомой ранее в России. Пётр считал, что ученый должен заниматься «точными исследованиями всякого рода и присылкой куриозитетов, находимых в государстве, и новыми открытиями»[7]. Это вполне укладывается в современное понятие науки как «деятельности, направленной на выявление и систематизацию объективных знаний о природе». Естественно, над всем царила мысль о прямом и непосредственном использовании науки на практике. В 1717 г. в Парижской королевской академии наук, произведшей сильнейшее влияние на Петра, академики демонстрировали царю: де Лафей — модель водоподъемной машины, Андре Далем — новый домкрат, де Камю — модель механической кареты, а химик Луи Лемери показывал химические опыты. Известно, что и сам великий сэр Исаак Ньютон перечеканил по новой методе все монеты королевства, будучи смотрителем Лондонского монетного двора.

Важно, что, в отличие от европейского научного сообщества, Пётр видел неразрывную связь науки и образования как одну из прагматических целей использования науки в России. По такой модели и была создана Академия наук. Пётр отчетливо понимал, что мало привести в страну приборы и книги, пригласить иностранных ученых, что наука — капризный, нежный цветок, который растет только на специально подготовленной почве. Пётр сделал все, чтобы возник и утолстился гумус научной культуры. Затеяв взрастить этот цветок в России, Пётр совершил настоящий культуртрегерский подвиг, масштаба которому трудно найти в мировой истории. Нет смысла перечислять все, что сделал Пётр для внедре-

---

[6] *Андреев А. И.* Указ. соч. С. 315.

[7] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 44.

ния просвещения и науки в России, начиная с создания учебных заведений разного профиля, приглашения специалистов-иностранцев, закладки инфраструктуры науки в виде кунсткамеры, библиотеки, инструментальных и иных мастерских, и кончая реформой алфавита, переводом и изданием множества книг, внедрением в русский язык нескольких тысяч неведомых в России терминов и понятий, без которых не существует язык науки.

И, конечно, он думал о людях, о русских людях, которые должны были быстро, как некогда он, выучиться у приглашенных иностранных ученых и дальше развивать науки в России, так, чтобы сложились традиции, возникла инерция развития науки, потребность общества в науке, чтобы образовалось сословие талантливых ученых. В этом смысле явление Ломоносова стало блестящим результатом эксперимента, поставленного Петром по внедрению науки в России. Разве не о нем писал от имени Петра доктор Арескин в Парижскую академию в 1717 г. (в тот момент Ломоносову было 6 лет): «Его величество совершенно разделяет ваше мнение о значении в науке не столько знатности, сколько гения, таланта и способности их использования»[8].

Пётр создал науку исключительно для нужд государства, в виде государственного учреждения. Иначе быть не могло. В стране, где не было университетов, самоуправляющихся городов с Магдебургским правом, банков, спонсоров, традиций систематического, особенно естественно-технического, образования, государство было, оставалось (и до сих пор является) единственным организатором и финансистом науки. Эта роль его в деле просвещения вполне укладывалась в популярную тогда концепцию полицейского государства, в представление о том, что государство — единственная форма организации общества, универсальный институт поддержания цивилизованной жизни в стране. Создав «государственную науку», Пётр сделал ее жестко зависимой от власти в административном, финансовом и идеологическом отношении. При всех очевидных успехах наука в России хронически болела теми же болезнями, что и государство. Ученые с тех пор воспринимались как чиновники довольно низкого ранга, они порой были унизительно зависимы от того, «куда подует самовластье» (Пушкин). И с тех пор мало что изменилось. Сообщество ученых вполне бесправно и ныне. Это плата за право и возможность заниматься любимым делом, но это и плата за неспособность людей науки к творческой

[8] *Княжецкая Е. А.* Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 264.

самоорганизации, за неумение отстаивать свои права. Неудивительно, что в этой атмосфере увял и засох запланированный Петром в рамках проекта создания Академии наук Академический университет. Дело в том, что по своей природе университет не может быть государственной конторой, он умирает без академической свободы, истинного самоуправления и независимости от власти. Но не так все в России...

Все это не принижает великого свершения Петра. Верный оптимистическому сценарию для России, он верил в будущее науки в России. В 1724 г. в ответ на сомнения В. Н. Татищева, вопрошавшего, зачем создавать академию в стране сплошь неграмотных, Пётр отвечал, что да, он строит водяную мельницу в пустыне, но ваша задача провести к ней канал, дать на ее лопасти воду, то есть создать школы, училища, гимназии. «И хотя плода я не увижу, но оныя в том моем отечеству полезном намерении не ослабеют»[9]. Так и произошло: будем благодарны Петру — основателю науки в России — за его «полезное намерение».

[9] *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 110.

I
РАЗВИТИЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Андрей Викторович Келлер
(Екатеринбург)

Старший научный сотрудник
Уральского федерального университета

Петербургская Академия художеств и наук: 300 лет фундаменту российской науки

Andrei V. Keller

St. Petersburg Academy of Arts and Sciences: The Cornerstone of Russian Science Turns 300

Аннотация: Учреждение Петербургской академии наук вписано в широкий контекст истории появления института современной науки в Западной Европе. Показано, как и почему «художества» в названии новой Академии означали союз «художеств и наук», наук и технологий, определивший один из важных принципов получения научных знаний.
Abstract: This article places the founding of the St. Petersburg Academy of Sciences in the broad context of the history of the emergence of the institution of modern science in Western Europe. It shows how and why “arts” in the name of the new Academy meant the union of “arts and sciences”, sciences and technologies, which determined one of the important principles of scientific knowledge.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, Петр I, «художества и науки», история науки, конвергенция, дивергенция.
Keywords: St. Petersburg Academy of Sciences, Peter the Great, “arts and sciences”, history of science, convergence, divergence.

Искать начало современной науки на шкале времени — занятие трудоемкое и малоперспективное. У науки много отцов, в том числе и у исторической, где первое место оспаривают Геродот и Фукидид. Но интересующий нас дискурс «художеств и наук» возникает еще ранее — в состязании рапсодов Гомера и Гесиода. В то время как Гомер воспел богов и героев-полубогов, Гесиод, «хотя превосходного и почти божественного был разума», напротив, восхвалял в своем дидактическом эпосе «Труды и дни» ремесленника и земледельца и «за всем тем имел своих поносителей»[1]. И не только он, но и царь Панед, отдавший в этом состязании предпочтение последнему лишь потому, что тот повествовал о земледелии и мире, а не только о сражениях и великих героях. Поскольку ремесленники и крестьяне не принадлежали к свободным гражданам, занимавшимся красноречием и политикой, «Панед вошел в греческую пословицу как воплощение слабоумия»[2]. Заниженная социальная оценка труда ремесленников, зафиксированная в трудах Платона и Аристотеля, не жаловавших художников, т. е. ремесленное, техническое знание, закрепила их зависимый статус от представителей двух других видов знания — этического и научного. Аристотель отличал практическое знание (techne) от морального (phronesis) и научного (episteme); практическое техне (ремесло, искусство), служившее первоначалом научного, ставилось на более низкую аксиологическую ступень[3]. Древнегреческий философ называл «низкие ремесла» «низменными науками»[4].

Влияние этой традиции прослеживается вплоть до Средневековья и Ренессанса, когда художества будут отнесены к семи несвободным механическим искусствам, а девять греческих муз, представлявших ученость и искусства, становятся семью свободными искусствами, которые преподавались в европейских уни-

---

[1] Исиода Аскрейскаго творения / С греческаго на российской язык преложенныя Александром Фрязиновским. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1779. XX, 86. С. XVI.

[2] *Гаспаров М.* Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М.: НЛО, 1998. С. 54; *Тахо-Годи А. А.* Древняя Греция // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XVI: «Дор — Евангелическая церковь союза». С. 240–241.

[3] См.: *Schatzberg E.* Technology: Critical History of a Concept. Chicago: University of Chicago Press, 2018. P. 53.

[4] *Аристотель.* Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 176 (Никомахова этика), 333, 354 (Большая этика), 401 (Политика); см.: *Романовский Н.В.* Фронезис в концепции Бента Фливберга // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 17.

верситетах[5]. Этого резкого разделения не произошло в допетровской Руси вследствие отсутствия институционализированной науки. Родственная близость *ремесла*, *искусства*, *художества* и *науки*, находившихся в допетровское время, когда наука существовала в одном семантическом ряду с ремеслом-художеством-искусством, хорошо прослеживается в эволюции смысловой нагрузки от греческого *techne* через латинское *ars* к английским *art* и *science*, немецкому *Kunst* и русским: *ремество*, *хитрец*, *рукохудожий*, *искусный*, *ученый*[6]: «...средневековое ремесло неразрывно связано с искусством. Латинское “ars“, от которого произошли слова современных европейских языков, означающие искусство, в средние века значило скорее “умение“. И если “artes“ делились на “свободные“ <...> и “механические“ <...>, то это не было делением на “низкое ремесло“ и “Высокое Искусство“, но различением умения мыслить и умения делать»[7], что наглядно показывает пример Леонардо да Винчи — одного из последних ученых, умевших сочетать художества и науки. «Даже после того, как постоянный переход из одной области в другую прекратился, термин искусство продолжал применяться к технологии и ремеслам»[8].

Возникает парадоксальная ситуация, когда при социальном отчуждении между учеными и художниками вследствие прекращения практики совмещения наук и искусств в одном исследователе во время и после эпохи Возрождения, с одной стороны, и при возникшем напряжении между учеными-теоретиками и техниками-практиками, с другой стороны, в раннее Новое время происходит сближение «джентльменов»-интеллектуалов, занимающихся свободными искусствами, с рукохудожими, т. е. художниками и ремесленниками, хотя их активное взаимодействие не всегда основано на взаимопонимании и уважении[9]. Типична для того времени предыстория переизобретения телескопа Галилео Галилеем:

---

[5] *Long P. O.* Openness, Secrecy, Authorship: Technical Arts and the Culture of Knowledge from Antiquity to the Renaissance. Johns Hopkins University Press, 2001; *Valleriani M.* From the Quadrivium to Modern Science // Journal of History of Science and Technology. Vol. 16. No. 1. June 2022. P. 121–132.

[6] *Крижанич Ю.* Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича / Открыл, [снабдил примеч.] и изд. П. Бессонов. М.: Тип. Александра Семена, 1859–1860. Ч. 1. 1859. С. 30.

[7] *Харитонович Д. Э.* Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4 т. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. М.: Наука, 1999. С. 121.

[8] *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. С. 209.

[9] *Smith P. H.* The Body of the Artisan: Art and Experience in the Scientific Revolution. University of Chicago Press, 2004. P. 18.

> «... моя осведомленность и достоверное знание, — писал он, — что зрительная труба уже кем-то изготовлена, оказали мне большую помощь, без которой я вряд ли смог бы совершить свое открытие», делая при этом оговорку, «что известие действительно оказало мне помощь, ибо пробудило во мне желание поразмыслить над ним, и что, не будь его, я вряд ли задумался бы над этим; <...>. Ныне доподлинно известно, что голландец, который впервые изобрел зрительную трубу, был *простым* мастером, изготовлявшим *обыкновенные* очки. Перебирая стекла различных сортов, он *случайно* посмотрел сквозь два стекла сразу, одно выпуклое и одно вогнутое, находившиеся на различных расстояниях от глаз. Он заметил возникающий при этом эффект и таким образом открыл инструмент. Я же, побуждаемый упомянутым выше известием, открыл то же самое путем рассуждений, в действительности простых»[10].

Признавая первенство мастера в открытии, Галилей в то же время старается принизить его роль[11]. Концептуальный конфликт ученого и мастера Петер Яних объясняет тем, что наука (естественные науки) появляется там, где сублимируются жизненные практики, сконцентрированные в ремесленных знаниях по преобразованию материи[12]. Лео Маркс назвал отсутствие имен мастеров-ремесленников в традиционной историографии истории науки «семантической пустотой», возникшей в результате интервенции нормативного дискурса «чистой науки», вследствие чего в начале XX в. отсутствовали адекватные понятия для описания не только художеств — ремесел и искусств — в Академии наук, но и машин, технологий и новой индустриальной эры XIX–XX вв. Эта пустота в конечном итоге была заполнена новыми значениями технологии, появившимися между 1900 и серединой 1930-х гг.[13] Примечательно, что 300-летие Российской академии наук отмечается в контексте другого важного

---

[10] *Галилео Галилей.* Пробирных дел мастер / Пер. Ю. А. Данилова. М.: Наука, 1987. С. 81.

[11] S.: *Marx L.* “Technology”: The Emergence of a Hazardous Concept // Social Research. Technology and the Rest of Culture. Fall 1997. Vol. 64, No. 3. P. 965–988.

[12] S.: *Bertucci P., Courcelle O.* Artisanal Knowledge, Expertise, and Patronage in Early Eighteenth-Century Paris: The Société des Arts (1728–36) // Eighteenth-Century Studies. Winter 2015. Vol. 48, No. 2. P. 159–179; *Janich P.* Handwerk und Mundwerk. Über das Herstellen von Wissen. C. H. Beck, München, 2015. 372 S.; *Bertucci P.* Artisanal Enlightenment: Science and the Mechanical Arts in Old Regime France. Yale University Press, 2017; *Valleriani M.* (Ed.). The Structures of Practical Knowledge. Springer, 2017. 491 p.

[13] *Schatzberg E.* Op. cit. P. 10–11, 55, 116–117; *Marx L.* Op. cit.

события — 92-й годовщины учреждения в 1932 г. В. В. Вернадским, осознававшим начало академической истории современной науки как союза «художеств и наук», «Института истории науки и техники»[14].

Согласно предлагаемой автором концепции, рождение современной науки сопровождалось изменением канона наук вследствие неформального, первоначально внеинституционального, сближения в XV–XVI вв. семи свободных искусств с семью несвободными, или механическими, искусствами, что привело к появлению в XVII–XVIII вв. научных дисциплин: физики, химии, астрономии, оптики, механики, инженерных наук и пр.[15] Данный феномен сопровождался конкуренцией и кооперацией ученых, представителей условно «островной» (Великобритания) и «континентальной» (страны европейского субконтинента) науки. Однако попытка эмпиризма и рационализма преодолеть метафизику с помощью математического метода, имеющая ключевое значение для естественных наук и самой математики, не дает удовлетворительного ответа на вопрос о возникновении современной науки, поскольку не только математика, но и механика (ремесленные практики и технологии) играла в этом важную роль.

Очевидное противоречие «долгой научной революции», длительность которой составляет, по мнению некоторых ученых, от 150 до 170 лет, устраняется континуальной (эволюционной) моделью, заключающей в себя события научной жизни от так называемого «осевого времени» VI–V веков до н. э. (К. Ясперс) до сегодняшнего дня. Важным при этом является не только вклад отдельно взятых выдающихся ученых: Коперника, Браге, Кеплера, Галилея, Декарта, Ньютона, Лейбница и др., но и наличие сетей ученых и институтов, создающих необходимую среду, в которой на перекрестке античной статики и средневековой динамики[16] рождается новое знание и современная наука. Сети служат передаче научной мысли и идей, способствуют появлению и распространению новой методологии

---

[14] См.: *Дмитриев А. Н.* Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (Ленинградский период) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. Т. 23, № 1. С. 3–41.

[15] S.: *Long P. O.* Artisan/Practitioners and the Rise of the New Sciences, 1400–1600. Corvallis: Oregon State University Press, 2011. XII + 196 p.

[16] *Марков Б. В.* Своевременная философия // Герье В. И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. С. 772.

и нового знания, с помощью которой оно производится[17]. Представители различных направлений науки (ученые) и отраслей производства (ремесленники) — опытного знания и эксперимента, рационального и аналитического подхода — обращаются заимообразно к практическому и теоретическому знанию, практикам ремесленников и художников для подтверждения опытного знания экспериментом, осуществленным руками элитных мастеров[18].

Говоря о науке петровского времени, необходимо учитывать специфику употребления словосочетания «художества и науки»[19]. До Петра науки как института в России не существовало, хотя и существовали уже первые ученые. Традиционное употребление слова *наука* в одном семантическом ряду с *искусствами*, *ремеслами* и *художествами* было естественным. Поэтому понятно желание Петра, с одной стороны, позиционировать в своем академическом проекте «новую науку» в союзе с художествами, с другой — подчеркнуть с методичной настойчивостью правильное разделение художеств и наук в названии новой академии на науки (теоретические и прикладные) и художества (практические знания — ремесла и классические искусства). В таком контексте этими понятиями активно пользовались все европейские ученые, историографы и их современники: Ж. Б. Кольбер, Ж.-П. Биньон, И. Ньютон, Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, А. К. Нартов, Петр I, М. В. Ломоносов и мн. др. Это определяло особое место мастерских и художественных палат в Академии, на долю которых приходилось изготовление необходимых инструментов, механических устройств и приспособлений, выполнение таких операций, как макетирование, моделирование, масштабирование, прототипирование исследуе-

---

[17] См.: *Beyer-Thoma H.* Netzwerke und Migration. Wanderungen von Gelehrten aus dem evangelischen Franken nach Russland im 18. und frühen 19. Jahrhundert // *Beer M., Dahlmann, D.* (Hg.): Über die trockene Grenze un düber das offene Meer. Binneneuropäische und transatlantische Migrationen im 18. und 19. Jahrhundert., 2004. S. 133–165; *Idem.* Botanische Tafelwerke in Deutschland und in Russland im 18. Jahrhundert. Grundzüge eines Vergleichs // Osteuropa-Institut München. Kurzanalysen und Informationen. Nr. 24. Juli 2005. S. 1–6; *Valleriani M., Vogl M., El-Hajj H., Pham K.* The Network of Early Modern Printers and Its Impact on the Evolution of Scientific Knowledge: Automatic Detection of Awareness Relationships // Histories. November 2022. Vol. 2 (4). P. 466–503.

[18] S.: *Valleriani M.* (Ed.). The Structures of Practical Knowledge. Springer, 2017. 491 p.

[19] См.: *Келлер А. В.* К предыстории появления «художеств» в Петербургской академии наук, 1697–1724 // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13, № 4. С. 33–54.

мых объектов[20]. Вспомним модели арочного моста через Неву механика Императорской академии наук Ивана Петровича Кулибина, построенные с помощью столяров и плотников. Наука нуждалась в их руках, поскольку производилась не только в головах академиков, но и с помощью «умных рук» мастеров печатного дела, специалистов в области металло- и деревообработки, в производстве керамики, стекла, химических веществ, точных инструментов, машин и станков[21].

Гесиод уважительно писал о ремесле: «Самонадеянно скажет иной: “Сколочу-ка телегу!” // Но ведь в телеге-то сотня частей! Иль не знает он, дурень?»[22], по поводу чего Сергей Ястребов заметил, что «молекула любого фермента <...> устроена намного сложнее гесиодовой телеги»[23]. И все же приходиться признать, что в истории нужно «танцевать от печки», т. е. от телеги Гесиода Аскрейского. Анри Бергсон писал: «Мы рождаемся ремесленниками и геометрами, и даже геометры-то только потому, что мы — ремесленники»[24]. И в этом философ прав. Первые идеальные фигуры с незапамятных времен использовали первые каменотесы и камнерезы, строители, художники, скульпторы и архитекторы.

Казалось бы, какое отношение к науке имеют слова Гесиода: «Если к богатству в груди твоей сердце стремится, то делай, // Как говорю я, *свершая работу одну за другою*»[25]? Иными словами, Гесиод показывает, что в ремесле или систематической работе просматривается структура науки логики, проявляющаяся в логической пос-

---

[20] См.: *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.; *Тункина И. В.* «Хранить как величайшую драгоценность»: о приобретении Петром I акварелей Марии Сибиллы Мериан // Secreta Artis. 2018. № 3 (3). С. 76–81; *Анненкова Е. А.* О коллекции рисунков Марии Сибиллы Мериан, приобретенной Петром I (из собрания СПбФ АРАН) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4 (40). С. 267–281.

[21] См.: *Алексеева М. А.* Гравировальная палата (исторический очерк) // Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сб. документов / Сост. М. А. Алексеева и др.; отв. ред. Б. В. Левшин. Л.: Наука, 1985. 293 с.; *Бренева И. В.* История Инструментальной палаты Петербургской Академии наук: (1724–1766); Российская академия наук, Музей М. В. Ломоносова. СПб.: Наука, 1999. 166 с.

[22] Цит. по: *Ястребов С. М.* От атомов к древу. Введение в современную науку о жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 65.

[23] Там же.

[24] *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. А. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Канон-пресс-Ц, 2001. С. 75–76.

[25] Эллинские поэты / Пер. В. В. Вересаева. М.: Художественная литература, 1963. Строки 381–382.

ледовательности операций ремесленника или земледельца. Их труд аккумулировал условия для накопления первых практических знаний, возникновения агломераций поселений, затем первых городов и первых ученых в них. С их историей непосредственно связано понятие «Великой дивергенции», обозначающее развилку, приведшую к экономическому, технологическому и научному лидерству Западной Европы, где труд механиков и других опытных мастеров имел решающее значение[26]. Мы применяем это понятие к истории науки. На этой развилке стоял Петр I, указуя России путь в науку через европейские академии и университеты. Туда устремились молодые люди за знаниями. Следовательно, чтобы понять истинное место и значение Петербургской академии художеств и наук в мировой науке, ее необходимо рассматривать не изолированно, а в контексте европейской и всемирной истории.

В Академии художеств и наук Петр объединил триаду знаний Аристотеля, состоящую из наук, добродетели и технологий, создав для них институциональную основу, подняв тем самым *художества* на уровень науки и добродетели. Впервые в одном институте соединились телесные практики ученых, философов и художников, спрашивающих, что есть истина, добродетель и красота. Интенции Петра можно выразить краткой формулой: «Наука должна служить общему благу с помощью технологий», что соответствует сегодняшней концепции науки как эпистемической добродетели (epistemic virtue)[27].

Заслуга Петра I заключается в институциональном преодолении античной и средневековой традиции социальной сегрегации художеств и наук в системе знаний. Сведя их концептуально и структурно в одном институте Академии, Петр разводит их терминологически, создавая предпосылки для формирования современных наук и технологий. Данная концепция отсылает к запискам Г. В. Лейбница для Петра I по учреждению Академии в России, составлявшимся на протяжении 1697–1716 гг.[28] Его идея введения «художеств

---

[26] S.: *Hoffman P. T.* The Great Divergence: Why Britain Industialised First // Australian Economic History Review. July 2020. Vol. 60, No. 2. P. 126–147, here p. 138–141.

[27] См.: *Montmarquet J.* Epistemic Virtue // Mind. 1987. Vol. 96, No. 384. P. 482–497; *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. М.: НЛО, 2018. 584 с.

[28] См.: *Масса-Эстеве М.* Р. Встречи Петра I и Лейбница в 1711, 1712 и 1716 годах / Пер. с франц. М. Г. Щербины // Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский Дом», 2018. С. 284–285.

и наук» заключалась в создании «особенной влиятельной коллегии», где истинной целью науки объявлялось блаженство людей. Своего рода «супер-министерство», или «сверх-коллегия», оно должно было, по идее Лейбница, управлять не только наукой и образованием, но и экономикой страны в целом, в т. ч. «художник[ами] и ремесленник[ами] с их произведениями»[29].

В связи с этим Академия, согласно замыслу немецкого ученого, должна была служить «не только для дальнейшего развития математических и естественных наук, но и применения их к ремеслам, к мануфактурной деятельности и вообще к улучшению народного благосостояния»[30]. Показательно, что в вопросе финансирования нового института Петр также последовал совету Лейбница привлечь средства, получаемые из «новой балтийской торговли», т. е. «доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга»[31].

В рамках историографической традиции принято трактовать Академию наук как троякое учреждение, состоящее из «академии, университета и гимназии»[32]. Но концепция Петра существенно шире. Следует обратить внимание на восхищенные отзывы Лейбница о человеческих качествах, широких познаниях, проницательном суждении и живости ума царя, усвоившего из общения с ним необходимость дополнить Академию наук практической частью, т. е. «художествами», ответственными за применение результатов научных исследований к ремеслам и мануфактурам[33]. Двояко можно трактовать обучение в Академии наук художествам (Künste) и как обучение искусствам, и как обучение наукам, что характерно для словоупотребления допетровского и отчасти петровского времени. Но в учрежденной Петром Академии художества и науки уже функционально и структурно разведены, что определяло уникальность Петербургской академии в сравнении с ее европейскими образцами. *Художества* присутствовали в художественных и ремесленных

---

[29] *Герье В. И.* Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. С. 650; *Чернозуб С. П.* Лейбниц об Академии наук в России: забыть? игнорировать? осознать? // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 109.

[30] *Герье В. И.* Указ. соч. С. 691, 766.

[31] *Guerrier W.* Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen: eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften. Commissionare der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1873. S. 116; ПСЗ-1. Т. 7. № 4443.

[32] *Герье В. И.* Указ. соч. С. 767.

[33] *Guerrier W.* Op. cit. S. 174, 178.

палатах, *науки* — в ученых департаментах. Соответственно, обучение в Академии осуществлялось двумя путями: через гимназию-университет-академию или в статусе ученика-подмастерья-мастера в художественных палатах при Академии.

Становится очевидным, что материальные практики ремесленников и техников не являются просто приложением, позволившим ученым перевести взгляд от умозрительных идей метафизики к конкретным практикам физики, химии, оптики, механики в лабораториях и мастерских[34]. Это время вошло в историю под именем «научной революции», которую мы называем Великой конвергенцией художеств и наук. На новом качественном уровне запущена череда переплетающихся конвергенций и дивергенций, схождений и расхождений в дисциплинах, методологиях и концептах. Данные понятия устраняют разрывы в истории науки, нормализуя отношения с научными достижениями прошлого. Такое соединение позволяет обосновать возникновение современной науки, в которой сосуществуют и взаимодействуют, согласно классификации академика Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), науки «теоретические и прикладные». Одним из носителей идеи этого движения стал заведующий кафедрами математики и механики Леонард Эйлер, проголосовавший в свое время за сохранение «художеств» в Академии наук. Именно он стал не только одним из основоположников теоретической механики в XVIII в., но и первым российским иностранным членом Американской академии искусств и наук, основанной в 1780 г., через 56 лет после Петербургской академии. Со второй половины XVIII — первой половины XIX в. дивергенция художеств и наук приводит к узкой специализации и дифференциации наук, искусств и ремесел в Академии наук, Академии художеств, Технологическом и Политехническом институтах. Конвергенция отдельных естественных наук с середины XIX в. привела к появлению особых субдисциплин. Сегодня мы вновь переживаем сближение наук.

Иному могло показаться, и таких среди современников Петра было большинство, что институт российской науки, не успев еще родиться, уже заведомо отстал. В Европе начиная с XI века возникают десятки университетов, целая сеть академий. Только в одной

---

[34] См., напр.: *Ченакал В. Л.* Иван Иванович Беляев — русский оптик XVIII века. 1710–1788 гг. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 102 с.; *Боас Холл М.* Наука Ренессанса: триумфальные открытия и достижения естествознания времен Парацельса и Галилея, 1450–1630; [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2014. 349 с.

Италии уже в XVI веке имелось около 500 академий платоновского типа, ко времени правления Петра I — около 1000. Непосредственно после смерти Петра в одном Эдинбурге в течение XVIII в. существовало около 200 интеллектуальных обществ, где происходила институционализация науки — как в частных научных обществах, так и в Эдинбургском королевском обществе. Петр верно почувствовал общий тренд, дав ответ на вызов времени, пойдя по пути максимальной концентрации материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов. Дерзким вызовом стало уже само название Петербургской академии *художеств и наук*, не имевшее аналогов в Европе. Имя, в котором символически запечатлелась волей государя структура научного знания Нового времени.

Художественные и ремесленные палаты представляли собой научно-производственный комплекс, в котором было занято около половины сотрудников Академии. Здесь существовала инфраструктура для проведения научных экспериментов и производства научного знания, где палаты представляли собой первые прототипы экспериментальных лабораторий. Экспериментальной науке требовались руки элитных мастеров-ремесленников Оптической и Инструментальной палат, для коммуникации и тиражирования научных знаний — Гравировальная и Рисовальная палаты, академическая типография[35]. Сочетание теоретического и практического знания давало несомненное преимущество не только в развитии новых научных методов, но и в развитии технологий и промышленности[36]. Безусловно, Академии не нужны были промышленники, но промышленники нуждались в Академии. Регулярные цеховые ремесла требовали регулярной науки. Необходимость сочетания теории и практики Петр осознал, сравнив цеховые принципы кораблестроения в этой в «мастерской Европы» Голландии с наукой «корабельной архитектуры» в Англии.

Рождение Петербургской академии наук оказалось сложным и мучительным. Преждевременная смерть ее основателя, отсутствие в течение многих лет официально утвержденного Регламента, присутствие в стенах Академии наук Академии художеств при хроническом дефиците финансовых средств являлись источ-

---

[35] *Деар П., Шейпин С.* Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение. 2015. С. 90–116, 350, 412–458.

[36] *Mitcham C.* Science and Technology // Armin Grunwald, Rafaela Hillebrand (Hg.). Handbuch Technikethik. 2., aktualisierte und erweiterte Auflage. J. B. Metzler Verlag, 2021. S. 137–140.

ником ожесточенных споров. И все же — Российская академия не просто состоялась, но заявила о себе в первые же годы уверенно и ярко. Заложив инфраструктуру, необходимую для научного и технологического лидерства[37], Петр, «и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник», дал в руки будущих поколений инструмент для осуществления научно-технической и промышленной революции. Обеспечив связь науки и практики, в перспективе Петр способствовал прорыву российской науки по многим направлениям в естественных и точных науках, что было крайне важно, учитывая смену технологических укладов через все более короткие временные промежутки. Именно этот итог является одним из самых значимых для Российской академии наук, ставшей правопреемницей той «архаичной» Академии художеств и наук. Парадигма развития со временем изменилась, и на ее место пришла «чистая наука», но тогда остается вопрос, смогли бы появиться без «художеств» те технологии и достижения, которые освоила российская фундаментальная и прикладная наука к сегодняшнему дню.

Озвученная модель схождения и расхождения определенных комплексов научного знания на разном качественном уровне помогает, на наш взгляд, объяснить и преодолеть искусственно созданный дуализм «художеств и наук» в истории науки. Его природа лежит в глубоких социальных дисбалансах, берущих свое начало в социальной и экономической сегрегации человеческого социума с древних времен. Преодолением этого дисбаланса является попытка устранения дискурсивной дискриминации в отношении к ремесленникам, механикам, техникам и инженерам в истории науки, роль которых в качественном изменении последней и росте научных знаний в глобальной истории трудно переоценить.

---

[37] См.: *Дэвидс К.* 450 лет лидерства. Технологический расцвет Голландии в XIV–XVIII вв. и что за ним последовало. М.: Альпина Паблишер, 2019. 638 с.

Петр Ашотович Аваков
(Ростов-на-Дону)

Ведущий научный сотрудник
Южного научного центра РАН

Когда и как была учреждена Академия наук в Санкт-Петербурге? (правовой и источниковедческий аспекты)

Pyotr A. Avakov

When and How Was the Academy of Sciences Established in St. Petersburg? (Legal and Source Study Aspects)

Аннотация: Последние полвека основание Академии наук в Санкт-Петербурге принято связывать с неверно квалифицированным указом Правительствующего сената от 28 января 1724 г. о выделении средств на ее содержание. Однако основополагающее значение в данном случае имеет разработанный Л. Л. Блюментростом по поручению Петра I проект положения о «сочинении» академии, на котором император 22 января 1724 г. оставил несколько резолюций, что послужило толчком для воплощения замысла.

Abstract: For the last half century, the foundation of the Academy of Sciences in St. Petersburg has been associated with an incorrectly qualified decree of the Governing Senate dated January 28, 1724 on the allocation of funds for its maintenance. However, the fundamental significance in this case is the one developed by Laurentius Blumentrost, on the instructions of Peter the Great, drafted a regulation on the creation of the academy, on which the Emperor left several resolutions on January 22, 1724, which served as an impetus for the implementation of the plan.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская академия наук, Петр I, исторический юбилей.
Keywords: St. Petersburg Academy of Sciences, Peter the Great, historical anniversary.

Поставленный в названии статьи вопрос отнюдь не риторический, особенно в свете того факта, что при праздновании юбилеев Академии наук начиная с 1776 г. их даты отсчитывали строго от 1725 г. При этом в имперский период юбилеи отмечали с опозданием на год: 50-летие — в 1776 г., 100-летие — в 1826 г. и 150-летие — в 1876 г.[1] Лишь в 1974 г. памятную дату передвинули на год раньше[2], что получило законодательное оформление в связи с празднованием 275-летия Российской академии наук в 1999 г. Тогда указом президента России Б. Н. Ельцина № 717 от 7 июня был установлен День российской науки, приуроченный к 8 февраля (или 28 января по старому стилю) 1724 г., когда якобы была учреждена Академия наук в Санкт-Петербурге.

Изучение истории создания первого научного учреждения России имеет давнюю традицию, над этой проблемой работала целая плеяда выдающихся ученых: Герард Фридрих Миллер, Петр Петрович Пекарский, Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, Александр Игнатьевич Андреев, Юдифь Хаимовна Копелевич и др.[3]

---

[1] Санкт-Петербургские ведомости. 1776. № 105. 30 января. С. [1]; *Павлова Г. Е.* Дореволюционные юбилеи Петербургской академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. № 1. С. 3–11; *Кольцов А. В.* 200-летний юбилей Академии наук // Там же. С. 11–21; *Корзун В. П., Груздинская В. С.* 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 374–392; *Лиманова С. А.* 200-летний юбилей как поворотный этап в истории Российской академии наук // Архив истории науки и техники: Сборник статей. Вып. 7 (16). М., 2023. С. 223–236; «Юбилеи Академии наук торжественно отмечались на всем протяжении истории ее развития»: Историческая справка директора Архива АН СССР Б. В. Лёвшина / Публ. подг. С. А. Лиманова // Исторический архив. 2024. № 1. С. 3–35.

[2] *Комков Г. Д.* 250 лет на службе научного прогресса // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 3–15.

[3] *Миллер Г. Ф.* История Императорской академии наук в Санкт-Петербурге // Г. Ф. Миллер: Избранные труды. М., 2006. С. 481–647; *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: [В 2 т.]. Т. 1. СПб., 1862; *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге: [В 2 т.]. Т. 1. СПб., 1870; *Лаппо-Данилевский А. С.* Петр Великий — основатель Императорской академии наук в С.-Петербурге. СПб., 1914; *Андреев А. И.* Основание Академии

Но некоторые аспекты данной проблемы до сих пор недостаточно изучены. В частности, отсутствует ясность в вопросе, каким именно распорядительным актом и в какой день была учреждена академия.

Прояснить обозначенные вопросы позволяет источниковедческий анализ оригиналов соответствующих делопроизводственных документов, а также не вполне доброкачественных публикаций некоторых из них.

Несмотря на известную вариативность при исчислении возраста Академии наук от юбилея к юбилею, в литературе впервые была названа именно та дата ее основания, которая считается в наши дни официальной. У истоков этой традиции стоит Й. Д. Шумахер, принимавший непосредственное участие в подготовке создания первого научного учреждения в России[4]. В своем «Кратком изъяснении о состоянии Академии наук...» (1741) он писал:

> «Когда Его императорское величество Петр Первый, блаженныя и вечнодостойныя памяти, по собственному мудрому усмотрению, за благо рассудил в своем государстве учредить Академию наук и художеств, то Его величество 28 генваря 1724 года[5] учиненной о Академии прожект совершено потвердить и своеручно подписать изволил»[6].

В фундаментальной монографии Ю. Х. Копелевич, посвященной непосредственно основанию Академии наук, подведен своеобразный итог изучения этой темы отечественными историками. Примечательно, что указ Правительствующего сената от 28 января 1724 г. автор почему-то назвала «указом Сенату»[7]. Налицо по меньшей мере понятийно-терминологическая путаница.

Чтобы разобраться в историографической разноголосице и понять, каким образом и когда именно была учреждена Академия наук в Санкт-Петербурге, следует проанализировать каждый из рас-

---

наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей. М.; Л., 1947. С. 284–333; История Академии наук СССР: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1957. С. 30–36; *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977; *Копелевич Ю. Х.* О дате основания Петербургской Академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 3. С. 153.

[4] См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 48–52; *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. С. 47–52.

[5] Здесь и далее все даты приведены по Юлианскому календарю (старый стиль).

[6] Палаты Санктпетербургской императорской академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб., 1741. С. [6].

[7] *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. С. 79.

порядительных актов и прочих учредительных документов, которые, с точки зрения историков, могли послужить правовым основанием для ее создания. При этом важно обращать внимание на археографическую сторону вопроса, ведь от времени и качества публикации того или иного источника зачастую зависят его последующие атрибуции и интерпретации исследователями.

Итак, первым в этом ряду стоит так называемый именной указ Петра I «о академии ученья языкам»[8] от 20 января 1724 г., впервые опубликованный в «Полном собрании законов Российской империи» около 1830 г.[9] Более качественную публикацию документа в 1945 г. предпринял Н. А. Воскресенский, назвавший его «указом Петра I Сенату о разработке законоположений о...»[10]. При обращении к архивному подлиннику, хранящемуся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), обнаруживается, что это не указ в буквальном смысле, а составленная в канцелярии Правительствующего сената записка под № 22 с перечнем из шести вопросов (без номеров), которые предстоит решить[11] (илл. 1). Был еще седьмой, а по очереди первый пункт «о кирпиче на Котлин», записанный вверху листа, но затем тщательно перечеркнутый. Содержание интересующего нас предпоследнего пункта предельно кратко: «О академии, в которой бы языкам учились, также протчим наукам и знатным художествам, и переводили б книги — назначить место для сего и доход»[12]. Текст документа написан с двух сторон первой половины сложенного вдвое крупноформатного листа писчей бумаги, на обороте второй половины которого сделана заметка: «В 13 день генваря 1724 году. К записке отдано 20-го»[13]. Предыдущий и последующий документы архивного дела тоже датированы 20 декабря[14]. То есть распоряжение о решении этих вопросов в Сенате было отдано 13 января, а 20-го его лишь записали, как верно заметил А. С. Лаппо-Данилевский[15]. Инициатором этого, несомненно, являлся Петр I.

---

[8] Цитата из публикационного заголовка.

[9] ПСЗ. Т. 7. СПб., 1830. № 4427. С. 207.

[10] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники: [В 3 т.]. Т. 1. М.; Л., 1945. № 188. С. 140.

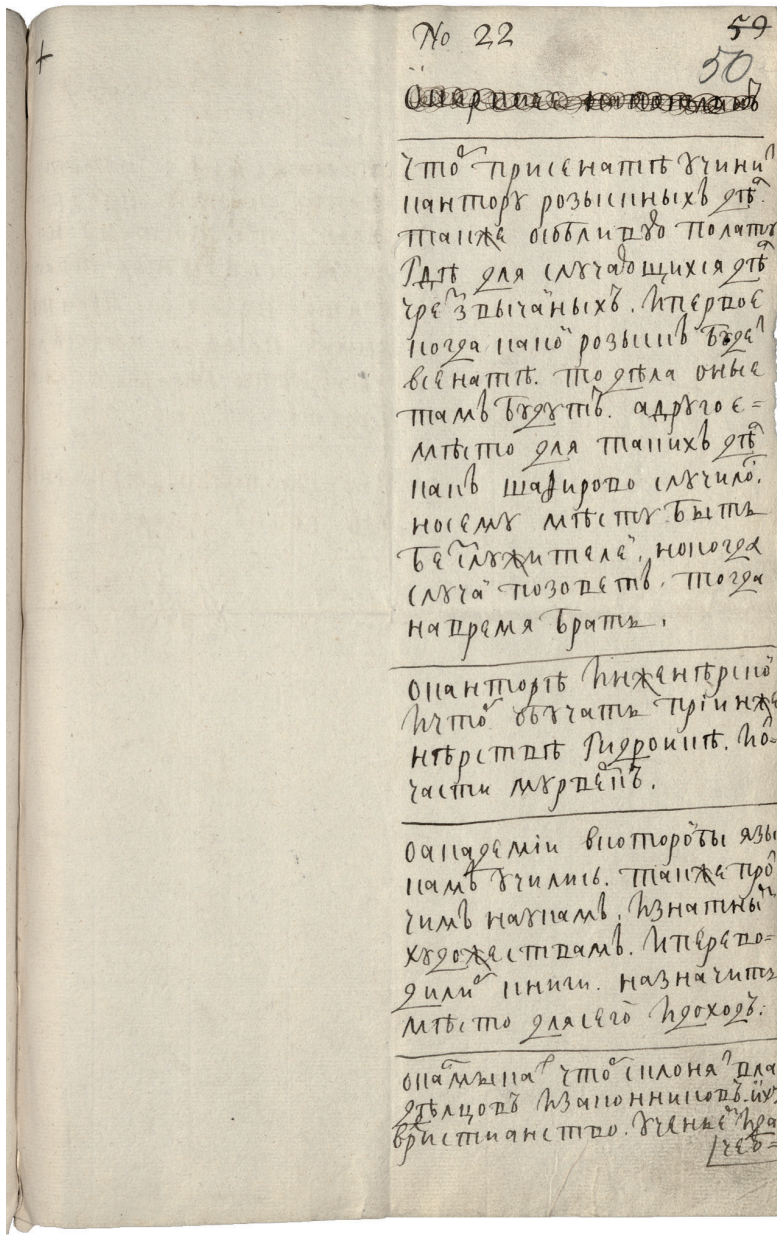
[11] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 50–50 об.

[12] Там же. Л. 50.

[13] Там же. Л. 50а.

[14] Там же. Л. 49, 51.

[15] *Лаппо-Данилевский А. С.* Петр Великий — основатель Императорской Академии наук... С. 38.



№ 22 59 50

[illegible]

что присенатъ учинить
пантоpъ розысканныхъ отъ
такожде обоблиудо полаты
гадъ для случающихся отъ
чрезвычайныхъ. А тепрь
когда какой розыскъ въ сенатъ
всенатъ. то дѣла оные
тамъ будутъ. а другое =
мѣсто для такихъ отъ
какъ шарпрого случило.
ноемъ мѣсту быть
бесѣдителе, ноногда
случай позовется. тогда
на время брать.

О пантоpъ инженерной
что обучать при инже
нерстѣ гидроикъ. по
части мурдеръ.

О академіи высторобы язы
камъ учились. такожде про
чимъ наукамъ. знатные
художествамъ. и тепрь по=
дли инники. назначить
мѣсто для чего доходъ.

О ратушнай что сиона для
дѣлцовъ взагонниковъ. и
христианство. ученые на
чесо=

Илл. 1. Записка с поручениями императора Петра I, сделанная в канцелярии Правительствующего сената 20 января 1724 г. (первая страница). РГАДА

Вполне очевидно, что это его распоряжение не имеет учредительного характера, не связано с разработкой какого-либо законоположения и не может считаться указом о создании Академии наук, поскольку в тексте соответствующего пункта не использовано слово «учинить» или его синонимы, на что обращала внимание Ю. Х. Копелевич. Есть лишь указание Сенату определить помещение и назначить финансы для будущей академии, функции которой «обозначены здесь весьма поверхностно»[16]. Скорее, это декларация о намерении учредить ее. Более того, журнал заседаний Правительствующего сената свидетельствует, что 13 января 1724 г. сенаторы — как с участием Петра I, так и в его отсутствие — не обсуждали вопросы, связанные с учреждением академии[17]. Из этого факта следует, что записка № 22 хотя и фиксирует инициативу монарха и формально может считаться его именным указом, но лишена свойства прямого действия. Кроме того, эта инициатива была облечена в письменную форму в сенатской канцелярии лишь семь дней спустя и доведена до сведения сенаторов не ранее 20 января, что, впрочем, не привело к принятию каких-либо срочных решений.

21 января Петр I подал в Сенат собственноручную записку из шести пунктов (тоже без номеров), которая дошла до нас в копии. Ее пятый, предпоследний, пункт содержит резюме будущего распоряжения «О определении почтовых денег на академию»[18]. Однако указ о создании Академии наук на средства доходов почтового ведомства так и не последовал, поскольку в ближайшие дни император пересмотрел свое решение.

Прямым следствием инициативы от 13 января, как известно, стала подготовка Л. Л. Блюментростом другого документа без названия, впервые опубликованного в «Полном собрании законов...» под заголовком «Проэкт учреждения академии с назначением на содержания оной доходов»[19]. Впоследствии, на протяжении 192 лет, текст источника не раз перепечатывался[20], но еще А. С. Лаппо-Данилевский признал имевшиеся к 1914 г. публикации проекта неудовлетворительными, что спустя 33 года подтвердил

---

[16] *Копелевич Ю. Х.* О дате основания Петербургской Академии наук. С. 153.

[17] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 6 об. — 7 об.

[18] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 53. Л. 571–571 об.

[19] ПСЗ. Т. 7. № 4443. С. 220–224.

[20] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1885. № 21. С. 14–22; Уставы Академии наук СССР. М., 1975. С. 31–39; Уставы Российской Академии наук, 1724–1999. М., 2009. С. 47–56.

и А. И. Андреев[21]. Первая археографическая публикация документа по архивному подлиннику с резолюциями Петра I была предпринята составителями 1-го тома «Истории Академии наук СССР»[22]. На этот раз публикаторы точнее своих предшественников атрибутировали документ и озаглавили его как «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств». В юбилейном 1974 г. директор Архива Академии наук СССР Б. В. Лёвшин еще раз опубликовал проект Л. Л. Блюментроста по подлиннику в журнале «История СССР»[23]. К сожалению, публикатор неверно указал место хранения документа, приведя в ссылке аббревиатуру ЦГИА (Центральный государственный исторический архив СССР), ныне — Российский государственный исторический архив (РГИА). Однако там соответствующее архивное дело хранилось до 8 февраля 1967 г., когда по акту № 1 было передано в Центральный государственный архив древних актов СССР[24] (ЦГАДА, ныне — РГАДА), где находится и по сей день[25]. Недавно источник был частично опубликован в коллективном труде «Петр Великий и основание Петербургской Академии наук», но почему-то по современной оригиналу копии из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, что противоречит археографическим правилам[26].

Император внес в текст документа небольшую стилистическую правку и оставил на полях свои резолюции, что позволяет считать его отчасти распорядительным (илл. 2–3). Всего резолюций пять, и они касаются вопросов штатного состава и финансирования будущей Академии наук, а также организации преподавания в академическом университете и научной аттестации академиков[27]. Принципиальное значение в свете принятия последующих решений имеет последняя резолюция о выделении для содержания академии суммы

---

[21] *Лаппо-Данилевский А. С.* Петр Великий — основатель Императорской Академии наук... С. 40; *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге. С. 311–313.

[22] История Академии наук СССР. Т. 1. Приложение. № 1. С. 429–435.

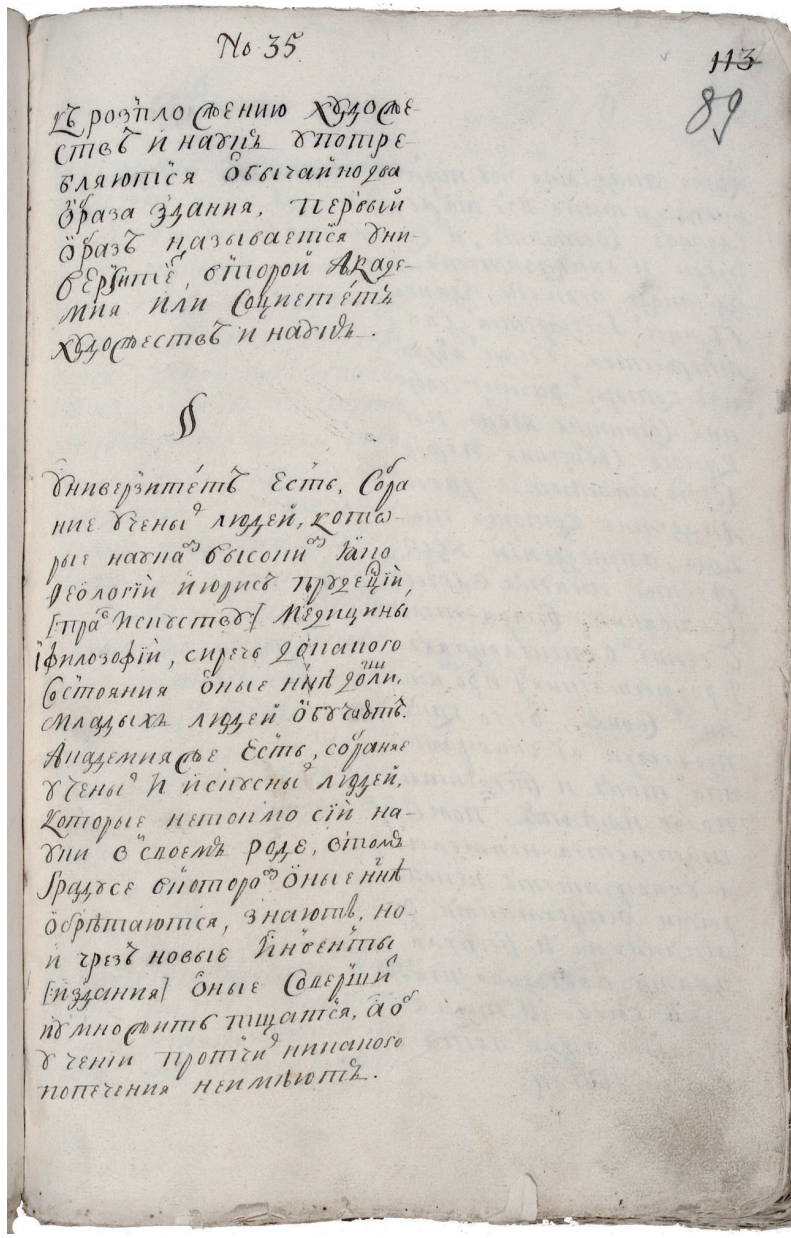
[23] *Лёвшин Б. В.* Начало Академии наук в России // История СССР. 1974. № 2. С. 97–102.

[24] Письмо заместителя директора — главного хранителя фондов РГИА О. М. Амосовой от 10 марта 2020 г. Исх. № 1013. (Личный архив автора.)

[25] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 89–100.

[26] Петр Великий и основание Петербургской Академии наук: Документы и материалы: В 2 ч. / Авт.-сост.: Е. Ю. Басаргина и др.; ред.-сост. Е. Ю. Басаргина; отв. ред. И. В. Тункина. Ч. 1. СПб., 2022. С. 55–57.

[27] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 98 об. — 100; *Лёвшин Б. В.* Начало Академии наук в России. С. 101–102.



№ 35

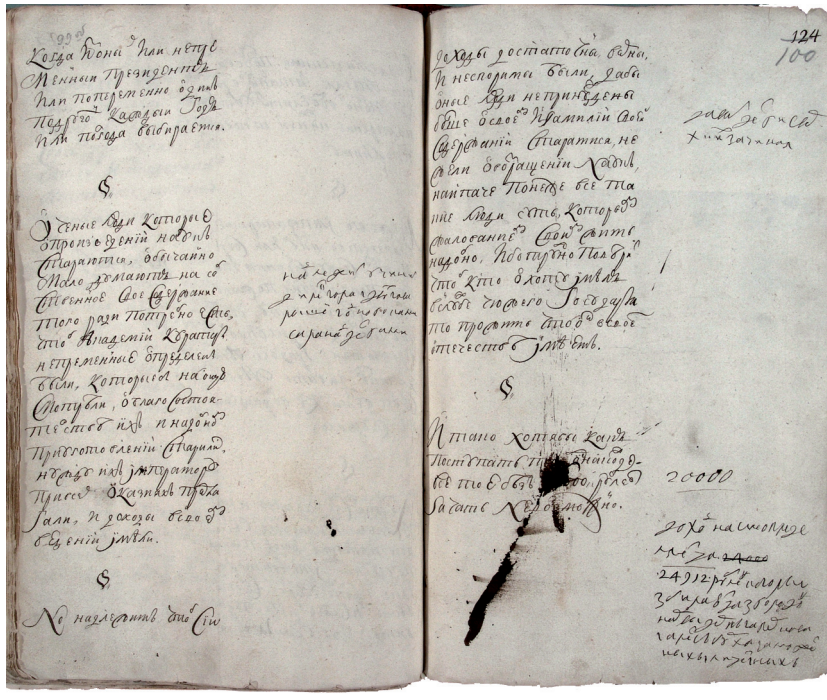
~~113~~ 89

Въ розположению художествъ и наукъ употребляются обычайно два образа здания, первый образъ называется университе, оторой Академия или Сонгететъ художествъ и наукъ.

§

Университетъ есть, собрание ученыхъ людей, которые начнутъ высокои кандеологии и юрисъ прудентии, [тра] исчестоды медицины и философии, сиречь духовного состояния иные или доли, младыхъ людей обучаютъ. Академия же есть, собрание ученыхъ и искусныхъ людей, которые непомимо сии науки в своемъ роде, отомъ градусе оторо иные и не обретаются, знаютъ, но и чрезъ новые инвенты [изобретения] иные совершенно умножить пищатся, а о учении протчи инного попечения неимеютъ.

Илл. 2. Проект положения об учреждении Академии художеств и наук. Между 13 и 22 января 1724 г. (первая страница). РГАДА



Илл. 3. Проект положения об учреждении Академии художеств и наук с резолюциями императора Петра I от 22 января 1724 г. (последние страницы). РГАДА

в размере 24 912 руб. из таможенных и лицентных сборов в четырех городах Санкт-Петербургской и Рижской губерний: Нарве, Дерпте, Пернове и Аренсбурге[28].

22 января проект Л. Л. Блюментроста и все вопросы, связанные с учреждением Академии наук, обсуждались в Правительствующем сенате в присутствии Петра I. А. И. Андреев отметил, что обсуждение продолжалось четыре часа — с 8 до 12, после чего император удалился[29]. Данные сведения нуждаются в уточнении. Указанные четыре часа, согласно неопубликованному сенатскому журналу, длилось все утреннее заседание Сената с участием монарха, и на повестке тогда стоял ряд других вопросов, требующих решения[30].

---

[28] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 100; *Лёвшин Б. В.* Начало Академии наук в России. С. 102.

[29] *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге. С. 318, 320.

[30] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 18 об. — 19.

Также историк процитировал зарегистрированное в журнале распоряжение о выделении для академии подобающего каменного здания[31]: «На академию на первое время занять Шафировской двор, а потом, достроя, дом государынь царевен к тому взять, и к тому ж пристроить, что надлежит, деревянное»[32].

Итогом сенатского совещания и стал выход 28 января 1724 г. того самого указа, с которым историографическая традиция с 1741 г. связывает основание Академии наук. Первая его публикация под названием «О академии и о сумме на содержание оной» состоялась в сборнике указов Петра Великого 1714–1725 гг., вышедшем в 1739 г. и многократно переиздававшимся до 1799 г.[33] Следует отметить, что подготовившие издание сотрудники Академии наук не только довольно точно сформулировали заголовок указа, но и поместили под его текстом археографическое примечание: «Подлинной за подписанием Правительствующаго Сената»[34]. Само собой разумеется, что сенатский указ не может быть именным указом монарха. К сожалению, это не было очевидно кодификаторам II отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, опубликовавшим указ в «Полном собрании законов...» как «именной, объявленный из Сената». Также они неточно передали суть распоряжения в заголовке: «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов...»[35]. Предложенная Г. А. Князевым и А. В. Кольцовым формулировка и вовсе абсурдна: «краткий именной указа Сената»[36].

Делопроизводственный подлинник этого документа, представляющий собой протокол, подписанный четырьмя сенаторами (графами Ф. М. Апраксиным, А. А. Матвеевым, Г. И. Головкиным и князем В. Л. Долгоруковым) и закрепленный обер-секретарем

---

[31] При передаче текста документа А. И. Андреев допустил незначительную ошибку — пропустил вторую букву «н» в слове «деревянное» (*Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге. С. 318).

[32] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 18 об.

[33] Сводный каталог русской книги гражданской печати 1725–1800: [В 5 т.]. Т. 3. М., 1966. С. 259–260.

[34] Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, самодержца всероссийскаго, состоявшияся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число 1725 году; напечатаны по указу всепресветлеишей державнеишей великой государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской. СПб., 1739. С. 28 (разд. паг.).

[35] ПСЗ. Т. 7. № 4443. С. 220.

[36] *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л., 1964. С. 11.

А. А. Масловым и секретарем И. К. Кириловым, сохранился в РГАДА[37] (илл. 4). Впервые текст сенатского протокола по подлиннику целиком процитировал А. И. Андреев, отметивший наличие в нем «подробностей, которые имели значение в последующей истории академии»[38]. Отдельно источник был опубликован директором ЦГАДА М. И. Автократовой в 1974 г. в журнале «Вестник Академии наук Украинской ССР», вместе с факсимильным изображением подлинника[39]. При этом оказалась опущенной дополнительная канцелярская помета на обороте листа: «С вышеписанного протоколу копию взял Копнин генваря 30-го дня»[40] (речь идет о сенатском канцеляристе Иване Копнине). Публикатор определила документ как указ Сената «об основании в России Академии наук»[41]. Однако поскольку журнал выходил в Киеве и на украинском языке, публикация осталась малоизвестной и подавляющее большинство историков продолжают использовать устаревшую публикацию в «Полном собрании законов...», повторяя характеристику документа из его ошибочного заголовка.

При чтении сенатского определения от 28 января нетрудно заметить, что в нем нет прямого распоряжения учредить Академию наук. Речь об этом действительно идет — но в мотивировочной преамбуле, где констатируется, что Петр I «указал учинить академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатным художествам и переводили б книги»[42]. Поэтому 22 января император, «будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той академии проекта, на котором собственною... рукою подписать изволил: на содержание оных определить доходы», собираемые в четырех прибалтийских городах. Далее следует прямое распоряжение, адресованное Камер-коллегии и Штатс-конторе:

> «И по тому его императорского величества указу Правительствующий Сенат приказал оныя доходы собирая, содержать

---

[37] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1923. Л. 98.

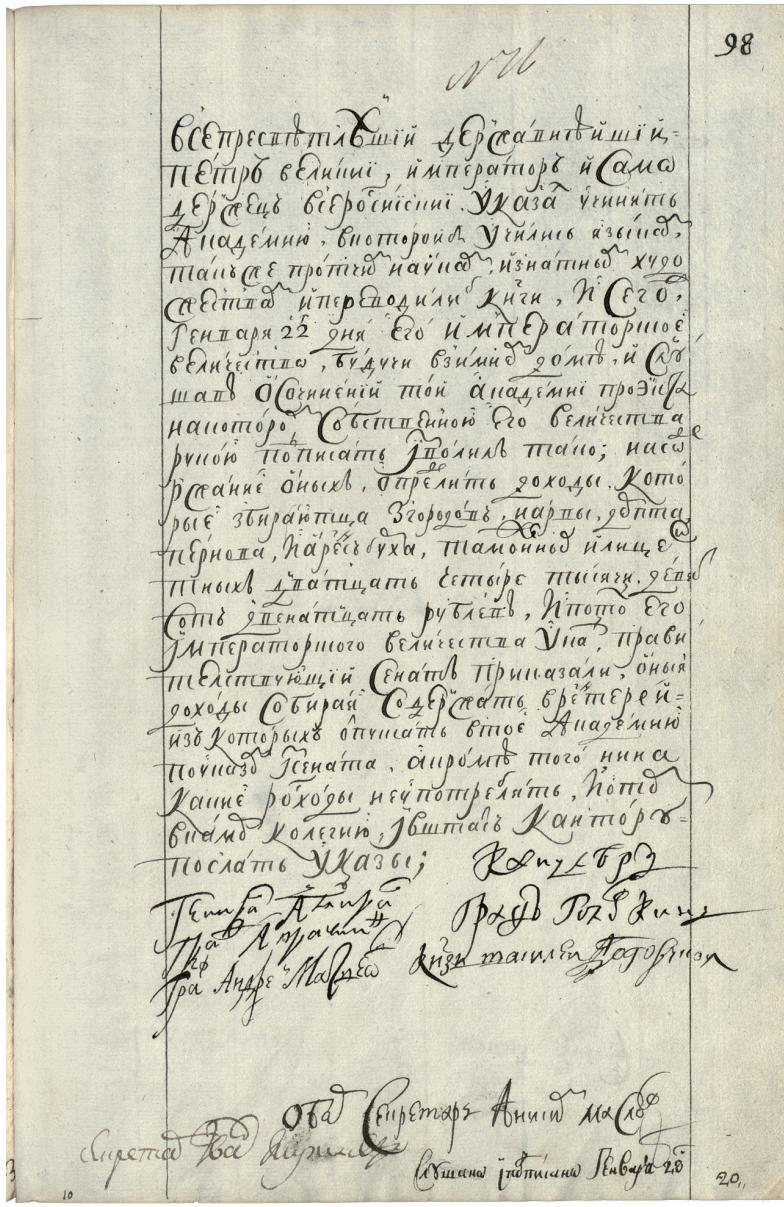
[38] *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге. С. 318–319.

[39] *Автократова М. И.* 250 років тому // Вісник Академії наук Української РСР. 1974. № 3. С. 103–104.

[40] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1923. Л. 98 об.

[41] *Автократова М. И.* 250 років тому. С. 103.

[42] Ю. Х. Копелевич ошибалась, утверждая, что «здесь перед нами уже прямой указ “учинить академию”» (*Копелевич Ю. Х.* О дате основания Петербургской Академии наук. С. 153).



Илл. 4. Определение Правительствующего сената о выделении средств на содержание Академии наук от 28 января 1724 г. РГАДА

в ентереи, из которых отпускать в тое академию по указам из Сената, а кроме того ни на какие росходы не употреблять»[43].

В «Регистере протоколу» Сената за январь 1724 г. суть этого распоряжения передана лаконичной и вполне конкретной записью: «О зборе на содержание академии денег»[44].

Как заметил А. И. Андреев, сенатское постановление от 28 января касалось не всех резолюций Петра I на проекте Л. Л. Блюметроста, а только той, «которая была важна для финансовых коллегий»[45]. Более того, из содержания документа недвусмысленно следует, что причиной выхода распоряжения Сената о целевом финансировании Академии наук являлся указа императора о ее учреждении.

Примечательно, что преамбула сенатского определения от 28 января 1724 г. дословно повторяет текст соответствующего пункта сенатской записки от 20 января, но не содержит информации о том, когда именно Петр I «указал учинить академию». Судя по контексту, это произошло до 22 января. Не исключено, что здесь подразумевается устное распоряжение императора о создании материальной базы будущей академии, отданное 13 января и записанное в Сенате 20 января.

Последним звеном в цепи анализируемых источников является именной указ, изданный в 1725 г. императрицей Екатериной I. В «Полном собрании законов...» он датирован 7 декабря и озаглавлен как данный Сенату именной указ «о “заведении” Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Блюментроста»[46]. Правда, в самом тексте документа слова «завести» и производных от него нет. Кроме того, на сохранившемся в РГИА оригинале документа стоит другая дата: «20 де[нь] ноября 1725 го[да]». Ниже сделана канцелярская помета: «В Сенате получен декабря 7-го дня 1725 г. Записать в книгу»[47]. Получается, публикаторы выдали время объявления именного указа в Сенате за дату его подписания монархиней, состоявшегося на 17 дней раньше. В сборнике документов «Материалы для истории Императорской академии наук» эта ошибка исправлена[48]. Однако в «Истории Академии наук СССР» документ

---

[43] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1923. Л. 98; *Автократова М. И.* 250 років тому. С. 103–104.

[44] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Л. 47 об.

[45] *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге. С. 319.

[46] ПСЗ. Т. 7. № 4807. С. 553–554.

[47] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 29. Л. 131.

[48] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. № 331. С. 158–159.

опять был напечатан с неверной датой — даром что по архивному подлиннику[49]. Б. В. Лёвшин, тоже опубликовавший «указ господам Сенату» по оригиналу, но с правильной датой, ошибочно определил его как копию, хотя на нем видна четкая и разборчивая собственноручная подпись Екатерины I[50]. Новейшая публикация указа в коллективном труде 2022 г. сопровождается цветной фотокопией документа[51].

Указ от 20 ноября 1725 г. имеет подробную мотивировочную часть (илл. 5). Екатерина I как бы напоминает сенаторам, что ее покойный супруг заботился «о обучении народа своего», для чего был

> «намерен учинить Академию наук, о которой и определение в Сенате изволил учинить в прошлом 1724-м году, генваря во 12 де[нь], и собственною своею рукою подписал; а потом профессоров и протчих потребных людей для той академии... указал выписать, которые сюда уже и прибыли»[52].

Здесь не вполне ясно, о каком подписанном Петром I определении от 12 января 1724 г. идет речь. А. С. Лаппо-Данилевский считал эту дату ошибочной — в том числе потому, что в тот день император не посещал Сенат[53]. Этот вывод историка, сделанный на основании изучения «походного журнала» императора 1724 г., подтверждают и данные сенатского журнала[54]. А. С. Лаппо-Данилевского был настолько убежден в своей правоте, что даже позволил себе опрометчивый шаг: при цитировании указа Екатерины I он исправил «неправильную» дату на 13 января. Однако такая датировка противоречит фактам, ведь согласно сенатскому журналу 13 января 1724 г. Петр I обсуждал с сенаторами совсем иные вопросы и не оставлял никаких резолюций на «определении» об академии, поскольку таких решений в тот день не было принято[55] — это произошло как раз 22 января.

Одновременно А. С. Лаппо-Данилевский обратил внимание на служебную «заметку», составитель которой «относит, по-видимому,

---

[49] История Академии наук СССР. Т. 1. Приложение. № 2. С. 435.

[50] *Лёвшин Б.В.* Начало Академии наук в России. С. 107.

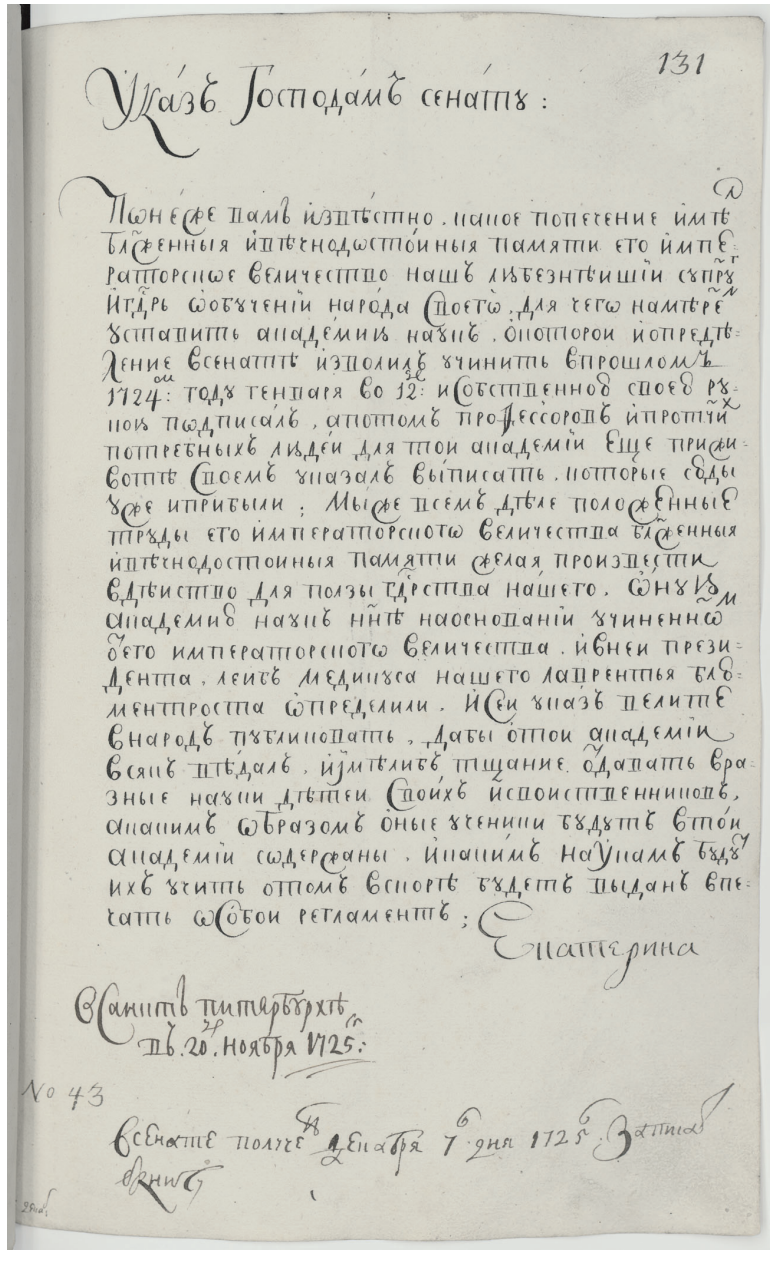
[51] Петр Великий и основание Петербургской Академии наук: Документы и материалы. Ч. 1. С. 60.

[52] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 29. Л. 131; *Лёвшин Б. В.* Начало Академии наук в России. С. 107.

[53] *Лаппо-Данилевский А. С.* Петр Великий — основатель Императорской Академии наук... С. 38–39 (подстрочное примеч.)

[54] РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. Д. 1935. Л. 5 об. — 6.

[55] Там же. Л. 6 об. — 7 об.



131

Указъ Господамъ сенатъ:

Понеже намъ извѣстно, наше попечение имѣ
блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его импе
раторское величество нашъ любезнѣйшій супругъ
и государь о обученіи народа своего, для чего намѣре
ваетъ учинить академиюнаукъ, о которой и предѣ
ление сенатъ изволилъ учинить в прошломъ
1724 году генваря во 12 и собственной своей ру
кою подписалъ, а потомъ профессоровъ и протчихъ
потребныхъ людей для той академіи еще при жи
вотѣ своемъ указалъ выписать, которые суды
уже и прибыли; Мы же всемъ дѣла положенные
труды его императорского величества блаженныя
и вѣчнодостойныя памяти желая произвести
в дѣйство для пользы государства нашего, о нуждѣ
академіи наукъ нынѣ на основаніи учиненномъ
его императорского величества и вновь прези
дента, лейбъ медикуса нашего Лаврентья Блу
ментроста о предѣлили. И сей указъ велитъ
в народъ публиковать, дабы отъ той академіи
всякъ вѣдалъ, и имѣлъ тщание, отдавать ра
зные науки дѣтей своихъ и воистинно,
а нашимъ образомъ оные ученики будутъ в той
академіи содержаны, и нашимъ наукамъ будутъ
их учить отъ времени в скорѣ будетъ выданъ в пе
чать о своемъ регламентѣ;

Екатерина

В Санктъ Питербурхѣ
въ 20. ноября 1725.

No 43

В сенатѣ получено Декабря 7 дня 1725 г. Затѣ
вернуть

Илл. 5. Именной указ императрицы Екатерины I
Правительствующему сенату от 20 ноября 1725 г. РГИА

дату — 12 января — к утверждению проекта»[56]. Содержание первого абзаца этого недатированного документа, лишенного заголовка, следующее:

> «В 1724-м году генваря 12-го дня по опробованному и собственноручно подписанному блаженныя и вечной славы достойныя памяти государем императором Петром Великим о Академии наук проэкту на содержании оной академии определен доход — 24912 рублев, которые збираются з городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга таможенных и лицентных, которые в тое академию и отпускались по асигнациям Статс-канторы»[57].

Историк почему-то умолчал о том, что данная «заметка» представляет собой справку, составленную сенатским секретарем Стефаном Рогачевым для Кабинета императрицы Елизаветы Петровны в конце 1740-х гг. — после выхода ее указа от 24 июля 1747 г.[58], упомянутого в тексте документа, но не ранее 14 декабря 1748 г., когда этот чиновник был переведен на службу из Канцелярии конфискации в Правительствующий сенат[59]. Судя по всему, дату высочайшей апробации проекта С. С. Рогачев позаимствовал из опосредованного источника — ноябрьского указа Екатерины I 1725 г. Поэтому стоит согласиться с мнением, что императрица подразумевала в указе 22 января[60] — день, когда император утвердил в Сенате проект Л. Л. Блюментроста. То есть в текст указа Екатерины I вкралась техническая ошибка — вероятно, из-за описки секретаря, — которая так и осталась неисправленной.

В распорядительной части указа императрица пишет:

> «Мы же в сем деле положенные труды Его императорского величества... желая произвести в действо... оную академию ныне, на основании, учиненном от Его императорского величества, и в ней президента... определили»[61].

---

[56] *Лаппо-Данилевский А. С.* Петр Великий — основатель Императорской Академии наук... С. 39 (подстрочное примеч.).

[57] РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 1.

[58] Там же. Л. 1–1 об.

[59] Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895. С. 447–448, 457–458, 462–463.

[60] Петр Великий и основание Петербургской Академии наук: Документы и материалы. Ч. 1. С. 60.

[61] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 29. Л. 131; *Лёвшин Б. В.* Начало Академии наук в России. С. 107.

Получается, что она завершает дело, начатое покойным мужем, воплощает его планы. Следовательно, ее указ имеет вторичный характер, и квалифицировать его как прямое распоряжение об учреждении Академии наук было бы неверно. Скорее, речь должна идти о ее открытии. Как справедливо отметила Ю. Х. Копелевич, Екатерина I «явно не представляла себя основателем Академии наук»[62]. Правда, Елизавета Петровна считала иначе, что видно из преамбулы ее указа Сенату от 24 июля 1747 г.:

> «...наша родительница, государыня императрица Екатерина Алексеевна, имея матернее попечение о своих подданных и желая все начатые... нашим государем родителем Петром Великим труды к окончанию привести, учредила Академию наук...»[63].

Таким образом, основополагающее значение в данном случае имеет разработанный Л. Л. Блюментростом по поручению Петра I проект о «сочинении» Академии наук, на котором император 22 января 1724 г. оставил несколько уточняющих резолюций, что и послужило толчком для выхода всех последующих распоряжений. Апробация монархом того или иного документа, как известно, приравнивается к изданию распорядительного акта. Было бы странно трактовать сенатское определение о бюджетном финансировании Академии наук, проект создания которой ранее уже утвердил император, как указ о ее учреждении. Само собой разумеется, исполнение подобного указа не входило в компетенцию Камер-коллегии и Штатс-конторы.

Выходит, прав был Й. Д. Шумахер, который констатировал в написанной на исходе 40-х годов XVIII века автобиографии, что «сочиненный» Л. Л. Блюментростом по заданию императора проект — «подлинное начало Санктпетербургской академии»[64]. После того как Петр I представил его Правительствующему сенату, документ «приобрел силу закона», писал Г. Ф. Миллер[65].

Однако в результате целой цепи недоброкачественных публикаций источников и многократного повторения их превратных трак-

---

[62] *Копелевич Ю. Х.* О дате основания Петербургской Академии наук. С. 155.

[63] История Академии наук СССР. Т. 1. Приложение. № 3. С. 435.

[64] *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. С. 52.

[65] *Миллер Г. Ф.* История Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. С. 491.

товок «день рождения» Российской академии наук, ставший с 1999 г. и Днем российской науки, оказался приуроченным к выходу второстепенного сенатского распоряжения об обеспечении финансирования создаваемого учреждения.

Сергей Алексеевич Мезин
(Саратов)
Заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

Петр I и история

Sergey A. Mezin

Peter I and History

Аннотация: В статье речь идет о первом опыте издания по всемирной истории, осуществленном по указу Петра I: «Введении кратком во всякую историю» И. Копиевского (1699). Автор приходит к заключению, что это учебное пособие по сути не было новаторским и могло лишь незначительно повлиять на историческое сознание молодого царя. Также рассмотрены случаи, когда сам Петр I выступал в роли историка и решал вопрос о «древней» и «новой» России. В исторических взглядах Петра I выявляются начатки дальнейших направлений русской историографии XVIII века.
Abstract: At the beginning of the article, we are talking about the first experience of publishing on world history, carried out by decree of Peter I: "A Brief Introduction to Every History" by I. Kopievsky (1699). The author comes to the conclusion that in fact this textbook was not innovative and could only slightly influence the historical consciousness of the young tsar. Next, we consider cases when Peter I himself acted as a historian and resolved the issue of "ancient" and "new" Russia. The historical views of Peter I reveal the beginnings of further trends in Russian historiography of the XVIII century.

Ключевые слова: Петр I, историография, И. Копиевский, Я. Тесинг.
Keywords: Peter I, historiography, I. Kopievsky, J. Thessing.

В отделе редких книг Научной библиотеки Саратовского университета хранится уникальный, не учтенный в библиографических указателях экземпляр книги Ильи Федоровича Копиевского «Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное»[1], напечатанной в Амстердаме, в типографии Яна Тесинга 10 апреля 1699 г. Отличительным признаком этого экземпляра является наличие на последней странице и собственноручной подписи Я.Тесинга, и его сургучной печати, которая, к сожалению, дошла до нас в осыпавшемся виде (в других случаях оригинальность удостоверялась либо подписью, либо печатью). До сих пор было учтено 11 экземпляров этого издания в России и 9 — за рубежом[2]. Книга является первой в серии учебных пособий, составленных И. Копиевским и напечатанных в типографии Я. Тесинга в соответствии с привилегией, предоставленной ему царем Петром Алексеевичем во время пребывания Великого посольства в Амстердаме[3].

Известный специалист по истории книги Татьяна Александровна Быкова отмечала легковесность содержания «Всякой истории», а ее автора характеризовала как компилятора: «Задачи, поставленные перед изданием в предисловии, большие, но все сведения отрывисты, бессистемны, автор пытается охватить такой большой круг вопросов, что в результате книга дает очень мало сведений»[4], «на 69 страницах совершенно бессистемно изложены разные собы-

---

[1] [*Копиевский И. Ф.*] Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное. Сей же есть благородным юношам первейшыи степени, истории и всех премудрых летописцов хотящим читати, читающим совершенно познавати, познавшим благоразумно о всех древних деяниях размышляти, разсуждати и проповедати. Издана же сия книга по указу пресветлейшаго и великаго государя нашего царя, государя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца. Anno 1699. Напечатася в Амстердаме в лето от воплощения Бога Слова [1699] месяца апреля в [10] день в друкарни Ивана Андреева Тесинга.

[2] *Зарецкий Ю. П.* «Всякая история» Ильи Копиевского и ее российские читатели: препринт WP19/2022/01. М., 2022. С. 40. Там же см. перечень работ автора об И. Копиевском и библиографию темы.

[3] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1: (1688–1701). СПб., 1887. С. 328–331.

[4] *Быкова Т. А., Гуревич М. М.*Зарубежные издания с русской тематикой, напечатанные кириллицей в 1689– январе 1725 г. // Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич; ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1958. С. 279; см. также: *Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга // Там же. С. 318–341.

тия древней истории»[5]. В своих новых работах Юрий Петрович Зарецкий оспаривает это мнение. Автор полагает, что учебник Копиевского «положил начало знакомству массового российского читателя с картиной прошлого человечества западноевропейских авторов и “научным” способом ее изложения»[6]. Насколько серьезным и новаторским было содержание «Введения краткого во всякую историю»? Как оно могло повлиять на формирование исторических взглядов молодого царя?

Само длинное — в духе времени — название книги обещает дать прочитавшим ее «благородным юношам» возможность «о всех древних деяниях размышляти, разсуждати и проповедати». Хотя речь идет лишь о пути познания истории, нельзя не заметить в названии «ясно и совершенно списанной» книги элемент рекламы и самовосхваления автора. Эта же тенденция прослеживается и в обращении к читателю, где говорится, что настоящее «введение» может быть «ключом» к последующим книгам — математическим, геометрическим, архитектурным и пр. Здесь же в качестве возможного ученика упоминается девятилетний царевич Алексей Петрович, ради «великой славы» которого написана книга.

Скромное по объему учебное пособие (69 страниц со сбивчивой пагинацией) делится на две «книги». В первой содержится четыре главы: 1) о понятии истории и о видах историописания; 2) о пользе истории; 3) о действии исторических примеров; 4) о разделении истории на церковную и светскую и о разделении последней на всеобщую и частную.

Вторая «книга» в первой главе содержит очень схематичное изложение всемирной истории, которая представлена в виде «синопсиса» — «всея истории» краткого и ясного описания. Все прошлое, в соответствии с Библией, делится на два периода — до и после Потопа. Второй период представлен как смена четырех царств: 1) монархия халдейская, вавилонская и ассирийская, в ней же «вещи» египетские, греческие и римские; 2) монархия персидская, к которой примыкают «деяния греков, римлян, египтян и жидов»; 3) монархия македонская, включающая царствование Александра и его наследников; 4) монархия римская — от Юлия Цезаря до императора Священной Римской империи Фердинанда II. В римскую же эпоху включена и Византийская империя. Никакого «ясного» и разверну-

---

[5] *Быкова Т.* Издания амстердамской типографии Яна Тесинга // Альманах библиофила. Вып. 2. М., 1975. С. 164.

[6] *Зарецкий Ю. П.* Указ. соч. С. 23.

того описания событий И. Копиевский не дает. Он приводит лишь перечень монархов с датами правления. А в качестве знаковых событий упоминает гибель в результате землетрясения храма Аполлона в Дельфах, разрушение Иерусалимского храма, взятие Константинополя турками.

Вторая глава второй «книги» возвращает читателя к общим вопросам «летописия», объясняя категории «время», «эпоха», «синхронизм» и давая понятие о разных системах летосчисления. Глава третья дает представление о понятиях географии (океаны, моря, реки, озера, острова, части света, горы и пр.), что у автора называется «вселеннописанием».

Несмотря на стремление автора трактовать понятия и термины, изложение почти нигде не выходит за рамки элементарных знаний, а избрание Потопа в качестве хронологического рубежа всеобщей истории и рассмотрение истории после Потопа в духе библейского же пророчества о четырех монархиях (Дан. 11), указание на «праотца российского» Мосоха является явным анахронизмом и имеет продолжение не в новаторских исторических трудах петровской эпохи, а в псевдорационалистическом трактате «Монархий фисическое разсуждение», приписываемом Д. Кантемиру[7], и в писаниях «новгородского баснословца» П. Н. Крекшина[8]. Следует отдать должное современному исследователю, который разглядел «жемчужные зерна» в этом собрании банальностей и указал на возможные заимствования из трудов западноевропейских авторов XVI–XVII веков. Как полагает Ю. П. Зарецкий, автор «Введения краткого» мог *что-то почерпнуть* (курсив мой. — *С.М.*) в трудах протестантских немецких историков Георга Харна, Иоганна Слейдана, Яна Йонстона, Дэниэля Хартнака. Это лишь догадки, а сам Копиевский указывает на следующие источники информации. В первую очередь, это Библия. Далее следуют произведения античных авторов: сведения по естествознанию почерпнуты из «Физики» Аристотеля, «Учения натурфилософов» Теофраста, «Естественной истории» Плиния Старшего; из сочинений, имеющих отношение к истории, автор упоминает «Илиаду» Гомера, «Политику» Аристотеля, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Историю Рима» Тита Ливия, некий труд римского юриста Секста Элия, «Историю Алексан-

---

[7] ОР БАН. П. 1 Б. 150 (1.5.78).

[8] См.: *Мезин С. А.* Первый биограф Петра Великого Петр Никифорович Крекшин // Труды государственного Эрмитажа. Т. 43: Петровское время в лицах — 2008: к 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 169–178.

дра Великого Македонского» Квинта Курция Руфа. Как видим, перечень этих сочинений не выходит за рамки средневековой схоластики. Из более поздних авторов называются Филипп де Коммин, а также лютеранский богослов Филипп Меланхтон. Впрочем, в последнем случае автор имеет в виду «Хронику возрастов мира» Иоганна Кариона, написанную по совету Меланхтона и исправленную последним, доведенную до 1532 г., т. е. до времени императора Фердинанда II. В этом сочинении, как и у Копиевского, всемирная история разделена на периоды четырех монархий в соответствии с библейской «Книгой пророка Даниила». Также автором была использована «Хроника» Иоганна Науклера. Не вызывает сомнения знакомство И. Копиевского с «Синопсисом» Иннокентия Гизеля.

Вывод Юрия Петровича Зарецкого о том, что издание И.Копиевского представляло русским читателям новую «западоцентричную» картину прошлого человечества и незнакомый способ связанного авторским замыслом рассказа об истории[9], кажется несколько преувеличенным хотя бы потому, что никакой сколько-нибудь цельной картины прошлого и реализованного авторского замысла истории в книге мы не найдем. Приемы исторического повествования, проповедуемые автором, носят формально-риторический характер.

Какие же реальные идеи мог почерпнуть из «Введения краткого» молодой царь Петр Алексеевич, который, конечно же, не мог не обратить вынимания на первый опыт амстердамского издательского проекта? Книга Копиевского имелась в составе библиотеки Петра I[10].

Едва ли царя, жадно впитывавшего во время Великого посольства достижения западноевропейской цивилизации, могло привлечь высокопарное превознесение исключительных достоинств «славяно-российского народа», который «прославися паче всех народов своим благоразумием». Оно выражается, по мнению автора, в «родоязычии» славян, само имя которых происходит от «славы и дел славных» (в этом он солидарен с «Синопсисом» Иннокентия Гизеля[11]). «Родоязычие» — это распространенность родственных славянских языков почти по всей Европе, благодаря чему даже простые люди «со всеми беседовать удобно могут». К числу понятных языков Копиевский относил не только наречия западных и юж-

---

[9] *Зарецкий Ю. П.* Указ. соч. С. 13.

[10] Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 74.

[11] См.: Синопсис или сокращенная историа собранная от разных Авторов. СПб., 1714. С. 4–5.

ных славян, но и прусский, венгерский, волошский языки, о которых, вероятно, не имел никакого представления. На этом основании автор — поляк протестантского вероисповедания, знакомый с европейскими стереотипами восприятия «московитов», — отрицал «варварство» славянороссийского народа и даже противопоставлял ему «варваров тщеславных» — итальянцев и французов, чей язык распространен лишь «в своей земле»[12]. Одолженный патриотизм Копиевского проявился также в описании особого географического положения России: ее Господь оградил на востоке, на западе и на юге «тремя великими и славными реками», от одного места расходящимися «по образу райскому»: Днепром, Москвой-рекой и Двиной. Из них Москва «паче всех рек прославися» — и именем «Мосоха праотца Российского», и царским престолом. Здесь Копиевский опять повторяет баснословную идею «Синопсиса»: «И тако от мосоха праотца славенороссийскаго, по наследию его, не токмо москва народ великий, но и вся русь или россиа вышереченная произыде»[13]. «Многих великих царств разоренных и памяти не осталось, — провозглашает автор, — над славянороссийским же народом искони сияет благодать вседержителя господа бога нашего, аки над вторым парадизом». Петр I также уподоблял свою землю парадизу (раю), но не всю, а отвоеванный у врага морской берег, на котором основал Санкт-Петербург.

Гораздо ближе и понятнее могли быть царю, среди детских книг которого была рукописная «Александрия» — иллюстрированная история Александра Македонского, рассуждения о пользе истории, отсылающие к словам Цицерона об истории как наставнице жизни. Копиевский характеризует историю как науку, действующую двояко— своей пользой и утешением. Чтение исторических книг увеселяет, утешает и лечит. Монархи набираются государственного опыта из чтения исторических книг: Александра Македонского вдохновляли герои Гомера, на примере Александра воспитывался Юлий Цезарь, а на его книгах учился воевать турецкий султан Сулейман Великолепный. Императора Карла V «к великой славе вознес» пример Людовика XI, описанный в «Мемуарах» Филиппа де Коммина. Два «зело сильных народа» — римляне и немцы — учились, по словам автора, у греков. Римляне взяли у них законы

[12] И. Копиевский, живший в Голландии, где выходили книги и газеты на французском языке, превращавшемся к концу XVII века в язык образованных европейцев, давал явно искаженную картину.

[13] Синопсис. С. 25.

и суды, а немцы последовали примеру спартанцев, сочетая монархическую власть с выборным началом. Учиться следует и на отрицательных примерах: «неправда и мучительство властителей», их беззаконие приводят к разорению царств; из истории познаются причины бунтов. Не исключено, что некоторые из приведенных автором примеров остались в памяти Петра и проявились в его исторических взглядах. Во всяком случае, сам подход, подразумевающий ссылки на поучительные исторические прецеденты, был ему близок.

Позволю себе одно смелое предположение, навеянное историческим примером, приведенным во «Введении кратком» со ссылкой на «Хронику памятных событий» историка-гуманиста Иоганна Науклера (нач. XVI века)[14]. Копиевский сообщает историю

> «о Кондрате кесари Римском, иже облеже Гулиелфа князя Баварского в Винсбергу, и долгое время зело в осаде держа и никакими мерами не хотел миритися, наконец умилостивися на великое прошение некиих бояринь и чесных жен, и повеле им самем изыти из града, ничто же не бера, точию тое, что возмогут понести на собе. Сия же жены взяша на плечи своя князя своего, иныя отцы и матеры и чада своя, и тако идоша из града, неся на собе. Сия же видя, кесарь зело утешен бысть, и всему граду пощадил, и супостату своему вся остави, яже има на него».

Не эта ли история о подвиге женщин, спасших своих мужей, приговоренных к смерти во время осады Вайнсберга в 1140 г., вспомнилась Петру I под стенами осажденного русскими войсками Нотебурга 3 октября 1702 г.? (Позже при личном участии царя эпизод был занесен в «Гисторию Свейской войны»[15]). Жена шведского коменданта от имени всех офицерских жен направила письмо фельдмаршалу, моля его о позволении выйти из крепости из-за бедственного состояния, в котором они оказались. Ответ был написан «от капитана бомбардирской компании Преображенского полка, который тогда на батареях был», т.е. от Петра I. Последний письменно уверил жен шведских офицеров, что фельдмаршал «тем разлучением их опечалить не изволит, а естьли изволят выехать, изволили б и любезных супружников своих вывесть купно с собою». Однако осажденным «сей комплимент» показался досадным,

---

[14] Это едва ли не единственный развернутый исторический эпизод, описанный в книге.

[15] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. / Сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 97.

и они ответили на него «великою стрельбою». Возможно, здесь имеется случай переосмысления вышеприведенного исторического эпизода с переключением его из героико-трагического регистра в смеховой с оттенком мрачного юмора.

***

Учеными давно замечено, что Петр I не раз сам выступал в роли историка. Тема «Петр I как историк своего времени» была впервые заявлена Н. Г. Устряловым, указавшим целый ряд случаев, когда царь выступал как историограф[16]. Этапными в изучении этой темы были работы Сергея Леонидовича Пештича[17] и Татьяны Сергеевны Майковой, которая подготовила научное издание «Гистории Свейской войны» и выделила в ней собственноручный текст царя[18]. В последние десятилетия многие аспекты темы были рассмотрены Еленой Анатольевной Погосян[19] и Михаилом Борисовичем Свердловым[20].

Царь был автором целого ряда исторических записок и сочинений.

В Объявлении к «Уставу Воинскому»[21], изданному в 1716 г., Петр I изложил свой взгляд на историю заведения «регулярного войска». По его мнению, первый опыт преобразования армии относится к середине XVII века:

> «понеже всем есть известно, коим образом отец наш... в 1650 году начал регулярное войско употреблять, и Устав Воинской

---

[16] *Устрялов Н. Г.* Об исторических трудах Петра Великого // Годичный акт в имп. Санктпетербургском университете, бывший 8 февраля 1845 года. СПб., 1845. С. 41–60.

[17] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 74–82, 154–176 и др.

[18] *Майкова Т. С.*: 1) Петр I и «Гистория Свейской войны» // Россия в период реформ ПетраI. М., 1973. С. 103–132; 2) История создания «Гистории Свейской войны» // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 15–45.

[19] *Погосян Е .А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

[20] *Свердлов М. Б.*: 1) Петр Великий и историческая наука // Труды государственного Эрмитажа. Т. 43: Петровское время в лицах — 2008: к 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 213–225; 2) М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 200–216.

[21] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: [В 3 т.]. Т. 1. М.; Л., 1945. С. 51–52.

издан был; и тако войско в таком добром порядке учреждено было, что славныя дела в Польше показаны и едва не все королевство завоевано было».

Петр верно отметил, что именно в 1647 и 1650 гг. в России появились первые руководства по обучению воинскому искусству. Но сын несколько преувеличивал заслуги своего отца в военном деле, т. к. попытки устроить полки «нового строя» делались и до, и после Алексея Михайловича. Петр же подчеркивал, что к началу его правления регулярное войско было «едва не весьма оставлено». Таким образом получалось, что заводить «регулярство» ему пришлось с нуля. Отношение Петра к стрелецкому войску было однозначно отрицательным: «воистинно только пакасники, а не воины были»[22].

Около 1717 г. сам Петр написал заключение к книге П. П. Шафирова о причинах Свейской войны[23]. В нем царь указывал на большие перемены, произошедшие в военно-политическом положении России: «*прежние времена не суть равны нынешним* [курсив мой. — *С.М.*], ибо шведы тогда иначе о нас рассуждали и за слепых имели, как о том славный историк Пуфендорф пишет»[24]. В дополнении к книге Шафирова царь полемизировал с теми, кто готов был пойти на уступки шведам в территориальном вопросе. «Понеже всякая война в настоящее время не может сладости принести, но тягость, того ради многие о той тягости негодуют». Но когда уже принесены большие жертвы, можно ли уступать врагу завоеванные земли и крепости? «И не посмеется ли целый свет, что претерпя уже 17-й год и получа такую славу, паче же безопасность, паки подвергнем себя всегдашнему бедству и вечному стыду без всякой нужды?» Сознание новизны и значимости собственных деяний не раз побуждало царя браться за перо в качестве историка.

Известен факт редактирования Петром I «Родословия великих князей и царей Российских» Феофана Прокоповича[25], напечатанного в 1717 г., хотя содержание правки остается неизвестным.

---

[22] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1: (1688–1701). СПб., 1887. С. 381.

[23] *Шафиров П. П.* Разсуждение какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против Короля Карла 12, Шведского имел... СПб., 1717. С. 72–77.

[24] Речь идет о книге С. Пуфендорфа «Введение в историю Европейскую», которую царь в 1714 г. приказал полностью перевести на русский язык, включая критический отзыв о свойствах русского народа. См.: Введение в гисторию европейскую чрез Самуила Пуфендорфа. СПб., 1718. С. 407–408.

[25] *Моисеева Г. Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1979. С. 37–48; см.: *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого: [В 18 т.]. Т. 11. М., 1794. С. 389.

Примерно к тому же времени (между 1712 и 1718 г.) относится собственноручная записка царя о российском гербе, в которой проводится мысль о том, что императорская власть и герб в виде орла восходят к временам Владимира Мономаха и Ивана Грозного[26].

В «Объявлении» к «Морскому уставу» (1720) Петр афористично определил значение военного флота для государства: «И понеже сие дело необходимо нужное есть государству (по той присловице, что всякий потентент [властитель. — *С.М.*], которой едино войско сухопутное имеет, — одну руку имеет, а которой и флот имеет — обе руки имеет)»[27].

Собственноручное «Предисловие черное» (черновое) к «Морскому уставу» содержало краткий, но выразительный очерк «монархии Российской» от князя Владимира до царя Алексея Михайловича, при котором были предприняты первые попытки строительства кораблей и выхода к морю, а далее следовала изложенная от первого лица история обретения ботика и начального опыта мореплавания царя в Архангельске[28]. Как замечает Н. А. Воскресенский, Петр I «со всей красочностью и конкретностью» обрисовал исторические условия начала и роста русского военно-морского флота[29]. Черновой текст был отредактирован Феофаном Прокоповичем, придавшим ему панегирический литературный характер[30]. В предисловии к «Морскому уставу» Петр также вспоминал о строительстве первого корабля «при блаженной... памяти отца нашего»[31]. Речь идет о корабле «Орел», сожженном затем разинцами. Но настоящую историю флота в России царь начинал с ботика, который потом был назван «дедушкой русского флота». Таким образом, основателем флота Петр считал себя: «и на нас сие бремя воля Всевышнего правителя возложить изволила». В уважительном тоне отсылок к деятельности Алексея Михайловича, которые

---

[26] См.: *Белавенец П. И.* Изменение российского государственного герба в Императорский период: Историческая справка // Вестник Имп. общества ревнителей истории. Пг., 1915. Вып. 2. С. 68–69. Благодарю О.Г.Агееву за указание на этот источник.

[27] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. С. 74.

[28] *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 397–401. См.: *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Под ред. Д. О. Серова. М., 2017. С. 320–327.

[29] *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. С. 330.

[30] Книга Устав Морской. СПб., 1720. С. 1–7.

[31] *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. С. 74.

мы находим в официальных бумагах петровского времени, едва ли можно усмотреть «идею преемственности двух столетий», как полагал С. Л. Пештич. Наоборот, Петр был склонен считать, что военные реформы ему пришлось начинать с чистого листа.

Работа Петра как историка своего времени стала особенно интенсивной в 1720-е гг. Царь был одним из наиболее активных авторов и главным редактором «Гистории Свейской войны»[32], работа над которой началась примерно в 1715 г. и в которой, как заметил еще Устрялов, «все важное, главное принадлежит Петру».

Самостоятельный интерес представляет записка о том, «как историю писать», содержащая план панегирического сочинения (ок. 16 августа 1724 г.). Здесь Петр сформулировал основные подходы к освещению истории его царствования. По мнению императора, следовало отметить: прежнее «неискусство наше во всех делах», особенно в военном; противодействие европейских государств в деле овладения русскими военным искусством; «внутренние замешания», в том числе дело царевича Алексея; преобладание корыстных интересов в политике европейских государств, вопреки которым Россия в ходе войны сумела дойти «до света разума». Это Петр расценивал как «чюдо божие»[33].

Наконец, многие письма Петра наполнены выразительными оценками текущих событий. Царь вполне сознавал, что на его глазах и с его участием творится история, достойная внимания современников и памяти потомков.

Оставляя в стороне конкретные сюжеты истории России в освещении Петра I[34], обратим внимание лишь на то, как он понимали место своего времени в истории, как решал вопрос о «древней» и «новой» России, порожденный петровской эпохой и волновавший умы современников и потомков.

Осознание глубоких внешнеполитических и внутренних перемен было тенденцией официальной идеологии того времени, направляемой самим реформатором. Его ближайшие сподвижники

---

[32] «Гистория» была издана М. М. Щербатовым в основном с учетом правки Петра I под названием «Журнал или поденная записка Петра Великого» (СПб., 1770–1772, ч. 1–2). Научное издание «Гистории» было осуществлено в 2004 г.

[33] РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 1. Д. 63. Л. 649; *Пештич С. Л.* Указ. соч. Ч. 1. С. 158–189.

[34] См.: *Мезин С. А.* «Чтоб то и у потомства их в непрестанной памяти было». Петр I как историк Северной войны // Война, армия и общество в истории дореволюционной России / Под ред. Ю.В. Варфоломеева. Саратов, 2024. С. 35–44.

(Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский, П. П. Шафиров, Г. И. Головкин) рассматривали петровское царствование как полное обновление России, как некий «метаморфозис», сотворенный Петром, как переход «из небытия в бытие». Конечно, эти оценки содержали известную долю лести и преувеличения. Идеологема «творца новой нации» была свойственна и европейским авторам (Фонтенель, Вольтер). Французская исследовательница Ф.-Д. Лиштенан утверждает, что миф о творце новой нации «был русским продуктом». Сам Петр присвоил себе титул «Великий», а дипломаты и путешественники укрепили этот «мираж» в европейском общественном мнении[35]. Однако такое утверждение противоречит фактам. Во-первых, именно французы-современники первыми применили формулу «творения» к русскому царю. Уже в 1716 г. К. Н. Зотов после аудиенции у маршала и вице-адмирала д'Эстре писал царю из Парижа: «...при мне господин марешал назвал ваше величество *творцом российского народа* [здесь и далее курсив мой. — *С.М.*]: что может быть говорено в вашу государеву хвалу лутче сего»[36]. Во-вторых, сам Петр I в 1721 г. несколько иначе интерпретировал эту идею: «...академии и школы *сочиняют новый народ и новый свет*, как мы во многих иных европеиских нациях видим», а образование народа он почитал «единой из главных должностей» правителей[37]. Примечательно, что в качестве средства преображения страны царь рассматривал не только просвещение, но и войну. По его мнению, преобразование войска знаменует переход России от «варварского обычая» к «доброму порядку», который есть признак «регулярного народа». «Воинским делом» русские «от тьмы к свету вышли», считал он. Более того, по мысли царя, Бог дал России войну, а ее успешный исход — это уже результат деятельности Петра и армии[38]. В конечном счете преображение России — это воплощение Божьего промысла.

Предполагало ли осознание Петром новизны своего времени, того, что прежние времена «не суть равны нынешним», негативное

---

[35] *Лиштенан Ф.-Д.* Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи / Пер. с фр. В. А. Бабинцева; под ред. Е. С. Зашихина, С. В. Соколова. М.; Екатеринбург, 2021. С. 514–516.

[36] РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. Д. 27. Л. 96–96 об.

[37] Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: Сб. документов в 3 т. / Сост. Н. А. Воскресенский. Т. 2–3. М., 2020. С. 241.

[38] *Погосян Е. А.* Петр I — архитектор российской истории. С. 262.

отношение к Древней Руси, отрицание ее исторического опыта и значения? В определенной степени да. Есть все основания утверждать, что Петр был невысокого мнения о военной организации, законах, нравах Древней Руси, когда писал о «всегдашнем бедстве и вечном стыде», напоминал о прежнем «неискусстве нашем во всех делах». И все-таки как патриот и прагматик Петр не мог не считаться с национальной историей, с уважением писал о своих предшественниках на троне, указывал на отечественную традицию императорского титула. Древняя Русь не была для Петра I историческим небытием. В публицистических преамбулах к своим законам царь не столько осуждал прошлое и старые обычаи, сколько показывал пользу новых. Как писал В. О. Ключевский, «Петр ополчался не столько против самых обычаев русской старины, сколько против суеверных представлений, с ними соединенных, и упрямства, с каким их отстаивали»[39]. Поэтому важно отметить, что взгляды Петра на Древнюю Русь в целом не были конфликтными. Это особенно заметно при сопоставлении его текстов с тем, что писали о допетровской Руси европейские авторы XVIII века.

Следует иметь в виду, что главной целью исторических писаний Петра I было не решение собственно научных задач, а сохранение и передача будущим поколениям исторической памяти о важнейших событиях эпохи в трактовке самого царя, «дабы чесливыя языки инако не разсеяли и сумнение... не выкинули, бутто б учинено против правды и порядку»[40]. В этих трудах и оценках нельзя не увидеть (вслед за Д. О. Серовым) «стремление руководства страны во главе с Петром I к установлению контроля над духовной жизнью общества, к формированию в нем определяемых верховной властью представлений о собственной истории»[41].

Наконец, можно констатировать, что в исторических взглядах Петра I кроются начатки основных направлений дальнейшей русской историографии. Его забота о подборе источников, о точности передачи фактов военной истории, рационализм в трактовке связи событий найдут продолжение в исторических штудиях академиков XVIII века; данный им очерк «монархии Российской»

---

[39] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 8: Статьи. М., 1990. С. 396.

[40] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10: (январь–декабрь 1710). М.; Л., 1956. С. 114.

[41] *Серов Д. О.* Историографическая деятельность Посольской канцелярии в конце 1710-х — начале 1720-х гг. // Книга в России XI–XX вв. СПб., 2004. Вып. 21. С. 90.

от князя Владимира до царя Алексея Михайловича получит развитие в монархической концепции «Истории Российской» В. Н. Татищева, а использование истории в патриотических и воспитательных целях будет подхвачено и продолжено М. В. Ломоносовым и Екатериной II.

Петр Егорович Сорокин

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН; директор АНО НИИ культурного и природного наследия

Археологические свидетельства об освоении стрелки Васильевского острова в первой половине XVIII века

Petr Ye. Sorokin

Archaeological Evidence of the Development of the Spit of Vasilievsky Island in the First Half of the 18th Century

Аннотация: Стрелка Васильевского острова издревле была одним из наиболее обжитых районов дельты Невы. С 1715 г. Петр Великий планировал размещение здесь городской застройки, а затем — административного и культурного центра новой столицы с правительственным зданием Двенадцати коллегий и научными учреждениями Академии наук. Комплекс разновременных сооружений, выявленных в результате раскопок у здания Двенадцати коллегий, включает: следы деревянной застройки, основание каменного здания для именитых, а также фундаменты Коллегий с крыльцом и примыкающей к ним булыжной мостовой. Археологические исследования, проводившиеся на территории стрелки, стали источником новой информации об освоении этой территории в первой половине XVIII века.
Abstract: The Spit of Vasilievsky Island has been one of the most inhabited areas of the Neva Delta since ancient times. Since 1715 it was planned by Peter the Great to accommodate urban development here, and then the administrative and cultural center of the new capital with the government building of Twelve

colleges and the Academy of Sciences. The complex of multi-temporal structures identified by excavations at the Adients Chamber of the building of the Twelve Colleges includes: traces of wooden buildings of the Menshikov estate, the base of a stone building and the foundations of the Colleges with the front porch and the cobblestone pavement adjacent to them. Archaeological research conducted on the territory of Spit gave new information about its development in St. Petersburg in the first half of the 18 th century, revealing early periods of development.

Ключевые слова: стрелка Васильевского острова, археология Петербурга, Петербург 18 века, здание Двенадцати коллегий.
Keywords: Spit of Vasilievsky Island, archeology of St. Petersburg, St. Petersburg of the 18th century, building of the Twelve colleges.

Стрелка Васильевского острова, с первых лет существования Петербурга входившая в центральную зону градообразования, издревле была одним из наиболее обжитых районов дельты Невы. Согласно Писцовой книге Водской пятины (1500), на Васильевском острове, входившем в состав Никольско-Ижерского погоста Ореховецкого уезда, находились два крупных рыбацких селения: Александровских и Олферьевских ловцов, включавшие соответственно 13 и 15 дворов[1]. Судя по более поздним шведским картам 1640–1701 гг., они располагались на берегу Малой Невы у восточной оконечности острова, которая в это время, в отличие от большей его части, покрытой лесом, была окультурена и использовалась под пашню и сенокосы. На планах петровского времени здесь еще прослеживается сложившаяся ранее поселенческая структура на побережье Малой Невы[2].

Васильевский остров с первых лет строительства Петербурга был передан Петром I Александру Меншикову, который создает в его восточной части свою главную усадьбу. В 1710–1711 гг. были завершены два его дворца — деревянный и каменный, выходившие фасадом на Большую Неву[3]. Территория усадьбы с большим садом продолжалась до Малой Невы, отделяя Стрелку от остальной части острова, покрытой лесом. Она лишь частично включала ранее осво-

[1] Временник общества и древностей Российских. Кн. 11. Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. М., 1851.

[2] *Сорокин П. Е.* Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. 1996. № 1. С. 20–47.

[3] *Андреева Е. А.* Дворец Меншикова на Васильевском острове. (К 300-летию основания) // История Петербурга. 2012. № 1 (65). С. 40–46.

енные земли — до места старого поселения на участке побережья Малой Невы от Таможни до р. Смоленки.

Решение о застройке Васильевского острова было принято Петром Великим в 1715 г. Первый ее проект Доменико Трезини подготовил в том же году, а в начале 1716 г. его утвердил царь (перед отъездом в Европу). Несмотря на появление в 1717 г. нового проекта Петербурга Ж.-Б. Леблона, план Д. Трезини по застройке Васильевского острова, откорректированный автором в 1718 и 1723 гг., продолжал выполняться[4]. Строительство по периметру стрелки предполагалось вести в системе кварталов протяженностью в 60 саженей по берегу Невы. Как отмечал автор описания Петербурга, на Васильевском острове уже в 1716 г. провели разметку участков на местности — «провесили кольями... и в соответствии с приказом о незамедлительном строительстве на этом острове домов и с чертежом... многие уже начали строить». Застройка состояла:

> «из одних деревянных домов в большинстве своем крытых черепицей и лучшего качества чем прежние. Каменные дворцы одних уже действительно готовы, а другие знатные господа... завезли, согласно высочайшему приказу материалы и камень для своих зданий. Знатные господа предпочли самый верхний угол острова и там приказали выделить себе места для застройки в соответствии с чертежом. Для этого несколько из стоявших там ветряных мельниц, пиливших доски уже разобрано и перенесено в другие места»[5].

Строили здесь образцовые «дома для именитых» — каменные двухэтажные «на погребах», выходившие фасадом протяженностью 10–20 саженей к Неве. Внутри периметральной застройки усадеб размещались более простые строения. Судя по плану 1738 г., владельцами усадеб по Малой Неве были: Нарышкины, Лопухины, Демидовы, Голицыны, Строгановы. На самом мысу, напротив крепости, в Неву выдавался большой помост, с Театрумом для фейерверков[6]. На южном берегу, от мыса до Меншиковской усадьбы, планировалось строительство дворца Прасковьи Федоровны, впоследствии переданного под Академию, и других усадеб, отделенных

---

[4] *Иогансен М. В.* Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования. М., 1973. С. 46–48

[5] *Беспятых Ю. Н.* (сост.) Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 114–115.

[6] *Бунин М. С.* Стрелка Васильевского острова. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. С. 45, *Медерский Л.* Васильевский остров. М.; Л., 1958.

от остальной территории с севера заболоченным затапливаемым участком, показанным на большинстве планов XVIII века и гравюрах начала XIX века. В немецком сочинении 1716–1717 гг. (из книги Ф-Х. Вебера «Преображенная Россия»), упоминаются строения по берегу Большой Невы до меншиковской усадьбы:

> «...два близстоящих передних ряда домов будут снесены, чтобы освободить место для тех больших господ и бояр, которые здесь, как выше говорилось, получили участки под застройку. Два же задних ряда построенные хотя и из дерева, но единообразно в голландском стиле, предполагается оставить и по улице будет проведен канал, к чему располагает уже сама низменная и болотистая территория».

Упомянуты в нем и строения на Малой Неве: «...за садом у воды, ниже по течению пока по-прежнему живут княжеские архитекторы, садовники и мастера, но неизвестно, сохранятся ли за ними эти места»[7]. А. Д. Меншиков сообщал царю за границу, что на Васильевском острове строятся по берегу Невы каменные дома. Однако вскоре, согласно принятому Петром Великим в 1718 г. решению разместить на стрелке Васильевского острова административный и культурный центр новой столицы с правительственным зданием Двенадцати коллегий и научными учреждениями: Кунсткамерой, Академией наук и Университетом, концепция застройки была изменена. Для сооружения новых зданий пришлось снести четыре строящихся каменных дома, располагавшихся на берегу Большой Невы[8]. При этом старую застройку предполагалось адаптировать к новому проекту.

Уже в 1718 г. здесь началось строительство Кунсткамеры по проекту Г. И. Маттарнови. Но только в 1723 г. начали бить сваи под здание Коллегий, и ко времени смерти царя были завершены только его фундаменты. Окончательной датой строительства здания Коллегий считается 1732 г., когда в нем по возвращении из Москвы Анны Иоанновны состоялось первое заседание. Помехой строительству у Большой Невы оставался заболоченный участок, в 50 м от ее берега. Канал между Большой и Малой Невой, отделявший стрелку от усадьбы Меншикова, по плану Д. Трезини, был прорыт не полностью, а только на северном участке — с западной стороны Гостиного двора. Перед восточным фасадом Коллегий канал был прорыт только в 1730-х гг. Изображение его имеется на гравюрах

---

[7] *Беспятых Ю. Н.* Указ. соч. С. 116.

[8] *Иогансен М. В.* Работы Доменико Трезини... С. 46–49.

М. Махаева и плане Санкт-Петербурга 1753 г. Во время строительства был повышен уровень поверхности перед зданием Коллегий. По первоначальному проекту первый этаж здания оставался открытой галереей, обеспечивавшей связь между отдельными корпусами и выделявшейся как градостроительный элемент в ансамбле площади. Арки в ризалитах здания, к которым были пристроены деревянные крыльца, служили входами в Коллегии и торговую галерею. В 1763–1771 гг. деревянные крыльца заменили каменными, со спусками на три стороны. В 1834–1837 гг., когда здание перестраивалось под университет, открытая галерея первого этажа и входы в ризалиты, за исключением центрального, были заделаны, а крыльца разобраны за ненадобностью. Тогда же, в 1838 г., вокруг восточного фасада здания был устроен сад, окруженный оградой[9].

Археологические исследования на стрелке Васильевского острова стали первым опытом работ по изучению культурного слоя Петербурга. Молодой сотрудник Кунсткамеры А. Д. Грач, впоследствии ставший известным специалистом по археологии Центральной Азии, в 1952 г. обследовал строительную траншею в Таможенном переулке, собрав «интересный историко-этнографический материал, характеризующий быт различных слоев населения Петербурга». Обнаруженные здесь остатки деревянного строения были определены им как поварня астронома и картографа Ж. Н. Делиля[10], работавшего в Петербургской академии наук с 1726 г. Собранная в контексте постройки коллекция находок — бытовых вещей XVIII–XIX веков — связана частично со временем формирования здесь академического центра Петербурга. Первыми зданиями его стали Кунсткамера и располагавшийся на месте современного Зоологического музея дворец Прасковьи Федоровны, а также деревянные строения, одно из которых, по-видимому, было затронуто работами 1952 г. Несколько проектных чертежей 1730-х гг. по объединению, переустройству и расширению комплекса академических зданий, авторами которых были Д. Трезини, И. Ферстер, К. Ф. Шеслер, К. Оснер, так и не были реализованы[11].

Исследование территории стрелки Васильевского острова как места допетровских поселений в дельте Невы и центра петровского

---

[9] *Грозмани (Иогансен)* М. В. Главное здание Ленинградского ордена Ленина гос. университета им. А. А. Жданова. 1959 г. // Архив КГИОП. Н-1092.

[10] *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Ленинграде: К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л., 1957.

[11] *Бунин М. С.* Указ. соч. С. 46.

Петербурга было начато Санкт-Петербургской археологической экспедицией в 1996 г.[12] В сквере по Тифлисской улице, вблизи проезда между Гостиным двором и Таможней, были зафиксированы два уровня булыжных мостовых. Нижняя, на глубине около 0,55 м, относится к XVIII веку. Учитывая, что мощение участков в Петербурге в это время возлагалось на жителей города, а на городские службы — только вблизи общественных зданий, оно может относиться уже ко времени создания здесь Гостиного двора и Таможни. Ниже мостовой — до глубины 1,85 м от поверхности — залегали слои XVIII века с включениями фрагментов черепицы, печных изразцов с кобальтовой росписью, бутылочного стекла и белоглиняных курительных трубок.

Внутри квартала бывшей Таможни булыжная мостовая также залегала на глубине 0,40 — 0,55 м и перекрывала слой строительных остатков с кирпичом толщиной 4–5 см, времени строительства здесь усадеб Нарышкиных и Лопухиных. Он включал: фрагменты кровельной черепицы, печных изразцов с кобальтовой росписью, обломки белоглиняных курительных трубок, кухонных сероглиняных и поливных сосудов, а также раковины устриц, торговые свинцовые пломбы, фрагменты импортных бутылок с клеймами, одно из них — с изображением короны, пятиконечной звезды и надписью “London”, что объясняется размещением здесь Гостиного двора, Таможни, а позднее — городского порта. Обнаруженные здесь кремневые отщепы не носили следов вторичной обработки и использования[13] и, вероятно, служили привозным сырьем для изготовления ружейных кремней и огнив. Ниже — на глубине 1,55 — 1,60 м — залегал слой древесной щепы, связанный с первоначальной деревянной застройкой этой территории.

Изученный в основании культурных отложений на глубине до 2,05 м слой темно-серой гумусированной супеси с включениями древесного угля (погребенная почва) относится к допетровскому времени. В 50 м от береговой линии Малой Невы она залегает на глубине около 1,3 — 1,8 м, плавно повышаясь на 0,5 м в ее сторону и указывая на существование здесь небольшой прибрежной возвышенности, которую и занимало позднесредневековое поселение. От пл. Сахарова к берегу Большой Невы вдоль здания Коллегий

---

[12] *Сорокин П. Е., Кашаев С. В.* Разведочные археологические исследования на Васильевском острове // Археология Петербурга. 1998. Вып. 2. С. 13–18.

[13] Определение сотрудницы трассологической лаборатории ИИМК РАН М. Н. Прасоловой.

уровень погребенной почвы понижался с 1,85 до 0,50 БС[14]. Учитывая, что современные отметки поверхности в обследованной части Васильевского острова составляют всего около 2,5 — 3,5 БС, в петровское время территория стрелки возвышалась всего на 1,0 — 2,0 м над поверхностью воды и затапливалась даже малыми и средними наводнениями.

Сохранилось несколько упоминаний о найденных у здания Таможни человеческих останках, причем дважды их обнаруживали вместе с кандалами. В 1884 г.

> «при прокладке труб в подземной тунели открыты помещения со сводами, в которых оказалось несколько человеческих скелетов, скованных по рукам и ногам и кругом черепа, железными цепями, а также несколько орудий пыток».

Находка объяснялась существованием в этой местности в царствование императора Петра I «здания секретной канцелярии из которой подземные ходы расходились по всей местности»... История имела продолжение: спустя десять лет, в 1894 г., при прокладке дренажной трубы на глубине около двух аршин «у бывшего второго пакгауза таможни — против Биржевого моста были найдены три черепа, кости, а также ножные кандалы»[15]. Позднее, уже в 2000 г., в районе бывшей Таможни при земляных работах вновь были обнаружены человеческие останки, однако информация о них была получена уже после находки, и они не были обследованы специалистами. Значительное количество разрушенных захоронений в этом районе, видимо, свидетельствует о существовании здесь кладбища — вероятно, допетровского времени. Оно могло использоваться для погребений и в первые годы строительства Петербурга. Что касается кандалов и цепей, привлекших внимание к этой находке, их связь с захоронениями может являться попыткой объяснить необычное для них место захоронения. Хотя с такими атрибутами могли хоронить и каторжан, работавших на строительстве Северной столицы[16].

Обследование в 2009 г. оснований Старого Гостиного двора, примыкавших к зданию Библиотеки Российской академии наук, несмотря на масштабы и очевидную ценность сохранившихся со-

---

[14] Здесь и далее высотные отметки в Балтийской системе высот.

[15] *Сорокин П. Е.* О захоронениях начала XVIII в. в центре Петербурга // Петровское время в лицах — 2005: Материалы конференции. СПб., 2005. С. 206.

[16] Там же. С. 206–207.

оружений, закончилось их полной разборкой[17]. Вскрытые фундаменты были выложены из известковой плиты, а кладки оснований стен — из кирпича. Ширина фундаментов варьировала в пределах 1,85 — 2,25 м. Опиравшиеся на них кирпичные стены, сохранявшиеся на высоту до 1,4 м, до уровня 2,8 — 3,44 БС были шириной около 1,40 м. Погребенную почву мощностью 0,20 — 0,25 м, зафиксированную здесь на достаточно высоком уровне (1,75 — 2,00 БС), перекрывали насыпные перемешанные гумусированные и песчаные слои мощностью до 0,70 — 1,00 м. В слое XVIII века (времен существования Гостиного двора) обнаружены голландские белоглиняные трубки[18].

Раскопки у здания Двенадцати коллегий, проводившиеся Санкт-Петербургской археологической экспедицией в 2000–2002 гг., были наиболее масштабны и результативны. Строительная траншея, связанная с гидроизоляцией фундаментов, проложенная вдоль всего восточного фасада здания протяженностью около 400 м, открыла не только фундаменты на глубину до 2 м, но и основания разобранных крылец XVIII века, что повлекло за собой исследование примыкающей к ним территории. Основной раскоп площадью 396 кв. м (22 х 18 м) располагался перед первым от Большой Невы ризалитом Аудиенц-каморы[19].

Изученный фундамент здания Коллегий сложен в основании из известковых плит на высоту до 0,5 м, а далее на 1,4 м из кирпича. С учетом низменной местности он возводился в основном на поверхности, с частичным заглублением на возвышениях. Исследования показали, что к фундаментам всех двенадцати ризалитов здания примыкали массивные платформы, также сложенные из кирпича на каменных плитах и служившие основаниями крылец. С трех сторон они понижались ступенями по мере удаления от здания на глубину до 1,9 м. Ширина платформ достигает около 6 м, общая протяженность по фасаду около 17 м, а их края до 3,5 м

---

[17] Надзор за санкционированной КГИОП Петербурга разборкой сохранившегося участка сооружений Старого Гостиного двора (ул. Тифлисская, 1) — уникального памятника начала XVIII в., где планировалась пристройка к зданию библиотеки, — велся группой охранной археологии ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьёвой.

[18] *Садыков Т. Р., Гарбуз И. А., Завьялов В. А., Мурашкин А. И., Артюшенко А. А., Соловьёва Н. Ф.* Археологический надзор за ходом строительства на участке Старого Гостиного двора // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. № 1. СПб.: Изд-во ИПК «КОСТА», 2010. С. 55–66.

[19] Нумерация ризалитов здания Двенадцати коллегий в статье ведется со стороны Большой Невы.

выступают за пределы ризалитов. Платформы соединялись с фундаментом здания угловыми и ленточными кладками с арочными завершениями, служившими основаниями крылец.

Примыкавшая к ним булыжная мостовая, частично сохранившаяся на глубине около 1 м, имела плавный уклон к востоку, в сторону канала, на 0,4 м. В основе рисунка мощения были ориентированные вдоль здания большие квадраты 4,2 — 4,6 м, выложенные крупным булыжником. Они делились по диагонали — крест-накрест — на четыре треугольника камнем средних размеров, а их внутреннее пространство выкладывалось более мелким камнем.

Некоторые детали архитектурного оформления здания имеются на рисунках и гравюрах XVIII — начала XIX века. На наиболее раннем их изображении, созданном О. Эллигером в 1730-е гг., крыльца Коллегий просты по конструкции: ширина их соответствует ширине ризалитов, лестничный спуск, огражденный невысокими парапетами, расположен только с фронтальной стороны к каналу, через который в этом месте был перекинут мостик. Мощение на рисунке не показано: возможно, оно появилось позже.

Наиболее подробное изображение Коллегий, мостовой и канала имеется на гравюре 1753 г., выполненной Е. Внуковым по рисунку М. И. Махаева (илл. 1). Здесь отчетливо различима система моще-

Илл. 1. Двенадцать коллегий. 1753 г.
Гравюра Е. Внукова по рисунку М. И. Махаева.

ния в виде квадратов, ограниченных по краям крупным булыжником, а внутри выложенных мелким, однако диагональные линии, выявленные на сохранившейся мостовой, отсутствуют. Верхняя площадка крылец совпадает с шириной ризалитов, а ее внешняя сторона в центре, так же как и ведущие к ней две ступени лестницы, имеют полукруглый выступ, что отличает это изображение от других имеющихся. Подобное оформление характерно для каменных крылец, хотя информация о переделке их в камне относится уже к 1770-м гг. На гравюрах Д. Аткинсона 1801 г. и Анжело Тозелли 1820 г. крыльца здания имеют прямоугольную форму и три ступени. Аналогичные изображения имеются и на строительных чертежах конца XVIII в.[20] Канал перед зданием Коллегий был засыпан в 1770 г., а судя по изображениям начала XIX в., и мостовая уже была перекрыта грунтом.

Продолжение раскопок ниже уровня булыжного мощения, на месте его утраченных участков, открыло еще два более ранних строительных горизонта на этой территории — до возведения здания Коллегий. Выяснилось, что перед первой Коллегией на берегу Невы располагалось большое каменное строение, разобранное до ее строительства. Его северная стена, части которой были исследованы в двух шурфах на протяжении 10 м, продолжалась в восточном направлении, а фундамент западной в 5 м от ризалита оказался перекрыт краем платформы крылец. Более подробному изучению выявленного сооружения препятствовали перекрывавшие его мостовая и платформа. Большие размеры здания подтверждаются конструкцией и размерами его основания. Мощность обнаруженного фундамента из известковой плиты, шириной до 1,56 м и высотой более 0,9 м, а также сохранившейся в высоту на 0,72 м — до восьми рядов кладки основания — кирпичной стены шириной 0,94 м указывают на грандиозность этого сооружения.

Дома, существовавшие на берегу Большой Невы до строительства здания Двенадцати коллегий, показаны схематично только на проектном плане. Однако изображение их имеется на панораме А. Зубова 1717 г., где в этом месте показаны одноэтажные здания с цокольным этажом — «на погребах». На рисунке из альбома Х. Марселиуса начала 1720-х гг. между трехэтажным домом маршалка Соловьева и строящейся Кунсткамерой изображен большой

[20] *Грозмани (Иогансен) М. В.* Главное здание Ленинградского ордена Ленина гос. университета им. А. А. Жданова. 1959 г. // Архив КГИОП. Н-1092. КГИОП Н-1092. 1959: С. 22, 25.С. 22, 25.

каменный дом в два этажа, рядом с которым находятся малые одноэтажные флигели, а на заднем плане различимы небольшие деревянные постройки. Двухэтажный дом, выполненный по типовому проекту «для именитых людей»: с мансардной вальмовой крышей, с семью окнами, обращенными к Неве, на каждом этаже по фасаду — изображен как раз на месте раскопок.

Судя по его местоположению и размерам, именно его фундаменты и были обнаружены перед зданием Коллегий. С руинами каменной постройки, перекрытыми слоем ее разрушения из обломков кирпича и раствора, связаны находки бронзовой шомпольной трубочки от ружья, а также осколки фарфоровой и фаянсовой чашечек с кобальтовой росписью.

Фундаменты каменной постройки прорезали торфянистый слой бурого цвета и были опущены в материковую глину на глубину до 3,06 м, где опирались на валунную кладку. В слое торфянистой супеси обнаружены доски и семь обработанных бревен толщиной до 0,30 м, образующих настил. Одно из них имело характерные врубки — следы использования в срубе. Слой со щепой и берестой включал: многочисленные фрагменты печных муравленых изразцов темно-зеленого цвета, кованые гвозди, фрагменты берестяного короба, белоглиняных курительных трубок, чернолощеных и поливных сосудов, точеное деревянное навершие и кости животных. Найдены также несколько фрагментов кожаной обуви: опорок, детской туфельки, а также фрагмент рукавицы и ножен. В предматериковой прослойке древесины и щепы обнаружены: кованый гвоздь, фрагменты трубки и стеклянного флакона. По ряду признаков изученный слой датируется самым началом XVIII века.

Остатки обнаруженного деревянного сооружения и связанные с ним находки относятся к одной из построек, показанных на плане Лепинаса 1714 г. по дороге от стрелки к усадьбе Меншикова. Результаты археологического исследования стрелки Васильевского острова были использованы для разработки Зоны охраны археологического культурного слоя «Центр Петербурга петровского времени», утвержденной в 2001 г. Одним из результатов раскопок у здания Двенадцати коллегий стала реализация проекта реконструкции участка площади перед Аудиенц-каморой к 300-летию Санкт-Петербурга (илл. 2). Здесь были воссозданы крыльцо и примыкающий участок булыжной мостовой середины XVIII столетия перед входом в Аудиенц-камору[21].

[21] Реконструкция проводилась на основании данных, полученных при археологических раскопках при поддержке КГИОП Петербурга, по проекту

Илл. 2. Реконструкция участка площади перед «Аудиенц-каморой» Двенадцати коллегий.

Археологические исследования продемонстрировали хорошую сохранность отдельных объектов петровского времени и возможности их сохранения и музеефикации в будущем.

архитектора Д. А. Бутырина в 2003 г. Обнаруженные в процессе археологических исследований находки переданы на хранение в музей Санкт-Петербургского государственного университета.

Олег Николаевич Мухин
(Томск)

заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета

«Учиться, учиться и еще раз учиться»: образовательная политика Петра I в свете теории модернизации

Oleg N. Mukhin

"Study, Study and Study Again": The Educational Policy of Peter I in Light of the Theory of Modernization

Аннотация: Предлагается пересмотреть ряд устойчивых критических оценок петровской преобразовательной политики в сфере образования (и шире — культуры). Во-первых, выявляются факторы, способствовавшие проведению указанных преобразований одновременно с реформами в политической и социально-экономической сферах (что идет в определенной мере вразрез с базовыми представлениями о неорганическом типе модернизации). Во-вторых, подвергается критике устойчивое мнение о расколе русской культуры как результате петровских реформ. Указывается, что в аспекте категории *longue durée* речь должна идти о синтезе различных культурных традиций.

Abstract: It is proposed to reconsider a number of persistent critical assessments of Peter the Great's reform policy in the sphere of education (and, more broadly, culture). Firstly, the article points to the factors that contributed to the simultaneity of the above mentioned reforms with reforms in the political and socio-economic spheres (which, to a certain extent, runs

counter to the basic ideas about the inorganic type of modernization). Secondly, it criticizes the persistent opinion about the split in Russian culture as a result of Peter the Great's reforms. It is pointed out that in light of the category of *longue durée,* the discussion should be about the synthesis of various cultural traditions.

Ключевые слова: Петр I, образовательная политика, модернизация, цивилизация, «время большой длительности».
Keywords: Peter I, educational policy, modernization, civilization, la longue durée.

Изучение особенностей проведения Петром I образовательной политики (каковой в историографии уделяется традиционно меньше внимания, нежели другим направлениям петровских реформ) выявляет ряд проблем, требующих особого внимания.

Одна из таких проблем вырисовывается при сравнении петровской практики реформирования в сфере образования (и культуры) с опытом других незападных стран в рамках модернизационной парадигмы[1]. Если мы обратимся к Новому времени, то с очевидностью обнаружим, что в основе преобразований, проводившихся в большинстве незападных стран и ассоциирующихся с «догоняющей» модернизацией, лежит перенятие, чаще всего добровольное, именно основных достижений модернити, которые, при всей многоголосице в их описании, можно охарактеризовать как триаду индустриализации, демократизации и *(целе)рационализации*. Именно эти процессы и связанные с ними явления, независимо от нашего к ним отношения, копировались или вызывали желание копировать их в незападных обществах.

Выглядит это следующим образом. Начинаются преобразования обычно в военной сфере, будучи вызваны внешней угрозой (реальной, как, допустим, в Китае и Османской империи, или гипотетической, как в России). При этом государство стремится, позаимствовав западный опыт в сфере вооружений и технологий, полностью сохранить свои идеологические устои. В дальнейшем, однако, становится очевидно, что для поддержания обороноспособности на должном уровне необходимо развитие промышленности (в первую

[1] Взгляд на реформы Петра как на модернизационные весьма распространен. См., например: *Медушевский А. Н.* Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы. 1990. № 2. С. 79–88; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. Гл. 2; *Нефедов С. А.* Петр I: блеск и нищета модернизации // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 47–73.

очередь в тех отраслях, которые непосредственно обслуживают армию). Однако наладить современное производство, а также обеспечить грамотное руководство армией и флотом невозможно без налаженной системы образования (хотя бы специального), причем именно по западным программам, что рано или поздно приводит-таки к изменениям и в идеологии (и в большинстве случаев к конституционным преобразованиям и/или революциям). С. Н. Гавров квалифицирует такой вариант развития как оборонную модернизацию (подвид модернизации как самовестернизации), в рамках которой «изменение самого общества выступает, скорее, как побочный процесс технико-технологических заимствований»[2].

Петр, как известно, реформы в сфере образования и культуры проводил одновременно с преобразованиями в экономике и армии, что явилось отступлением от типичного порядка, когда первые значительно отстают от вторых по времени. На это обратил внимание С. А. Нефедов, по мнению которого петровские преобразования нарушали логику описанных выше процессов, так как начинались с заимствований «третьей очереди» — в области культуры, не являвшихся, по мысли исследователя, обязательными. Он расценивает это как свидетельство неспособности Петра «отделить второстепенное от главного», порожденной его «юношеским максимализмом»[3]. Таким образом, С. А. Нефедов увязывает особенности преобразовательной деятельности Петра со спецификой его личности, и это совершенно верно; однако объяснения, данного исследователем, недостаточно.

Для начала стоит заметить, что никакого рецепта коренного переустройства государства и общества в распоряжении Петра не было (собственно, его нет и сейчас, и последние десятилетия истории нашей страны — наглядное тому подтверждение)[4]. Каковы основания у С. А. Нефедова критиковать первого императора за «неправильный» порядок проведения преобразований — то, что начал

---

[2] *Гавров С. Н.* Социокультурные процессы модернизации // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2009. Т. III. Вып. 1(3). С. 366.

[3] Там же. С. 56.

[4] Более того, Петр — первый правитель за пределами Европы, кому предстояло заниматься последовательным радикальным реформированием. В дальнейшем многие деятели Востока обращались к его опыту первопроходца. Так, последовательным поклонником Петра был Мухаммед Али Египетский (*Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1966. С. 49); активно изучал деятельность российского самодержца и китайский реформатор Кан Ювей (История Китая. М., 2002.С. 344).

он с перемены платья и бритья бород? Если введение прозападной системы образования действительно является последней, как правило, стадией цикла заимствований[5], то увлечение культурными достижениями и европейской модой нередко предшествовало «серьезным» заимствованиям[6]. Вряд ли самим Петром эти его деяния вообще воспринимались как реформы, однако с годами, интуитивно, он нащупывал единственный перспективный путь модернизации. В разговоре с Лейбницем в 1711 г. он так сформулировал причины своих действий (не только касавшихся изменения внешнего облика подданных): «Нравы образуются привычками, а привычки происходят от обстоятельств. Следовательно, придут обстоятельства, нравы со временем сами собою утвердятся»[7]. Фактически, речь идет о базовых идеях теории установки: попадая в непривычную ситуацию (в данном случае искусственно созданную государем), человек реагирует на нее с помощью «рожденных» здесь и сейчас актуально-моментальных установок; затем те из них, которые окажутся наиболее адекватными этой ситуации, при условии ее многократного воспроизведения, переходят в разряд фиксированных, т. е. психических автоматизмов[8]. Таким образом, если «юношеский максимализм» Петра, о котором пишет С. А. Нефедов, и играл какую-то роль в построении «графика» его реформ, то уж точно не определяющую.

Нарушение «нормального» порядка реформ объясняется рядом факторов. Во-первых, склонностью Петра к, говоря современным

---

[5] При этом отличительной особенностью петровских преобразований являлась тесная «спрессованность» всех стадий, так что достаточно было одной Нарвской «конфузии», чтобы молодой царь осознал необходимость наладить собственное военное производство и отправить волонтеров за границу обучаться военному и морскому делу.

[6] В Османской империи, второй после России незападной стране, столкнувшейся с необходимостью проведения реформ, связанных с модернизационными процессами, так называемая «Эпоха тюльпанов» (1718–1730) (см. об этом периоде: *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 406 и далее) на несколько десятилетий опередила эпоху Селима III (1789–1807), который первым осознанно проводил политику преобразований.

[7] Цит. по: *Кондаков И.В.* «Русский человек» в переходную эпоху: самосознание смуты // Человек между царством и империей. Сб. материалов международной конференции «Человек между царством и империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». Москва, 14–15 ноября 2002 г. М., 2003. С. 110–111.

[8] См.: *Надирашвили Ш. А.* Закономерности формирования и действия установок различных уровней // Бессознательное: природа, функции, методы исследования: В 4 т. Т. 1. Тбилиси, 1978. С. 111–122.

языком, *longlife learning*[9], завязанной в значительной мере на базовом недоверии (в терминологии Э. Эриксона[10]). Это качество психики может направляться не только на окружающих, но и на самого себя. Таким образом Петр, являвшийся настоящим специалистом в самых разных областях, постоянно стремился доказать (не столько окружающим, сколько самому себе) свою личностную состоятельность, дабы выйти из состояния кризиса идентичности. Последний, будучи в норме характерной чертой подросткового периода, у невротиков может (как и было в случае Петра) затянуться (более того, кризисное состояние свойственно, считают психологи, творческим, одаренным людям)[11]. Последователь Э. Эриксона, М. Берзонски, выделяющий «три основных стиля разрешения жизненных проблем», называет такой стиль, характеризующийся направленностью на творческий, авторский поиск построения идентичности, информационным (в отличие от нормативного и размыто-уклоняющегося)[12]. При этом у Петра,

---

[9] «Образование на протяжении всей жизни» — «обучение, продолжительность которого равна продолжительности жизни человека. Обучение в течение жизни предполагает, что людям необходимо продолжать учиться, возобновлять свое обучение в течение всей жизни, и не только посредством информальных (informal) методов, что делает каждый гражданин в любом случае (ежедневное обучение), но и путем неоднократного получения формального (formal) образования, обновления знаний, умений и навыков, присущих уже имеющемуся у человека уровню образования. Наряду с этим, люди также могут принимать участие в неформализованном (non-formal) образовании, проходя обучение вне пределов формального сектора образования: на рабочих местах, общественных центрах, спортивных клубах и др.» (*Зайцева О. В.* Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 7 (85). С. 106). Легко заметить, что положения этой современной концепции адекватно описывают петровский опыт самообразования.

[10] *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 2000. С. 238.

[11] *Эриксон Э.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М., 1996. С. 33–34.

Автору статьи приходилось слышать от ряда исследователей мнение о том, что пристрастие Петра к обучению не требует специального объяснения и/или не может быть объяснено, т. к. является либо некоей личной непросчитываемой особенностью («просто нравилось, и все»), либо нормальной склонностью для человека как такового. Однако, если мы вспомним о важнейшем для историка методологическом принципе историзма, обязывающего нас оценивать те или иные особенности и характеристики процессов и личностей в прошлом с точки зрения «нормального» для социума данной исторической эпохи, то становится очевидно: склонность к расширенному специальному образованию, а также к обучению ремесленным специальностям для отпрыска царского рода в XVII веке требует специального внимания и объяснения.

[12] См. об этом: *Злоказов К. В.* Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 158.

ввиду его невротического характера, этот стиль, который исследователь считает наиболее «нормальным», приобретает гипертрофированные черты.

Во-вторых, значительное влияние оказывала на Петра концепция Монарха-Учителя, являвшаяся частью русской властной традиции. Этот образ базировался на религиозно-политических основаниях и в значительной мере был завязан на авторитарном типе социального характера (в терминологии Э. Фромма), присущего россиянам[13]. В случае Петра эти претензии выражались с особой силой, что было связано с его преобразовательными планами и постулируемой им варварской отсталостью собственного народа. Характерно высказывание, включенное царем-законодателем в указ «О заведении в России фабрик...» от 5 ноября 1723 г.:

> «...Наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел не всель неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел»[14].

Можно проследить вполне явственную связь первого и второго факторов. Для Петра в особенности важно было подчеркивать свой статус наставника — это был один из инструментов самоутверждения царя: он стремился знать и уметь все, и далее транслировать свой опыт «сверху вниз».

Однако, хотя Петр резко и нелицеприятно критиковал россиян за нецивилизованность, ставя в пример Европу, делал он это не с позиции «колонизатора», а с вполне «патриотической», в надежде, что «наши» «вырастут» и научатся, — он же Царь-Учитель!

В-третьих, на Петра, несомненно, повлияло знакомство с европейской культурой и мировоззрением. Дело в том, что в эпоху Нового времени в Европе все более закрепляется рационалистическое восприятие мира, для которого была типичной концепция жизни как учебы, по справедливому замечанию Е. В. Анисимова[15].

---

[13] См. об этом подробнее: *Мухин О. Н.* Петр I — Царь-Учитель (истоки и смысл образа) // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Дни науки — 2012». 27 февраля — 5 марта 2012. Прага, 2012. С. 75–77.

[14] О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вывезенных из других государств, об отпуске их в отечество по миновении сроков по контрактам и об умножении производства пеньки в Великой и Малой России. Именной указ. 5 ноября 1723 г. // ПСЗРИ. Т. 7. № 4345. С. 150.

[15] *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 59.

И, наконец, четвертый фактор — геополитическая и конфессиональная близость России к Европе (сходным образом, как уже упоминалось, в Османской империи интерес к европейской культуре проявился раньше, чем начались последовательные модернизационные преобразования, однако не в той же степени, в т. ч. из-за религиозных различий).

Между прочим, сам С. А. Нефедов указывает одну из важных причин, по которым Петр не мог быть последовательным в своих преобразованиях. Таковым он был бы только в одном случае — если бы попытался перенести в Россию готовый опыт некоей европейской страны, так сказать, в полном комплекте, но, как справедливо указывает исследователь, на деле то, что совершалось при Петре, «это был процесс социального синтеза, в котором внешние заимствования соединяются с традиционными институтами, образуя новое единство»[16]. Вряд ли стоит напоминать, что полное копирование в таком случае попросту невозможно (хотя некоторые сторонники первого издания теории модернизации верили в его осуществимость), но еще важнее то, что Петр и не хотел этого, будучи поистине «великим комбинатором» Нового времени!

Соответственно, как представляется, Петр не занимался европеизацией. Истинная цель «догоняющих» реформ всегда состоит в укреплении существующего порядка с помощью заимствования некоторых практических достижений Запада. Вспомним приписываемое Петру высказывание, очень «петровское»: «Европа нам нужна на несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом». То есть Петр проводил, по сути, «политику самоусиления» (если использовать название реформ в Китае во второй половине XIX столетия[17]), т. е. охранительные реформы в духе «догоняющей» модернизации (но при этом не ставя цели сделать Россию европейской страной[18]).

---

[16] *Нефедов С. А.* Указ. соч. С. 65.

[17] Ср. ключевую идеологему времен реформ в Китае второй половины XIX века: «китайское учение основное, западное учение — прикладное» (История Китая. М., 2002. С. 334). Характерно и само название первой в китайской истории попытки приобщиться к достижениям модернити.

[18] Применительно к реформам образования Н. Г. Юркин отмечает: «Можно говорить о том, что в образовательной политике Петр I выступил продолжателем русских традиций XVII в., а не революционером-новатором, внедряющим западноевропейские стандарты образования» (*Юркин Н. Г.* Профессиональные школы Петра I: новаторство или продолжение традиций? // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 25).

И здесь мы выходим на другую важную проблему. Она связана с результатами культурных и образовательных преобразований Петра, одним из которых принято называть раскол отечественной культуры на элитарную европеизированную и традиционную народную. Однако результаты модернизационных преобразований правильно оценивать только в масштабе *longue durée* (в терминологии Ф. Броделя[19]), и в особенности изменения в мировоззрении и культуре, каковые происходят значительно медленнее и тяжелее, нежели экономические и даже политические. Образовательная политика Петра запустила процессы глобальных изменений в отечественной культуре, которые (вполне в соответствии с логикой так называемой неорганической модернизации) начались с элиты, а далее (уже в XIX — начале XX века) распространились на другие слои общества.

Важнейшую роль здесь сыграла практика обучения русских волонтеров за границей, каковая крайне противоречиво оценивалась как современниками, так и исследователями[20]. Обстоятельный обзор мнений дает в своей работе М. Дж. Окенфусс. Общий мотив критики: наивно и даже глупо надеяться на приобщение к достижениям Европы без последовательного внедрения начал образования в самой России[21].

В целом отправка русских за рубеж в историографии считается провальной (и некоторые современники думали так же). Известный факт: никто из стольников — волонтеров «первого призыва», главной задачей которых было обучение морскому делу, — не стал флотоводцем. Это произошло, как считает М. Дж. Окенфусс, потому что они не получили достаточной подготовки: возможно, курс обучения был слишком кратким, или помешал значительный возраст: П. А. Толстому было 52, его направили послом в Турцию, Ю. Ю. Трубецкому и Д. М. Голицыну — 29 и 32, они стали чиновниками и сенаторами, М. А. Матюшкину — 21, он дослужился до генерала. Нет сведений, чтобы кто-то из «волонтеров» стал постоянным учителем навигации в России.

---

[19] La longue durée — «время большой длительности» (см. об этом: *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142).

[20] Обстоятельный обзор мнений дает в своей работе М. Дж. Окенфусс: *Okenfuss M. J.* Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great. The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973. P. 131–132.

[21] Правда, часть историков с пониманием относились к необходимости в данный конкретный период начала реформ «закрыть брешь», связанную с нехваткой специалистов в конкретных областях (Ibid.).

Но, однако, очевидно, что те, кто обучался за границей, в дальнейшем составили цвет новой управленческой элиты. Дело в том, что приобретенный ими опыт делал их носителями востребованных Петром и эпохой качеств: универсальности, организаторских способностей, умения быстро реагировать на запросы времени и требования государя, а также, что было особенно важно в перспективе, «цивилизованности» (в понимании Н. Элиаса). Потомки именно этих людей (важно отметить, что большинство из них были дворянами) добьются «Жалованной грамоты дворянству», т. е. станут именно дворянской аристократией. Далее, их уровень образованности и культуры, а также в определенной мере и этос станут ориентирами для «среднего класса» и даже — уже в XIX веке — для выходцев из низших сословий[22].

Ряд критических оценок петровской образовательной политики современниками и историками могут быть скорректированы благодаря верному подбору теоретической базы исследования (и, добавим, корректному ее использованию). Так, имеющее место в литературе мнение о «неправильном» (с точки зрения теории модернизации) порядке реформ Петра кажется таковым при игнорировании, во-первых, психологических особенностей царя-реформатора (на это указывает С. А. Нефедов, ограничивающийся, правда, лишь указанием на его юношеский максимализм), и прежде всего базового недоверия, являвшегося одним из основных и определяющих качеств его идентичности; во-вторых, социокультурных особенностей российского властного кода, неотъемлемой состав-

[22] Другой пример, подтверждающий высказанное соображение о необходимости учета временного фактора при оценке петровских усилий по внедрению образования — уже в отношении специализированных учреждений, таких как «цифирные школы», — приводится в статье Л. Е. Васильевой (*Васильева Л. Е.* Петр I и создание концепции «школы службы государству» // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 1. С. 74–78). Исследовательница обращает внимание на сопротивление общества, причем представителей различных слоев, попыткам внедрения специального образования (это было связано с отсутствием соответствующей традиции в допетровскую эпоху и с непониманием задач, поставленных перед страной петровской модернизационной политикой), а также на тот факт, что государство, настаивая на развитии системы образовательных учреждений, не смогло обеспечить это начинание соответствующей финансовой базой, перекладывая этот груз на плечи «общественности». Тем не менее, в итоге Л. Е. Васильева делает вывод: «Возникновение в Петровскую эпоху новых типов школ было важным этапом в организации подготовки государственных служащих и становлении национальной системы образования» (Там же. С. 77).

ной частью которого являлась концепция Монарха-Учителя, в жизни и деятельности первого императора удачно «синтезированная» с европейской концепцией жизни как учебы; и, наконец, геополитической обстановки, которая роднит Россию в этом плане с Османской империей, где также культурные заимствования имели место не позднее, а отчасти и ранее, чем преобразования в иных, более «практических» сферах.

Далее, укоренившиеся в историографии и общественном сознании представления о расколе русской культуры на элитарную прозападную и традиционную народную являются следствием игнорирования категории *longue durée*, в свете применения которой становится очевидно, что петровские преобразования в области культуры, и конкретно образования, способствовали серьезной трансформации всей отечественной культуры, породив обстоятельства, в рамках которых протекал синтез западных и отечественных традиций, результатом которого и явилась современная (если включать в это понятие XIX век) российская культура, для которой не годится дихотомический подход западников и славянофилов.

Александр Леонидович Клейтман
(Москва)

Ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Делопроизводственные источники по начальному этапу истории Школы математических и навигацких наук в архивах Москвы и Санкт-Петербурга

Alexander L. Kleitman

Documents on the Early Stage of the History of the School of Mathematicaland Navigational Sciences in the Archives of Moscow and St. Petersburg

Аннотация: В статье представлен анализ делопроизводственных материалов Оружейной палаты, Адмиралтейского приказа и Адмиралтейской канцелярии, прежде составлявших единый документальный комплекс, а ныне хранящихся в ряде архивов Москвы и Санкт-Петербурга, как источников по истории Школы математических и навигацких наук в 1701–1715 гг.
Abstract: The article analyses the records of the Armoury Chamber, the Admiralty Order and the Admiralty Chancellery, which were a single documentary complex and are now stored in a number of archives in Moscow and St. Petersburg, as sources on the history of the School of Mathematical and Navigational Sciences in 1701–15.

Ключевые слова: Школа математических и навигацких наук, исторический источник, делопроизводственные материалы.
Keywords: School of mathematical and navigational sciences, historical source, office records.

Школа математических и навигацких наук — одно из первых учебных заведений России. Датой ее создания обычно считают 14 января 1701 г., поскольку в этот день Петром I был подписан указ, повелевавший «в Государстве Богосодержимаго храбропремудрейшаго царствования, во избаву же и пользу Православнаго Христианства, быть Математических и Навигацких, то есть, мореходно хитростно наук учению»[1].

История школы неоднократно становилась предметом специальных научных изысканий. Тем не менее, в связи с изменением теоретико-методологических подходов, расширением круга проблем, изучением которых занимается историческая наука, периодически появляются новые работы, посвященные ранее не исследованным аспектам истории Навигацкой школы.

В 2024 г. нами были подготовлены к публикации делопроизводственные источники по истории Навигацкой школы 1702–1705 гг. и 1718 г.[2], отложившиеся в личном фонде профессора Института инженеров путей сообщения Н. П. Дурова в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ), которые раньше оставались мало известными для историков: челобитные с просьбами о зачислении в ряды учеников, подававшиеся в Оружейную палату; делопроизводственные материалы по различным вопросам, связанным с организацией учебного процесса; а также материалы судебных разбирательств, в которых принимали участие школьники в качестве потерпевших или нарушителей общественного порядка.

Схожие по содержанию и также практически не привлекавшие внимания историков документы, содержащие информацию о начальном этапе истории Навигацкой школы, отложились в фондах отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ), архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН) и Российском государственном архиве Военно-Морского флота (далее — РГА ВМФ).

На наш взгляд, документы Навигацкой школы, сохранившиеся в ф. 608 (Собрание И. В. Помяловского) в ОР РНБ[3] и сейчас пере-

---

[1] *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морск. кадетск. корпуса, 1852. С. 119.

[2] *Клейтман А. Л.* Школа математических и навигацких наук в Москве (1701–1705 гг.) / Под ред. С. С. Илизарова. М., 2024.

[3] ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2. Д. 55. Адмиралтейский приказ. Документы к истории школы математико-навигационных наук. 1702–1718 гг. Ряд документов связан с именем Л. Ф. Магницкого. Копии.

плетенные в один том, раньше были частями разных архивных дел. Часть тетрадей этой рукописи имеет такую же фолиацию, выполненную тем же почерком черными чернилами в правом верхнем углу, что и в опубликованных нами документах из фонда Н. П. Дурова из ОР РГБ. Они включают аналогичные по содержанию документы: об организации учебного процесса и внеучебной жизни учеников (например, челобитная Василия Лебедева от 24 июля 1704 г. о предоставлении отпуска[4] или Матвея Тимофеева, Нестера Фокина «с товарыщи» от 18 сентября 1704 г. по поводу, того что в Троицкой слободе, где они были поставлены на двор, лучшие места заняли драгуны[5]); материалы судебных разбирательств, инициированных учениками (например, по челобитной Ивана Одинцова, жаловавшегося на ученика Петра Шишкина, забравшего у него шпагу[6]); а также о правонарушениях, совершаемых школьниками («...в нынешнем 1704 году августа в день матиматических наук учиник Иван Григорьев грабил меня за Мясницкими вороты в Земляном городе в лесном ряду»[7] и т. д.). Как и в архивном деле из ОР РГБ, ряд документов из фонда И. В. Помяловского в ОР РНБ были составлены учителем школы и автором первого фундаментального учебника по арифметике на русском языке Леонтием Магницким (например, доношения боярину Федору Алексеевичу Головину о нерадивых учениках от 12 сентября 1704 г.[8], о нехватке книг «Арифметики» и «Логарифмы» для раздачи ученикам от 10 марта 1707 г.[9] и др.). Видимо, все перечисленные выше документы хранились в Оружейной палате, а впоследствии в Адмиралтейском приказе, где велось основное делопроизводство, принимались управленческие решения относительно работы школы.

В ряде опубликованных нами челобитных о приеме в школу были сделаны пометы («И сего июня в 26 день он, Леонтей Богданов, в Школы наук математиконавигатских отослан с *писмом* ко учителем»[10]; «И того ж числа с *писмом* отослан в школу для учения»[11] и др.), свидетельствующие о том, что челобитчикам,

---

[4] Там же. Л. 3–3 об.

[5] Там же. Л. 24–24 об.

[6] Там же. Л. 9–10

[7] Там же. Л. 11 об.

[8] Там же. Л. 21.

[9] Там же. Л. 88.

[10] *Клейтман А. Л.* Указ. соч. С. 46.

[11] Там же. С. 53.

которых зачисляли в число учеников, вручались особые «письма», с которыми они и направлялись в школу. На наш взгляд, такие письма отложились в СПбИИ РАН. Они практически идентичны по форме, содержат краткие биографические сведения об учениках, в них фиксировалась и дата, когда было принято решение об их приеме и отправке в школу. Вероятно, эти письма — одни из немногих документов, которые хранились не в Оружейной палате или Адмиралтейском приказе, а в самой Навигацкой школе. Несколько таких писем отложилось в ОР РНБ[12]. На наш взгляд, тот факт, что они оказались сшитыми в одну книгу с документами другого учреждения, можно объяснить их долгим бытованием, неоднократным переходом из рук в руки, и на каком-то этапе их объединением в одну рукопись по тематическому признаку.

В РГА ВМФ в фонде 176 «Адмиралтейская канцелярия при адмиралтейств-коллегии г. С. Петербург (1707–1732)» в двух архивных делах, наряду с другими документами, сохранились материалы об организации учебного процесса и разбирательствах правонарушений учеников Навигацкой школы, аналогичные делопроизводственным материалам из ОР РГБ и ОР РНБ, но 1712–1715 гг.[13]

Таким образом, в нескольких архивных хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга оказались рассредоточены делопроизводственные материалы, содержащие малоизвестные сведения по истории Навигацкой школы в 1701–1715 гг. Эти документы дают возможность исследовать те аспекты истории образования и науки в России в петровскую эпоху, которые ранее не подлежали специальному изучению. Документы об организации учебного процесса позволяют проанализировать, каким образом решались кадровые, а также связанные с закупкой и производством учебного инвентаря вопросы. Материалы судебных разбирательств, в которых были задействованы школьники, дают возможность осветить историю школы с позиций истории повседневности: понять, какие бытовые сложности испытывали школьники, где они жили, чем питались, как проводили свободное время и т. д. Поскольку в проанализированных документах содержатся имена большинства первых учеников школы и их биографические данные, появляется возможность провести просопографическое исследование, проследить их дальней-

[12] ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2. Д. 55. Там же. Л. 1–2.

[13] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 74 ч. 1, 74 ч. 2. Благодарю Б. В. Мегорского, указавшего на эти документы.

шие жизненные и карьерные траектории и таким образом на конкретных примерах изучить действие первых образовательных институтов как институтов социальной мобильности в петровской России.

Юлия Алексеевна Козлова
(Москва)
Старший научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН

Влияние Второго путешествия Петра I (1716–1717) на создание научных институций в России

Y.A. Kozlova

The influence of Peter the Great's Second Voyage (1716-1717) for the establishment of scientific institutions in Russia

Аннотация: В статье анализируется влияние Второго путешествия на пополнение научных институций в России. Автор попытался рассмотреть приобретенные Петром I во времена Второго путешествия собрания, инструменты и их последующее влияние на создание научного центра в России.
Abstract: The article analyzes the impact of the Second Trip on the replenishment of scientific institutions in Russia. The author tried to examine the collections, tools acquired by Peter the Great during his Second Trip and their subsequent influence on the creation of a scientific center in Russia.

Ключевые слова: Петр I, научные инструменты, собрания Кунсткамеры, Второе путешествие, трансфер знаний.
Keywords: Peter the Great, scientific instruments, collections of the Kunstkamera, "the Second journey", knowledge transfer.

Второе путешествие Петра I в Западную Европу в 1716–1717 гг. способствовало развитию научного знания в России. В настоящей статье мы попытались рассмотреть приобретенные Петром I во времена Второго путешествия собрания, инструменты и их последующее влияние на создание научных институций в России.

В своих исследованиях мы не раз акцентировали внимание на том, что Великое посольство стало началом вхождения России в европейское сообщество с точки зрения трансфера знаний, а Второе путешествие — плавным завершением этого непростого процесса. Ко времени второго вояжа царя за рубеж уже существовал Петербург, который в планах российского царя занимал главенствующее место, являясь центральным актором реформирования. Однако при этом молодой столице не хватало научного подспорья для реализации петровской идеи создания научного комплекса.

В связи с чем возникает вопрос, чего хотел монарх, отправляясь в свое Второе путешествие, именно с точки зрения продолжения переноса знаний? Вопрос сложный хотя бы потому, что именно во Втором путешествии на первое место выходит дипломатическая цель. Она явно довлела над всеми остальными. Однако это не означает, что процесс познания для Петра I был не актуален. К 1716 г. у царя сложились некие представления о том, что нужно России с научной точки зрения. Увлечения Петра I и некоторых именитых вельмож научными изысканиями, переписка и встреча царя с европейскими учеными определили вектор развития науки в России. Объективно Россия нуждалась в практической базе не меньше, чем в теоретической. И Петру I нужно было связать два этих понятия. В научном плане петровская Россия выходила на бэконовско-ньютоновское понимание мира. В основе — опыт, а опыт невозможен без определенных инструментов или собраний.

География пребывания Петра I в Европе в 1716–1717 гг. выглядела следующим образом: Данциг, земли Священной Римской империи германской нации, Дания, Голландия, Бельгия и Франция[1]. С точки зрения развития научного познания эти страны выглядели крайне разнородно. В России к 1714 г. уже существовала Кунсткамера, и у Петра I были далеко идущие планы насчет первого научного музея. Первые собрания были приобретены еще во времена Великого посольства. Демонстрация собраний редкостей, рисунков, инструментов, натуралий — все это в совокупности должно было нанести сокрушительный удар по «русскому невежеству»! Если

[1] *Козлова Ю. А.* Путешествие Петра I в Западную Европу 1716–1717. М., 2020.

связь гимназии — университета — Академии наук отражает теоретико-практическую сторону, то создание Кунсткамеры, обсерватории и т. д. — связь наглядную. В совокупности грандиозные планы русского царя и масштаб их реализации совместно с реформированием страны вплетаются в канву конструкта ментального, или интеллектуального, государства, введенного уральским исследователем Д. А. Рединым[2]. Отсюда вытекает следующее умозаключение автора — о понимании научных реалий конца XVII — начала XVIII века русским царем. Об этом говорят и интересы монарха, присущие ему на протяжении всей жизни, — от наблюдения и посещения научных институций Европы до реализации их в России.

Так, например, на наш взгляд, посещение Петром I Голландии сформировало у царя представление о том, что Кунсткамера — это музей, демонстрирующий научные коллекции широкому кругу людей. С тем отличием, что в самой Голландии это частные собрания аптекарей и бургомистров, которые демонстрируются лишь по воле их собирателей за деньги[3]. В петровскую концепцию это не вписывалось. Тем не менее, посещая и приобретая научные коллекции в Голландии, Петр I именно голландский опыт использует в дальнейшем развитии и пополнении Кунсткамеры.

Из Голландии поступила внушительная коллекция. Собрание включало в себя более 2000 препаратов по эмбриологии и анатомии человека, а также 1179 образцов мелких млекопитающих, пресмыкающихся и насекомых; 259 птиц, законсервированных сухим способом; 2 шкафа с гербарием и большое число ящиков с бабочками, морскими животными и раковинами — почти все, что входило в первые десять каталогов Рюйша, было куплено за 30 тысяч золотых гульденов и доставлено в Россию[4]. По свидетельству Дж. Кнопперса, российский царь приобрел у Альберта Себы некоторые экспонаты коллекции, заплатив 15 тысяч гульденов, Петр I приобрел экспонаты птиц и животных[5].

---

[2] *Редин Д. А.* «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII века. Екатеринбург, 2022. С. 6.

[3] *Дриссен-ван хет Реве Й.* Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб., 2015. С. 53.

[4] *Койманс Л.* Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша. СПб., 2008. С. 270.

[5] *Knoppers J.* The Visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697–98 and 1716–17 as Seen in Light of the Dutch Sources. Montreal, McGill University, 1969. P. 69.

Если верить каталогу Эрмитажа, то у А. Себы Петр I также приобрел «корень дерева» и «ларец, украшенный пластинками с изображением сцены грехопадения»[6].

Более того, А. Себа предложил Петру I приобрести собрания энтомолога Марии Сибиллы Мериан и нидерландского анатома Фредерика Рюйша[7]. Пребывание Петра I и его агентов в Голландии в 1716 г. позволило этому замыслу осуществиться. Таким образом выглядела покупка голландской коллекции, которая пополнила собрания Кунсткамеры.

Собирание коллекции редкостей для Кунсткамеры было не единственным научным интересом Петра I во Втором путешествии. Взор царя давно был устремлён на приобретение научных инструментов, которые способствовали реализации самых смелых планов Петра I по реформированию страны. Не будет лишним отметить, что нехватка инструментов ощущалась еще во времена Великого посольства (1697–1698). В обеих поездках монарха происходит не только покупка инструментов, но и налаживание связей — приглашение именитых хирургов служить и обучать рекрутов в России[8]. Мы попытались проследить историю приобретения инструментов с посещением того или иного мастера, опираясь на источники, где указаны места пребывания и расходы царя и его вельмож на приобретения инструментов[9]. Самым сложным вопросом остается попытка проанализировать, какие именно приборы приобретались именно во Втором путешествии царя в Европу и каково было их практическое назначение.

Для более полного анализа приобретённых царём во Втором путешествии инструментов необходимо привлечение архивных данных. Однако в рамках этой статьи автор попытался лишь проанализировать приобретенные научные собрания и их влияние на пополнение и создание научных институций Петербурга. Важно, что инструменты приобретались не только в ходе Второго путешествия,

---

[6] Автор выражает огромную благодарность Д. Ю. Гузевичу за предоставление скана альбома: Основателю Петербурга: каталог выставки [в Государственном Эрмитаже, 31 мая — 31 августа 2003 г.]. СПб., 2003. С. 305.

[7] *Knoppers J.* Ibid. P. 69.

[8] Например, английский часовой мастер Джон Бредли, а в 1717 г., во время своего второго вояжа в Париж, царь подписал контракт с изготовителем инструментов Этьеном Стефаном Люботе.

[9] *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великаго. Отд. 2. СПб., 1800; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом: [В 2 т.]. Т. 2. М., 1872; Гистория Свейской войны: [В 2 вып.] / Сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004.

но и во времена так называемых «каскадных» (по отношению к петровской поездке) миссий А. К. Нартова и И. Д. Шумахера (последний был участником второй «каскадной» поездки)[10].

После возвращения монарха из Второго путешествия модернизационные процессы в России получили новый импульс. Планы Петра I были поистине грандиозными: создание научных институций, изучение и отправка Камчатской экспедиции, строительство Вышневолоцкой системы; предполагалось также личное использование инструментов царем и его близкими.

Итак, мы попытались распределить приобретенные приборы и инструменты по их назначению.

Первая группа — инструменты измерительные: пропорциональный циркуль с угломером, ватерпас с трубкой (нивелир), ватерпас без трубки, «инструмент для черчения эллиптических фигур», два циркуля в готовальне[11]. Эти приобретения отслеживаются по документам и ряду исследовательских работ. *Вторая группа* представляет собой приборы, использующиеся *для навигации, изучения природных явлений*: солнечные часы Дж. Берда, универсальные солнечные часы с компасом работы Н. Биона; гониометр работы Л. Шапото; армиллярная сфера[12]. *Третью группу* инструментов составляют *медицинские приборы*, приобретенные на Западе: *военно-хирургические, личного пользования царя и его семьи, зубоврачебные*.

Инструменты, относящиеся к третьей группе, были представлены в каталоге выставки, проходившей в Эрмитаже в 2003 г.[13]

В каталоге видно, на какие именно инструменты нанесено клеймо «Paris», что может указывать на приобретение их либо самим Петром I, либо участниками первой и второй «каскадной» поездки. Помимо клейма, важную роль играет специфика приборов. Так, приборы из личного пользования царя и его окружения могут свиде-

---

[10] Автор статьи выражает огромную признательность за информацию для подготовки статьи Д. Ю. Гузевичу.

[11] *Долгова С. Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: материалы III Междунар. конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 11–24, *Лупанова Е. М., Ястребинский Г. Б.* Научные инструменты из мемориального Императорского кабинета Петровской Кунсткамеры // Вестник СПбГИК. Июнь 2023. № 2 (55). С. 39.

[12] *Лупанова Е. М.* Переносные солнечные часы XVIII в. европейского производства в коллекциях МАЭ РАН (Кунсткамеры) // Россия XXI. 2019. № 4. С. 80–81.

[13] Основателю Петербурга: каталог выставки [в Государственном Эрмитаже, 31 мая — 31 августа 2003 г.]. СПб., 2003.

тельствовать также о приобретении именно во времена поездки 1716–1717 гг. В «Путеводителе по музею антропологии и этнографии имени Петра Великого» содержится крайне скудная информация об инструментах: «...здесь выставлены, главным образом, шкапы, токарные станки, инструменты (токарные, слесарные, столярные, хирургические)»[14]. Таким образом, приходится констатировать тот факт, что имеется лакуна в изучении закупки хирургических инструментов во времена Второго путешествия.

Ко времени поездки 1716–1717 гг. остро стояла проблема со здоровьем царя. Одной из веских причин посещения бальнеологических курортов Европы была мочекаменная болезнь. Поэтому инструменты соответствующего спектра действия могли быть приобретены в Европе. В эту подгруппу мы внесли следующие инструменты: щипцы-расширитель для вскрытия мочевого пузыря, зонд рубчатый, 8 щипцов для извлечения камней из мочевого пузыря: 3 с закругленными концами и 5 с прямыми, щипцы для оперирования рака. Сюда же можно отнести инструменты родовспомогающие: зеркало гинекологическое и анальное, щипцы акушерские, «копьецо треугольное», 3 родовспомогательных крючка[15].

К нуждам *военно-полевой медицины* можно отнести: 2 ампутационные пилы, 2 инструмента для прижигания ран в виде стержней с наконечниками различной формы, 2 пинцета прямоугольных с зажимом, пулеискатель в виде щипцов, инструмент для извлечения пуль в виде стержня с винтом, копьевидное сверло для трепанации, 6 зондов литотомических, 5 горжеретов литотомических[16]. *Инструменты, связанные с удалением зубов или глазной катаракты*: инструмент пломбировочный, инструмент для чистки зубов нескольких видов и т. д. также относятся к нуждам военно-полевой медицины.

Таким образом, мы видим, что в рамках Второго путешествия была приобретена весьма разнообразная партия инструментов и приборов. Однако стоит отметить, что канал поступления инструментов не сводился лишь к Франции. В первую очередь, стоит выделить Англию, где изготавливали наиболее современные и качественные приборы; Голландию, немецкие государства, Италию и т. д.

Разумеется, каталог выставки не может в полной мере отразить приобретение того или иного инструмента. В таком случае попро-

---

[14] *Пекарский Э. К.* Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого: Галерея императора Петра I. Пг., 1915. С. 20.

[15] Там же. С. 368, 371–372.

[16] Основателю Петербурга: каталог выставки. С. 366–368, 370–371.

буем обратиться к хронике посещения Петром I именитых французских мастеров, одновременно сопоставляя пребывания у мастера царя с записями расходов. Вот некоторые из них:[17]

07/18.06.1717, пт. Запись расходов: Ю. И. Кологривову «за солнечные часы и протчие инструменты, купленные для Е. в. по росписи — 125 ливров»[18];

08/19.06.1717, сб. Запись расходов: «выдано Ю. И. Кологривову на заплату за инструменты, купленные для Е. в. по росписи, за 911 ливров червонных»[19];

06/17.06.1717, чт. Петр I в Париже был у мастеров, которые делают инструменты математические и «некоторыя лутчия инструменты у них изволил купить»[20]. Далее запись расходов: заплачено «за дело компаса для Е. в.»[21].

16/27.06.1717, вс. Из Энжи Петр поплыл в Шокье (Шокиер) — столицу Люттихского (Льежского) княжества. Там Петр I посетил ателье мастера оптических инструментов Никола Франсуа Вийета (Nicolas François Villette). Петра заинтересовало знаменитое «зажигательное зеркало», созданное еще молодым мастером вместе с его отцом, известным лионским мастером оптических инструментов Франсуа Вийетом[22].

02/13.08.1717, пт. Петр I, предположительно, ездил с Екатериной в Хет-Лоо. Ю. И. Кологривову о ватерпасе, «О мадели водяной махины...»[23].

После анализа приобретённых царём собраний инструментов невольно встаёт вопрос об их дальнейшей судьбе: куда именно попадали собрания после их покупки? Партия закупленных в Европе инструментов в дальнейшем пополнила коллекцию Кунсткамеры, поступив туда в 1728 году[24]. В «Кабинете Петра Великого»

---

[17] Более подробно см.: *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Хроника визита Петра I во Францию: апрель — июнь 1717 г. // Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антеном в 1717 г. Париж; СПб., 2017. С. 140–156; *Мезин С. А.* Петр I во Франции // Там же. С. 62–68.

[18] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. С. 68.

[19] Там же. С. 68–69.

[20] Гистория Свейской войны. Вып. 1. С. 619.

[21] Сб. выписок... Т. 2. С. 70.

[22] *Анисимов Е. В.* Биохроника Петра Великого [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/250437414 (дата обращения: 12.08.2025).

[23] Там же.

[24] *Беляев О. П.* Указ. соч. С. 166.

дается перечень инструментов, поступивших в музей: математические инструменты — 260, геодезические — 30, измерительные приборы — 40 и т. д., в том числе и хирургические[25].

Одним из итогов Второго путешествия становится открытие Петром I в 1722 г. мастерской при Адмиралтействе, ориентированной на изготовление инструментов. В 1726 г. при Академии наук открывается Инструментальная палата[26]. Она должна была обеспечивать ученых необходимым оборудованием, заниматься ремонтом имеющихся инструментов[27]. Данный факт свидетельствует о том, что Петра I интересовали не только готовый продукт, но и обучение русских мастеров ремеслу создания инструментов и приборов, необходимых для дальнейшего реформирования России.

Таким образом, можно констатировать, что после посещения Петром I Европы в 1716–1717 гг. в России продолжился процесс развития уже существующих институций в результате пополнения научных собраний новыми коллекциями. Модернизационные процессы, в т. ч. включающие создание новых научных институций, получили новый импульс. Петербург превратился не просто в имперскую столицу, а в настоящий научный центр, который в последующем реализовал свой потенциал, заложенный в т. ч. благодаря поездкам Петра I в Европу 1697–1698 и 1716–1717 гг.

---

[25] Там же. С. 166–167.

[26] *Бренёва И. В.* История Инструментальной палаты Петербургской академии наук (1724–1766). СПб., 1999. С. 16–17.

[27] *Лупанова Е. М.* Инструментальные мастера... С. 99.

Ирина Александровна Серова
(Ярославль)
Старший научный сотрудник
Музея истории города Ярославля имени В.Г. Извекова

Славяно-греко-латинская школа в Ростове «для лиц благородных и неблагородных» и ее роль в распространении знаний в петровское время

Irina A. Serova

Slavic-Greek-Latin school in Rostov "for Noble and Ignoble Persons" and its Role in the Dissemination of Knowledge in the Time of Peter the Great

Аннотация: Статья рассказывает об открытии в Ростове в начале XVIII века Славяно-греко-латинской школы. Она была основана по инициативе митрополита Дмитрия Ростовского при Архиерейском доме. Обучение в ней было бесплатным и доступным для всех сословий. По сравнению с древнерусской приходской школой грамотности это учебное заведение предоставляло новый уровень знаний.
Abstract: The article tells about the opening of the Slavic-Greek-Latin school in Rostov at the beginning of the 18th century. It was founded on the initiative of Metropolitan Dmitry of Rostov at the High Priest's House. Education in it was free and open to all classes. In comparison with the ancient Russian parish school of literacy, this educational institution represented a new level in the mastering of knowledge.

Ключевые слова: Монастырский приказ, И. А. Мусин-Пушкин, Ростов, Дмитрий Ростовский, Славяно-греко-латинская школа.

Keywords: Monastyrsky Prikaz, I. A. Musin-Pushkin, Rostov, Dmitry Rostovsky, Slavic-Greek-Latin school.

Начало XVIII столетия — время петровских реформ — ознаменовалось энергичными преобразованиями во всех сферах жизни России. Для реализации собственных замыслов Петру I нужны были образованные люди. К. Д. Ушинский отмечал:

> «Петр Великий и его ближайшие преемники основывали разные училища не для удовлетворения потребности высших классов в образовании (этой потребности не было), но для того, чтобы иметь лиц, подготовленных к различным родам государственной службы»[1].

24 января 1701 г. был учрежден Монастырский приказ, в связи с чем объявлено «дом святейшаго патриарха и домы же архиерейские, и монастырские дела ведать боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину»[2]. И. А. Мусин-Пушкин был женат на племяннице патриарха Иоакима Мавре Тимофеевне Савеловой и еще при его жизни вошел в дела духовного управления, участвуя в них и при следующем патриархе, Адриане.

Среди многочисленных функций Монастырского приказа было создание новых образовательных учреждений, в т. ч. в провинции, на обзаведение и поддержание которых выделялись деньги из доходов с церковных вотчин. Уже в скором времени в Ростове при Архиерейском доме появилась Славяно-греко-латинская школа.

Открытие этого учебного заведения состоялось, прежде всего, благодаря активной деятельности митрополита Дмитрия Ростовского (в миру Даниил Саввич Туптало), который и выступил инициатором создания школы. В письме к митрополиту Новгородскому Иову он пишет, что завел училище греческое и латинское[3].

Дмитрий Ростовский принадлежал к первому поколению, связавшему малорусское духовенство с Русской православной церковью. Петр I познакомился с ним в августе 1689 г., когда тот в составе большого посольства, возглавляемого гетманом Мазепой, прибыл в Москву. По замечанию М. Г. Кротова, задумывая реформы, Петр I

> «решил импортировать в Россию, кроме прочего, и европейских архиереев. Таковыми он справедливо счел украинских

---

[1] *Ушинский К. Д.* Сочинения: В 6 т. Т. 2. М., 1988. С. 93.

[2] ПСЗ1. Т. IV. 1700–1712. СПб., 1830. № 1829. С. 133.

[3] См.: *Титов А. А.* Новые данные о святителе Димитрии Ростовском. М., 1881. С. 13.

епископов — людей и европейского образования, и европейской терпимости, вполне подвластных его воле».

Дмитрий как раз и представлял собой «идеального общественного деятеля в духе слияния западного образования с старыми русскими церковными взглядами»[4]. Широчайшие знания, проповеднический дар, искусство писателя снискали ему репутацию одного из умнейших и образованнейших людей эпохи. Он знал польский, на котором с 20 лет вел дневники и писал письма; латынь, открывшую ему мир западного богословия, а также греческий язык.

В 1701 г. по указу царя в числе других священников Дмитрий был вызван в Москву для избрания в Сибирские митрополиты. Однако болезнь не позволила ему отправиться в Сибирь немедленно. Вскоре освободилась Ростово-Ярославская кафедра[5], и Петр, отменив первоначальный приказ, 4 января 1702 г. назначает Дмитрия туда.

В провинциальный Ростов новый митрополит прибыл 1 марта 1702 г., в воскресенье третьей недели великого поста. Величественный Ростовский архиерейский двор с монументально-живописными формами храмов и башен с бойницами и зубцами, с яблоневыми садами и прудами впечатлял. По замыслу его создателя митрополита Ионы Сысоевича[6], он должен был наглядно символизировать небесный град — горний Иерусалим.

Реальность же оказалась совсем другой. Во время поездок по епархии, посещения приходов Дмитрий столкнулся с ужасающим невежеством не только прихожан, но и духовенства. Полный решимости исправить ситуацию, взрастить «идеального священника», он с самого своего прибытия озаботился образованием детей духовенства. В своем сочинении «Келейный летописец» ростовский владыка вывел три основных качества истинного иерея: быть учительным в слове, святым в жизни и иметь попечение о пастве[7].

Для осуществления своего замысла Дмитрий и задумал открыть Славяно-греко-латинскую школу. Образование должно было иметь

---

[4] Цит. по: *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. С. 457–458

[5] Митрополит Ростовский Иоасаф (Лазаревич) умер 10 ноября 1701 г.

[6] Ростовский кремль — Митрополичий (архиерейский) двор расположен в центре Ростова, около озера Неро. Построен в 1650–1680-е гг. по единому замыслу заказчика — митрополита Ионы III Сысоевича, сподвижника патриарха Никона. Он возглавлял Ростово-Ярославскую кафедру с 1652 по 1690 г.

[7] См.: *Калугин В. В.* «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 170–172.

цель весьма практическую — готовить искусных проповедников, способных не только зачитывать поучения, но и учить с амвона самостоятельно, «чтобы священнические дети не были глупы, да егды вместо отцов своих сподобятся священнического сана, умели бы в церкви поучать народ не точию книжным чтением, но и наизустним слова Божия сказанием»[8].

Вскоре Дмитрию представилась прекрасная возможность поговорить о своих планах с царем. В апреле 1702 г. Петр I, направляясь в Архангельск, остановился на несколько дней в Ростове, как следует из пометы на одном из писем: «...для исправления судов, на которых <...> 22 апреля пошел из Ростова до Ярославля водою»[9].

Для царского приема были предназначены так называемые Государские хоромы (обычно именуемые Красной палатой) в юго-западной части Архиерейского двора — двухэтажное представительное здание с великолепным парадным крыльцом, увенчанным двумя шатрами.

Рискну предположить, что одновременно с Петром I в Ростове находился и глава монастырского приказа боярин И. А. Мусин-Пушкин. Если верить местному преданию, он устроил тогда поездку по озеру, во время которой государь шутил: «Ты, Иван, катаешь меня вместо Каспия по Ростовской луже»[10].

Места эти были боярину с детства знакомы. Род Мусиных-Пушкиных владел вотчинами в Ярославском и Ростовском уездах. Иван родился в семье царского стольника Алексея Богдановича Мусина-Пушкина и его супруги Ирины Михайловны из старинного рода ярославских князей Луговских, угасшего в конце XVII века. Принято считать, что его родители являлись авторами исторического сборника «Книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их», основанного на летописях, русских сказочных повестях и исторических преданиях. После смерти А. Б. Мусина-Пушкина в 1669 г. его вдова с сыном Иваном переехала в родовое имение Угодичи на берегу озера Неро, в 15 верстах от Ростова. Здесь Иван жил вплоть до воцарения Федора Алексеевича. В дальнейшем он стал одним из ближайших советников Петра I, которому тот оказывал явное расположение.

---

[8] Цит. по: *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Дмитрия Ростовского: исследование и тексты. М., 2005. С. 221.

[9] Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1872. С. 101.

[10] *Артынов А. Я.* Село Угодичи [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/artynow_a_j/text_1851_selo_ugodichi_oldorfo.shtml (дата обращения: 21.10.2021)

Знаток русской генеалогии и самых скандальных сплетен и слухов из жизни знатнейших семейств князь П. В. Долгоруков писал:

> «Отобрав у церковников управление их огромными владениями, Петр I создал особую администрацию, названную сначала Монастырским приказом, а затем Коллегией экономии, и доверил управление ею своему брату [И. А. Мусину-Пушкину. — *И. С.*][11], которого открыто признавал таковым»[12].

Буквально через месяц после пребывания Петра I в Ростове стольник Василий Романович Воейков, присланный сюда для управления недвижимым имуществом церкви, получил указ о выдаче жалованья «учителям греческаго да латинскаго языка по тридцати рублев человеку; русскому пять рублев», а также выплате стипендий ученикам, «которые учитися будут русской грамоте, по деньге на день, а которые греческаго да латинскаго языков тем, по две деньги на день»[13]. И уже 1 сентября 1702 г. в ростовской школе начались занятия. Об этом известно из сочинения, написанного по заданию учителя 1 сентября 1704 г. одним из учеников: «...третий год начинаем учитися <...> в сей день месяца сентября...»[14].

Открытие нового учебного заведения в столь короткие сроки, конечно же, могло состояться только благодаря желанию царя и поддержке главы монастырского приказа, который в дальнейшем сам лично ее инспектировал.

Славяно-греко-латинская школа разместилась рядом с Митрополичьим садом в Княжьих теремах, построенных в XVI веке для ростовских князей. При Ионе Сысоевиче к ним пристроили галерею, или палатку, получившую название Ионинской. Внутреннее пространство состояло из нескольких тесных, довольно мрачных комнат, с малыми окнами и сводчатыми потолками; с узкими проходами и извилистыми темными лестницами. В классных помещениях стояли «столы, скамейки и черная арифметическая доска в два фута длины и в один ширины». Кроме того, «дух времени требовал, чтобы в классе были наготове розги и плетка»[15].

---

[11] О тайне рождения И. А. Мусина-Пушкина см.: *Долгоруков П. В.* Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 202; *Бегунов Ю. К.* Алексей Богданович и Ирина Алексеевна Мусин-Пушкины — выдающиеся писатели России XVII века // Мусины-Пушкины в истории России. Рыбинск, 1998. С. 156–163; *Серова И. А.* Петр Великий: «Именовать Ярославль отчиною царей...». События и люди, мифы и реальность. Ярославль, 2022. С. 116–121.

[12] *Долгоруков П. В.* Указ. соч. С. 202.

[13] Цит. по: *Шляпкин И. А.* Указ. соч. С. 328–329.

[14] ЯЕВ. 1863. № 24. Ч. неофиц. С. 233.

[15] ЯЕВ. 1863. № 26. Ч. неофиц. С. 254.

Священники всей епархии должны были отправлять в школу своих детей. Обучение и содержание их было бесплатным. Об этом свидетельствует указ от 23 февраля 1703 г. церковному старосте в Романове, гласящий: «Божиею помощию, повелением Великаго Государя, а ево [Дмитрия — *И. С.*] тщанием в Ростове в его архиерейском доме устроена грамотеческая учения, да в онех вси священники детей своих учили безденежно»[16]. Число учеников в школе доходило до двухсот[17].

На первом месте в школьной программе стояло «учение христианское»[18] — усвоение учениками определенного типа благочестия и норм христианской морали. Все учащиеся должны были ежедневно молиться и посещать богослужение, по праздникам и в дни Великого Поста слушать проповеди, ежедневно или как минимум раз в месяц приступать к таинствам покаяния и причастия.

Однако при общем церковно-православном направлении это учебное заведение представляло новый уровень образования, по сравнению с древнерусской приходской школой. Учебная программа была рассчитана на три класса: низший (грамматический), где обучение начиналось с русской азбуки; средний (латинский) и высший (философский). Помимо русской грамматики и христианских учений, здесь преподавали арифметику, латинский, греческий и польский языки, философию, нотное пение, стихосложение, риторику[19]. Известно, что накануне открытия школы, 31 августа 1702 г., «домовой сын боярской Алексей Бобров ездил к Москве с учителем Иваном Филиповым[20] для домоваго дела <...> куплено в школы для учения младых отроков пять книг граматик грецеских»[21].

Система устройства школы Дмитрия Ростовского напоминала ту, что была принята в Киево-Братской коллегии, где учился он сам. Обучение в ней было доступным для всех сословий и строилось на принципах соревновательности. Об этом свидетельствует фраза в одном из школьных сочинений: «Аз же в сей палате, нарицаемой

---

[16] ЯЕВ. 1871. № 46. Ч. неофиц. С. 371.

[17] ЯЕВ. 1863. № 24. Ч. неофиц. С. 232.

[18] ЯЕВ. 1863. № 31. Ч. неофиц. С. 308.

[19] ЯЕВ. 1863. № 27. Ч. неофиц. С. 263.

[20] Об учителе Иване Филипове (Филиповиче) известно, что он был автором словаря «латинского и славянского языков, сочиненный в Ростове в 1701 году Иваном Филиповичем». См.: *Шляпкин И. А.* Указ. соч. С. 95.

[21] Цит. по: *Жигулин Е. В.* Откуда есть пошел русский театр, или духовные действа святителя великомученика Димитрия Ростовского, тайновидца Бога Отца: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1995. С. 13.

школою, не рассмотряя лиц благородных и неблагородных, всем желаю, дабы были императорами и сели на первом месте»[22].

Лучший ученик, которого определяли по результатам ежемесячного экзамена, именовался «императором». Ему следовал «особый почет». Его с определенными песнопениями усаживали в классе на «первое место» подле учителя. В 1703–1705 гг. «императором» чаще других был Ефим Морогин, пользовавшийся правами начальника по отношению к ученикам своего класса. Второй ученик — «сенатор» — становился его помощником. В их обязанности входили проверка домашнего задания у товарищей, повторение уроков, объяснение трудного материала — в помощь основному преподавательскому составу. Был еще и «сеньор», тоже из лучших учеников, — это староста, который наблюдал за соблюдением тишины и дисциплины в отсутствии учителя. Самые дальние ряды занимали худшие ученики[23]. Дмитрий лично вел некоторые занятия, принимал экзамены, занимался с наиболее перспективными детьми.

Лучшие ученики ростовской школы ездили на каникулы в Москву. В 1704 г. Димитрий писал монаху Чудова монастыря Феологу: «Студент школ ростовских Василий [Зеленяев (Заления)?] немного поучився, грядет к милости вашей на вакацию...»[24].

Были в школе и свободные от учения дни: праздничные и воскресные, именины начальников и учителей, послеобеденное время в четверг и субботу[25], два дня святок и трехнедельные каникулы в августе. В случае посещения школы каким-нибудь важным лицом ученикам давали дополнительный отпуск. Так случилось во время приезда главы монастырского приказа боярина И. А. Мусина-Пушкина в мае 1703 г. Результатами проверки он остался доволен и повелел устроить «трехдневное гуляние»[26].

В полном соответствии с традициями alma mater — КиевоМогилянского коллегиума — Дмитрий Ростовский устроил при своей школе театр, участие в котором помогало ученикам закреплять полученные навыки и знания по таким предметам, как поэтика, риторика, нотная грамота. Духовные действа, сочиняемые самим Дмитрием и называвшиеся подчеркнуто аскетически «диалогами», ставились на важные церковные праздники. «Архипастырю угодно

---

[22] ЯЕВ. 1863. № 26. Ч. неофиц. С. 254.
[23] ЯЕВ. 1863. № 28. Ч. неофиц. С. 274.
[24] *Шляпкин И. А.* Указ. соч. С. 337.
[25] ЯЕВ. 1863. № 33. Ч. неофиц. С. 327.
[26] ЯЕВ. 1883. № 45. Ч. неофиц. С. 357.

было написать на праздник Воскресения Христово диалог»[27], — свидетельствовал один из учеников.

Следует отметить, что инициатива с устройством театра была поддержана не всеми. Ростовский стольник В. Р. Воейков, желая запретить нововведение, 16 ноября 1702 г. пожаловался в Монастырский приказ на незапланированные траты: «Преосвященный Димитрий митрополит из домовой казны материи и всякие локотные товары бывших архиереев на комедии держит»[28]. На это из Москвы 9 декабря ответили: «Без нашего указа не держать ни на что»[29]. Несмотря на запрет властей, подготовка к предстоящему рождественскому действу продолжилась. 24 декабря 1702 г. было «куплено у ростовца посацкого человека Василья Зверинцова к диологу проволоки железной четыре фунта»[30]. Сын поставщика Григорий Зверинцов учился в ростовской школе. «Материи бывших архиереев» и проволока были использованы для костюмов и декораций. Кроме того, было куплено «шапок муцких кормовым робятом тритцать» и «домовые сороковые Федор Тихонов с товарыщи делали на школьных учеников пятнацат шуб бараньих»[31].

Премьера спектакля «На Рождество Христово»[32], в котором нашло отражение извечное стремление людей к красоте и гармонии, состоялась 27 декабря 1702 г. в обширной трапезной зале на втором этаже Белой палаты. В нем, наряду с библейскими персонажами, действовали и аллегорические фигуры, или «измышленные персоны», олицетворяющие абстрактные понятия: пороки и добродетели, любовь и ненависть, войну и мир. Каждый из актеров держал хоругвь с поясняющей надписью или предмет, представляющий легкоузнаваемый символ. Например, труба означала Славу, весы — Правосудие, якорь — Надежду, масличная ветвь — Примирение. Роль Ирода исполнял старший ученик. Во время действа, продол-

---

[27] ЯЕВ. 1863. № 27. Ч. неофиц. С. 266.

[28] Цит. по: *Жигулин Е. В.* Декламация «На Воскресение Христово» в ростовской школе Святителя Димитрия // Филевские чтения. М., 1994. Вып. IX. С. 137.

[29] ЯЕВ. 1890. № 23. Неофиц.часть. С. 359–361.

[30] *Жигулин Е. В.* К вопросу о ростовском театральном круге святителя Димитрия. // История и культура Ростовской земли: Материалы конференции. Ростов, Ярославль, 1995. С. 158

[31] *Жигулин Е. В.* Откуда есть пошел русский театр... С. 19.

[32] Спектакль «На Рождество Христово» был возрожден в 1982 г. Московским государственным академическим Камерным музыкальным театром под руководством Бориса Покровского под названием «Ростовское действо».

жавшегося шесть часов, помимо декламации, звучали многочисленные церковные песнопения, а также народные колядки. Всего было задействовано более пятидесяти персонажей, что позволяет говорить о театре Дмитрия Ростовского как театре эпическом. Привлечение столь значительного количества действующих лиц при минимальном объеме каждой роли было связано прежде всего с небольшим актерским опытом участников — учеников школы.

Известно еще об одной школьной пьесе «Венец Димитрию», по материалам жития св. Дмитрия Солунского, «от смиренных того именосца <...> питомцев грамматики учащихся младенцев стихословие от дванадесятоцветов сплетенный в благоспасаемом граде Ростове»[33]. Спектакль был сыгран в день именин митрополита, 26 октября 1704 г.

Кроме того, предположительно в 1703–1705 гг. состоялось действо «На Успение Богородицы», декламации Дмитрия Ростовского «На погребение Христово плач», «глаголанная 27 марта 1703 г.», и «На Воскресение Христово».

Театр Дмитрия Ростовского не только учил исполнителей искусству декламации, пению и выразительности движения, но, развлекая, призван был воспитывать, оказывать морально-нравственное и эстетическое воздействие на зрителя, вселять веру в мир, добро и справедливость. Достижению «эффекта катарсиса» способствовала особая эмоциональная атмосфера действа: канонические песнопения, музыкальные номера, яркие театральные эффекты (театр теней, эффект «эха», молния, гром, голос «из гроба»...). Все это было направлено на «мистическое восприятие зрителем чуда (Рождества или Успения), в которое верят дети-исполнители действ»[34].

Первый выпуск ростовской школы состоялся в 1706 г. Благодаря усилиям и неистощимой энергии Дмитрия Ростовского освоение учебной программы обеспечило лучшим ученикам полноценную подготовку к поступлению в высшие учебные заведения. Известно, что Андрей Бодаковский, Леонтий Благовещенский и Василий Зеленяев (Зеления) продолжили обучение в Московской славяно-греко-латинской академии. Несмотря на успехи, той же весной школу закрыли, так как глава приказа И. А. Мусин-Пушкин счел

---

[33] Ранняя русская драматургия (XVII — первой половины XVIII вв.). Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 49.

[34] В исследовании Е. В. Жигулина была предпринята попытка реконструкции внешнего облика процессий, декламаций и действ, происходивших в ростовской школе. См.: *Жигулин Е. В.* Откуда есть пошел русский театр.... С. 19.

содержание ее слишком затратным. Северная война, строительство Петербурга, многочисленные петровские реформы и инициативы требовали постоянного притока средств.

Славяно-греко-латинская школа при Архиерейском доме просуществовала совсем недолго, тем не менее ее опыт оказался востребованным. Прошло немного времени, и в России появилось несколько подобных школ, заведенных архиереями в Смоленской, Казанской, Рязанской, Новгородской епархиях, но школе в Ростове принадлежит первенство в этом ряду.

II
АКАДЕМИЯ НАУК В XVIII ВЕКЕ

Галина Ивановна Смагина
(Санкт-Петербург)
Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Просветительская деятельность Академии наук в XVIII веке

Galina I. Smagina

The Educational Activities of the Academy of Sciences in the 18th Century

Аннотация: По замыслу Петра I, Академия наук была призвана стать не только научно-исследовательским центром, но и центром развития образования и распространения научных знаний. Члены Академии составляли проекты школьных реформ, участвовали в их обсуждении в правительственных комиссиях, воспитывали наследников престола, готовили молодых ученых в Академическом Университете и Гимназии, способствовали организации новых учебных заведений, сами преподавали в государственных и частных учебных заведениях Петербурга, создавали и переводили школьные учебники, издавали труды и переводы книг научного и научно-популярного содержания, выпускали газету и несколько научно-популярных журналов, читали для всех желающих публичные лекции. Просветительская деятельность Академии наук включала также работу Библиотеки, академических книжных лавок, обеспечивающих распространение печатной продукции, и первого российского музея — Кунсткамеры.

Abstract: According to Peter the Great's vision, the Academy of Sciences was intended to serve not only as a center for scientific research but also as a hub for the development of education and the dissemination of scientific knowledge. Members of the Academy drafted school reform proposals, participated in their discussion within government commissions, educated heirs to the throne, trained young scholars at the Academic University and Gymnasium, facilitated the establishment of new educational institutions, and personally taught at both public and private schools in St. Petersburg. They were also involved in writing and translating school textbooks, publishing scientific and popular scientific works and translations, producing newspapers and several popular science journals, and delivering public lectures for all interested audiences. The Academy's educational activities also included managing its Library, academic bookshops to distribute printed materials, and Russia's first museum — the Kunstkamera.

Ключевые слова: Академия наук, просветительская деятельность, школьные реформы, образование.
Keywords: Academy of Sciences, educational activities, school reforms, education.

По «Проекту положения об учреждении Академии», рассмотренному Петром I и Правительственным сенатом 22 января 1724 г., Петербургская академия наук должна была состоять из собственно Академии, Университета и Гимназии[1]. Таким образом, Академия должна была взять на себя такие обязанности, которые в других государствах выполняли несколько самостоятельных учреждений. Как отмечалось в «Проекте положения об учреждении Академии», хотя «в прочих государствах» университет и научные корпорации не связаны между собой, учитывая «состояние здешнего государства», не нужно следовать западным примерам, без Университета Академия мало принесет пользы и не оправдает себя из-за отсутствия достаточного числа образованных людей.

«Проект об учреждении Академии» определял Гимназию как подготовительную школу, в которой обучали бы «первым фундаментам наук» и готовили юношество, имеющее склонность к наукам, к поступлению в Университет. Академический университет создавался как учреждение, призванное «расплодить науки в России», и должен был воспитывать кадры — отечественных ученых и специалистов-практиков — прежде всего для самой Академии. Несмотря на все трудности, Гимназия просуществовала 80 лет — с 1726 по 1805 г., а Университет в 2024 г. отметил свое 300-летие[2].

---

[1] Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 31–38.

[2] 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724–1999. СПб., 1999; Студенты Петровского университета. Альбом / Отв. ред. И. Л. Тихонов,

24 января 1726 г. можно считать началом учебной и просветительской деятельности Академии наук. В этот день были прочитаны первые публичные лекции для юношей, которые собрались «из пространной России для учения и свободных наук»; открылись пять классов Академической гимназии; было объявлено об организации четырех специальных курсов для тех, «которые высоким наукам учитися не могут, но однакож другие художества в житии человеческом преполезныя переимать желают». Специально подготовленное объявление о начале учебных занятий в Академии с каталогом лекций было отпечатано 14 января 1726 г., разослано во многие учреждения и расклеено на улицах Санкт-Петербурга. В нем четко говорилось о двух главных задачах, стоящих перед новым учреждением: «Должность же в сей Академии собранным двойна будет: как в тщании и умножении новыми обретениями наук... так и в учении российских юнош»[3].

За годы деятельности академические Университет и Гимназия воспитали замечательную плеяду отечественных ученых, педагогов и государственных служащих. Из 30 российских действительных членов Академии наук в XVIII веке 23 получили образование в академических учебных заведениях.

Начиная с 30-х годов XVIII века в Академии наук складывается система профессиональной подготовки мастеров декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Уже при основании Академии наук при ней были созданы разнообразные «художественные палаты»: Инструментальная, Гравировальная, Ландкартная, Рисовальная, Словолитная, Камнерезная. Мастера, работавшие в этих подразделениях, должны были набирать себе учеников. К обучению принимались мальчики 11–12 лет, проявившие способность к рисованию и владеющие грамотой. Все ученики, независимо от того, какую специализацию они выбирали в будущем, поступали в Рисовальную палату, время обучения в которой зависело от способностей и могло колебаться от 7 до 12 лет. Помимо рисования, ученики младших классов обязательно посещали занятия в Академической гимназии по арифметике, геометрии и иностранным язы-

---

Т. В. Костина. СПб., 2022. Обобщающим исследованием по истории академических Университета и Гимназии в XVIII веке в настоящее время является работа Т. В. Костиной: *Костина Т. В.* Подготовка элит Российской империи в учебных заведениях Академии наук (1726–1805 гг.) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Очерки истории: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 2018. С. 207–304.

[3] Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1885. С. 169–172.

кам. Обучение в Академии было бесплатным, но необходимые материалы: кисти, краски, бумагу — ученики приобретали сами. Более половины учеников Рисовальной палаты были присланы на учебу из Канцелярии от строений, Герольдмейстерской конторы, шпалерной и фарфоровой фабрик, Монетной канцелярии. В старших классах учеников переводили в другие мастерские, где они в процессе совместной работы с мастером осваивали специальности резчика, гравера, инструментальщика, камнереза и др. Выпускники мастерских трудились не только в Академии наук, но практически во всех государственных учреждениях Петербурга[4].

В деятельности Географического департамента Академии большое место занимала подготовка картографов и геодезистов. Академик С. Я. Румовский, который 20 лет руководил департаментом, особенно охотно участвовал в обучении морских офицеров астрономическим наблюдениям. Но это представляло большие сложности, т. к. учебника не существовало. Академик Ф. И. Шуберт подготовил и в 1803 г. издал на немецком языке специальное руководство; в том же году Румовский перевел его на русский язык. В том же 1803 г. Румовский был назначен попечителем Казанского учебного округа и многое сделал для открытия Казанского университета.

Члены Академии часто выступали с оригинальными общеобразовательными инициативами. В 1735 г. академик Ж. Н. Делиль представил «Полезный проект, чтобы дать каждому санктпетербургскому обывателю способ, как исправно заводить по солнцу стенные и карманные часы»[5]. Согласно этому проекту, с наступлением полудня с бастиона Адмиралтейства должен был производиться пушечный выстрел, по которому все петербургские жители могли проверять свои часы. И до сих пор в Санкт-Петербурге раздается полуденный пушечный выстрел со стены Петропавловской крепости.

Наряду с напряженной научной работой Делиль много времени уделял подготовке русских астрономов и геодезистов. Он даже составил «Проект относительно обучения и упражнений некоторого числа геодезистов в практике астрономических наблюдений...». Воспользовавшись предложением Делиля, Адмиралтейская коллегия, Морская академия и Сенат направляли к нему учеников. Один

---

[4] Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сборник документов // Сост. М. А. Алексеева и др. Л., 1985; *Бренёва И. В.* Инструментальные палаты Академии наук. СПб., 1999; *Стецкевич Е. С.* Рисовальная палата Петербургской Академии наук (1724–1766). СПб., 2011.

[5] История Академии наук СССР: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 98.

из его учеников, А. Д. Красильников, впоследствии стал известным русским астрономом.

Академия наук старалась использовать любую возможность для подготовки специалистов. В 1734 г. в Петербург были доставлены два японских рыбака, потерпевшие кораблекрушение у берегов Камчатки. Это обстоятельство подало мысль организовать обучение русских японскому языку. В 1736 г. при Академии была учреждена школа для изучения японского языка. Школа находилась в Петербурге до 1753 г., а затем была переведена в Иркутск, где слилась с аналогичной школой и просуществовала до 1816 г.

В 1741 г. при Академии наук была открыта школа китайского и маньчжурского языков. Преподавателем в этой ней был первый русский китаевед И. К. Россохин. Школа просуществовала 10 лет.

Многие члены Академии занимались непосредственно педагогической деятельностью. Сенатским указом в 1737 г. адъюнкту В. Е. Адодурову было поручено два раза в неделю обучать при Сенате сенатских и коллежских юнкеров «в грамматике славянской и латыни читать»[6]. Академики Г. В. Крафт, Хр. Гольдбах, Л. Эйлер составляли программы экзаменов для учащихся Сухопутного кадетского корпуса и принимали их.

Высокий уровень преподавания физико-математических и естественных наук в учебных заведениях Петербурга обеспечивали академики и сотрудники Академии: академик В. Л. Крафт, сын академика Г. В. Крафта, — в Артиллерийском кадетском корпусе; академик В. М. Севергин — в Медико-хирургической академии и Горном корпусе; академик С. Е. Гурьев — в Училище корабельной архитектуры и Греческом кадетском корпусе. Долгие годы трудились в Сухопутном и Морском кадетских корпусах академики Ф. У. Т. Эпинус, Г. Ф. Миллер, С. Е. Гурьев, С. Я. Румовский, Н. И. Фусс, Н. Я. Озерецковский; академический переводчик П. И. Веденский; сотрудник обсерватории Академии, участник Камчатской экспедиции А. Д. Красильников. В составе преподавателей Смольного института благородных девиц находились академик В. И. Висковатов, адъюнкты М. Е. Головин и И. Ф. Гакман, ректор академической гимназии К. Ф. Герман, переводчик Т. Ф. Кирьяк. Академик Г. З. Байер преподавал в частной школе Феофана Прокоповича. Здесь учились будущие академики С. К. Котельников и А. П. Протасов.

---

[6] *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге: [в 2 т.]. Т. 1. СПб., 1870. С. 506.

Ученые Петербургской академии наук оказывали постоянную помощь в организации и становлении новых научных и учебных центров в стране. Хорошо известна роль М. В. Ломоносова в создании Московского университета; кроме того, весной 1755 г. он составил «Проект регламента московских гимназий». Адъюнкт В. Е. Адодуров, в то время почетный член Академии, стал первым куратором университета; в качестве преподавателей были отправлены выпускники академического Университета А. А. Барсов, Н. Н. Поповский, Ф. Я. Яремский, И. Ф. Фрязин. Академики Л. Эйлер и — особенно активно — Г. Ф. Миллер, используя свои контакты в Европе, способствовали приглашению иностранных ученых в Москву в качестве преподавателей. Академия обеспечила комплектование библиотеки, создание научных кабинетов и университетской типографии.

Академики продвигали идею необходимости открытия в Петербурге Горного училища. Еще в 1766 г. академик И. Леман представил записку «Патриотические мысли о том, какую пользу развитию горного дела может оказать учреждение Горного кадетского корпуса»[7]. Из «Записки» Лемана становится ясным, что в Академии наук задолго до открытия Горного училища, вероятно, под влиянием М. В. Ломоносова, обсуждался вопрос об организации учебного заведения для подготовки специалистов горного дела. В своей «Записке» Леман большое внимание уделил обсуждению вопросов, связанных с организацией педагогического процесса в новом учебном заведении, и обязанностям профессоров, преподавателей и учащихся. 21 октября 1773 г. Екатериной II был подписан указ о создании Горного училища в Петербурге. При разработке учебных планов были использованы рекомендации Лемана. После открытия училища физику в нем читал академик В. Г. Крафт, химию и металлургию — член-корреспондент А. М. Карамышев, минералогию и горное дело — член-корреспондент И. М. Ренованц. Под руководством последнего во дворе училища был построен учебный рудник, который был известен как одна из достопримечательностей российской столицы.

В 1776 г. академика С. Я. Румовского назначили инспектором классов основанного в этом же году училища для юношей греческого происхождения. В то время Екатерина II после ряда побед над Турцией взяла на себя роль покровительницы освобожденной

---

[7] *Раскин Н. М.* К предыстории организации горного училища // Очерки по истории геологических знаний. М., 1974. С. 9–22.

от турок Греции, надеясь в дальнейшем упрочить там свое влияние. Задачей нового училища или, как его тогда называли, Греческой гимназии для чужестранных единоверцев, являлось воспитание юношей — подданных России. На Румовского возлагались разработка и организация всего учебного процесса. В речи, произнесенной им 15 марта 1777 г. при открытии училища, Степан Яковлевич изложил обширную программу обучения[8]. Помимо постепенного овладения шестью языками: русским, немецким, итальянским, турецким, латинским и греческим, большое внимание уделялось преподаванию математических наук, в т. ч. высшей математики, географии, истории и другим дисциплинам. Все семь лет, пока Румовский руководил учебной работой гимназии, она считалась одним из лучших учебных заведений столицы.

Даже отправляясь в научные экспедиции в отдаленные регионы России, члены Академии наук заботились о просвещении местных народностей. Так, адъюнкт Г. В. Стеллер был инициатором создания школ на Камчатке, одну из которых он содержал на собственные средства.

Правительство стремилось контролировать деятельность домашних учителей и учредителей частных пансионов и школ. В XVIII веке в России было популярно домашнее образование, которое осуществлялось частными учителями, прежде всего иностранцами. Среди них часто встречались случайные люди, именно поэтому правительство решило контролировать их деятельность. Сенатским указом от 5 мая 1757 г. «О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определиться в частные дома для обучения детей»[9] эта обязанность возлагалась в Санкт-Петербурге на Академию наук, в Москве — на университет. Все желающие стать учителями должны были сдать экзамен и получить аттестат; без аттестатов впредь они не допускались к преподаванию. Если кто «примет к себе в дом и станет держать учителя, не имеющего должного аттестата», говорится в указе, то подвергнется штрафу в 100 руб.; а учитель может быть выслан за границу[10]. Через «Санкт-Петербургские ведомости» 16 мая 1757 г. Академия наук объявляла и приглашала на экзамены по вторникам[11]. В 1757 г. были выданы аттестаты 61 учителю. Например, в аттестате

---

[8] *Румовский С. Я.* Речь, говоренная при первом собрании, бывшем в гимназии чужестранных единоверцев... // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 16. С. 82–90.

[9] Полное собрание законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1830. № 10724. С. 765.

[10] Там же.

[11] Санкт-Петербургские ведомости. 1757. 16 мая. № 39.

магистра Фридриха Преторибса, врученном ему 4 мая 1757 г., было указано, что

> «он был прежде в Финляндии пастором... а теперь живет в С.-Петербурге и держит на Адмиралтейской части приватную школу, обучая приходящих к нему детей латинскому и немецкому языкам, катехизису, истории, географии, арифметике и чистописанию. В том дается ему сие свидетельство, что он к таковому обучению способен»[12].

Но в целом этот указ исполнялся плохо, а в нашей памяти сильны образы учителей из комедий Д. И. Фонвизина.

Кроме проведения научных и учебных занятий, многие академики исполняли обязанности учителей и воспитателей в царской семье или в семьях высокопоставленных чиновников России. Академик Х. Ф. Гросс был наставником детей графа А. И. Остермана, академик Г. З. Байер и И. С. Бекенштейн — барона И. А. Корфа, будущего президента Академии наук, академик Г. В. Крафт — сына Э. И. Бирона. Академик Г. Б. Бильфингер написал инструкцию для обучения и воспитания юного императора Петра II, которая была издана в Академии наук на русском и немецком языках. Академик Х. Гольдбах обучал математике императора Петра II и его сестру Наталью. Академики Я. Герман и Ж. Н. Делиль составили для него учебник по математике: «Сокращение математическое ко употреблению его величества Императора всея России» в 3 частях (1728)[13]. Адъюнкт В. Е. Адодуров обучал русскому языку будущую императрицу Екатерину II. Адьюнкт Г. Н. Теплов был воспитателем-наставником графа К. Г. Разумовского, будущего президента Петербургской академии наук. Академик Н. Я. Озерецковский был наставником внебрачного сына Екатерины II графа А. Г. Бобринского. Академик П. С. Паллас в течение многих лет преподавал естественные науки будущему императору Александру I и его брату Константину.

В 1742 г. Елизавета Петровна, заботясь о воспитании и образовании своего племянника, будущего императора Петра III, поручила академику Я. Я. Штелину и академику Х. Гольдбаху составить план

---

[12] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 78. Л. 43.

[13] *Смагина Г. И., Мавринович М. Б.* Учился ли император Петр II и чему? «Расположение учений Петра II в политическом и академическом контекстах эпохи» // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2015.С. 127–175.

его обучения[14]. Рекомендации Штелина показались императрице наиболее подходящими, и он был назначен наставником наследника престола.

Несмотря на то, что план Х. Гольдбаха не был одобрен Елизаветой, она в 1760 г. обратилась к нему еще раз. На этот раз он представил свое «Мнение об обучении великого князя Павла Петровича»[15].

Существенный вклад в развитие образования в России внесла деятельность Академии наук по подготовке учебной литературы. В XVIII веке в Академии было написано, переведено и издано около 200 учебных книг[16].

В течение 18 лет (1785–1802) по инициативе директора Академии наук княгини Е. Р. Дашковой петербургское общество имело возможность бесплатно пользоваться «публичными наставлениями» по разным отраслям знаний: математике, физике, химии, минералогии и естественной истории. Академические лекции читались в летнее время, с мая по сентябрь, по два часа два раза в неделю[17].

Публичные лекции собирали большую аудиторию; их посещали, кроме столичных обывателей, учащиеся старших классов практически всех учебных заведений города. Летом 1786 г. в аудиториях Академии наук было много будущих учителей — студентов Петербургской учительской гимназии, которые для завершения образования приходили слушать лекции. К сожалению, неизвестно, какие они приобрели знания, но сообща казенных «сапогов износили, слушая лекции, на 96 р. 25 к.».

Публичные лекции читались и в европейских академиях, но нигде они не достигли такого масштаба и регулярности, как в Петербургской академии наук.

Начиная с 60-х годов XVIII века Академия наук включается в просветительское движение, направленное на создание в стране государственной системы школьного образования. Было составле-

---

[14] *Штелин Я. Я.* Записки... о Петре III, императоре всероссийском // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. 4. С. 67–118; *Пекарский П. П.* История Академии наук в Петербурге. С. 544.

[15] РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–3; *Пекарский П. П.* История Академии наук в Петербурге. С. 168–169.

[16] *Смагина Г. И.* Академия наук и создание учебной литературы в XVIII в. // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / Отв. ред. Ж. И. Алферов. СПб., 2010. С. 11–38.

[17] *Смагина Г. И.* Сподвижница Екатерины Великой. СПб., 2006. С. 89–109.

но 12 масштабных проектов школьных реформ, авторами которых являлись члены Академии: И. А. Браун, С. К. Котельников, Г. Ф. Миллер, К. Ф. Модерах, А. П. Протасов, И. Э. Фишер, И. Э. Цейгер, Я. Я. Штелин и Ф. У. Т. Эпинус[18]. Лишь один проект, предложенный академиком Эпинусом, встретил полное понимание и поддержку Екатерины II.

В 1782 г. была создана Комиссия для заведения в России народных училищ, которая стала первым государственным учреждением, объединившим все школьное дело в России. В начале XIX века на ее основе было создано Министерство народного просвещения.

В 80-х гг. XVIII века была проведена масштабная школьная реформа. Была организована специальная подготовка учителей и составлены школьные учебники. В губернских городах Российской империи стали открывать главные народные училища с 5-летним сроком обучения, а в уездных — малые народные училища с 2-летним сроком. К концу века было организовано около 300 училищ.

Петербургская академия наук в XVIII веке внесла определяющий вклад в культурно-образовательную жизнь России, выступая в качестве мощного аккумулятора идей. Постоянно выдвигая оригинальные просветительско-образовательные проекты, Академия наук способствовала осознанию обществом и правительством необходимости масштабных просветительских преобразований и указывала главные направления коренных изменений школьного дела в России. Это позволило к концу века добиться существенных успехов в сфере просвещения и заложить основу для дальнейшего совершенствования образования, науки и культуры в целом.

---

[18] *Смагина Г. И.*: 1) Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб. 1996. 164 с.; 2) Г. Ф. Миллер и его образовательные проекты в России в XVIII веке. СПб., 2024. 447 с.

Ольга Гениевна Агеева
(Москва)

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института российской истории РАН,
руководитель Центра по изучению отечественной культуры

Петербургская академия наук XVIII в. и главные торжества Романовых: коронации и погребения

Olga G. Ageeva

St. Peterburg Academy of Sciencies in 18th century and the main Romanoff festivities: the coronations and funeral solemnities

Аннотация: Статья посвящена участию Академии наук в основных торжествах Дома Романовых — коронациях и печальных церемониях — в XVIII веке. В ней предпринята попытка выявить круг членов академии, которые принимали участие в церемониях, их статус согласно Табели о рангах 1722 г., различные формы и особенности участия в шествиях, поздравительных аудиенциях, застольях. Изучается специфика награждения академиков памятными золотыми и серебряными медалями.
Abstract: The article is devoted to the participation of the Academy of Sciencies in the main Romanoff festivities — the coronations and the funeral solemnities of the 18th century. This paper attempts to reveal the circle of the Academy members, which took part in the ceremonies, their status according to the Table of ranks 1722, the different formes and features of their participation in the processions, the congratulatory audiences, the feasts. It examines the awarding the academicians of the commemorative gold and silver medals.

Ключевые слова: XVIII век, Петербургская академия наук, торжества Романовых.
Keywords: 18th century, St. Peterburg Academy of Sciencies, the Romanoff festivities.

Петербургская академия наук изначально не только занималась, в соответствии со своим прямым предназначением, разработкой научных проблем, но и участвовала, подобно другим государственным учреждениям, в официальной жизни Российской империи, включая коронации и погребения Романовых. Эти знаковые церемониальные действа, связанные с правящим домом, в XVIII веке предполагали присутствие как отдельных высокопоставленных персон, так и делегаций от регионов страны, сословий, национальных обществ и государственных учреждений. Круг участников церемоний и их обязанности, в т. ч. относящиеся к чинам созданной в 1725 г. Академии наук, определяли специально учреждаемые коронационные и печальные комиссии.

Рассмотрению в динамике состава «академических» чинов, принципов и форм их присутствия на торжествах и в печальных церемониях Романовых с середины 1720-х гг. до времени правления Павла I и посвящена данная статья. При ее написании использовались документы РГАДА (фонды 156, 248, 1239) и РГИА (фонды 469, 473), хранящиеся в делах коронационных и печальных комиссий и касающиеся церемоний, проводившихся в указанный период. Исключительный интерес представляют и публикации источников, в числе которых печатные описания коронаций и погребений Романовых в XVIII веке.

Участие в придворной жизни членов Академии наук, которая первые десятилетия века являлась Академией наук и художеств, было разноплановым. Они посещали дворец для обучения царских детей и обеспечивали их учебными материалами (инструментами, глобусами и др.)[1]; готовили проекты медалей, праздничные фейерверки и иллюминации, гравюры; снабжали церемониальные комиссии литературой из академической библиотеки. Так, уже в 1727 г. при подготовке погребения Екатерины I в комиссию для убранства печального зала по запросу была отправлена книга на французском языке «Лексикон Фюритьер» (в 3 т.) и требуемые от академиков-

[1] См., например: Материалы для истории Императорской академии наук: В 10 т. Т. 1: 1716–1730. СПб., 1885. № 491. С. 259; № 520. С. 324; № 601. С. 395; и др. (далее — Материалы.)

профессоров «проекты о медалях»[2]; в 1730 г. — латинская эпитафия Петра II, составленная академиком, профессором Хр. Гольдбахом, и надписи, сочиненные для четырех пьедесталов, на латинском, французском и русском языках[3].

В 1742 г. академические профессора Я. Я. Штелин и И. Я. Тауберт, библиотекарь И. Я. Шумахер участвовали в составлении текста иллюстрированного коронационного альбома Елизаветы Петровны[4], а действительный почетный член Академии наук и художеств Г. Н. Теплов в июне — августе 1763 г. готовил текст «Обстоятельного описания...» коронации Екатерины II, увидевшего свет только в XIX веке[5]. Гравюры для коронационных альбомов также могли готовиться и печататься в Академии наук. К примеру, в 1730 г. рисунки к описанию коронации исполнялись в Москве и отправлялись для выполнения гравировки на меди и печати в академическую типографию в Петербург[6].

За выполнение работ по подготовке церемоний прикомандированные к комиссиям чины Академии получали вознаграждения. К примеру, в 1740 г. за труды в печальной комиссии было пожаловано по 200 руб. профессору Я. Я. Штелину и архитектору Я. Шумахеру[7].

Но особый интерес представляет участие Академии наук как учреждения в самих церемониях коронаций и погребений Романовых. Оно наглядно демонстрировало как статус Академии в обществе XVIII века, так и особенности организации государственно-придворных мероприятий.

Знакомство с делами коронационных комиссий и коронационными альбомами показало, что в Москве среди участников коронационных въездов, действа коронования в Успенском соборе, ше-

---

[2] Материалы. № 492. С. 259; № 496. С. 263.

[3] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 187. Л. 8, 27, 46–46 об.

[4] Сводный каталог русской книги гражданской печати (1725–1800): В 5 т. Т. 2: К — П. М., 1964. № 4789. С. 330–332.

[5] Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в императорскую древнюю резиденцию... град Москву, и освященнейшего коронования... императрицы Екатерины Вторыя... еже происходило вшествие 13, коронование 22 сентября 1762 года. [М., 1762]. Опубликовано в Камер-фурьерских журналах. [СПб., 1867]. (Далее — Обстоятельное описание... 1762 г.)

[6] Материалы. Т. 1. № 886, С. 642–644; *Алексеева М. А.* Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII века: Изданные и неизданные альбомы // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 233–235.

[7] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 55. Л. 101.

ствия под балдахином в кремлевские соборы делегация-«корпус» от Академии наук отсутствовала, т. е. специально академиков, адъюнктов, профессоров и чинов Академии из Петербурга в Москву не вызывали. Но при этом в коронациях участвовали делегации от городов и дворянства Прибалтики (с 1724), Малороссии (с 1742), от губерний, российского и иностранного купечества, от Правительствующего сената, от 11 коллегий, канцелярий и других учреждений, а также мужские и дамские чины по классам.

Но участие в торжествах Академия все же принимала. Так, в коронации Петра II 25 февраля 1728 г., при отсутствии делегации от Академии наук[8], должен был участвовать президент Академии и лейб-медик Л. Л. Блументрост, который выехал в Москву с двором, оставив библиотекаря и секретаря И. Д. Шумахера в Петербурге ведать делами Академии[9].

Что касается других профессоров-академиков, то они стали участниками празднества в Петербурге. После того как управлявший городом генерал-аншеф граф Миних получил указ Верховного тайного совета от 26 февраля о совершившейся коронации Петра II, в новой столице надлежало благодарить Бога в храме, устроить пушечную пальбу и учинить стол. При этом по распоряжению Миниха членам Академии наук велено было 3 марта прибыть в храм на молебен, а потом в дом графа, где после застолья перед палатами была устроена иллюминация. Реляция с подробным описанием символического действа сохранилась в делах Академии[10].

Обращение к описаниям последующих коронаций и печатным коронационным альбомам показывает, что в церемониях участвовали не только отдельные лица, служившие в Академии наук, но иногда и особые группы-делегации. После основного действа, состоявшегося 28 апреля 1730 г. в рамках коронации императрицы Анны Иоанновны, 30 апреля — во второй день поздравительных аудиенций — после обеда в Грановитой палате были приняты как особая делегация три представителя Академии наук (под № 3): «...президент Академии императорской Блументрост с двумя профессорами, один из которых, юстиции советник господин Гольдбах, говорил пространное ее величеству поздравление»[11].

---

[8] См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34746. Л. 334–366 об.; Церемониал коронования государя императора Петра II. СПб., 1858.

[9] Материалы. Т. 1. № 528. С. 345.

[10] Материалы. Т. 1. № 555. С. 360; № 556. С. 360–364.

[11] Описание коронации ее величества императрицы и самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 года. М., 1730. С. 62.

В 1742 г., при проведении коронации Елизаветы Петровны, в главный день церемонии — 25 апреля — в шествии под балдахином под № 10 следовала делегация Медицинской канцелярии, состоявшая из 14 человек — докторов и штаб-лекарей — и в заключении лейб-медикуса и действительного статского советника Блументроста. Ранее этот чин, естественно, присутствовал на действе в Успенском соборе[12].

Церемониальные роли Л. Л. Блументроста объясняются тем, что он являлся и лейб-медиком, и членом Академии наук. Во второй день поздравлений императрицы с коронованием, 27 апреля вечером, среди прочих групп чинов были допущены на аудиенцию в Грановитую палату «члены Академии наук, медического факультета докторы и знатные лекари, кои собрались в Мастерской палате». От этой делегации «профессор Штелин пред троном ея императорского величества говорил поздравительную... речь»[13].

В церемонии коронования Екатерины II присутствие делегации от Академии наук ни в шествиях под балдахином 22 сентября 1762 г., ни в поздравительных аудиенциях последующих дней не прослеживается. Однако глава Академии — генерал-фельдмаршал, малороссийский гетман и гвардии подполковник граф К. Г. Разумовский — являлся одним из ассистентов императрицы в шествии под балдахином и при следовании к столу коронационного обеда в Грановитой палате для лиц 1–2-го классов. Во время аудиенций 24 сентября Разумовский приносил поздравление Екатерине II как глава группы армейских штаб- и обер-офицеров и командиров гарнизонных полков[14]. Примечательно, что должность главы Академии при перечислении чинов Разумовского не упоминалась.

Отметим, что в церемониях коронации принимали участие делегаты от Медицинской канцелярии и Московского университета. Последний представляла делегация из 12 персон: университетских «членов, профессоров и магистров», с канцелярии советником и директором И. И. Мелиссино. Во время поздравительной аудеинции делегацию возглавлял куратор университета генерал-поручик И. И. Шувалов[15].

---

[12] Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшего импараторскаго величества императрицы Елисавет Петровны самодержицы Всероссийския, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля, 1742 года. [М., 1742]. С. 54. (Далее — Обстоятельное описание... 1742 года.)

[13] Обстоятельное описание... 1742 года. С. 142–145.

[14] Обстоятельное описание... 1762 года. С. 67, 122, 139.

[15] Там же. с. 62, 141.

Наконец, в коронации Павла I в 1797 г., последней в XVIII веке, по сохранившимся в делах коронационной комиссии проекту «Начертание торжественного обряда... коронования... Павла Петровича...» и спискам делегаций участие членов Академии наук не прослеживается. При этом в шествии под балдахином, включавшем 60 персон и делегаций земель, сословий и учреждений, участвовали делегации Московского университета и Московской хирургической школы[16].

Иную картину участия Академии наук в государственных церемониях дают источники по погребениям царствующих особ и членов правящего дома Романовых.

Вопрос об участии Петербургской академии наук в императорских погребениях был поставлен уже при подготовке первых после ее создания в 1725 г. траурных церемоний Екатерины I († 06.05.1727. П. 16.05.1727). Из письма генерала-лейтенанта Дж. Гюнтера от 15 мая 1727 г. следует, что инициатором присутствия делегации от Академии наук был «библиотекрь Шумахер», который «при комиссии [печального] церемониального учреждения объявил, что имеется профессоров персон с четырнадцать, которые в процессии церемонии погребения нигде не приписаны, а оным весьма быть надлежит». Вследствие этого было дано распоряжение приписать «оных профессоров» к его маршальству, т. е. к чинам Медицинской канцелярии, секретарем которой И. Д. Шумахер являлся с 1714 г.[17] Однако описание порядка печального шествия Екатерины I не сохранилось, а по сведениям, сообщенным в «Истории Академии наук» Г. Ф. Миллером, академики в шествии не участвовали, т. к. не было ясно, как определить их статус и куда в процессии поместить[18]. Низкий 9-й ранг «профессоров» членов академии не устраивал.

Тем не менее в следующем 1728 г. именно в предложенной — единой с медиками — церемониальной группе члены Академии участвовали в погребении дочери Петра I Анны Петровны († 04.05.1728. П. 12.11.1728). Получив из Москвы, где в это время находился Двор, распоряжение встретить и погребсти тело умершей в Киле цесаревны и герцогини Голштинской «по

---

[16] РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1413; Д. 1414. Л. 1–36.

17 Материалы. Т. 1. № 493. С. 260.

18 См.: История академии наук Г.-Ф. Миллера, с продолжением И. Г. Штриттера (1725–1743) // Материалы для истории Академии наук. Т. 6. СПб., 1890. С. 142–143; *Фундаминский М. И.* Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура России XVIII в.: Сб. ст. Л., 1984. С. 55.

обычаю и по достоинству»[19], генерал фон Миних привлек к церемониям Академию наук. При встрече тела цесаревны в шествии под № 62 и 63 следовали маршал и члены Академии наук, в т. ч. «и докторы и потом служители Санкт-Петербургской почтовой конторы». В процессии они заняли невысокое место между чинами 8-го и 9-го классов, т. е. по профессорскому рангу Табели 1722 г., да еще и после российского шляхетства вне рангов. Помимо этого, для встречи и погребения Анны Петровны от Академии наук в корпус пажей были откомандированы 12 академических учеников небольшого роста и в черном платье. Их именной реестр от 21 октября 1728 г., подписанный П. Пушкиным, имеется в деле[20].

В погребальном шествии, печатное описание которого составило 95 пунктов, под № 88 и 89 следовали «императорский библиотекарь яко маршал» Шумахер и — по три персоны в ряд — «профессоры и члены императорской Академии наук с докторами и служителями почтамта, всех 27 персон» с чинами от 9-го класса и ниже. В «реестре» маршальства Шумахера, которого сопровожал адъютант, было восемь чинов докторов, лекарей и штаб-лекарей (9–12-й ранги) и шесть служащих почтовой конторы (один в 13-м классе). Имеются и имена 11 членов академии: «Дель лиль — Лейтман — Дуверной; Бернулли — Беиэр — Мартиний; Кмелин — Эйлер — Генингер; Вейбрехт — Крафт»[21].

Из сохранившейся инструкции в 11 пунктах, данной от фон Любераса Шумахеру и объяснявшей, что ему «в своем маршальстве чинить», следует, что группа Академии наук 11 ноября должна была быть «в готовности», по трем сигналам — пушечным выстрелам — собраться в Зимнем дворце, следовать за шляхетством к Почтовому дому, оттуда на судне переплыть Неву и пройти от Троицкой площади «по порядку» к Петропавловской церкви, где встать «близ шляхетства». При этом нужно было наблюдать, чтобы в маршальстве «шли тихо и порядочно, помешательства не чинить». Наконец, после погребения Шумахер с персонами его маршальства, в составе 10 «академических», должен был принять участие в «столе» его величества. Всего на поминки в Зимний дворец были приглашены:

---

[19] Материалы. Т. 1. № 593. С. 390.

[20] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 48. Л. 104; 99 об.

[21] РГАДА. Ф. 156. Оп.1. Д. 48. Л. 28; 149 об. Ранее из Академии в печальную комиссию 26 сентября 1728 г. был прислан реестр с 14 именами и сообщалось, что дам — жен и девиц — у академических чинов не имеется. См.: Материалы. Т. 1. № 613. С. 402.

182 духовных лица, 155 дам, 171 человек от генералитета, штаб- и обер-офицерских чинов и прочих светских лиц[22].

Следующее погребение правящей особы — молодого императора Петра II († 19.01.1730. П. 11.02.1730) — состоялось в Москве. Специальной делегации от Академии на нем не было[23]. Однако в печальных церемониях 1730 г. могли принимать участие три члена Академии наук — действительный статский советник Л. Л. Блументрост и два профессора, которые затем были на коронации новой императрицы. Особая делегация Академии наук отсутствовала в Москве и на погребении в 1731 г. царевны Прасковьи Иоанновны († 08.10.1731. П. 01.11.1731)[24].

Однако 26 июня 1733 г. в Петербурге, куда вернулся двор, прошли торжественные похороны царевны и мекленбургской герцогини Екатерины Иоанновны († 14.06.1733). По «Краткому описанию порядка церемонии погребения» в процессии, включавшей 43 пункта, за гробом под № 35 шел маршал Шумахер, за которым под № 36 следовали 14 человек: «члены Академии наук, доктора, постдиректор и почтмейстер»[25]. По составу маршальство Шумахера 1733 г. было меньше такового же в 1728 г., но многие лица, вероятно, были теми же.

В 1740 г. в Петербурге прошло погребение императрицы Анны Иоанновны († 17.10.1740). В печальном шествии 23 декабря, имевшем в описании 187 пунктов, было предписано следовать во главе с доктором Энглертом корпусу Медицинского правления из 28 человек (№ 114, 115) и за ним «маршалу советнику Шумахеру» и корпусу Академии наук из 30 человек (№ 116–117)[26]. По другому источнику — описанию поминального стола, от Академии было всего 27 человек. Из них, как и в 1733 г., к поминальному столу, который накрывали на 144 персоны, было приглашено от Академии наук 10 человек[27].

Далее погребения правящих особ происходили по уже отработанному сценарию, в группе Академии наук мог меняться только состав учреждений.

---

[22] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 48. Л. 148 об. — 149, 280; Материалы. Т. 1. № 620. С. 407–408.

[23] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 4–8 об.

[24] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 52.

[25] РГАДА. Ф. 248. Д. 1511. Л. 17 об.; Ф. 156. Оп. 1. Д. 53. Л. 17 об.

[26] РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 189. Л. 6 об.; Ф. 473. Оп. 3. Д. 190. Л. 6 об.

[27] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 55. Л. 123.

Печальное шествие императрицы Елизаветы Петровны († 25.12.1761), отправленное 2 февраля 1762 г., по «Описанию порядка, держанного при погребении...» имело 123 пункта. Под № 73 шли: маршал со «штабом», члены Академии наук, Московского университета и Академии художеств, профессоры и служители не ниже секретаря. Все они следовали в епанчах и распущенных шляпах с длинным флером, по три в ряд, младшие впереди. Маршалом академического порпуса был коллежский советник М. В. Ломоносов, который получил инструкцию, где его корпусу собираться, как идти в печальной колонне и где занимать место в церкви[28].

После погребения маршалы процессии 6 и 7 февраля подавали списки участников. 7 февраля список корпуса за собственоручным подписанием представил в комиссию маршал М. В. Ломоносов. Из него следовало, что в процессии с маршалом от Академии наук и Академии художеств было всего 24 человека. От Академии наук участвовали: пять ее членов и профессоров: И. Фишер, Адам Браун, И. Цейгер, Сем. Котельников, И. Леман; три адъюнкта: И. Трускот, Н. Матонис (оба в ранге титулярных советников) и Гр. Козицкий; канцелярии секретарь М. Гурьев; три неранговых адъюнкта: Ал. Протасов, Яков Фридрих Шмит, И. Бакмейстер; всего 12 человек. Отсутствовал записавшийся для участия в церемонии коллежский советник и профессор, действительный член Академии наук Франц Эпинус. В группу членов собрания Академии художеств входили девять человек: архитекторы, живописцы, скульптор, резной мастер и гридоровальщики. Еще два человека, записавшихся на церемонию, отсутствовали. Вместо них к корпусу «без приказу самопроизвольно» присоединись два академических учителя[29].

Последним императорским погребением в XVIII веке стало двойное погребение Екатерины II († 06.11.1796) и умершего 34 года назад Петра III († 06.07.1762). Устроенное Павлом I как назидательная акция усопшей матери, оно включало перенесение в шествии чинов останков Петра III из Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в зал прощания Зимнего дворца 2 декабря, а затем общее погребение императора с императрицей 18 декабря 1796 г. с пышной процессией и упокоением в Петропавловском соборе.

В первом шествии участвовали только чины 1–4-го классов. Чин президента Академии числился в 4-м классе. Занимавший эту должность Кирилл Григорьевич Разумовский как генерал-фельдмаршал

[28] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 12 об.; 19–33 об.

[29] РГАДА. Ф. 248. Д. 7458. Л. 101.

состоял в 1-м классе. В Петербурге он отсутствовал, т. к. уже давно жил в Батурине в Малороссии или в Москве. Однако в процессии должен был присутствовать занимавший с ноября 1796 по 1798 г. пост директора Академии наук П. П. Бакунин. Он имел 4-й ранг действительного статского советника.

Что касается общей процессии в Петропавловский собор 18 декабря 1796 г., то по ее схеме-описанию из 171 пунктов и замыкавших шествие военных под № 137 следовал маршал «со штабом» бригадир Н. М. Чихачев, а за ним профессора и адъюнкты Академии наук и художеств и народных училищ, общим числом 18 человек (с рангами не ниже коллежского секретаря). Шли участники академической группы по три человека в ряд, в епанчах и распущенных шляпах с длинным черным флером[30].

Согласно сохранившемуся архивному списку назначенных в шествие от 28 ноября 1796 г., от Академии наук в процессии участвовали шесть академиков: коллежский советник. Ст. Румовский, надворный советник Сем. Котельников, И. Лепехин, Иоган Албрехт Эйлер, Н. Озерецковский и Вольфганг Людвиг Крафт. И еще по шесть чинов представляли Академию художеств во главе с директором надворным советником И. Акимовым и Комиссию об учреждении надворных училищ, возглавляемую реформатором школьного образования, статским советником Ф. И. Янковичем де Мириево[31].

Что касается публичных погребений других членов фамилии Романовых — великой княжны Натальи Алексеевны († 22.11.1728), скончавшейся в ссылке, но похороненной в Петербурге бывшей правительницы Анны Леопольдовны († 7.03.1746), погребений убитого императора Петра III († 6.07.1762) и великой княгини Натальи Алексеевны († 15.04.1776), а также детских погребений великих княжон Анны Петровны († 8.03.1759) и Ольги Павловны († 15.01.1795), то они не сопровождались пышными шествиями с присутствием делегаций от государственных учреждений, поэтому участия Академии наук в них не предполагалось.

Из других церемониальных элементов коронаций и погребений правящих особ, касавшихся всех участников церемоний, включая членов Академии наук, следует отметить их награждение памятными медалями. Обычай изготавливать и раздавать такого рода сувениры в соответствии с чином появился в 1724 г. на коронации

---

[30] *Стегний П. В.* Время смерть, или Сущая служительница Фива. Хроники времен императрицы Екатерины Великой. М., 2002. С. 439–440.

[31] РГАДА. Ф. 248. Д. 7476. Л. 285–285 об.

Екатерины I. Медали чеканились из золота и серебра и были разного достоинства. Золотые: 30, 20, 12 и 1 червонный, серебряные: в 30, 12 и 1 золотник.

По неуклонно соблюдаемой норме, введеной в 1727 г. при погребении императрицы Екатерины I, участникам корпуса от Академии жаловали: профессорам — по серебряной медали в 30 золотников; адъюнктам и учителям — серебряные медали в 12 золотников[32]. Если члены академии, академики-профессора имели статские чины более высокого ранга, то им могли жаловать и золотые медали. Например, после погребения в 1762 г. императрицы Елизаветы Петровны по Реестру к раздаче медалей коллежский советник И. И. Тауберт (адъюнкт, библиотекарь, заведующий академической типографией) и маршал академического корпуса, коллежский советник М. В. Ломоносов получили по золотой медали в 12 червонных[33]. Следовавшие в корпусе пять академиков-профессоров были пожалованы, подобно чинам 5–8-го классов, серебряными медалями в 30 золотников; три адъюнкта с рангами, в т. ч. два титулярных советника, и коллежский секретарь из канцелярии Академии получили медали в 12 золотников[34]. После церемоний образцы медалей, по одной каждого сорта, отправляли в Академию наук в качестве экспонатов для Кунсткамеры. Так было, например, после погребения Анны Иоанновны[35].

Участие в государственных церемониях, требовавшее учета рангов от находящихся на службе чинов, показало особенности и противоречивость социального статуса членов Петербургской академии наук. Дело в том, что звание «академик» в Табели о рангах 1722 г. отстутствовало, но в ней еще до учреждения Академии наук был прописан чин 9-го класса — «профессор при академиях» (Морской академии и др.). А так как члены Академии преподавали в Академическом университете, то и назывались в документах профессорами и помещались без указания рангов после чинов 8-го или 9-го классов. Рядом с «профессорами» занимали место и адъюнкты, которые вообще рангов не имели. Эта ситуация объясняет практику пожалования членам Академии наук статских чинов за другие виды деятельности и государственной службы, на которой они, начиная карьеру с 9-го класса, постепенно достигали более высоких рангов.

---

[32] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 55. Л. 113 об., 114 об.

[33] РГАДА. Ф. 248. Д. 7460. Л. 38.

[34] Там же. Л. 80; 65–65 об.

[35] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 55. Л. 113 об.

В XVIII веке 32 члена академии имели статские чины и могли дойти до 5-го, 4-го и 3-го рангов, т. е. до чинов статского, действительного статского и тайного советников[36]. Так возникала противоречивая ситуация: получившие более высокие ранги члены академии в церемониях, следуя в «академическом корпусе», занимали более низкое место.

Таким образом, профессорский статус согласно Табели о рангах определял социальный вес Академии наук. Очевидно, что им объяснялась и необязательность присутствия членов Академии на главных государственных тожествах, и скромное место ученой корпорации среди других социальных групп. Примером этого могут служить коронационные аудиенции, на которые Академия допускалась только во второй день поздравлений после обеда, т. е. во второй группе участников торжеств. При этом академики приносили поздравления: в 1730 г. после дам — представительниц дворянства и до смоленской шляхты во главе с генералом-поручиком Потёмкиным[37], в 1742 г. после представителей шляхетства и офицеров разных полков и до московского магистрата и депутатов от городов Риги, Ревеля и Нарвы[38]. В 1762 и 1797 гг. организаторы торжеств вообще обошлись без делегаций от Академии.

Помимо представлений о месте академиков в обществе, отсутствие академических ученых на торжествах объяснялось и географическим фактором. Очевидно, что для социальных групп второго плана организаторы торжеств делали ставку на местные московские или петербургские учреждения. Поэтому в силу «прописки» Академии наук в новой столице приглашение ее членов и чинов на церемонии главных петербургских печальных торжеств Романовых представлялось естественным.

В целом же отмеченная вольность присутствия (или неприсутствия) Академии наук на торжествах и определение форм участия в них свидетельствуют о том, что в XVIII веке представление о значимости науки как государственного дела и Академии наук как государственного учреждения еще не устоялось.

---

[36] *Фундаминский М. И.* Указ. соч. С. 52–71.

[37] Обстоятельное описание... Елизаветы Петровны, с. 142–145.

[38] Описание коронации ее величества императрицы и самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 года. М., 1730. С. 62.

Екатерина Александровна Тюхменева
(Москва)
Заведующая отделом русского искусства
НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ

«Планы потехам и другие разные»: к вопросу о деятельности Академии наук во второй половине 1720-х — первой половине 1730-х гг. (по материалам РГАДА)

Ekaterina A. Tyukhmeneva

«Plans for Amusements and Other Miscellaneous»: On the Activities of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences in the Second Half of the 1720s — First Half of the 1730s (Based on Materials from the Russian State Archive of Ancient Acts)

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Академии наук, связанная с созданием инвенций и рисунков для церемониального оформления государственных торжеств в начальный, доштелиновский период существования этого учреждения. Автор предлагает и уточняет атрибуцию письменных и графических материалов из РГАДА и НИОР БАН, посвященных коронации Петра II. Проведенное исследование дополняет имеющиеся представления о развитии праздничной культуры в России и роли Академии наук в данном процессе.
Abstract: The article examines the activities of the Imperial Academy of Sciences related to the creation of inventions and drawings for the ceremonial design of

state celebrations in the initial, pre-Stählin period of the existence of this institution. The author suggests and clarifies the attribution of written and graphic materials from The Russian State Archive of Ancient Acts and The Library of the Russian Academy of Sciences dedicated to the coronation of Peter II. The conducted research complements the existing ideas about the development of festive culture in Russia and the role of the Academy of Sciences in this process.

Ключевые слова: Академия наук, фейерверк, иллюминация, медальерное искусство, проектная графика.
Keywords: Academy of Sciences, fireworks, illumination, medallic art, design graphics.

С момента своего появления в России Петербургская академия наук принимала активное участие в подготовке торжественных мероприятий императорского двора. В ее функции входило составление проектов фейерверков и иллюминаций, праздничного и траурного убранства города, дворцовых и церковных интерьеров, а также программ медальерных композиций. Хорошо изучена роль Академии в создании церемониальных и иных отвечавших запросам двора книг, таких как коронационные и погребальные альбомы, брошюры с описанием огненных «потех», труды по истории и геральдике. Помимо этого, сотрудники Академии наук регулярно занимались сочинением панегирических литературных произведений «к случаю», прославляющих монарха и членов его семьи. Как известно, особый вклад в развитие отмеченных сфер придворной культуры внес немецкий ритор Якоб Штелин (1709–1785)[1]. Приехав в Россию в 1735 г., он на протяжении почти полувека являлся, говоря по-современному, главным инвентором государства. В данной статье остановимся на проектной деятельности Академии наук, касающейся преимущественно устройства фейерверков и иллюминаций, в ранний, доштелиновский период, наименее исследованный к настоящему моменту.

Согласно опубликованным данным, во второй половине 1720-х — первой половине 1730-х гг. инвенции огненных «потех» составляли многие сотрудники Академии, независимо от того, к какой отрасли науки они принадлежали. Среди них профессор юриспруденции Иоганн Симон Бекенштейн (1684–1742; в России — 1726–1735), профессор математики Христиан Гольдбах (1690–1764; в России —

[1] Подробнее о Я. Штелине и его деятельности в России см.: Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Сост., пер. с нем., вступ. ст., предисл. к разд. и примеч. К. В. Малиновского. Т. I–II. М., 1990.

с 1725), адъюнкт, а затем профессор элоквенции Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер (1703–1746; в России — с 1731). Краткое свидетельство о том, как был организован этот процесс, имеется в соответствующих записках Я. Штелина. Опираясь на «тетради» по истории Академии наук Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783; в России — с 1725), немецкий ритор отмечает корпоративный характер работы инвенторов, выделяя ведущую роль одного из них.

> «Петр Великий, — констатирует он, — любил эмблематические представления в фейерверках и иллюминациях. // Во время трех правлений сохранялась эта привычка, которая являлась причиной больших издержек, а также частых и больших фейерверков. И не таким легким делом было подавать для этого новые проекты, которые сменяли друг друга с небольшими изменениями. Их создавали в Академии, каждый член которой охотно привносил свое. Собирались, советовались, каждый сообщал свои мысли тому, который был избран составлять из них иконологическое целое, а им обычно был тогда г-н Бекенштейн»[2].

В одном из примечаний к приведенному отрывку Штелин крайне негативно и довольно грубо отзывается о способностях инвенторов, служивших в Академии и — шире — в России до него. Он называет «этих господ совершенно слепыми в подобных искусствах», а И. С. Бекенштейна — «одноглазым», как бы мы сейчас сказали, выскочкой[3]. Несмотря на то, что в процитированном выше тексте говорится о «трех царствованиях», речь идет главным образом об эпохе Петра II.

Дополнить существующие сведения о вкладе Академии наук в развитие отечественной праздничной культуры исследуемого периода позволяют документы, сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА). Прежде всего, это дело «Планы потехам и другие разные...», наименование которого, приведенное на обложке, вошло в название предлагаемой статьи[4]. Указанное дело содержит уникальный комплекс письменных и графических материалов, связанных с коронацией Петра II. С конца 1990-х гг. листы из него неоднократно публиковались,

---

[2] Там же. Т. I. С. 244.

[3] Там же.

[4] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. 49 л. В описи данное дело значится под другим названием (не тем, которое приведено на обложке) — «Рисунки и надписи к триумфальным воротам по случаю коронации Петра II. Составлены с участием Феофана Прокоповича. [1728]», поскольку его открывает программа триумфальных ворот, выполненная упомянутым архиепископом.

преимущественно в качестве иллюстративного ряда к характеристике эпохи, и, насколько нам известно, еще не получили должного освещения в научной литературе[5]. Постараемся частично восполнить данный пробел, придерживаясь рамок заявленной нами темы.

Практически весь объем рассматриваемого архивного дела занимают проекты «огнестрельных» и медальерных композиций[6]. Письменные материалы выделенной группы состоят из программы масштабного фейерверка и иллюминации, копии этой программы и трех текстов, посвященных возможным вариантам коронационной медали (и не исключено, что жетона)[7]. Все тексты написаны на немецком языке с включением латинских надписей[8]. Кроме руки пере-

---

[5] Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730–1740 / Сост. Л. М. Старикова. М., 1995. Ил. на с. 33, 40–41, 589, 598; *Алексеева М. А.* Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. 26. С. 232–240 (см. также публикацию этой статьи в книге: *Алексеева М. А.* Из истории русской гравюры XVII — начала XIX в. М.; СПб., 2013. С. 283–293); *Старикова Л. М.* Москва стародавняя: герои жизни и сцены. Калининград, 2000. Ил. на с. 126–129, 159; *Тюхменева Е. А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII в. С. 41, ил. 53 на ч/б вклейке; От Рейна до Камчатки: К 300-летию со дня рождения академика Г.-Ф. Миллера: Каталог выставки, 15 ноября — 7 декабря 2005 г., Москва, Выставочный зал федеральных архивов / Сост. Е. Е. Рычаловский. Кат. № 20. [Электронный ресурс]. URL: https://portal.rusarchives.ru/evants/exhibitions/miller_exp.shtml (дата обращения: 05.04.2024); *Павленко Н. И.* Петр II. М., 2006. Ил. на вклейке (с не совсем верным указанием «публикуется впервые»); *Быкова Ю. И.*: 1) Коронационные венцы Екатерины I и Петра II. Сходство и различия // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 73: Петровское время в лицах — 2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): материалы научной конференции. СПб., 2014. С. 91–104; ил. 2–4; 2) К вопросу о создании Больших императорских корон в России в XVIII в. // Человек и культура. 2020. № 5. С. 56–59, ил. на с. 68; *Аронова А. А.* Образ власти в коронационных декорациях XVIII в. // Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники: Сб. ст. Кн. 1 / Сост. и отв. ред. И. А. Воротникова. М., 2020. Ил. 3–9 на с. 284–285, 288–291; *Исаева Е. В.* Неизданный Коронационный альбом императора Петра II // Там же. С. 396 (ил. 4) — 397; *Тюхменева Е. А.* Иллюстрации к коронационному альбому Екатерины I: опыт реконструкции // *Тюхменева Е. А., Быкова Ю. И.* Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. М., 2022. С. 38–39.

[6] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 9–13, 15–32, 36–49.

[7] Там же. Л. 15–15 об., 29–29 об., 30–30 об., 31–32, 40–41 (копия л. 31–32).

[8] Автор статьи благодарит Марию Крумм, Андрея Викторовича Келлера и Александра Вячеславовича Самохина за транскрибирование и перевод немецкоязычных текстов.

писчика, сделавшего копию, можно различить еще два почерка, по ряду признаков представляющих собой автографы. Проведенное нами сопоставление оригинальных текстов из архивного дела с почерками деятелей Академии наук того времени показало, что автором программы фейерверка и иллюминации и двух инвенций коронационной медали (ее реверса) является профессор греческих и римских древностей Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738; в России — с 1725), а оставшийся проект-рассуждение о медальерных композициях создан упоминавшимся выше И. С. Бекенштейном[9] (илл. 1).

Перейдем к графике. Прежде всего стоит подчеркнуть, что в деле имеются рисунки ко всем перечисленным выше текстам, кроме одной из медальерных инвенций Г. З. Байера[10]. На остальных листах представлены императорская корона Екатерины Алексеевны, редкие восточные предметы — солнечные часы и зеркала (илл. 2), а также проекты огненных «потех», не соотносящиеся с программой фейерверка и иллюминации Байера[11]. Последний комплекс материалов, посвященных «огнестрельным художествам», включает три изображения, скорее всего, двух действий одной иллюминации (в сопровождении русскоязычного краткого описания); два чертежа (общий вид и план); четыре непронумерованных и пять пронумерованных (с № 11, 12, 14, 16 и 17) эмблематических композиций[12].

Находящаяся в архивном деле графика выполнена преимущественно тушью или сангиной (красным карандашом). Как справедливо отмечает М. А. Алексеева, эти листы неодинаковы «по своему художественному уровню»[13]. Среди них наибольшим профессионализмом отличаются чертежи иллюминации и рисунки, сделанные к про-

---

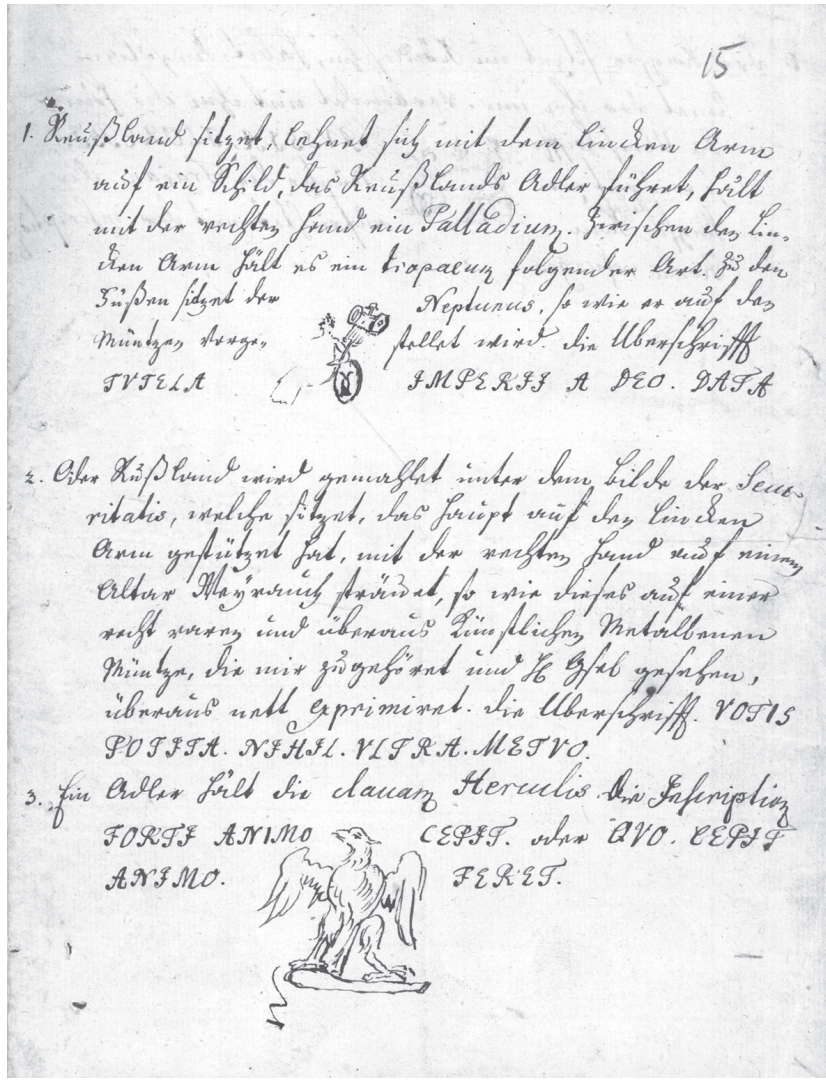
[9] Автор статьи благодарит сотрудников СПбФ АРАН за помощь в данной работе.

[10] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 23–26, 27, 36–39, 42–47. При сравнении письменных и связанных с ними изобразительных материалов выяснилось, что в архивном деле отсутствует несколько рисунков, в частности — к правой пирамиде первого «вида» фейерверка и иллюминации (т. е. к пункту А. 2), а также к аверсу и нескольким вариантам реверса коронационной медали.

[11] Там же. Л. 9–14, 21, 22, 28, 33–35, 48–49.

[12] Там же. Л. 11, 22, 28 (первая группа); 9, 48–49 (вторая группа); 10, 12, 13, 21 и 16–20 (третья группа).

[13] *Алексеева М. А.* Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы // *Алексеева М. А.* Из истории русской гравюры XVII — начала XIX в. С. 285. В некоторых рисунках заметны следы графитного (?) карандаша, изображения императорской короны Екатерины Алексеевны (л. 33–35) расцвечены акварелью и золотой краской. Техника и материалы исполнения графики из рассматриваемого архивного дела нуждаются в специальном исследовании.



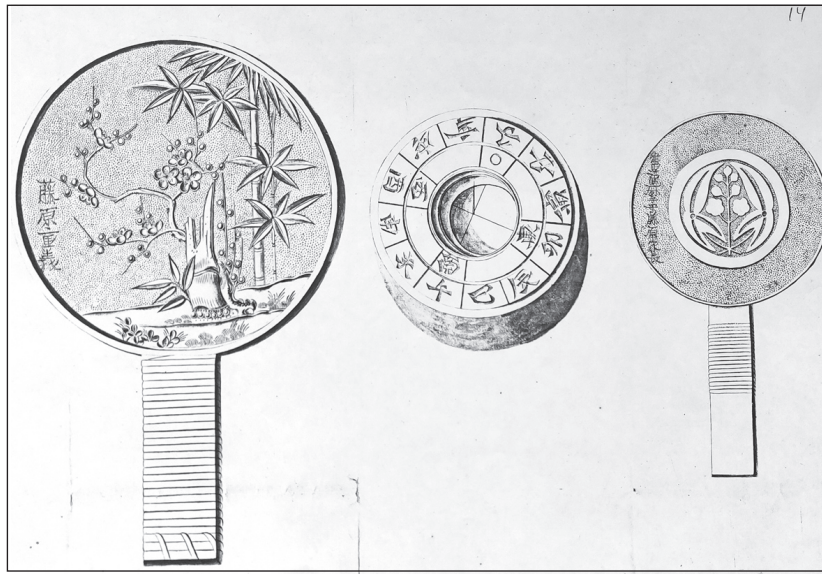
15

1. Rußland sitzt, lehnet sich mit dem linken Arm auf ein Schild, des Rußlands Adler führet, hält mit der rechten Hand ein Palladium. Zwischen den linken Arm hält er ein trapezum folgender Art. zu den Füßen sitzet der Neptunus, so wie er auf der Münzen stehet, gestellet wird. Die Ueberschrifft TUTELA IMPERII A DEO DATA

2. Der Rußland wird gemahlet unter dem Bilde der Securitatis, welche sitzet, das Haupt auf den linken Arm gestützet hat, mit der rechten Hand auf einen Altar Mayrauch streuet, so wie dieses auf einer recht zweyen und überaus künstlichen Metallenen Münze, die mir zugehöret und H. Esel gesehen, überaus nett exprimiret. Die Ueberschrifft. VOTIS POTITA. NEHIL. VLTRA. METVO.

3. Der Adler hält die Lanam Herculis. Die Inscription FORTE ANIMO CEPIT. oder QVO. CEPIT ANIMO. FERET.

Илл. 1. Первый лист рукописи Г. З. Байера, посвященной четырем вариантам реверса коронационной медали Петра II. 1727. РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 15.



Илл. 2. Японские (?) солнечные часы и зеркала. 1727 (?).
РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 14.

грамме фейерверка и иллюминации Г. З. Байера[14]. Первые выдают руку умелого архитектора-рисовальщика, о чем еще будет сказано ниже, вторые — художника-исполнителя достаточно высокого уровня. Автор рисунков к программе Байера отлично справляется с построением композиций, вписанных в форму пирамиды и порой включающих многофигурные сцены. Им умело переданы позы, жесты и мимика персонажей, четко проработаны детали костюмов и атрибуты, вполне натуралистично представлены образы животного и растительного мира. В передаче объема мастерски использованы светотеневые контрасты и вариативность толщины контурной линии. Демонстрируя хорошую осведомленность в общеевропейской ситуации, художник придерживается вполне типичных иконографических схем, приспособленных в данном случае к российской тематике.

В «Материалах для истории Императорской Академии наук» в связи с созданием фейерверков и иллюминаций в царствование Петра II несколько раз упоминается имя живописца Георга Гзеля (1673–1740; в России — с 1716/17/18 (?)), состоявшего в штате

[14] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 9, 48–49 и 36–39, 42–47.

Академии[15]. Приведенный факт, а также перечисленные выше особенности рисунков, их близость другим произведениям швейцарского мастера позволяют поставить вопрос о его авторстве по отношению к данным графическим проектам (илл. 3). Более того, как показало наше исследование, Г. Гзелю, возможно, принадлежат также листы с изображениями вариантов реверса коронационной медали к инвенции И. С. Бекенштейна, содержащиеся в том же деле[16] (илл. 4). Рисунок с примерами реверса, предложенными Г. З. Байером, подписан, как установила М. А. Алексеева, инициалами архитектора и художника Христофора Марселиуса (1656–1731; в России — с 1724)[17].

В ходе работы над данной темой нам удалось обнаружить описание со схематичным планом иллюминации, к которой относятся отложившиеся в рассматриваемом архивном деле чертежи и пронумерованные эмблематические композиции (илл. 5). Указанный документ подшит к материалам Коронационной комиссии Петра II[18]. Описание иллюминации сделано на немецком языке с латинскими надписями, судя по почерку, упомянутым выше профессором Г. З. Байером. Им же начертаны и латинские надписи на пронумерованных эмблематических композициях. Не только данное обстоятельство, но и характер рисунков, выполненных, похоже, художником-дилетантом (о чем свидетельствует прежде всего трактовка человеческих фигур), позволяет предположить, что они создавались самим инвентором (илл. 6). Как показывают архивные документы, Байер много и, видимо, неплохо рисовал; часть графического наследия профессора его вдова передала

---

[15] Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885. С. 438 (№ 632), 604 (№ 858).

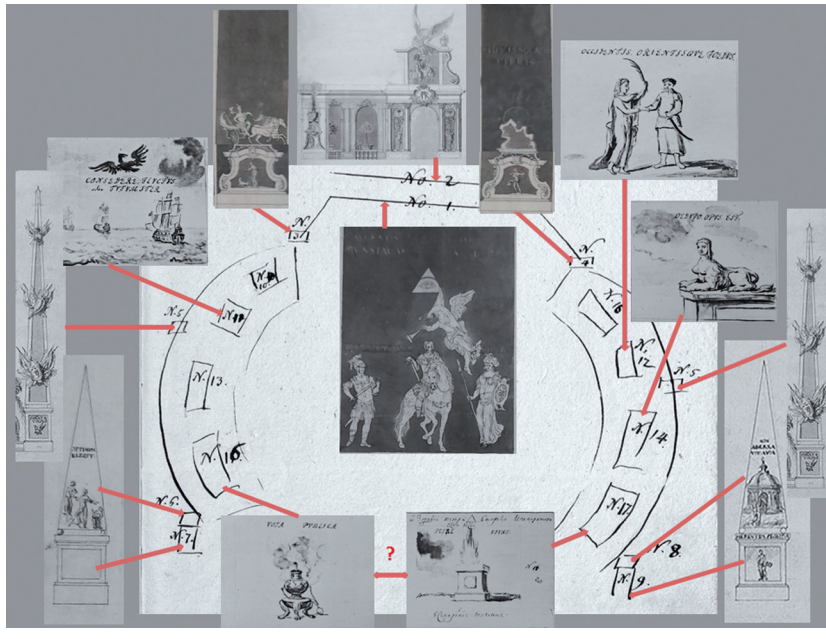
[16] Подробнее о проектах медальерных композиций см.: *Тюхменева Е. А.* Проекты медалей к коронации Петра II (по материалам РГАДА) // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 122: Петровское время в лицах — 2024: материалы научной конференции. СПб., 2024. С. 256–268. В указанной статье на с. 263 и 264 переставлены местами фамилии инвенторов, поэтому стоит уточнить, что рисунок Марселиуса относится к одному из текстов Байера (с. 263), а проекты Гзеля — к рукописи Бекенштейна (с. 264).

[17] *Алексеева М. А.* Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы // *Алексеева М. А.* Из истории русской гравюры XVII — начала XIX в. С. 285.

[18] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 78. Ед. хр. 34746. Л. 205–205 об., 207. Не исключено, что и другие изобразительные материалы, связанные с «огнестрельными художествами» и хранящиеся в деле «Планы потехам и другие разные...», имеют отношение к описанию и плану иллюминации из материалов Коронационной комиссии, хотя к ним нет прямой отсылки в данном тексте.

Илл. 3. Г. Гзель (?). Рисунок бокового транспаранта коронационного фейерверка и иллюминации Петра II к инвенции Г. З. Байера. Третий «вид», правый обелиск («С. 3»). 1727–1728. Фрагмент: композиция «Суд Соломона». РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 39–39а–39б.

Илл. 4. Г. Гзель (?). Рисунок реверса коронационной медали Петра II
к инвенции И. С. Бекенштейна. 1727.
РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 24.



Илл. 5. Схема расположения композиций на плане коронационной иллюминации Петра II. Реконструкция Е. А. Тюхменевой.

Илл. 6. Г. З. Байер (?). Композиция № 12 коронационной иллюминации Петра II. 1727–1728. РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 17.

в 1738 г. в Академию наук[19]. Кроме того, в двух из трех рассматриваемых в нашей статье инвенций Байера имеются небольшие рисунки, вставленные прямо в текст и предназначенные в качестве образца будущим мастерам, реализующим проект в визуальной форме[20]. Авторство одного из чертежей, на котором представлена триумфальная арка, указано в описании иллюминации, помещенном в документах Коронационной комиссии: «делает» архитектор Иоганн Якоб Шумахер (1701–1767; в России — с 1720 (?))[21] (илл. 7). Судя по манере исполнения, ему принадлежит и второй чертеж с иллюминационными щитами-транспарантами и обелисками.

В своих записках Я. Штелин, как мы помним, говорит о корпоративном способе работы сотрудников Академии наук над инвенциями огненных «потех». Его слова косвенно подтверждает тот факт, что между листами с описанием иллюминации Байера из дел Коронационной комиссии Петра II находится лист с приветственными латинскими текстами в честь юного монарха и его сестры, написанными рукой И. С. Бекенштейна[22]. Согласно источникам, профессор юриспруденции также трудился над программами фейерверков ко дню рождения Петра II 12 октября 1728 г. и к первой годовщине его коронации 25 февраля 1729 г., причем в последнем случае — в паре с Г. Гзелем как исполнителем рисунков[23].

Помимо подготовки «огнестрельных» и медальерных проектов, на Академию наук была возложена работа по созданию коронационного альбома Петра II. Как мы знаем, он так и не был издан, а в Библиотеке академии наук сохранилось три рисунка Х. Марселиуса, сделанных для этого альбома: с изображением торжественного входа императора в Москву, церемониальной процессии в Успенский собор на коронацию и коронации в соборе[24]. Удалось установить, что к данной работе Марселиуса относятся и два рисунка, которые сейчас наклеены на оборотную сторону хранящегося там же большого

---

[19] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1–102 об.

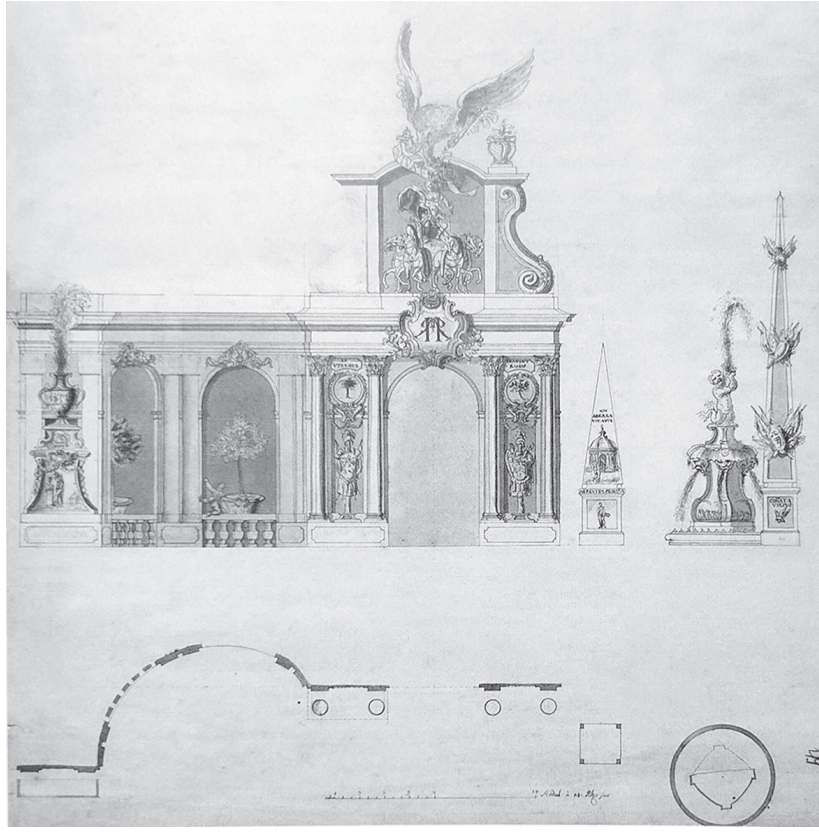
[20] РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 15–15 об., 31–32.

[21] Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 78. Ед. хр. 34746. Л. 205–205 об.

[22] Там же. Л. 206.

[23] Материалы для истории Императорской академии наук. С. 438 (№ 632), 604 (№ 858); Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. С. 244–245; *Ровинский Д. А.* Обозрение иконописания в России до конца XVII в. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903. С. 200; *Малиновский К. В.* Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII в. СПб., 2007. С. 249.

[24] БАН НИОР. 30.2.53а/13, 14, 15. Публикацию этих рисунков см., например: *Тюхменева Е. А., Быкова Ю. И.* Указ. соч. Ил. на с. 18–19, 49, 50–51.



Илл. 7. И. Я. Шумахер. Общий вид и план коронационной иллюминации Петра II. Действие второе – триумфальная арка. 1727–1728. РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 48–49.

рисунка с шествием императрицы Анны Иоанновны в Успенский собор на коронацию[25]. На одном из них представлен восседающий на лошади кавалергард, а на другом — лакей. Упоминавшиеся выше документы Коронационной комиссии Петра II дают возможность датировать и определить точное место исполнения этих рисунков, а также подтвердить авторство Х. Марселиуса (илл. 8, 9). Архитектор запечатлел указанных двух участников торжественного входа в Москву в первой половине дня 8 марта 1728 г. на бывшем дворе боярина А. С. Шеина вместе с гайдуком, арапом и скороходом, изображения которых пока не известны исследователям[26]. Согласно немецкоязычной надписи, сделанной на рисунке кавалергарда, в тот момент стоял сильный мороз, и Марселиусу пришлось работать достаточно быстро[27]. Однако вернемся к огненным «потехам».

В начальный период царствования Анны Иоанновны составлением программ фейерверков и иллюминаций занимался в основном Г. Ф. В. Юнкер, приехавший в Россию в 1731 г. 16 ноября того же года он был назначен адъюнктом Академии наук именно по «прикладному искусству», т. е. искусству иллюминаций[28]. Сохранилось несколько изданий, посвященных придуманным им огненным представлениям[29]. Одно из таких изданий включает описание построенного в 1732 г. фейерверочного театра на Неве напротив зимней резиденции императрицы[30]. По свидетельству источников, Юнкер сотрудничал со знакомым нам уже архитектором И. Я. Шумахером[31].

---

[25] БАН НИОР. 30.2.53а/16, 16 об. Публикацию этих рисунков см., например: *Тюхменева Е. А., Быкова Ю. И.* Указ. соч. Ил. на с. 45, 46–47.

[26] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 78. Ед. хр. 34748. Л. 2–2 об., 3 (автограф Х. Марселиуса), 5, 8. Атрибуция данных рисунков явилась одним из результатов работы автора данной статьи над совместным с Ю. И. Быковой проектом «Путь к империи становление придворной художественной культуры в России в петровское время» (2020–2022 гг.; РФФИ, проект № 20-012-42023).

[27] Воспроизведение и перевод надписи см.: *Тюхменева Е. А.* Иллюстрации к коронационному альбому Екатерины I: опыт реконструкции. С. 45.

[28] *Юнкер Г. Ф. В.* [Электронный ресурс]. URL: https://isaran.ru/?q=ru/person&guid=3506B704-F278-3B18-B841-A564AC3F1C7D&str=Юнкер (дата обращения: 05.04.2024).

[29] См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. III: Р–Я. М., 1966. С. 451–452 (№ 8728–8731).

[30] См., например: Фейерверки и иллюминации в графике XVIII в. Каталог выставки / Государственный Русский музей, авт. вступ. ст. и сост. кат. М. А. Алексеева. Л., 1978. С 3–4.

[31] См., например: Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. С. 247; *Зелов Д. Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII в. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 203–204.

Илл. 8. Х. Марселиус. Кавалергард. 8 марта 1728.
БАН НИОР. 30.2.53а/16 об.

Илл. 9. Х. Марселиус. Лакей. 8 марта 1728.
БАН НИОР. 30.2.53а/16 об.

Как и в случае с инвенторами эпохи Петра II, Я. Штелин крайне неодобрительно отзывается об их совместной работе.

> «Хорошим рисовальщиком, но не инвентором, — пишет он, — был там [в Академии наук. — *Е. Т.*] г-н архитектор Шумахер. Поэтому Юнкер и Шумахер имели обыкновение грабить для своих проектов “Mundum Symbolicum” Пиччинелли [«Мир символов» Филиппо Пичинелли. — *Е. Т.*] и другие книги из академической библиотеки».

> «Однажды, — не без явной иронии продолжает Я. Штелин, — они представили на среднем плане императрицу Анну в полный рост с короной и скипетром. Когда Ее величество увидела свой портрет сгорающим таким образом, она отвернулась от окна и сказала обер-камергеру графу Бирону: “Неужели им нечего делать, кроме как сжигать меня как ведьму?”»[32] (илл. 10).

Следует сказать, что Юнкер продолжал участвовать в создании огненных «потех» вплоть до своей поездки в Германию, состоявшейся в 1737–1739 гг. С середины 1730-х гг. к этой работе подключился профессор математики Х. Гольдбах и Я. Штелин, однако разговор об этом выходит за хронологические границы нашего рассмотрения.

Как показало исследование, среди профессоров Академии наук активную роль в составлении инвенций фейерверочных и медальерных композиций в царствование Петра II играл не только И. С. Бекенштейн, но и Г. З. Байер. Над исполнением рисунков к их текстам трудились служившие в Академии архитекторы И. Я. Шумахер и Х. Марселиус, живописец Г. Гзель. Часть материалов, отражающих этот процесс, сохранилась в РГАДА. Шумахера и Гзеля регулярно привлекали к работе такого рода и в последующее время. За рамками данной статьи остался широкий круг вопросов, связанных прежде всего с содержанием рассмотренных в ней фейерверочных проектов, их иконографическими прототипами и уровнем исполнения программы, — все они достойны отдельного внимания. Отметим только, что Я. Штелин весьма субъективен и не совсем справедлив в своих суждениях, резко отметая все то, что было сделано до него. Безусловно, указанное нами авторство Г. Гзеля, Г. З. Байера и И. Я. Шумахера в отношении ряда рисунков нуждается в проверке, в первую очередь — в подтверждении прямыми документальными свидетельствами. Вне всякого сомнения, дальнейшее изучение заявленной

[32] Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. С. 247.

темы, в т. ч. материалов из анализируемого архивного дела «Планы потехам и другие разные...», приведет к интересным результатам, обогащающим наши представления о раннем периоде деятельности Академии наук в России.

Илл. 10. О. Эллигер. Фейерверк и иллюминация 28 апреля 1734 года в Санкт-Петербурге в день коронации Анны Иоанновны. Фрагмент: изображение Анны Иоанновны на троне. Гравюра сопровождает издание: [Юнкер Г. Ф. В.] Краткое описание онаго феиэрверка, которои апреля 28 дня 1734 года... при великои иллуминации в царствующем Санктпетербурге представлен был. [СПб., 1734]. БАН.

Николай Николаевич Петрухинцев
(Липецк)

Доктор исторических наук, профессор
кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС), Липецкий филиал

Российская академия наук в оценке немецкого архитектора Карла Фридриха Шесслера и попытка ее реформы в 1730-е гг.

Nikolay N. Petrukhintsev

The Russian Academy of Sciences in the German Architect Karl Friedrich Schessler's Assessment and the Attempt of its Reform in the 1730s

Аннотация: Статья посвящена одному из эпизодов в ранней истории Российской академии наук, связанному с оценкой первого десятилетия ее работы бывшим профессором ее «корпуса художеств», «архитектором цивилис» саксонцем Карлом Фридрихом Шесслером, покинувшим Россию летом 1737 г. в результате интриги вокруг руководства составлением «аннинского» плана Санкт-Петербурга 1737 г. и внутреннего конфликта в Академии с библиотекарем И. Д. Шумахером. Она затрагивает проблемы раннего академического образования, финансирования и реформирования Академии, а также обстоятельств составления первых планов Санкт-Петербурга.

Abstract: The article is devoted to one of the Russian Academy of Sciences' early history episodes associated with the evaluation of the first decade of its work by the former professor of its "corps of arts", the "architect civilis" Saxon Karl

Friedrich Schessler, who left Russia in the summer of 1737 as a result of the intrigue surrounding the leadership of the drafting of the “Anninsky” plan of St. Petersburg in 1737 and the internal conflict with the librarian I. D. Schumacher in the Academy. It touches upon the problems of early academic education, financing and reform of the Academy as well as the circumstances of the drafting of the first plans for St. Petersburg.

Ключевые слова: Российская академия наук, реформы Академии наук, архитектор И. Г. Шесслер, И. Ф. Трускотт, здания Академии наук, Академическая гимназия, планы Санкт-Петербурга.
Keywords: Russian Academy of Sciences, reforms of the Academy of Sciences, architect I. G. Schessler, I. F. Truskott, buildings of the Academy of Sciences, Academic gymnasium, plans of Saint Petersburg.

Роль немецкоязычных ученых и специалистов в становлении Российской академии наук признана и широко известна. Однако это в первую очередь относится к крупным, выдающимся деятелям, таким как математики Якоб Герман и Л. Эйлер, физик Г. Б. Бильфингер, физиолог И. Г. Дювернуа, историки Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер.

Менее известны «фигуры второго плана», внесшие тем не менее свой, пусть и более скромный, вклад в развитие академической науки и образования, равно как и самой России. Одна из таких фигур — немецкий архитектор из Саксонии Карл Фридрих Шесслер. Биография его плохо известна, но она тесным образом связана с Россией и особенно с Академией наук, хотя преимущественно с той ее частью, которая не привлекала особого внимания исследователей.

Первоначальный петровский план Академии наук, отраженный в целом ряде последовательных набросков (22 января, 10 и 12 февраля 1724 г.) предусматривал создание научно-образовательного учреждения (совмещавшего функции академии, университета и гимназии), сравнительно узкого по составу (11 академиков с довольно высоким жалованием по 1 000 руб., почти равным жалованию президентов некоторых коллегий, т. е. министров, и 12 студентов) с общим расходом на него в 24 000 руб.[1]

Однако в последний месяц своей жизни Петр пришел к идее о необходимости создать Академию художеств и даже набросал около 1 декабря 1724 г. ее план, из которого видно, что император исходил из традиционного средневекового понимания ars и фактически намеревался создать «академию ремесел»[2]. Вследствие разговора с ним

[1] Материалы для истории Императорской академии наук (далее — Материалы...). Т. 1. СПб., 1885. С. 14–27.

[2] Там же. С. 66–67.

о намерении «возставити корпус академический разных художеств», в том же месяце А. К. Нартов, будущий (с 1736 г.) механик Академии наук, набросал проект, включавший шесть классов «художеств», которые должны были возглавлять, помимо директора: 1) механик; 2) «архитектор цивилис» (гражданской архитектуры); 3) живописец; 4) скульптор и 5) гравер[3].

Как указывал в 1736 г. президент Академии И. А. Корф[4] и как свидетельствуют академические документы с самого начала публичной деятельности организации (24 января 1726 г.)[5], а также штаты жалования на 1726 г.[6], этот проект был фактически реализован, и во главе «классов» встали живописец Георг Гзель, скульптор Конрад Оснер и «архитектор цивилис» Христофор Марселис (Марселиус?), а чуть позднее, в конце 1720-х гг., — известный гравер и создатель академической русской гравировальной школы[7] гессенец Христиан Альберт Вортман. Однако «корпус художеств» (который в большинстве тоже составили немецкоязычные специалисты[8]) был слит с Академией наук, а штатное содержание ее при этом почти не было увеличено и составляло лишь 25 тыс. руб. К сожалению, сам «корпус художеств», вероятно, использовался преимущественно для обеспечения технических потребностей Академии и двора. Вместе с тем по своему жалованию в 1727–1730 гг. ведущие его специалисты были фактически приравнены к низшему разряду академиков, получая 500–750 руб. в год[9].

Шесслер не относился к ним, однако с самого основания Академии (с июля 1725 г.) был нанят именно в этот «корпус» и вошел в число «студентов» (фактически адъюнктов, занимавшихся еще и преподаванием в Академической гимназии) с первоначальным жалованием в 100 руб. в год[10] — вместе с будущими академиками Г. Ф. Миллером, И. Г. Гмелиным , Х. Гольдбахом и учителем Ломоносова Г. В. Крафтом. Первоначально он занимался преподаванием арифметики, геометрии, тригонометрии, оптики и военной ар-

---

[3] Там же. С. 77.

[4] Материалы... Т. 3. СПб., 1886. С. 435.

[5] Материалы... Т. 1. С. 171.

[6] Там же. С. 188–189.

[7] *Ровинский Д. А.* Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств. М., 1870. С. 36–39.

[8] Материалы... Т. 1. С. 273–275.

[9] Там же. С. 274, 651.

[10] Там же. С. 121, 188–189.

хитектуры, а также топографией, помогая с лета 1729 г. Ж. Н. Делилю в составлении географических карт России[11]. Его тогдашний сотоварищ Г. Ф. Миллер дал ему позднее в своей истории Академии в целом положительную оценку, характеризуя его как «основательного, полезного и трудолюбивого человека», воспитавшего много хороших учеников. По словам Миллера, Шесслер был вывезен из Виттенберга (где преподавал математику) одним из первых академиков (профессором физики, логики и философии) Христианом Мартини, рекомендовавшим его в свои адъюнкты, но не владел латынью и тонкостями математических теорий, а также «не делал хороших и чистых чертежей»[12] — т. е. был скорее математиком и инженером, чем профессиональным архитектором.

В конце концов он сделал практически такую же карьеру, как и другие первые «студенты», и к середине 1730-х гг. заменил Х. Марселиуса в ранге «архитектора цивилис» с «академическим» жалованием в 600 руб.[13] Вероятно, только с этого времени и можно говорить о его серьезной работе в качестве архитектора, однако она, к сожалению, почти неизвестна.

В XVIII веке Шесслер (собственноручно подписывался «Carl Friedrich Shessler»[14]) удостоился второго упоминания — в трудах своего соотечественника саксонца Якоба Штелина, с которым вряд ли мог не общаться в течение первых двух лет его пребывания в России (с июня 1735 по июль 1737 гг.), а также по своем возвращении в Россию в 1740-е гг. В комментариях К. В. Малиновского к этому фрагменту в конце 1980-х гг. впервые были обозначены и основные вехи его биографии[15]. Однако в записке «Об архитектуре в России» Штелин был предельно лаконичен в оценке заслуг своего земляка: «Шеслер из Дрездена, архитектор и инженер при Академии, пригласил адьюнкта Трускота»[16]. Это замечание Штелина не вполне точно, хотя имеет под собой некоторые основания.

В феврале-марте 1737 г. Шесслер снова помогал Делилю в картографировании окрестностей Петербурга от Петергофа до Дубков (Сестрорецка)[17] — точнее, как свидетельствует Г. Ф. Миллер, в ре-

---

[11] Там же. С. 535.

[12] Материалы... Т. 6. С. 94–95.

[13] Материалы... Т. 3. С. 441.

[14] Там же. С. 433.

[15] Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 229.

[16] Там же. С. 203.

[17] Материалы... Т. 3. С. 345.

ализации предложенных им новых принципов картографических измерений и в создании базы для триангуляционной сети России, заложенной промерами по льду Финского залива от Петергофа до Дубков[18]. Вероятно, уже тогда Шесслер мог иметь какие-то контакты с будущим автором елизаветинского плана Санкт-Петербурга И. Ф. Трускоттом, обучавшимся в академической гимназии с 1735 г.[19] (отец его, английский купец Томас Трускотт, в 1736 г. сдавал внаем Академии свой двор). Шесслер мог даже рекомендовать его Делилю, ибо через два года, в феврале 1739 г., Делиль затребовал Трускотта для продолжения этих работ (в компании с инженером Шварцем)[20]. А уже летом того же года привлек его и к составлению общей карты России, считая «молодого Трускотта» самым способным «рисовать карты манером, наиболее желаемым мной для их будущей гравировки»[21], в связи с чем уже 13 августа 1739 г. Трускотт был рекомендован к причислению к только что основанному Делилем географическому департаменту Академии наук с жалованьем 150 руб. в год[22] и в 19 лет стал одним из главных сотрудников Делиля. Г. Ф. Миллер прямо свидетельствовал, что за недостатком геодезистов в 1736 г. академические студенты во главе с будущим его ближайшим помощником лифляндцем Кенигсфельдом были рекомендованы Делилю Шесслером и Шварцем[23]. Позднее Миллер прямо называл Трускотта «учеником архитектора Шесслера»[24].

Вероятно, зимние работы с Делилем в 1737 г. стали для Шесслера толчком к гораздо более серьезной миссии: весной 1737 г. (до 6 мая) Шесслеру было поручено составление генерального плана Петербурга. Он уже провел необходимые подготовительные работы, пригласив в помощники инженера Шварца, работавшего накануне с Делилем и им[25]. Не исключено, что свою роль в его назначении сыграли рекомендации Делиля, ибо фактически в тот же день, 6 мая 1737 г., когда Шесслер подал свое доношение, Корфом рассматривалась необходимость составления доклада в Кабинет министров о передаче в Академию наук картографических материалов умершего И. К. Кириллова и гравировальных досок

[18] Материалы... Т. 6. С. 453.
[19] Материалы... Т. 3. С. 282.
[20] Материалы... Т. 4. С. 31, 37.
[21] Материалы... Т. 4. С. 164.
[22] Материалы... Т. 4. С. 172.
[23] Материалы... Т. 6. С. 453.
[24] Материалы... Т. 6. С. 556.
[25] Материалы... Т. 3. С. 386–387.

к ним, инициатором чего мог быть Делиль[26]. Как отмечал С. В. Семенцов, топографическая съемка Санкт-Петербурга до этого уже много лет велась силами Г. В. Крафта, Ж. Н. Делиля и К. Шесслера[27], и назначение Шесслера руководителем работ по ее завершению было вполне логичным.

Но указом Кабинета министров 9 июля 1737 г. руководство работой над планом было передано капитан-поручику гвардии фон Зихейму, которому был подчинен Шесслер[28] и команда которого, как отмечал С. В. Семенцов, «лишь дообследовала территорию города»[29]. Скорее всего, именно это послужило причиной прошения об отставке, поданного Шесслером через два дня, 11 июля 1737 г. (а точнее, именно в тот день, когда об этом было объявлено в самой Академии вместе с повелением Шесслеру «явиться лейб-гвардии... капитану-поручику от бомбардир фон Зихейму... сего ж числа, и что от него, лейб-гвардии капитана порутчика, ему приказано будет, все исполнять неотменно»)[30]. А внутриакадемические конфликты способствовали тому, что он эту отставку сразу же (уже 20 июля) получил и спешно покинул Россию, что облегчалось отсутствием у него частных долгов[31]. Г. Ф. Миллер свидетельствовал, что отставка была получена именно потому, что Шесслер отказался повиноваться распоряжениям фон Зихейма[32].

***

Несмотря на то, что Штелин считал едва ли не единственной заслугой Шесслера содействие карьере Трускотта в Академии, не говоря ни слова о его архитектурных работах или планах, но они существовали уже тогда и частично были снова обусловлены тесными контактами Шесслера с Делилем. Так, в сентябре 1739 г. Делиль упоминал о поданной им еще 8 марта 1738 г. записке о перестройке обсерватории по чертежу, сделанному Шесслером по пред-

---

[26] Там же. С. 385–386.

[27] *Семенцов С. В.* Градостроительная деятельность Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге: необходимость ликвидации последствий пожаров и развитие наследия Петра Великого. 1736–1740 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2014. Вып. 1. С. 183.

[28] Материалы... Т. 3. С. 427–428.

[29] *Семенцов С. В.* Указ. соч. С. 182.

[30] Там же. С. 551, 427–428.

[31] Там же. С. 433.

[32] Материалы... Т. 6. С. 458–459.

ложению Делиля, вероятно, еще до отъезда Шесслера из России[33]. Непонятно только, шла ли здесь речь о шесслеровском проекте нового здания Академии наук или же о перестройке обсерватории на башне Кунсткамеры.

Возникший, вероятно, не позднее июля 1737 г. план перестройки комплекса зданий Академии наук, подготовленный Шесслером, был введен в научный оборот Е. А. Борисовой[34]. По ее мнению, он должен был появиться до 1740 г., когда его, как уже существующий, в числе первых четырех планов перестройки академических зданий рассматривала Комиссия от строений с участием П. М. Еропкина, казненного по делу Волынского в 1740 г. Таким образом, план очевидно был составлен еще до отъезда Шесслера из России (возможно, на рубеже 1736–1737 гг.).

Планом предусматривалось строительство третьего академического здания по набережной Невы за Кунсткамерой, аналогичного дворцу Прасковьи Федоровны (где изначально располагалось главное здание Академии наук), — в последующем оно было построено Кваренги, а также строительство академического корпуса, обращенного к площади Двенадцати коллегий и развивающего первоначальные планы Доменико Трезини.

> «Архитектура этого здания, обращенного на площадь перед Коллегиями, более соответствовала характеру последних благодаря введению приема шестикратного повторения одинаковых членений сильно протяженного фасада и скромной обработке его плоскими рустованными пилястрами. Центральная часть этого здания должна была композиционно отвечать башне Кунсткамеры, близко повторяя решение ее нижних ярусов»[35].

Проект не был реализован, но во многом предвосхитил будущую планировку комплекса академических строений. Е. А. Борисова оценила его едва ли не как самый удачный из проектов 1730-х гг. в отношении архитектурно-планировочного решения ансамбля «академической» части Васильевского острова[36]. Он вряд ли мог появиться после отъезда Шесслера из России (как присланный из-

---

[33] Материалы... Т. 4. С. 206.

[34] *Борисова Е. А.* О ранних проектах зданий Академии наук // Русское искусство XVIII в. М., 1973. С. 59; проект — на ил. 36 (Шесслер ошибочно назван «Теслером»).

[35] Там же.

[36] Там же.

за границы), т. к. вскоре имя Шесслера оказалось не слишком желательным в Академии.

***

После отъезда Шесслер не испытывал враждебных чувств к России, и, видимо, сожалел о слишком поспешном решении — 1 ноября 1737 г. он направил из Дрездена в Сенат и некоторым русским сановникам (сенаторам М. Г. Головкину и А. И. Ушакову) письма с частичной мотивировкой своего поступка «непорядками» в Академии. Одно из них обнаружено нами в архиве Кабинета министров Анны Иоанновны[37].

Критические стрелы были направлены Шесслером прежде всего в адрес секретаря и библиотекаря Академии — известного И. Д. Шумахера (хотя и не названного прямо): с ним он связывал отсутствие должного порядка в академических финансах, приведшее к появлению долгов[38]. Шесслер делал об этом представления новому президенту Корфу еще в мае — октябре 1735 г., выявив, что купцы запросили на организацию иллюминаций в 1735 г. лишних 400–600 руб., а стоимость найма Академией двора Невского монастыря была завышена почти вдвое («в таком же счете усмотрел я в 216 руб. на 100 руб. подлогу»[39]). Одним из главных объектов шесслеровской критики стал зять Шумахера, эконом и бывший повар Петра I Матиас Фельтен:

> «...мог бы он академических служителей дешевле кормить, нежели другие трактирщики; напротив того цена была гораздо возвышена, ибо профессоры по 10 р., а студенты по 6 р. на месяц за стол платили, еже бы в другом месте можно было иметь дешевле и лутче».

А потому «от сего эконома академия никаких услуг, но более убытку имела, ибо он уже давно российских студентов, кои из Москвы прибыли, ни за 5 руб. на месяц кормить хотел, но требовал 6 руб.»[40] — т. е. по 20 коп. в день (почти треть годовой суммы подушной с крестьянской души). Эти деньги в Петербурге были бы вполне приличной суммой для семинаристов, приехавших из Москвы (вспоминая ломоносовское «на денежку хлеба, на денежку ква-

[37] РГАДА. Ф. 177. 1739 г. Д. 47. Л. 18–22.

[38] Там же. Л. 19–20.

[39] Там же. Л. 19 об.

[40] Там же. Л. 19.

са»), если бы полностью шли на питание студентов. Но за экономом явно стоял «един человек, которой почти един притчиною раззорению (или растащению) Академии»[41]... Немец Шесслер, как и впоследствии Ломоносов, тем самым вступал в борьбу с почти всесильным И. Д. Шумахером , и этот давно назревший конфликт, конечно, был одной из причин, способствовавших недавнему быстрому удалению Шесслера из Академии.

Вместе с тем общая оценка Академии наук в письме Шесслера была несомненно положительной: он высоко оценивал петровскую организацию Академии и считал вполне достаточным уровень ее штатного финансирования в 25 000 руб., справедливо отмечая его регулярную выплату[42] (действительно, в 1724–1732 гг. на Академию ежегодно тратилось в среднем 30,1 тыс. руб. — на 20,6 % больше штата[43], а в 1733 г. были погашены долги академии в 30 тыс. руб.[44]).

Однако он отмечал и негативные тенденции, наметившиеся в работе Академии:

1) значительные отступления от принципа коллегиальности в работе академической конференции и совета («колегия не чтутся»; «не с общего согласия академиков чинится, ежели при академии что переменить или вновь определить надобно»[45]);

2) и главное — недостатки академического образования: слишком малое число учеников в академической гимназии и слабую их подготовку, виновником которой он считал прежде всего руководителя гимназии Т. Г. З. Байера — гуманитария, пренебрегающего математическим и физическим образованием студентов .

Но и новый (с 1734) президент Академии наук, камергер Анны Иоанновны, курляндский немец барон Иоганн Альбрехт Корф вполне разделял представления Шесслера о слабости системы академического образования и еще до его письма предпринял первую серьезную попытку расширить и реформировать его. Одним из следствий ее был известный набор в число студентов в 1735 г. 12 учащихся Славяно-греко-латинской академии в Москве, давший России М. В. Ломоносова. Всего за три месяца учебы Ломоносов обнаружил такие способности и уровень подготовки, что уже в марте 1736 г. был рекомендован Академией в заграничную

[41] Там же. Л. 19 об.

[42] Там же. Л. 18 об.

[43] Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1108. Л. 12.

[44] Там же. Л. 161–163.

[45] РГАДА. Ф. 177. 1739 г. Д. 47. Л. 20.

[46] РГАДА. Ф. 177. 1739 г. Д. 47. Л. 20 — 20 об.

командировку в Германию[47]. Инициатором ее, скорее всего, стал известный историк В. Н. Татищев , предложивший в январе 1735 г. Кабинету министров нанять специалистов-металлургов в Саксонии и отправить туда обучаться горному делу трех русских учеников[48].

Куда менее известна другая акция Корфа: уже с 1734 г. он начал набор русских учеников в Академическую гимназию, наиболее активно проводившийся с апреля 1735 г., — за 1734–1736 гг. в нее были записаны в общей сложности 73 человек (23 из них почти сразу бросили учебу, но 50 человек числились в ней по меньшей мере год)[49]. Одними из первых в апреле 1735 г. в нее записались пять детей членов администрации Екатеринбургских металлургических заводов (направленные, вероятно, В. Н. Татищевым), однако основную массу учеников составили дети высшего и среднего столичного чиновничества (вплоть до сенаторов), в т. ч. из знатных дворянских фамилий: Бакуниных, Квашниных-Самариных, Олсуфьевых, Новосильцевых, Измайловых, Чернышевых (Захар Григорьевич, будущий генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии) и даже некий «Александр Петрович Лермунтов», сын гвардии капитана Преображенского полка[50].

Общий состав русских учеников Академической гимназии в сентябре 1736 г. отражен на диаграмме 1.

В конечном счете среди «гимназистов» «корфовского» набора преобладали дети столичного чиновничества (диаграмма 2).

Дети чиновников составляли в общей сложности 78,9 % учеников, причем отцы 45,2 % из них были служащими высших центральных учреждений (коллегий и выше). Они явно ориентировались на карьеру при немецкоязычном дворе Анны Иоанновны, поэтому 42 человек (57,5 %) выбрали в весьма ограниченном по диапазону обучении (всего 6 предметов) своеобразный «тривиум» (немецкий, рисовать, танцевать), в то время как арифметике и географии обучались лишь 8 и 6 человек (11 и 8%) соответственно.

Поэтому критика Шесслера и в этом отношении оставалась актуальной: «...во время 12-ти лет поныне достойных людей (субъектов) не имеется, которые у профессоров в математике и физике профитовать могли, и ежели сие не переменится, то еще в 12 лет плода не будет»[51]. Но именно поэтому письма Шесслера пришлись крайне некстати.

---

[47] Материалы... Т. 3. С. 145.

[48] РГАДА. Ф. 177. 1735 г. Д. 77. Л. 1–2.

[49] Подсчитано по: Материалы... Т. 3. С. 174–183.

[50] Там же.

[51] РГАДА. Ф. 177. 1739 г. Д. 47. Л. 20 об.

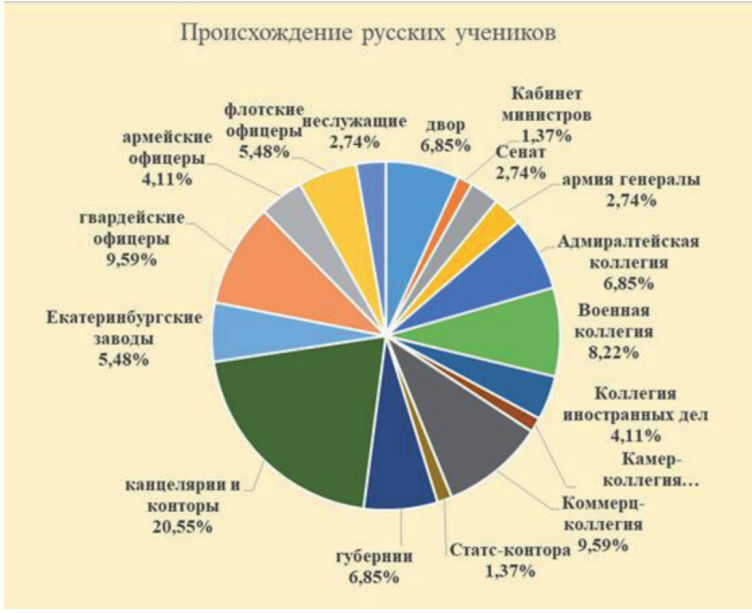


Диаграмма 1.

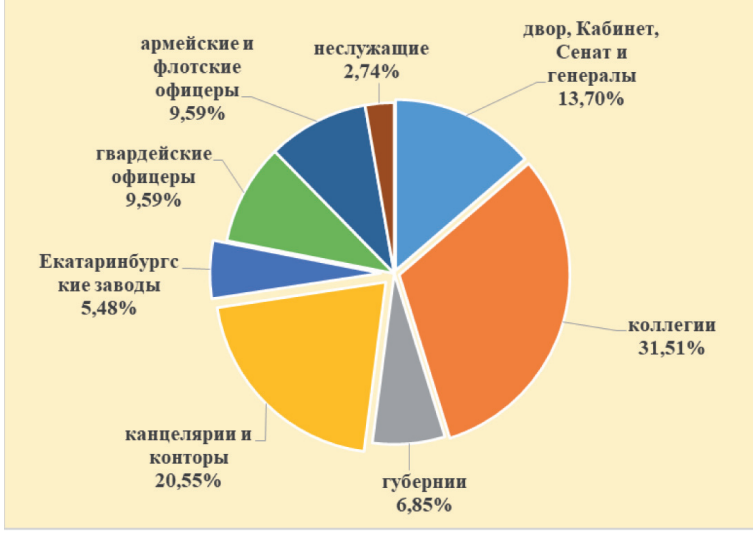


Диаграмма 2.

К тому же Шесслер считал сумму, определенную Петром (на-содержание Академии, вполне достаточной, а И. А. Корф уже в 1735 г. разработал новый штат Академии наук, предусматривающий значительное расширение ее финансирования — до 53,3 тыс. руб.[52] (то есть более чем *вдвое*). Увеличение финансирования в значительной степени должно было идти на «легализацию» в штате Академии «корпуса художеств» (к которому принадлежал Шесслер) и на расширение числа адъюнктов, учеников и студентов, а также повышение жалования преподавателям гимназии: 6,5 тыс. руб. — на содержание адъюнктов и студентов; 3,7 тыс. руб. — на подмастерьев и учеников «при художествах»; 1,4 тыс. — преподавателям гимназии — т.е. в общей сложности почти 42% дополнительной суммы в 28,6 тыс. руб. на Академию наук и *около четверти* общих расходов должно было тратиться на академическое образование[53]. Вместе с тем новый штат не был утвержден, и именно в июле-августе 1737 г., незадолго до получения письма Шесслера, Академия снова пыталась решить в Кабинете министров эту проблему[54], еще более усложнившуюся в разгар русско-турецкой войны, когда государство вовсе не склонно было увеличивать свои расходы.

Не исключено, что письма Шесслера могли отчасти повлиять на то, что и в начале 1738 г. штат не был утвержден[55]. Впрочем, эта ситуация могла повлиять и на судьбу самого Шесслера: письмам в конечном счете не дали ходу (они так и «застряли» в Сенате), и только в сентябре 1739 г. их копии были переданы в Кабинет министров, в прямом подчинении которого находилась Академия наук[56]. Не исключено, что с этого момента знакомство кабинет-министров с ними снова отразилось на биографии Карла Фридриха Шесслера: по сведениям К. Я. Малиновского, по крайней мере с 1741 г. он вернулся на службу в российскую Академию наук и числился в ней до середины 1750-х гг.[57], проведя в итоге бóльшую часть своей жизни в России.

Однако есть факты, противоречащие этому:

---

[52] РГАДА. Ф. 248. Кн. 1108. Л. 161.

53 Подсчитано по проекту нового штата Академии наук: Материалы... Т. 3. С. 116–117.

54 РГАДА. Ф. 248. Кн. 1108. Л. 161–164.

55 Там же. Л. 159.

56 РГАДА. Ф. 177. 1739 г. Д. 47. Л. 17.

57 Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. С. 229.

1) Г. Ф. Миллер в своей истории Академии ничего не говорит о возвращении Шесслера в Россию после его отъезда в 1737 г.;

2) фамилия Шесслера не упоминается ни в одном из последующих томов материалов по истории Академии наук, касающихся событий 1740-х — начала 1750-х гг.

Приложение 1

Письмо и донесение Карла Фридриха Шесслера из Дрездена от 1 ноября 1737 г.

(РГАДА. Ф. 177. 1739 г. Д. 47. Л. 18–20 об.).
Копии в русских переводах,
в которых Шесслер назван «Шелером».

1. Копия с письма Шесслера т. с. М. Г. Головкину:

«Высокоурожденный граф, милостивый государь

Ваше сиятельство запротивно не приимете, что я смелость взял следующее покорно донести, есть бо по приложенной при сем репорт о Императорской Академии наук. Я уверяю, милостивой государь, что оной репорт никакой неправды в себе не содержит, как может быть в последне требованных от Кабинета ведомостях написано; також сие не из какова другова намерения чинил, кроме оказания моего преданнейшего благодарного нрава, хотя бы правда и желал я, дабы меня к наилутчим делам, которые Российскому государству полезны, и Академии в похвалу были, употребили, еже б не тщились более мне вредить, неже о пользе и похвале Академии. Пространно отчасти его превосходительству господину генералу Ушакову о том покорно доносил, того ради уповаю, что ваше сиятельство по особливо высокому зрению и милости отправленной при сем репорт не запротивен разсудите, но, супротив того, истинную мою ревность о приращении Академии чрез то признаете, а я со всяким респектом в глубочайшей униженности пребываю.

Вашего сиятельства
униженный и покорнейший слуга Карл Фридрих Шелер

из Дрездена 1 ноября 1737 г.»

2. Доношение К. Ф. Шесслера о состоянии Академии наук. 1 ноября 1737 г.

(*л. 18 об.*) «Уже 13 лет минуло, как Петр Великий славодостойнейшия памяти Академию наук учредил, и довольно достаточною суммою всемилостивейше пожаловал, и яко со временем уповать должно было не токмо великой пользе российской империи и славы Академии, но и что оная Академия, имея свой капитал (или определенную сумму), поныне исправно выдаваему, содержана будет в добром состоянии, а не в недостатке денег и оттого раждающейся конфузии, к немалому убытку государства и к нечестию Академии. И тако я от истинного и некорыстного намерения, яко с начала Академии бывшей верной слуга российско-императорскому высокоправительствующему сенату, следующее покорно предлагаю.

1. Что Академия не могла прийти в недостаток денег.

Имея штат, колико и каким людям быть, какое им жалованье и все, что к той новоучреждаемой Академии потребно постановлено, по которому проекту и ежегодная сумма от 25.000 р. Академии всемилостивейше определена, и понеже та сумма поныне не токмо исправно заплачена, но и сверх того много выдано и немало в остатке (ибо некоторыя профессоры, которым великое жалование было, уже отбыли, и то число с наименьшим жалованием паки наполнено), и того ради Академия не могла прийти в недостаток денег, но паче б сумме оставатся должно было, ежели бы расходы по установлению, как надлежит, чинены были.

2. Коль безответно есть, что Академия в такой недостаток пришла и какой вред от того раждающейся конфузия причинила, и от чего могло сие произойти.

В преждепомянутом пункте явственно показано, что академия никоим образом в денежной недостаток не могла прийти, разве чрезвычайные росходы чинены, и ежели (*л. 19*) некоторые академические служители то чинили от себя без указа, то сие есть самое безответное дело; ежели ж к тому указ имели, то такожде потребные на то деньги недоставать им не могли, и капиталу б для произвождения обычайных расходов нималого умаления не было: но паче б оной всегда в своем состоянии оставался, а понеже оной капитал от учинения чрезвычайных безответных расходов приведен в несостояние настоящие расходы удовольствовать, то оттого Академии не ино что, как беспорядки и вред приключится могли; еже учинилось, что во всех делах худая экономия содержана, и отчасти, что весьма плохим и плутовским людям в денежном счете поверено было. Наприклад о худой экономии: Матиас Фелтен не токмо 200 р.

жалованья, но еще и вящще за квартиру, дрова и свечи деньги ежегодно получал (к тому же, как я от надежных людей осведомился, еще ему и скатертное, также столовая и поваренная посуда от Академии даны были), чего для мог бы он академических служителей дешевле кормить, нежели другие трактирщики; напротив того цена была гораздо возвышена, ибо профессоры по 10 р., а студенты по 6 р. на месяц за стол платили, еже бы в другом месте можно было иметь дешевле и лутче. От сего эконома академия никаких услуг, но более убытку имела, ибо он уже давно российских студентов, кои из Москвы прибыли, ни за 5 руб. на месяц кормить хотел, но требовал 6 руб. И будучи он ни к чему другому годен, то, так сказать, для лица, поручили ему магазейн обоих академей, а понеже он и сего отправить не возмог, то, придав ему в помощь одного подъячего, между тем такое хорошее смотрение магазейна было, что пред недавным и в короткое время близ 1.000 руб. ценою из него покрадено. Чтож и до второго касается, объявляются некоторые примеры, в четырех при академии отправленных (*л. 19 об.*) илуминанциях 1735 году сам я усмотрел, что купчины в своем щоте гораздо более от 400 руб., но разве 600 руб. подлогу учинили. Я о сем 3 маия 1735 г. его превосходительству господину камергеру Корфу самому в письмянной таблице предъявил и подал; такожде получил я в месяце октябре 1735 г. указ о разсмотрении учиненных нанятого двора от Невского монастыря расходов, и в таком же счете усмотрел я в 216 руб. на 100 руб. подлогу, из чего некоторым образом можно видеть, как Академия от времени до времени в долги пришла, ибо они в прежние времяна, конечно, горшае нынешнего чинили, когда смотрение далеко не так крепко было. Его превосходительство господин камергер Корф не токмо объявленные, но еще и вящщие плутовствы хотел было приказать накрепко изследовать, токмо един человек, которой почти един притчиною раззорению (или растащению) Академии, умел всегда искусным образом то превращать, так что хотя многие от Академии таких обманщиков ведают издавна, однако ж оные не только нетронимы остаются, но и в прежних чинах своих содержутся. А притчина тому, чего для таких воров терпят, есть сия, понеже они, куды б не пришли, воровство оставить не могут, и оттого легко под суд к ответу попасть могут. А укрыватели и студные и вредные люди не хотят и опасаются чрез тех воров повинку в великое бедствие вкупе с ними привлещися, и для того сих злоскверных людей, кои при Академии себя над оными и большими творят, главное правило не только всех воров, но искаженную безбожную академию в одном месте содержать, что Академии воистину не честь, а российскому государству великой вред есть.

3. Каким образом великой урон наградить, которой академия от таких плутов понесла.

(*л. 20*) Понеже уже действительно такия признаки в объявленных щетах оказались, також и наивящщие воровства при Академии были, того ради надлежало далее розыскать, а особливо прежние счеты Академии накрепко разсмотреть с присовокуплением верного человека, которой сначала при Академии был, а бес того трудно доходить концов, не для того, чтоб кто не разумел те счоты разсматривать, но паче того ради понеже тогдашние обстоятельства ему незнакомы, и тако урон, которой академия поныне претерпела, можно бы нечто возвратить, ежели б как укрывателей, так и воров побрать за караул, и пожитки их обобрать. И хотя еще многое могло быть предъявлено о плутовстве в библиотеке и Кунст-Каморе, однакож ради краткости ныне то прехожду и обращусь:

4. Как Академию паки в лутчее состояние привести, дабы с постановлением Петра Великого славодостойнейшие памяти было согласно и Российской империи славу и честь принесло:

Нынешнее состояние Академии зело разнствует с помянутым постановлением (или регламентом), которой от Петра Великого славо достойнейшей памяти 10 февраля 1724 г. подписан.

1. Приватные и публичные конференции не так отправляются
2. Колегия не чтутся
3. О главном намерении не радят, дабы молодых людей в первых правилах (элементах) математики обучать, и тако их приготовлять, чтоб они впредь колегия слушать, и от академиков, особливо в математике и физике, пользоваться могли.
4. Не с общего согласия академиков чинится, ежели при академии что переменить или вновь определить надобно;

(*л. 20 об.*) И тако ныне в гимназии только школьным наукам (гуманиорум) и географии обучаются, а протчее состоит в том, что русские немецкому языку учатся.

Притчина же тому, чего для о математике так мало рачат, есть собственно та, что инспектор гимназии Бейер, как многим известно, до математических наук не охотник по притчине, понеже он их почти ничего не разумеет, и для того он добрыя правила паче повредил; и не знаю я, чего для такому человеку дается жалованья по 1.000 руб., да по 200 руб. на дрова и свечи на год только за латинский язык и за старую гисторию? — разве некоторые разсуждают, что ево достоинство состоит в знании китайского языка. Но я не того мнения, ибо известно, что он ниже исправно читать, ни в скорости с китайского языка по-немецки изъяснить не может, и для того ево творения, которые Академия в личную

печать выдала, токмо из книг выписанные и занятые вещи суть. Из сего явственно видно, чего для во время 12-ти лет поныне достойных людей (субъектов) не имеется, которые у профессоров в математике и физике профитовать могли, и ежели сие не переменится, то еще в 12 лет плода не будет. И понеже он, инспектор Бейер, к честной и полезной математической науке не охотник, то и гимназию снабдил он плохими людьми; а хотя б некоторые в них и находились, которые б у профессоров в математике и физике профитовать могли, то он им не токмо всякие досады лукавым образом причинял, но и тщился таких людей из службы отлучить. И потому, ежели б вышереченной регламент от 10 февраля 1724 г. в некоторое разсуждение принять, а непотребных излишних людей отставить, и некоторые места годными и добрыми людьми паки наполнить, то б могло учинится, что Академия не токмо обыкновенным капиталом в 25.000 р. весьма исправиться, но и Российской империи великую пользу и Академии самой великую ж славу принесть может.

Все сие писал я не от какого мстительного намерения, дабы таким плохим людям, которые по моему разсуждению жестоко погрешили, обиду учинить, но паче для оказания истинной ревности, дабы Академия уже единожды в процветание пришла, и расходы впредь не втуне чинены были. И понеже все сие с правдою сходно, того ради в добром разсуждении сие подписал и мою обыкновенную печать приложил в Дрездене 1 ноября 1737 году.

Карл Фридрих Шелер,
бывшей архитектор Российской Академии наук».

Владимир Эрикович Булатов
(Москва)
Старший научный сотрудник
Государственного исторического музея

Академия наук и русская картография: тактические успехи — оперативное поражение — стратегическая победа

Vladimir E. Bulatov

Academy of Science and Russian Cartography: tactical success — operative defeat — strategic victory

Аннотация: Важной задачей Академии наук было составление адекватной карты России. Академия провела обширные картографические работы, хотя атласа, пригодного для административного использования, составлено не было. Однако деятельность Академии способствовала созданию русской школы в картографии, росту картографической и географической грамотности населения, общему подъему русской картографии.
Abstract: Academy of Science had as an important goal compilation of reliable map of Russia. The Academy has done a lot of cartographic work, but no atlas suitable for administrative use had been compiled. Nevertheless, the Academy inspired emergence of Russian school in cartography, increase of competences in geography and cartography, general rise of Russian cartography.

Ключевые слова: Академия наук, картография, Россия, XVIII век.
Keywords: Academy of Science, cartography, Russia, 18th Century.

Как сама структура Академии наук, так и характер поставленных перед ней задач были определены императором Петром I. Неудивительно, что на Академию повлияли и личные пристрастия государя.

Известна любовь, которую Петр I питал к навигации; в связи с этим царь высоко ценил знания в области географии и практической астрономии. Неслучайно Петр I создал Школу математических и навигацких наук, а не, скажем, математических и инженерных, или артиллерийских наук. В этом учебном заведении царь объединил обучение геометрии и картографии. Подобным образом и позднее, в проекте создания Академии наук, за обучение астрономии, географии и навигации нес ответственность один профессор (термина «картография» в ту эпоху еще не существовало, и под словом «география» понималось в первую очередь создание карт). При этом, в силу недостаточной картографической изученности Российской империи, потребность в развитии географии в стране ощущалась особенно остро. В связи с этим должность профессора географии в создаваемой Академии котировалась весьма высоко. Одним из свидетельств этого служит то, что жалование географа было существенно выше, чем у других академиков: Ж. Н. Делиль в 1742 г. получил 1800 рублей, на 200–1260 больше прочих академиков[1].

Во втором параграфе Устава Академии наук 1747 г. говорилось:

> «Государству не может быть инако, как к пользе и славе, ежели будут такие в нем люди, которые знают течение тел небесных и времени, мореплавание, географию всего света и своего государства; чего ради иметь надлежит первой класс Академиков, которой состоять должен из Астрономов и Географов. Польза, непосредственно та от них, что мореплаватели будут искуснее в государстве, которые не токмо описания всех земель подлинныя сочинить, но иногда и незнаемыя изобретать могут»[2].

Таким образом, астрономы и географы должны были создавать два вида карт: достоверные карты страны и карты новооткрываемых земель. Обе эти задачи носили не теоретический, но сугубо практический характер, и они полностью соответствовали чаяниям Петра I: во-первых, это составление карты страны, пригодной для использования администрацией, и, во-вторых, участие в колониальной гонке, движение через Тихий океан на восток и установление торговых путей на Каспийском море и в Средней Азии.

---

[1] *Невская Н. И.* Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984. С. 26.

[2] Цит. по: *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.; Л, 1940. С.9.

Одной из важнейших задач Академии наук было составление такой карты «Всероссийской империи», которую в своей практической работе использовали бы коллегии и другие государственные органы. Значение, которое Петр I придавал составлению такой карты, явствует, в частности, из Генерального регламента 1720 г., в главе 48 которого сказано:

> «...и дабы каждый Коллегиум о состоянии государства и о принадлежащих ему провинциях подлинную ведомость и известие получить мог; Того ради надлежит в каждой Коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты или чертежи, которые по времени изготовлены быть имеют»[3].

Составлять карту «Всероссийской империи» следовало, опираясь на карты отдельных уездов, подготовленные работавшими в поле геодезистами (их принято именовать *петровскими геодезистами*). Обработка и сведение колоссального количества присылаемых петровскими геодезистами карт были сложнейшими задачами. При этом Академия сама выпускала многочисленные карты: в одном только Архиве РАН хранится 324 единицы таких картографических произведений. Академия сама организовывала географические экспедиции, а также осуществляла научное руководство экспедиционными работами, проводившимися государственными коллегиями и Сенатом. Говоря словами Л. С. Берга[4], результатом Второй Камчатской экспедиции было

> «открытие Северо-Западной Америки, описание Курильских островов и Северной Японии, исследование Камчатки Крашенинниковым и Стеллером, работы Гмелина по изучению Сибири, собранные Г. Миллером исторические материалы и, наконец, совершенно исключительный в истории географических открытий подвиг — описание Северных берегов Сибири».

Неоценимый вклад в изучение географии России внесли Академические экспедиции 1768–1774 гг.

Таким образом, Академия наук достигла важных успехов в «сочинении подлинных описаний всех земель». Однако при этом собственно желание Петра I не было исполнено: изданный Академией

---

[3] ПСЗРИ. Т. 6. № 3534. В научной литературе впервые упомянут: *Иванов П. И.* Обозрение геодезических работ в России со времени императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 г. // Зап. Император. географ. об-ва. 1853. Кн. IX. С. 427–477.

[4] *Берг Л. С.* Роль Академии наук в истории географических открытий // Природа. 1925. № 7–9. Стб. 143–160.

в 1746 г. «Атлас Российский»[5], хотя и заметно расширивший представления о географии Сибири и Дальнего Востока, содержал ошибки, затруднявшие его практическое использование администрацией.

Главной трудностью в создании адекватной карты России было посредственное качество планов уездов, составленных некоторыми геодезистами. Сведение зачастую давалось с большим трудом. Так, на карте оказалось два Курска: один под своим именем, но не на своем месте, другой на месте Курска, но названный «Сурск». Более-менее достоверные съемки проводились лишь возле административных центров, тогда как окраины уездов картировались главным образом по опросам. Недостаточность инструментальных наблюдений приводила к постоянному преувеличению расстояний, а это обстоятельство, в соединении с грубыми ошибками при определении координат, приводило к тому, что территории различных уездов «перекрывались».

Эти наши наблюдения показывают, что оценка деятельности геодезистов, имеющаяся в тексте предисловия к атласу, не столь далека от реальности, как принято считать: «карты сняты не с равным прилежанием, неисправным инструментом», недостаточными

> «астрономическими наблюдениями, в которых главнейшая сила географии состоит... а может быть и сами Геодезисты в геометрических действиях не так обучены были, чтобы на их искусство совершенно полагаться можно было... может быть большая часть карт атласа составлена на основании опроса».

С невысоким качеством картирования связан и запрос геодезистам из Академии — прислать полевые журналы, «но оных получено весьма мало».

Хотя издание атласа было большим шагом вперед и горячо приветствовалось международным научным сообществом, лица, связанные с выполнением административных функций, ставили его невысоко. Упомянем хотя бы только отзыв В. Н. Татищева[6], рекомендовавшего исправить атлас по книге «Большого чертежа» (которую он и послал в Академию для этой цели): Татищев указал на множество ошибок, допущенных при его составлении.

---

[5] Обычно его датируют 1745 г., в соответствии с датой, указанной на титульном листе атласа.

[6] В научной литературе впервые упомянут: *Свенске К.Ф.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Императорскою Академиею наук в 1745 г. СПб., 1866.

К. Г. Разумовский, президент Академии наук, хотя не высказывал явно отрицательного отношения к Атласу, уже при выходе его в свет объявил о намерении издать новый атлас. М. В. Ломоносов утверждал, что «атлас издан как-нибудь... Посмотрев на тогдашнюю географическую архиву и на изданный оный атлас, легко понять можно, коль много мог бы он быть исправнее и достаточнее»[7]. В последнем отзыве чувствуется косвенное обвинение в адрес И. Д. Шумахера, настаивавшего на скорейшем издании Атласа.

Несмотря на попытки Географического департамента Академии наук переиздать «Атлас Российский» в исправленном виде, эта работа не была сделана. Без повторной рассылки геодезистов осуществить ее было в высшей степени нелегко. Новый точный и достоверный «Российский атлас» вышел лишь в 1792 г. Он был составлен на основании информации, полученной Сенатом в ходе генерального межевания, причем составлен вне Академии, в Географическом департаменте Кабинета Ее Императорского Величества.

От Академии наук ожидалось, что она сможет составлять карты новых, открываемых русскими мореплавателями, акваторий в северной части Тихого океана. Для этого требовалось объединить информацию, поступающую от Адмиралтейской коллегии и от частных промышленников. Однако Академии не удалось должным образом организовать взаимодействие с Коллегией. В результате представление о конфигурации северной береговой линии Тихого океана формировалось крайне медленно. Своего рода прорывом стало специальное обсуждение этого вопроса на заседании Адмиралтейской коллегии 27 апреля 1767 г. Согласившись с мнением графа И. Г. Чернышева, Коллегия пришла к важному выводу, что «все сии новые изобретения, то есть Беринга и Чирикова, казака Пономарева и последнего купца Шилова ни что иное, как продолжение: гряда или непрерывная цепь островов»[8]. Начиная с этого времени утвердились представления о том, что между Азией и Америкой тянется почти непрерывная цепь островов, которые мы сейчас называем Командорскими и Алеутскими. Однако вопрос о том, переходит ли эта цепь в полуостров, соединенный с Америкой, или обрывается, не доходя до материка, не был решен вплоть до 3-го кругосветного плавания Кука. Центром анализа новых открытий и создания новых географических карт стала не Академия, но Адмиралтейская коллегия.

---

[7] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 258.

[8] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. Сборник документов. М., 1984. С. 221.

Таким образом, остается констатировать, что Академия не смогла выполнить основные из поставленных перед ней задач в сфере географии.

Однако обвинять Академию наук в том, что причиной названных неудач стала ее неспособность, нельзя. Скорее, можно говорить о том, что не было должным образом налажено взаимодействие между Академией и государственными органами. В случае с составлением первого национального атласа — с Сенатом; в случае с открытиями, сделанными на Тихом океане, — с Адмиралтейской коллегией. Принципиальную возможность успешного взаимодействия в сфере географии между государственными органами и независимой организацией, доказывает, к примеру, деятельность Императорского русского географического общества.

Но если подняться на более высокий уровень анализа развития географии в России, то деятельность Академии наук предстанет в несравненно более благоприятном свете.

Для того, чтобы оценить, насколько успешной была деятельность как Академии наук, так и других институтов, основанных Петром I, сравним уровень географических знаний в России и Китае в начале и в конце XVIII века.

На рубеже XVII–XVIII веков Россия и Китай в отношении развития картографии находились в сходном положении. В обеих странах существовала картографическая традиция, но составляемые карты не имели математической основы, и поэтому в некоторых отношениях их было невозможно использовать так, как западноевропейские карты. И царь Петр, и император Канси ощущали потребность в новых, имеющих математическую основу картах. Однако государи подошли к решению этой проблемы противоположным образом. Если Петр I сделал ставку на формирование национальных кадров, которое не могло быть быстрым, то Канси решил использовать иностранцев.

По приказу императора съемку империи Цинь провели иезуиты, с 1708 по 1716 г. За составление карт страны и отдельных провинций, которое продолжалось до 1721 г., отвечал фламандец Фердинанд Фербист; карту Пекина составил чех Карел Славичек.

На первый взгляд, Канси принял более рациональное решение, нежели Петр I. От начала съемок до окончания составления карты Китая прошло 13 лет, тогда как в России от рассылки геодезистов до издания Атласа — 26 лет; при этом атлас Китая превосходил российский по точности и детальности; понесенные при съемках и составлении карт расходы просто несопоставимы. Но на самом деле

наличие своей национальной картографической школы в России и отсутствие таковой в Китае определили колоссальный разрыв между двумя странами в сфере географии и картографии, возникший в XVIII веке и существовавший до конца XX века.

При этом деятельность Академии наук оказала колоссальное влияние на развитие русской картографической и геодезической школы. Издание учебных материалов, непосредственное обучение геодезистов, определение точных координат, экспедиционная и картоиздательская деятельность привели к тому, что в России сформировался слой людей, владевших навыками составления и чтения карт.

Словами Веры Федоровны Гнучевой[9],

> «по своему научному и общественно-государственному значению работы Географического департамента составляют одну из крупнейших заслуг Академии наук в XVIII веке. Невозможно учесть его значение в “невесомых полезностях”, которые выражались в развитии географических познаний, в невольном способствовании пробуждению культурных сил народа и в подготовке первых кадров русских картографов и технических сил, необходимых для дальнейшего развития картографии».

В конечном итоге благодаря деятельности Петра I и Академии наук в России была создана своя геодезическая школа, в XX веке лидировавшая на нашей планете.

[9] *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946.

Николай Семенович Корепанов
(Екатеринбург)
Научный сотрудник Музея истории Екатеринбурга
Светлана Анатольевна Корепанова
(Екатеринбург)
Заместитель генерального директора по научной работе Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера

Тамгинский завод: опыт промышленного обеспечения научной экспедиции в XVIII веке

Nikolay S. Korepanov, Svetlana A. Korepanova

Tamginsky Works as an Experience of Industrial Support for a Scientific Expedition in the 18th Century

Аннотация: В статье рассматривается история Тамгинского железоделательного завода вблизи Якутска в XVIII веке. Предприятие было построено под руководством уральских горных специалистов с целью обеспечения Камчатской экспедиции В. Беринга. Завод, действовавший в 1735–1756 гг., обеспечивал готовым железом экспедицию, снабжал местное население. Беринг планировал перенести завод в побережный район Тихого океана.
Abstract: The article is devoted to the construction and operation of the Tamginsky ironworks near Yakutsk in the 18th cent. Built under the guidance of Ural mining specialists, it had to support the Kamchatka expedition of V. Bering. The works operated in 1735–1756 and supplied the Expedition and local population by ready-made iron. V. Bering had planes to move the works on the coast region of the Pacific Ocean.

Ключевые слова: Камчатская экспедиция, Тамгинский завод, В. Беринг, железоделательное производство XVIII века, Якутск.
Keywords: Kamchatka expedition, Tamginsky works, V. Bering, iron metallurgy of the 18-th cent., Yakutsk.

Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. является уникальным событием в истории России. Решение об организации экспедиции, явившейся частью грандиозного предприятия — Великой Северной, или Великой Сибирско-Тихоокеанской, экспедиции — было принято в 1732 г. в виде ряда указов[1].

В историографии Второй Камчатской экспедиции одной из ключевых проблем является соотношение ее географического (естественно-научного) и колонизационного аспектов. Одной из ярких, но малоизвестных страниц экспедиции была деятельность Тамгинского железоделательного завода, выстроенного в 1735 г. под Якутском специально для промышленного обеспечения экспедиции.

Организация Второй Камчатской экспедиции была возложена на обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, стоявшего во главе Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головнина и Академию наук. Руководство экспедицией осуществлял капитан-командор Витус Беринг.

Задачи, поставленные перед экспедицией, были грандиозными и соответствовали ее названию. Русские моряки и исследователи должны были изучить северо-восточные берега Азиатского материка, отыскать морские пути в Америку и Японию, исследовать возможность плавания по Северному морскому пути и нанести на карту границы России от Белого до Японского моря.

17 апреля 1732 г. императрицей Анной Иоанновной был подписан именной указ Сенату «Об отправлении капитан-командора Беринга в Камчатку», в котором, в частности, говорилось:

> «Капитана-командора Беринга отправить паки на Камчатку, и поданным от него пунктам и предложениям о строении тамо судов и прочих дел, к государственной пользе и умножению Нашего интереса, и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что надлежит, отправить, рассмотря, определение учинить в Сенате»[2].

На основе именного указа был принят целый ряд сенатских указов, где более подробно оговаривались самые разные вопросы

---

[1] ПСЗРИ. Т.VIII. СПб., 1830. №№ 6023,6041, 6042, 6291.
[2] ПСЗРИ. Т. VIII. СПб., 1830. № 6023. С.749.

организации экспедиции. Так, в указе Сената от 2 мая 1732 г. говорилось:

> «Что же он, Беринг, во 2-м пункте предлагает, в Сибири де когда случится нужда в железе, тогда возят от Тобольска до дальних городов, от чего чинится в провозе лишний кошт, а при Ангаре реке около Идинского острога и около Якутска имеется железная руда, о том послать в Коммерц-коллегию указ; в которой рассмотря, велеть завесть в пристойных местах малые заводы и делать в них столько железа, сколько там на расходы надобно, а лишнего не делать, потому, что оттуда к здешним портам за дальностию возить невозможно»[3].

Таким образом, еще в 1732 г. было решено начать строительство особого завода для нужд Камчатской экспедиции. Первоначально речь шла об одном из двух разведанных районов залегания железных руд — по р. Ангаре или близ Якутска, в долине р. Лена.

Организация и техническое оснащение строительства завода для экспедиции возлагались на главного командира Вилима Ивановича Геннина (Георга Вильгельма де Геннина). Под его началом работал Сибирский обер-бергамт (с 1734 г. — Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов) — местный орган горного ведомства, в тот период руководивший всей горнозаводской промышленностью от Казани до Нерчинских и Колывано-Воскресенских заводов.

При выборе места под завод для экспедиции Геннин отдал предпочтение ангарскому варианту — строительству на речке Тельме, притоке Ангары. Непосредственно изыскания проводили присланные с Урала специалисты горного дела — комиссар Нерчинского сереброплавильного и молотового завода Тимофей Бурцев и шихтмейстер Александр Соловьев. Исследуя места по р. Ангаре, они сообщали Геннину, что «иркутские промышленники и крестьянство руду промышляют и железо плавят»[4].

Земляные работы на р. Тельме начались в августе 1733 г. Тем временем отряд Беринга, один из семи отрядов экспедиции, двигался из села Оса в Кунгур и 17 ноября 1733 г. достиг Екатеринбурга.

Узнав о строительстве завода на р. Тельме, Беринг 20 ноября написал Геннину:

> «Зачаты ль те заводы строить и к действию произведены ль — неведомо. А понеже, хотя те заводы строить и начаты или уже

---

[3] ПСЗРИ. Т.VIII. СПб., 1830. № 6041. С. 770–771.

[4] Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: Сб. док-тов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. СПб., 2018. С. 58.

к действию произведены, точию к помянутой Экспедиции за дальним провозом до реки потребного к той Экспедиции железа и протчаго не весма способны, ибо расстояние от Ангары до Лены-реки сухим путем и водою к Якуцку считается близ трех тысяч верст, от чего будет происходить за дальний сухопутный провоз излишний расход казне, того ради, по моему мнению, строением тот завод остановить, а построить вместо того завода, изыскав удобное место и железную руду, в близости около Якуцка, только один колотушечный молоток и надлежащую плотину, а домны не строить»[5].

Таким образом первоначально намеченное расположение завода в районе Иркутска пришлось изменить — его предлагалось перенести ближе к Якутску. Следует отметить, что завод предназначался преимущественно для выковки железа как сырья для дальнейшей обработки. Готовую же продукцию (в частности артиллерию, якоря и т. п.) на этом этапе назначено было производить на Урале.

Итак, завод на р. Тельме был оставлен, и в сентябре 1734 г. управитель завода Прокофий Столов с командой доставили речным путем в Якутск оборудование, включая молот с наковальней. Здесь же в октябре 1734 г. состоялась встреча с Берингом и его людьми. В мае 1735 г. начались поиски места под новый завод по притокам р. Лены.

На новом месте поджидали новые трудности: тяжелый климат, малая заселенность местности, дороговизна, недоброжелательность местной воеводской администрации. Тем не менее к 4 июня уральский плотинный мастер Петр Бронских, при участии членов Камчатской экспедиции Василия Прончищева и Вилима Вальтона, выбрал для размещения завода правый приток Лены — речку Тамгу (ныне р. Тамма) в 29 верстах выше Якутска. Выбор места поддержали и П. Столов с А. Соловьевым:

«Способнее, для того что рудники имеются выше по Ленереке, и сплавить руду вниз к тому заводу и с заводу кованое железо ставить в Якутск водою ж — без большого убытка. К тому же и то способно заводу, что около того места не в дальнем расстоянии якутов имеется довольно, которые иногда охотою с коньми и на быках из платы работать могут»[6].

14 июня 1735 г. строительство Тамгинского завода началось — силами ссыльных, привезенных из Иркутска; 23 сентября того же

[5] Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: Сб. док-тов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. СПб., 2018. С. 21–22.

[6] Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: Сб. док-тов. СПб., 2018. С. 86.

года первый в мире металлургический завод на вечной мерзлоте был пущен. Строительством руководил выпускник Московской инженерной академии, московский дворянин А. Соловьев, уже имевший некоторый опыт работы на уральских заводах. Ковку железа в колотушечной фабрике наладил мастер Йохем Рамфельт (по происхождению англичанин, российский подданный), сосланный с Урала.

Железная руда поступала на завод со Столбовского рудника, разведанного в горах по р. Лене (в знаменитых Ленских столбах). Руду спускали с горы в сыромятных кожаных сумах и сплавляли 152 версты по реке Лене. От пристани в устье р. Тамги руду везли на якутских быках. Уголь для заводского производства заготавливали в 2–4 верстах от завода.

Еще в ходе строительства заводской управитель А. Соловьев заболел чахоткой и умер в июле 1736 г. Незадолго до смерти он успел сообщить в Екатеринбург чрезвычайно важную информацию:

> «Господин капитан-командор Беринг всегда словами навещевает: Сколько в Якуцку понадобится железа, толикое число надлежит приуготовить, потом со всею командою идти из Якуцка на Камчатку и в Охоцк, и тамо [новый] завод строить и железа приуготавливать»[7].

Несомненно, это свидетельство стратегического плана Беринга по освоению Тихоокеанского региона, берегов Северной Америки и т. п.

После Соловьева управительскую должность занимали несколько человек. С весны 1736 г. заводское железо стал принимать шкипер экспедиции Дмитрий Коростелев. На нужды экспедиции в год планировалось сдавать по 1000 пудов полосового, баутного (прутковаго) и четырехгранного железа, а также по 500 пудов для местного потребления и свободной реализации. За всю историю работы Тамгинского завода на нем использовался только труд ссыльных каторжан.

С начала 1738 г. завод возглавил опытный горный офицер Афанасий Метенев, построивший на Урале Сусанский завод. При нем Тамгинский завод превратился в стабильное предприятие, обеспечивавшее экспедицию металлопродукцией.

Несмотря на то, что Тамгинский завод из-за морозов простаивал с октября по май, а летом его ежегодно останавливали для починки, его производительность была достаточной для нужд экспедиции

[7] Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: Сб. док-тов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. СПб., 2018. С. 100–101.

и местного населения. Например, в 1738 г. было выковано кричного (полосового) железа 1874,6 пуда, клепани (железных досок) — 1354,25 пуда; в 1739 г. — 2454,38 и 1459,12 пуда соответственно; а в 1742 г. — 2560,32 и 1484,26 пуда[8].

Очевидно, чертеж Тамгинского завода специалистами так и не был составлен. Известны лишь любительский чертеж подьячего Федора Сургуцкого 1737 г.[9] и эскиз А. Метенева 1742 г.[10] По чертежу Ф. Сургуцкого и заводским ведомостям можно установить, что заводская плотина не имела ларевого прореза, два подливных (нижнебойных) колеса были установлены в вешняке. На правом берегу реки, за плотиной, были размещены два плавильных амбара на 18 ручных рудоплавных горнов (вместо домны), колотушечная фабрика (выковка железа), ручная кузница, работная изба и угольный сарай. На левом берегу за плотиной — управительская и подьяческая квартиры, баня. Из других строений были сооружены припасной амбар, работные избы, «юрты» плавильных работников и горных рекрутов, избы солдат и кузнецов. К 1737 г. была выстроена заводская контора. К 1740 г. здесь появились якорная фабрика (в действие не введена, разрушена половодьем 1743 г.), весовая, пробирная для пробы руд, а также Троицкая часовня[11].

Неоднозначным оказался вопрос о принятии Тамгинского завода в подчинение Камчатской экспедиции. В ответ на предложение передать завод из ведения екатеринбургской администрации в ведение экспедиции Беринг писал 24 февраля 1737 г.:

> «Что ж от оной Канцелярии ко мне объявлено, чтоб мне тот завод принять в мою команду и определить из команды кого пристойно, точию того учинить невозможно, ибо сего году первым вешним временем отправлюсь со всею командою для надлежащего экспедицкого исправления в Охоцкой острог и на Камчатку, где будем не в ближнем расстоянии от Якуцка»[12].

Свой отказ капитан-командор повторил и в 1740 г., предлагая передать завод в ведение Якутской воеводской канцелярии[13], однако завод так и остался в подчинении екатеринбургской администрации.

---

[8] Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: Сб. док-тов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. СПб., 2018. С. 205.

[9] Там же. С. 244–245.

[10] Тамгинский завод и Камчатская экспедиция. СПб., 2018. С. 249.

[11] Там же. С. 148–150, 174–176.

[12] Там же. С. 32.

[13] Там же. С. 40–41.

В 1744 г. Метенев писал в Екатеринбург:

> «Имеется при здешнем заводе приуготовленных в отпуск в Камчатскую экспедицию и в прочие указные места железа и разных припасов в наличии, а имянно: полосового и разных сортов железа 1 898 пуд 4 с полуфунтом, укладу доброго и среднего 222 пуда 35 с четью фунтов и прочих разных припасов, потребных в отпуск в Камчатскую экспедицию, довольное число»[14].

Таким образом, Тамгинский завод являлся полноценным промышленным предприятием и выпускал железную продукцию утвержденного качества (т. е. европейских стандартов) для Камчатской экспедиции.

С завершением экспедиции в 1742 г. его действие было переориентировано на обеспечение изыскательских работ в среднем течении р. Лены, в бассейне р. Алдана и др. Завод работал до 1756 г., когда заводская контора во главе с управителем шихтмейстером Петром Корниловым была переведена на Нерчинский завод.

Интересным, на наш взгляд, является сюжет, связанный с поиском остатков Тамгинского завода в XXI веке, проведенного на основании документов Государственного архива Свердловской области.

В 1999 г. в Екатеринбурге был подготовлен и издан сборник документов «Тамгинский завод и Камчатская экспедиция» под редакцией Н. С. Корепанова[15] (сборник переиздан в Санкт-Петербурге с дополнениями в 2018 г.).

После знакомства со сборником 1999 г. при поддержке Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН (г. Якутск) и Государственного комитета по геологии и недропользованию Республики Саха (Якутия) был подготовлен следующий по хронологии сборник документов «Тамгинский завод и якутское серебро»[16]. Работа осуществлялась при активной поддержке доктора геолого-минералогических наук, заведующего лабораторией Института геологии алмазов Владимира Алексеевича Амузинского.

Документы Уральского горного управления, отложившиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), содержали уникальную информацию о Тамгинском заводе, ранее не востре-

---

[14] Там же. С. 185.

[15] Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: Сб. док-тов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. Екатеринбург, 1999. 108 с.

[16] Тамгинский завод и якутское серебро: Сб. док-тов / Ред.-сост. Н. С. Корепанов. Екатеринбург, 2002. 132 с.

бованную сибирскими исследователями. В частности, в документах ГАСО была обнаружена привязка к местности: ямщики возили руду от завода до пристани на р. Лене на расстояние пяти верст[17]. Кроме того, в документах 1738 г. упоминается, что завод располагался на правом берегу р. Тамга.

По инициативе В. А. Амузинского в августе 2002 г. была проведена разведка на местности. Геологами Якутской поисково-съемочной экспедиции Борисом Петровичем Подъячевым и Татьяной Владимировной Бикбаевой было установлено точное место расположения завода на р. Тамме (старое название — р. Тамга). Исследователи обнаружили бревенчатый частокол, рядом — многочисленные фрагменты шлаков. Кроме того, геологи нашли медную кружку без дна и обломки тютня — конусовидного горшка для пробной плавки руд. Горшок был изготовлен из кварцевого песка.

В 2007 г. отряд Приленской археологической экспедиции обследовал территорию железнодорожного мостового перехода через р. Лену. Тогда же археологи обследовали правый и левый берег р. Таммы, где удалось зафиксировать контуры отдельных строений, ямы для обжига древесного угля, запруды и др. В береговых шурфах ученые обнаружили куски шлаков, криц, обломки глиняных кирпичей и железа. Все это на глубине 45–50 см, далее идет вечная мерзлота[18].

4 июля 2012 г., в честь 380-летия вхождения Якутии в состав Российского государства, на месте Тамгинского завода был установлен памятный знак, в котором сочетаются гранитная глыба как олицетворение железной руды, деревянный православный крест и мраморная табличка с памятным текстом.

Изучая историю первого завода на вечной мерзлоте, построенного в XVIII веке, можно сделать следующие выводы:

1. Тамгинский (Якутский) завод был полноценным подразделением Камчатской экспедиции, в организации работы которого непосредственно участвовали некоторые ее члены.

2. По замыслу В. Беринга, завод должен был стать важным элементом инфраструктуры российского освоения Тихоокеанского региона.

3. Функционирование Тамгинского завода свидетельствовало о наличии стратегии промышленного освоения Крайнего Севера и Дальнего Востока России уже в XVIII веке.

---

[17] Там же. С. 15, 79.

[18] *Подъячев Б. П., Бикбаева Т. В., Амузинский В. А.* Как мы искали Тамгинский железный завод XVIII века // Наука и техника Якутии. 2003. №1(4). С. 57–58.

4. История Тамгинского завода, выпускавшего для Камчатской экспедиции качественные железные припасы, наглядно показала мощь созданного по заветам императора Петра I горнозаводского Урала, благодаря которой оказалось возможно выстроить первый в мире завод на вечной мерзлоте.

Алевтина Михайловна Сафронова
(Екатеринбург)

Профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории госуправления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

В. Н. Татищев и формирование первых связей Екатеринбурга с Академией наук (1734–1737)

Alevtina M. Safronova

Vasily Tatishchev and the Formation of Ekaterinburg's First Ties with the Academy of Sciences (1734–1737)

Аннотация: В статье рассматривается история формирования первых связей Екатеринбурга с Академией наук и роль В. Н. Татищева в их установлении и развитии; формы этих связей: участие Академии в поиске учителей для школ и обеспечении их учебными пособиями, в формировании библиотеки Горного ведомства; пополнение библиотеки Академии наук переводами источников с латинского языка, выполненными в Екатеринбурге; обучение уральцев в гимназии и Инструментальной палате Академии, изготовление инструментов для заводов Урала. Рассматриваются научные связи В. Н. Татищева с Академией, касающиеся истории, географии, публикации источников и др.

Abstract: The article deals with the history of the first ties between Ekaterinburg and the Academy of Sciences and V. N. Tatishchev's role in their establishment and development; the forms of these ties: the Academy's participation in finding teachers for schools and providing them with teaching aids, in the formation of the Mining Department library; replenishment of the Academy of Sciences library with translations of sources from Latin made in Ekaterinburg; education

of the Urals in the gymnasium and Instrumental Chamber of the Academy, manufacture of tools for the Urals factories. Scientific relations of V. N. Tatishchev with the Academy concerning history, geography, publication of sources, etc. are considered.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Екатеринбург, Академия наук, связи в сфере образования, культуры, науки.
Keywords: V. N. Tatishchev, Ekaterinburg, Academy of Sciences, relations in the sphere of education, culture, science.

Екатеринбургский завод, построенный в 1723 г., получивший статус города только в 1781 г., уже в первое десятилетие стал центром управления казенными заводами Урала и Сибири на огромной территории, от Казани на западе до Нерчинска и Якутска на востоке. Благодаря пребыванию В. Н. Татищева в качестве главы этих заводов в Екатеринбурге (октябрь 1734 — июнь 1737, до переезда в Самару для одновременного руководства Оренбургской экспедицией вместо умершего И. Кирилова) шел процесс активного формирования первых связей Екатеринбурга с Академией наук. Сам Татищев с 1730 г. имел личные контакты с советником Академической канцелярии И. Д. Шумахером. С 1735 г. связи стали осуществляться и путем переписки Татищева с президентом Академии И. А. Корфом, а Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов начала обмениваться с Академией промемориями.

Назначение Татищева на высокую должность главы заводов сопровождалось составлением инструкции, подписанной Анной Иоанновной 23 марта 1734 г.[1] Татищев получил право непосредственного обращения к императрице и Кабинету министров, обширные права на осуществление широкой программы действий (и связанные с ними обязанности), в т. ч. на организацию в Екатеринбурге «хорошей школы» для подготовки собственных командных кадров, чтобы не запрашивать выпускников учебных заведений из Москвы и Петербурга. План организации школы немецкого языка для подготовки молодежи, способной осваивать знания по иностранной литературе, и для обучения детей мастеров-иностранцев был изложен Татищевым уже в первом доношении кабинет-министрам по прибытии в Екатеринбург 9 октября 1734 г., сопровождавшемся просьбой прислать от Академии наук способного учителя и учебные книги[2].

[1] ПСЗ. СПб, 1830. Т. 9. № 6559. С. 290–296.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

В январе 1735 г. Татищев официально обращается к Академии наук о подыскании учителей уже для двух школ — немецкой и латинской — и литературы для них. С этого начинаются и контакты уральской администрации с Академией, причем при посредничестве кабинет-министров. И. А. Корф представляет Кабинету учителя Академической гимназии Бернгарда Штермера как единственного известного ему кандидата, говорящего по-русски, и приказывает ему явиться к графу А. И. Остерману. Через него, как самого влиятельного члена Кабинета министров, велись переговоры о найме Штермера и его помощника И. Гейнша, оговаривались условия их контрактов. Академия представила Остерману и прибывшего из Пруссии Лаврентия Сехтинга в качестве учителя латыни и пастора для иностранцев, трудившихся на заводах Урала и Сибири[3]. По просьбе Татищева через Академию наук подыскивался архитектор и учитель рисования, устраивались проверки их умений, но эти кандидаты так и не были отправлены на Урал[4].

Именно Академия наук сыграла важную роль в обеспечении школ Екатеринбурга учебными книгами. В ее книжной лавке было подобрано 298 книг (340 с учетом конволютов) на иностранных языках, изданных в Германии, и новинки академической типографии. Они составили библиотеку иноязычных школ Екатеринбурга, которой ведали учителя, выдававшие книги учащимся с открытия школ в ноябре 1735 г.[5]

Через Академию наук и ее книжную лавку в 1735–1737 гг. была сформирована и уникальная библиотека Горного ведомства Екатеринбурга. По личным заказам Татищева и уральской канцелярии высылались сочинения немецких, французских, шведских авторов по химии, физике, математике, медицине, фармакологии, горному делу, архитектуре, рисованию, истории; новейшие издания академической типографии — законодательные акты, карты; все комплекты газеты «Ведомости» и «Примечаний» к ним на немецком и русском языках.

На Урале Татищев возобновил работу над «Историей Российской» и нуждался в источниках для написания ее первой части. Поэтому были присланы труды Геродота, Гомера, Флавия, Плиния, Плутарха, Марко Поло, Герберштейна и др.

---

[3] См.: *Сафронова А. М.* Василий Татищев и первые иноязычные школы Екатеринбурга (1735–1750-е гг.). Екатеринбург; СПб., 2024. С 24–37.

[4] Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 801–802, 809, 813, 816, 820–821.

[5] *Сафронова А. М.* Василий Татищев и первые иноязычные школы... С. 37–57.

Став главой Оренбургской экспедиции, переименованной им в комиссию, Татищев в декабре 1737 г. отправил в Екатеринбург 269 изданий, полученных И. Кириловым в 1734 г. из Академии для школ Оренбурга, которые ему поручалось открыть, построив сам город. Строительство затягивалось, Татищев решил, что для екатеринбургских школ книги будут полезнее, и они были переданы в библиотеку Горного ведомства[6]. Перед отъездом в Самару Татищев оставил Екатеринбургу и свою личную библиотеку (838 изданий, в т. ч. 318 на русском языке), значительная часть которой формировалась также через Академию наук[7].

Для написания «Истории Российской» Татищев нуждался в переводах источников с латинского языка, и Екатеринбург стал центром переводческой деятельности. Один экземпляр переводов отправлялся Татищевым в библиотеку Академии наук, ее русский отдел. Учитель латыни К. Кондратович перевел труды польского историка XVI века М. Кромера по истории Польши, немецкого астронома XVIII века К. Кирхера по хронологии, «Хронику о славянах» немецкого хрониста XII века Гельмольда и монаха из Любека Арнольда. Название еще одного сочинения находим в «Описи рукописей, полученных от В. Н. Татищева» в Академию наук: Иоанн Гезелий «Компут астрономический о расчислении времени». Оправлялся в Академию и перевод двух книг «Естественной истории» Плиния и труд голландца Ван Даля[8].

По инициативе Татищева в Екатеринбурге учителя иноязычных школ К. Кондратович, Б. Штермер и Л. Сехтинг составляли «Русско-латино-немецкий лексикон», вывезенный Штермером после увольнения в Тобольск, где его в 1741 г. приобрел у вдовы Штермера академик Г. Ф. Миллер и передал в Академию наук[9]. Сейчас черновой (объемом 1418 страниц) и беловой (940 страниц с пометами Татищева к первым трем буквам) варианты словаря хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей БАН (словарь не завершен, обрывается на букве П)[10].

Как сообщал Татищев в письме В. К. Тредиаковскому 18 февраля 1736 г., он отправил в Академию с этим письмом Судебник

---

[6] *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2012. С. 191–327.

[7] Там же. С. 389–405.

[8] Там же. С. 350–383.

[9] *Grau C.* Der Wirtschaftorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Wasilij N. Tatiščev (1686–1750). Berlin, 1963. S. 135–136.

[10] НИОР БАН. 32. 7. 1.

1550 г. «со истолкованием слов и пословицы, мною собранные»[11]. Из 1339 пословиц, включенных в сборник, 40 % пословиц сохранились для потомков благодаря Татищеву («Шемякин суд», «Упрям как бык», «Шила в мешке не утаишь» и др.). Эта уникальная работа увидела свет только в 1961 г.[12]

Четверо детей уральской администрации в 1735–1739 гг. обучались в Академической гимназии. Татищев сам составил программу их обучения: немецкому, латинскому языкам, математике, физике, механике, архитектуре, рисованию, но половина этих предметов еще отсутствовала в гимназии. Судя по ведомостям учеников и выданным гимназистам книгам, наряду с языками они изучали рисование, географию — по учебникам И. Гюбнера, историю и библейскую историю, штудировали новейшие энциклопедические лексиконы И. Гюбнера, изданные в Лейпциге в 1735 и 1737 гг., его «Краткие вопросы из политической истории» (в 10 ч.) и 5 томов суплементов к ним. Фактически занимались и по индивидуальной программе, имея на руках 47 книг, оплаченных за счет уральских заводов[13].

Вслед за гимназистами в 1735 г. в Инструментальную палату Академии отправили двух учеников уральских школ, детей мастеров, чтобы подготовить из них собственные кадры инструментальщиков. Один из них на протяжении 5 лет, другой — 7 лет обучались делу маркшейдерских и математических инструментов, поначалу у механика Исаака Брукнера. Во второй половине дня занимались немецким языком в гимназии, вечером — в Гравировальной палате. С аттестатами мастеров-инструментальщиков вернулись на Урал, и благодаря этому в 1746 г. в Екатеринбурге был открыт собственный центр изготовления инструментов[14].

В 1735–1736 гг. из Екатеринбурга в Академию поступил ряд крупных заказов на изготовление инструментов, необходимых для составления чертежей, проведения горных работ, картографирования территории Урала и Сибири. Татищев просил сделать или выписать из-за рубежа 12 компасов, 6 астролябий, ватерпас, 26, а по-

---

[11] *Татищев В. Н.* Записки. Письма. М., 1990. С. 230.

[12] См.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XIX веков. М.; Л., 1961. С. 47–64.

[13] Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 2. С. 575–576; Т. 3. С. 258–259, 420–421; *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга... С. 330–344.

[14] См.: *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 208–217.

том еще 10 готовален; маркшейдерские инструменты: компасы, ватерпас с перспективами, «ктивы и колисасы». Но до выполнения этих заказов руки у И. Брукнера не доходили. Только в 1739 г. небольшая часть простых инструментов была отправлена в Екатеринбург: несколько компасов, циркулей, транспортиров и «паралел»-линеек[15]. Жизнь показала, насколько своевременной была подготовка собственных мастеров-инструментальщиков, наладивших изготовление инструментов в Екатеринбурге.

Во время следования Второй Камчатской экспедиции в Сибирь по предложению академика И. Г. Гмелина Екатеринбург с 1734 г. стал третьим в России центром проведения ежедневных метеонаблюдений за погодой, вслед за Санкт-Петербургом и Казанью. На протяжении 13 лет, до 1747 г., трижды в день наблюдения вели учителя и определенные к этому ученики арифметической школы. Журналы с полученными данными отправлялись в Сенат, членам экспедиции в Сибирь; они сохранились в составе дел уральской канцелярии и остаются невостребованными до сегодняшних дней[16].

Помимо этого, в 1734–1737 гг. осуществлялся интенсивный обмен научными идеями между Татищевым и членами Академии по вопросам истории, географии, русского языка, перевода книг на русский язык, публикации документов. В ходе этого общения Татищевым было высказано немало передовых идей, в Академию отправлялись предложения, проекты для обсуждения, запрашивались мнения ее ученых по наиболее важным вопросам.

Именной инструкцией Татищеву поручалось составление новых, более точных карт территории Урала и Сибири силами геодезистов, «приобща к тому обстоятельное географическое описание»[17]. В письме И. Д. Шумахеру 5 ноября 1734 г. Татищев сообщал, что

> «ландкарты пермскую, вятскую и угорскую нашел... весьма неправы, и для того велел вновь описывать и мерять. К тому и степи за Уралом, до сего времяни наугад положенной, немалую часть описал и, когда которую зделаю, немедля во Академиу пришлю».

В декабре 1736 г. сообщал, что карты края, Пермской и южной части Томской «губернии» отправил в Генерал-берг-директориум:

---

[15] Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 2. С. 784; Т. 3. С. 306–307.

[16] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 498. Л. 1; Оп. 12. Д. 51. Л. 340.

[17] ПСЗ. СПб. 1830. Т. 9. № 6559. С. 293.

не хватило времени выполнить экземпляр для Академии, и, если ее руководство сочтет нужным, может затребовать их из директориума[18].

Наряду с организацией работ по картографированию Татищев начал собирать материалы и по современной географии Сибири. Разработал анкету из 82 вопросов, отправил ее на рассмотрение Академии, просил, в случае утверждения, размножить и разослать в города. В январе 1735 г. анкета была рассмотрена на конференции академиков, текст в переводе на немецкий вручен для просмотра Л. Эйлеру. Татищев, не ожидая ответа из Академии, разослал анкету в города, в январе 1736 г. отправил 35 дополнительных вопросов в Тару, 20 вопросов в Пелым[19]. В личной канцелярии Татищева 7 февраля 1736 г. отмечено: «Указ латинской школы учителю Кондратовичу о езде ему в черемисскую деревню Батемировку для испытания их веры и языка и при том даны ему вопросы...»[20]. В течение 1736 г. Татищев составил план 12 глав «Общего географического описания всея Сибири». Неудивительно, что именно в главе 14 «О черемисах» (статьи 80–96) автор подробно расписал, какую информацию нужно собирать обо всех иноязычных народах[21], ведь он составил ранее вопросы для Кондратовича и опробовал свои идеи на практике. 30 декабря 1736 г. часть этого труда Татищев отправил в Академию, оговаривая, что писец не успел скопировать весь текст; просил, «чтобы более опытные академики посмотрели его, указали... где сделаны ошибки, и соблаговолили помочь мне присылкой известий». Татищева интересовало, что написали члены Второй Камчатской экспедиции, «капитан Беринг и профессора Академии, особенно же то, что относится к широте и долготе мест, а также к различным народам»[22].

Одновременно с географией Татищев вплотную занялся историей, постоянно апеллируя и по этим вопросам к Академии наук. В письме Шумахеру 15 августа 1735 г. сообщает о переводе 17 книг истории М. Кромера, правке этого перевода, нехватке времени для составления примечаний к этому труду из М. Стрыковского, «которой довольно основательно русскую гисторию описал и Кромера во

---

[18] *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 171–172, 245.

[19] *Шапот Е. Г.* Анкеты В. Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 137–138.

[20] РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1531. Л. 65 об.

[21] *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 37–39.

[22] *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 246.

многих местах поправляет»; предлагает Академии, если там сочтут нужным, составить эти примечания. Татищев просит прислать ему другой экземпляр труда Стрыковского, с генеалогией литовских князей, и «Старого киевскаго летописца, имянуемаго Феодосиева» (летопись Нестора); выписать за его счет сочинения шведских авторов Руфбека и Шифера или «финляндской гистории на латинском или шведском языках»; сделать выписки «из шведских древних гисторей» о народах, проживавших там, что «к изъяснению руской древности весьма нужно»[23].

В письме от 26 октября 1735 г., рассуждая о плохих переводах на русский язык произведений учителей церкви, Татищев составляет перечень сочинений, которые в первую очередь следовало бы перевести: «гисторию византискую»; комплект трудов церковных учителей с примечаниями; лучшие истории церкви, изданные в Англии, Германии, Франции; «иудейские древности, чины и законы». Чтобы приступить к этой важной миссии, он просит Шумахера поставить вопрос о переводах перед членами Академии, «что разсудят, меня уведомить»[24].

В этом же письме Татищев поднимает и другой важный вопрос — касающийся металлургии: при наличии иностранной литературы о металлах в ней мало данных о способах получения железа из руды. Уральское железо «местами мяхко и кропко... в чистую отделку не годится», сталь «не весьма хороша». Поэтому просит «представить в Академии», нельзя ли достать внятное описание процесса, используемого при обработке руды в Германии; если найдутся желающие, к «великой государственной пользе потрудяся», выбрать «из авторов... или по собственному искуству сочиня», чему «многие шведские диссертации помочь учинить могут», и издать это сочинение; «по требованию Академии мы за 200 и 300 экземпляров заплатить и их в пользу употребить можем»[25].

В письме от 21 декабря 1735 г. Татищев просит Шумахера списать текст Новгородской летописи, переданной им в Академию для печатания, и прислать копию в Екатеринбург, поскольку печать прекращена, а Татищеву «она очень нужна для заполнения многих мест в истории». Он приводит список имеющихся у него на руках в Екатеринбурге рукописей «для русской истории» из 12 номеров. Под № 11 называет «Постановление царя Иоанна Васильевича», т. е. Судебник Ивана IV 1550 г.[26]

---

[23] Там же. С. 200–201.

[24] Там же. С. 211.

[25] Там же. С. 211–212.

[26] Там же. С. 214.

В этом же письме Татищев сообщает, что узнал из присланного ему каталога книг о предстоящей печати Соборного уложения. Горячо одобрив эту идею, Татищев заявляет, что издание в прежнем виде «большой пользы... не принесет, так как в нем имеется много несовершенств и неисправностей или отклонений». Он предлагает издавать документ с учетом поправок, внесенных в уложение последующими указами; формулирует 10 конкретных замечаний в отношении будущего текста; в предисловии предлагает оговорить «право монархов... объявлять законы, устанавливать новые, исправлять или отменять старые», право подданных подавать законопроекты, «при составлении законов...соблюдать в словоупотреблении, синтаксисе... определенные правила»[27]. Делает еще ряд предложений, касающихся пояснения содержания тех или иных норм документа, вставки текста нововведений; печатания актов, дополняющих нормы уложения, во второй части; формирования собрания этих новых узаконений путем запроса копий их текстов из всех коллегий и канцелярий. Это был совершенно новый подход к публикации важнейшего законодательного акта, активно использовавшегося в судопроизводстве всех гражданских учреждений России. Но эти предложения из-за трудоемкости не были использованы при издании текста Соборного уложения 1737 г.

На речь, произнесенную В. К. Тредиаковским в Российском собрании, главной темой которой было «приведение русского языка в совершенство», Татищев откликнулся 18 февраля 1736 г. пространным письмом, в котором обозначил свое видение проблем русского языка, высказал ряд передовых идей о необходимости его реформирования, в т. ч. устранения излишних букв, введенных в русский алфавит; искоренения неправильных слов, падежей, глаголов; требования к составлению законов простым языком, который понятен подданным; необходимости правильного перевода Библии; избегания излишнего использования иностранных слов и пр.[28]

В целом благодаря Татищеву были выстроены связи с Академией наук в сфере образования, формирования состава школьных библиотек, библиотеки Горного ведомства, обучения уральцев, а широкие личные научные контакты Татищева с Академией оказали большое влияние на изменение культурного ландшафта Екатеринбурга и повышения образовательного уровня молодого поколения, проживавшего в нем.

---

[27] Там же. С. 214–216.

[28] Там же. С. 221–230.

Андрей Алексеевич Курапов
(Астрахань)

Заместитель директора по науке и экспозициям Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН

Экспедиции и исследования Академии наук на Нижней Волге во второй половине XVIII века (по материалам Государственного архива Астраханской области)[1]

Andrey A. Kurapov

Expeditions and Research of the Academy of Sciences on the Lower Volga in the Second Half of the 18th Century (Based on Materials from the State Archive of the Astrakhan Region)

Аннотация: Статья, подготовленная на материале документов из фондов Государственного архива Астраханской области, посвящена изучению участия властей Астраханской губернии в организации и проведении экспедиций Академии наук на Нижней Волге во второй половине XVIII века. Благодаря им было продолжено краеведческое изучение региона, внесен неоценимый вклад в российскую науку. Власти Астраханской губернии

[1] *Исследование проведено в рамках государственной субсидии: проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).*

содействовали проведению экспедиций, обеспечивали их финансирование и сопровождение, оказывая всю необходимую помощь.
Abstract: The article, prepared on the basis of documents from the funds of the State Archive of the Astrakhan Region, is devoted to the study of the participation of the authorities of the Astrakhan province in the organization and conduction of expeditions of the Academy of Sciences on the Lower Volga in the second half of the 18th century. They continued the local history study of the region, making an invaluable contribution to the Russian science. The authorities of the Astrakhan province contributed to the expeditions, provided their financing and support, rendering all the necessary assistance.

Ключевые слова: Астраханская губерния, астраханские губернаторы, Академия наук, академические экспедиции, исследования.
Keywords: Astrakhan province, Astrakhan governors, Academy of Sciences, academic expeditions, research.

С 60-х гг. XVIII века начинается комплексное, системное научное изучение регионов Российской империи — их истории, географии, культуры и традиций народов, населявших страну, — силами исследователей, вошедших в состав академических экспедиций. Значительный научный интерес представляет изучение материалов, отложившихся в фондах архивов России и относящихся к региональному аспекту организации и проведении академических экспедиций в XVIII веке. В статье освещаются тематические материалы Государственного архива Астраханской области (ГААО), содержащие сведения об академических экспедициях в Астраханскую губернию, участии в их организации региональных властей и их контактах с Академией наук.

Значительный вклад в организацию географических исследований России внес выдающийся российский ученый М. В. Ломоносов, с марта 1758 г. являвшийся руководителем учебных и ученых учреждений Академии наук. В своей записке президенту академии К. Г. Разумовскому 18 октября 1759 г., названной «Представление об организации географических экспедиций» и направленной в Географический департамент Академии наук в сентябре 1760 г., Ломоносов отмечал необходимость отправки астрономических экспедиций и трех масштабных географических экспедиций в регионы Российской империи (исследование Нижнего Поволжья позднее было передано под юрисдикцию второй экспедиции). Целью экспедиций должно было стать составление географического и социально-экономического атласа Российской империи[2].

[2] *Гнучева В. Ф.* 1) Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. С. 69; 2) Материалы для истории экспедиций Академии наук

Ломоносовым были разработаны «Запросы, которыми требуются в императорскую Академию наук географические известия изо всех городов во всех губерниях и провинциях Российского государства для сочинения вновь исправнейшего “Российского атласа” в оной Академии» из 30 пунктов, направленные в регионы Российской империи в январе 1760 г.[3]

В ГААО отложился «Указ Императорского Величества Самодержавицы Всероссийской в Астраханскую губернскую канцелярию о немедленном ответе на приложенные пять пунктов, касающихся Астраханской губернии, необходимых Российской Академии наук для составления “Атласа Российского”» от 3 ноября 1760 г. за подписью Ломоносова с требованием ответа на «Запросы» от Астраханской губернской канцелярии[4].

Поводом для организации «*физических экспедиций» 1768–1774 гг.*, которые явились первым комплексным исследованием регионов Российской империи, становится организация наблюдения за прохождением Венеры перед Солнцем[5]. В июле 1767 г. Екатерина II принимает решение об организации Академией наук «особливых экспедиций» для изучения России[6].

Профессор, доктор медицины и истории, академик *Петр Симон Паллас (1741–1811)*, разработавший план, маршрут экспедиций и инструкции для ученых-исследователей, возглавил *первый отряд* «*Оренбургских физических экспедиций*», в который вошли гимназисты В. Зуев, Н. Соколов, А. Вальтер, капитан Н. П. Рычков. Первая экспедиция проходила с 1768 по 1774 г.[7] В 1793–1794 гг. Паллас совершил за свой счет еще одну экспедицию на юг России, в ходе которой он, в частности, посетил Астраханскую губернию и Калмыцкую степь[8].

в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 182–185.

[3] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1955. С. 201–203.

[4] ГААО (Государственный архив Астраханской области). Ф. 394. Оп. 1. Д. 3788. Л. 38.

[5] *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук... С. 95.

[6] *Копелевич Ю. Х.* Екатерина II и Академические экспедиции 1768–1774 гг. // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории». Санкт-Петербург. 26–29 августа 1996 г. Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 41–42.

[7] *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук... С. 97.

[8] Там же. С. 126.

В ГААО отложилось дело, связанное со сподвижником Палласа Иоганном Иеригом — монголоведом, тибетологом, этнографом, жителем немецкой колонии Сарепта. И. Иериг контактировал и сотрудничал с С. Г. Гмелиным в 1772–1773 гг., вошел в состав экспедиции П. С. Палласа в 1773 г. для изучения калмыцкого языка и тибетской письменности в калмыцких улусах.

Материалы ГААО относятся к экспедиции Иерига в Икицохуровский улус Астраханской губернии в 1774 г. (шесть писем Иерига к астраханскому губернатору Петру Никитичу Кречетникову и в Астраханскую губернскую канцелярию 1774–1775 гг.)[9]. «Калмыцкая экспедиция» Иерига в Астраханской губернии продолжалась до 1780 г.

Второй отряд «физических экспедиций» возглавил адъюнкт Академии наук *И. И. Лепехин (1740–1802)*. В состав экспедиции 1768–1773 гг. вошли гимназисты А. Лебедев, Т. Малеин, Н. Я. Озерецковский[10]. Экспедиция академика Лепехина раньше других посетила Нижневолжский регион — весной 1769 г.

Экспедиция академика *Самуила Готлиба Гмелина (1745–1774)*, осуществленная в 1768–1774 гг., стала *третьей «физической экспедицией»* 60–70-х гг. XVIII века. Отряд С. Г. Гмелина включал четырех гимназистов: Н. Крашенинникова, И. Михайлова, А. Соколова, Я. Ключарева[11].

В ГААО отложилась переписка Гмелина с астраханским губернатором Н. А. Бекетовым (три письма 1772–1773 гг.).

Так, 7 декабря 1772 г. профессор Гмелин сообщал губернатору Бекетову, что получил указ Сената о необходимости продолжения опытов с астраханскими солями. Гмелин сообщал о смерти лаборанта своей экспедиции и необходимости его замены, в связи с чем просил направить к нему А. Наинова, который был отрешен от астраханской казенной аптеки местным аптекарем Фричем[12]. Просьба академика была удовлетворена. В своем письме Бекетову в феврале 1773 г. Гмелин сообщал, что направленный к нему Наинов необходимые опыты под его руководством закончил, проявив себя «искусным человеком в химической науке»[13].

---

[9] ГААО. Ф. 394. Оп. 1 доп. Д. 397.

[10] *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук... С. 101.

[11] Там же. С. 102.

[12] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3635. Л. 2–2 об.

[13] Там же. Л. 20.

Экспедиция академика *И. А. Гильденштедта 1768–1775 гг. — четвертый отряд «физических экспедиций»*, направленный в Астраханскую губернию. В состав экспедиции входили три гимназиста: С. Мошков, Б. Зряковский, А. Беляев[14].

Экспедиция профессора, доктора ботаники *Иоганна Петра Фалька 1769–1773 гг.* стала *пятым отрядом «физических экспедиций»*. В состав отряда вошли три студента: И. Быков, М. Лебедев, С. Кашкарев[15]. Экспедиция И. П. Фалька дважды посетила Нижнее Поволжье — в 1769–1770 гг. и в 1773 г.[16]

В ГААО отложилось дело, содержащее переписку Фалька с губернатором Бекетовым по вопросам организации экспедиции в регионе[17].

5 июня 1779 г. профессор Фальк, покидая Казанскую губернию, писал Бекетову о необходимости содействия губернатора во взаимоотношениях экспедиции с саратовской воеводской канцелярией[18]. 18 июня 1770 г. Фальк просил у губернатора судно для доставки по Каспию в Гурьев участников его экспедиции со всем скарбом, сообщая о задержке в Царицыне из-за болезни одного из членов экспедиции[19].

2 июля 1770 г. Фальк сообщал губернатору о том, что планирует направиться из Царицына в Яицкий казачий городок с купеческими караванами, прося о помощи в организации этой поездки. Фальку требовалось 8 татарских арб и 19 лошадей, трое солдат «хорошего и трезвого состояния» и казаки для конвоя; он также просил о выделении жалования для участников экспедиции[20]. В своем ответе Фальку губернатор Бекетов отмечал, что выделит необходимое сопровождение (солдат астраханского батальона и казаков) и предоставит лошадей и арбы[21].

Целью *«астрономической экспедиции» Г. М. Ловица и П. Б. Иноходцева 1768–1774 гг.* стало наблюдение за Венерой на юго-востоке России[22].

---

[14] *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук... С. 104.

[15] Там же. С. 106.

[16] *Киссер Т. С.* Путешествие И. П. Фалька и И. Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 55.

[17] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 296. Л. 5–5 об.

[18] Там же. Л. 1–1 об.

[19] Там же. Л. 5–5 об.

[20] Там же. Л. 6.

[21] Там же. Л. 14.

[22] *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук... С. 114.

В фондах ГААО отложилась переписка астраханских чиновников с руководителями экспедиции в 1769–1770 гг.

15 мая 1769 г. губернатору Бекетову из Гурьева было направлено письмо адъюнкта Академии наук П. Б. Иноходцева, который сообщал, что оборудование экспедиции было привезено в Гурьев на девяти телегах. Прохождение Венеры по диску Солнца ожидалось исследователями 24 мая 1769 г.[23] Иноходцев просил у губернатора судно для перевозки оборудования и участников экспедиции, шлюпку для осмотра берегов и для географических исследований окрестностей[24]; писал: «В Гурьеве претерпеваем мы великий недостаток съестных припасов», — к письму прилагался список необходимого для экспедиции провианта[25].

В июне 1769 г. уже Г. М. Ловиц писал Бекетову, что Екатерина II через Российскую академию наук организовала «некоторые математические экспедиции» и для Ловица был определен маршрут: Гурьев, Астрахань, Терки (или Моздок), Дмитриевск, Нижний Новгород, Тула. Он должен был сделать «обсервацию» проходящей через Солнце Венеры[26]. Кроме того, согласно поручению Сената, экспедиции надлежало осмотреть каналы между Дмитриевском и Тулой, заложенные Петром I для соединения Волги и Дона, и сделать доклад о возможности продолжения этого проекта. Ловиц просил губернатора прислать в Гурьев судно для перевозки в Астрахань членов его экспедиции, оборудования и припасов[27]. Бекетов направил за экспедицией казенный адмиралтейский бот «Сокол».

В июле 1769 г. Ловиц написал Бекетову, что бот, отправленный для доставки экспедиции из Гурьева, прибыл на устье реки Бухарки 5 июля 1769 г. и штурман передал письмо губернатора[28].

В письме отмечалось, что астрономическим исследованиям профессора помешала болезнь; кроме того, новый большой квадрант, который был создан в Англии в 1768 г. специально для экспедиции, оказался неверен. Отсутствие помощников в Гурьеве вынудило Ловица самостоятельно налаживать оборудование, чем он активно занимался: «Ваше превосходительство извольте уверены быть, что я день и ночь безусыпно в своих трудах упражняться буду». Ловиц благодарил бригадира и обер-коменданта Гурьева за помощь в снаб-

[23] ГААО. Ф. 394. Оп. 1 доп. Д. 297. Л. 38.

[24] Там же. Л. 38.

[25] Там же. Л. 39.

[26] Там же. Л. 37.

[27] Там же. Л. 37 об.

[28] Там же. Л. 16.

жении экспедиции припасами: «..ибо кроме вина здесь за деньги ничего не можно достать»[29].

7 августа 1770 г. Ловицем, находившимся к тому времени в Астрахани, было направлено новое доношение Бекетову. В нем профессор просил пропуск для проезда в Моздок и Кизляр для себя, своего сына и сопровождающих; предписание для комендантов и «пристойный конвой»; телеги, лошадей и прогонные деньги[30].

В апреле 1771 г. комендант Кизляра сообщал губернатору Бекетову, что Ловиц со свитой отправился из Кизляра в Астрахань на 16 подводах, в сопровождении семи терских казаков[31]. В мае 1771 г. губернатор Бекетов получил два новых доношения от Ловица, в которых профессор просил выделить прогонные деньги для солдат второго астраханского батальона во главе с И. Миляевым, перевозивших казенные вещи профессора водой до Дмитриевска; подорожную на четыре пары почтовых лошадей с ямщиками; конвой; ордер к дмитриевскому коменданту[32].

Кроме документов, относящихся к взаимодействию региональных властей с участниками академических экспедиций, в фондах ГААО отложилась *переписка Академии наук с представителями властей* о предоставлении сведений, необходимых для академических изданий.

1 ноября 1770 г. в Астраханскую губернскую канцелярию был направлен запрос за подписью заведующего Географическим департаментом С. Я. Румовского о предоставлении сведений для внесения в издаваемый на будущий 1771 г. Адрес-календарь. Академия просила предоставить сведения о «главноприсутствующих членах» и о прочих чиновниках губернских ведомств, ведомствах, приписанных к губернии городов[33]. 18 декабря 1770 г. Астраханская губернская канцелярия направила в Академию наук требуемую ведомость астраханских чиновников[34].

17 сентября 1795 г. в Кавказское наместническое правление из Академии наук был направлен запрос о предоставлении сведений о чиновниках губернского правления, состоящих в штабе, в обер-офицерских чинах для внесения в издаваемый в 1796 г.

---

[29] Там же. Л. 16 об.

[30] Там же. Л. 67–67 об.

[31] Там же. Л. 86.

[32] Там же. Л. 87, Л. 90.

[33] ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3372. Л. 1.

[34] Там же. Л. 2.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве. 23 октября 1795 г. Кавказское наместническое правление направило запрошенные сведения для академического Месяцеслова[35].

Перед академическими экспедициями второй половины XVIII века, посещавшими Астраханскую губернию (экспедиции П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта, И. П. Фалька, Н. Я. Озерецковского), была поставлена задача комплексного исследования региона.

Экспедиции Академии наук на Нижней Волге во второй половине XVIII века активизировали процесс краеведческого изучения региона, осуществляемый с начала XVIII века, и внесли значительный вклад в российскую науку. Академические экспедиции, призванные ввести в научный и хозяйственный оборот Российской империи ресурсы ее отдаленных регионов, осуществлялись в рассматриваемый период под покровительством Екатерины II. Губернские власти оказывали содействие реализации задач экспедиций, осуществляя их прием, сопровождение, финансирование, обеспечивая межрегиональное взаимодействие.

Материалы по контактам астраханских губернаторов второй половины XVIII века (Н. А. Бекетова, П. Н. Кречетникова, И. В. Якоби, М. М. Жукова) с руководителями и членами академических экспедиций, с Академией наук отложились в фондах ГААО («Астраханская губернская канцелярия», «Кавказское наместническое правление»). Выявлены личные письма Г. М. Ловица, П. Б. Иноходцева, С. Г. Гмелина, И. П. Фалька к астраханским губернаторам; межведомственная переписка по вопросам организации экспедиций в Астраханской губернии; сметы на их перевозку и размещение; переписка Академии наук с Астраханской губернской канцелярией, Кавказским наместническим правлением о предоставлении сведений для адрес-календарей, месяцесловов.

Введение в научный оборот выявленных архивных документов в значительной степени обогатит наши представления о взаимодействии Академии наук с регионами России во второй половине XVIII века.

[35] ГААО. Ф. 4764. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

Анна Николаевна Шишигина
(Якутск)

Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Арктического научно-исследовательского центра
Республики Саха (Якутия)

Из истории экспедиционных исследований и изучения естественной истории Сибири в XVIII веке

Anna N. Shishigina

From the History of Expeditionary Research and Study of Natural History of Siberia in the 18th Century

Аннотация: Со Второй Камчатской экспедицией 1733–1743 гг. связано начало научного освоения одной их самых крупных, холодных, малонаселенных, но богатых природными ресурсами территорий Сибири. Автор статьи рассматривает отдельные организационные особенности и фактологию истории науки и научных событий, при этом в фокусе внимания оказывается территория Якутии.

Abstract: The Second Kamchatka Expedition of 1733–1743 is associated with the beginning of scientific exploration of one of the largest, coldest, sparsely populated and rich in natural resources territories — Siberian margins. The author draws attention to some organizational and factual features of the history of science and scientific events with a focus on the territory of Yakutia.

Ключевые слова: Вторая Камчатская экспедиция, история Сибири, история Якутии, история науки.

Keywords: Second Kamchatka expedition, history of Siberia, history of Yakutia, history of science.

Стремление к открытию Северо-Восточного прохода, освоение сибирских земель на протяжении нескольких столетий происходили на фоне сложных перипетий становления научного знания. С созданием Петербургской академии наук этот процесс подкреплялся совокупностью эмпирических, теоретических и практических знаний о мире, полученных научным сообществом. Со Второй Камчатской экспедицией 1733–1743 гг. связано начало научного освоения одной их самых крупных, холодных, малонаселенных, но богатых природными ресурсами территорий — сибирских окраин. Не останавливаясь на очевидных и известных достижениях экспедиционных исследований тех лет (ботанических, картографических и др.), в данной работе обратим внимание лишь на отдельные организационные особенности и фактологию истории науки и научных событий, концентрируясь при этом на территории Якутии.

Оценки последующими поколениями материалов и работ экспедиционных исследований с участием ученых иностранного происхождения разнообразны, иногда весьма противоречивы, поскольку в них ставится акцент исключительно на определенном атрибутивном признаке. Так, статья С. Б. Бахрушина «Г. Ф. Миллер как историк Сибири» в первом томе «Истории Сибири» Миллера (1937), в русле «вульгарно-социологических взглядов»[1] автора, содержит его мнение о том, что под чисто практическими целями экспедиции имелась в виду «интенсивная эксплуатация зауральской колонии как сырьевой базы»[2], что является типичной «ритуальной цитатой “классиков” марксизма»[3]. Перекос в оценках в ту или иную сторону достиг, пожалуй, апофеоза в конце 70-ых гг. XX века, что можно наблюдать в одной из работ о развитии географической науки, в которой не найдется ни слова о трудах Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и др., а такие приглашенные иностранцы, как П. С. Паллас, И. Гильденштадт, И. Г. Георги, оцениваются лишь как стремившиеся «повернуть науку на изучение только природных условий огромной России»[4]. Противоположная оценка обнаруживается в тру-

---

[1] *Батьянова Е. П., Вайнштейн С. И.* Из истории подготовки нового издания труда Г. Ф. Миллера // Миллер Г. Ф. История Сибири: В 2 т. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М., 1999. С. 8.

[2] *Бахрушин С. В.* Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 5.

[3] *Дубровский А. М.* С. В. Бахрушин и научное наследие Г. Ф. Миллера // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 3 (12). С. 24.

[4] *Саушкин Ю. Г.* Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980. 269 с.

дах зарубежных авторов, где иногда головная роль отводилась определенному лицу иностранного происхождения, с упором на концепцию русской завоевательной экспансии в Сибирь и характер проводимых колонизационных мер[5]. Другими словами, на формирование представлений исследователей о результатах экспедиционных трудов имело влияние преобладание тех или иных идеологических воззрений. Отдельные исследователи считают, что в то время еще не сформировалось представление о выгоде и рыночной ценности, а полезность трактовалась как использование знаний для повышения престижа и символического капитала[6]. Вместе с тем влияние меркантилизма в России с его идеями активного торгового баланса выражалось в идее необходимости развития собственной промышленности как основополагающей среды для развития экспорта и привлечения в страну денег[7], а также ратовании о сельском хозяйстве. Несмотря на то, что приоритет практического значения был характерен не только для советской, но и для дореволюционной науки[8], понятие «полезности» с того времени претерпело трансформацию не менее, чем те или иные научные представления о свойствах природных объектов.

Масштабная подготовка Второй Камчатской экспедиции, разработка ее задач и инструкций находилась в введении Адмиралтейств-коллегии, Правительствующего сената и Петербургской академии наук. Полномасштабные научные задачи, поставленные перед экспедицией после принятия решения об участии в ее проведении Петербургской академии наук, в начале были ограничены ведением астрономических наблюдений, осуществлением географических, ботанических исследований. Они сформулированы в основной инструкции от 28 ноября 1732 г.[9], в работе над которой принимали

[5] Например, *Dahlmann D.* Einleitung // *Gmelin J. G.* Expedition ins unbekannte Sibirien. Thorbecke, 1999. S. 7–84.

[6] *Лупанова Е. М.* История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб., 2017. С. 334.

[7] *Громыко В. В.* Основоположник русского меркантилизма А. Л. Ордин-Нащокин (ок. 1605–1680) // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2006. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolozhnik-russkogo-merkantilizma-a-l-ordin-naschokin-ok-1605–1680 (дата обращения: 01.04.2025).

[8] *Лайус Ю. А.* История изучения природных ресурсов как «общая территория» истории биологии и экологической истории (вместо введения) // Историко-биологические исследования. 2010. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-prirodnyh-resursov-kak-obschaya-territoriya-istorii-biologii-i-ekologicheskoy-istorii-vmesto-vvedeniya (дата обращения: 01.04.2025).

[9] Опубликована в: Из инструкций, составленных профессорами Академии наук, о проведении во время Второй Камчатской экспедиции астрономических,

участие ученые И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, Ж. Н. Делиль и механик Д. Бернулли. Главной задачей экспедиции, согласно этому документу, было решение географических проблем[10], и прежде всего подчеркивалась необходимость картографирования изучаемых частей моря и суши[11]. Спустя четыре месяца научно-организационной работы академические задачи были существенно расширены.

Роль Академии не была ограничена деятельностью ее членов в составе экспедиции. Академия разрабатывала научные, организационные и административные инструкции[12]; указывала приблизительные маршруты; снабжала книгами, картами, инструментами, приборами[13]. Академиками были подготовлены инструкции по маршрутам отдельных партий, по метеорологии, механике, астрономии, географии, физике, термометрическим, барометрическим, магнитным и гидромерным наблюдениям, естественной и натуральной истории. Участники экспедиции — представители Петербургской академии наук были обучены проведению различных наблюдений, простейшим правилам составления топографических карт и планов[14]. Официально полномочия академиков — участников экспедиции разграничивались. Л. Делиль де ла Кройер должен был выполнять астрономические работы, для чего ему была написана соответствующая инструкция[15], И. Г. Гмелин — работы по есте-

---

географических и физических наблюдений от 28 ноября 1732 г. // Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов. М., 1984. С. 117–132.

[10] Главной темой переписки Г. Ф. Миллера и А. Ф. Бюшинга, как пишет проф. Д. Дальман, последовавшей после возвращения из Сибири первого, также были русские географические открытия на Крайнем Севере, на востоке Сибири и Тихом океане, в особенности после критики в 1770-х гг. географа-теоретика из Аргау С. Энгеля, касавшейся русских данных о меридианах и параллелях Сибири. См. *Дальман Д.* Записки путешественников. Переписка Г. Ф.Миллера, Л.Эйлера и А. Ф. Бюшинга во время и после Второй Камчатской экспедиции, 1733–1743 // Немцы в России: российско-немецкий диалог. Сб. статей. СПб., 2001. С. 12–13.

[11] *Постников А. В.* Русская Америка в географических описаниях и на картах (1741–1867 гг.). СПб., 2000. С. 49–50.

[12] *Покровский А.* Примечания к главе IV // Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941. С. 393.

[13] *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 32–34.

[14] *Невская Н. И.* Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1982. С. 96.

[15] Представлена 20 октября 1732 г. См.: Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724–1801. СПб., 2000. С. 121.

ствознанию[16]. Позже в экспедицию был включен Г. Ф. Миллер для выполнения исследований по «географии земли, древности, обыкновениям, обрядам различных народов».

Экспедиционные исследования учеными не велись обособленно. Так, профессор И. Г. Гмелин в письме из Якутска просил профессора анатомии, хирургии и зоологии Академии наук И. Г. Дювернуа помочь ему в квалификации пузырей животных, «так как это сложный вопрос»[17]. Метеонаблюдения и наблюдения замерзания воды и таяния льда и снега, которые велись в экспедиции, передавались для работы профессору физиологии И. Вейтбрехту, профессору астрономии Ж. Н. Делилю, профессору математики и физики Г. В. Крафту, профессору астрономии Г. Гейнзиусу[18]; растения, семена и луковицы — директору Ботанического сада И. Амману[19] и далее, в 1743 г., в соответствии с должностью — профессору ботаники и натуральной истории И. Г. Сигезбеку[20]. И. Амман написал на основе материалов, в частности Второй Камчатской экспедиции, «Описание редких животных, найденных в Сибирском царстве» (1739)[21], «Диссертацию о восточном щавеле, маленьком, но полезном растении»[22]. Г. Гейнзиус сочинил диссертацию «О рефракциях в северных местах»[23]. Х. Н. Винсгейм также использовал «Камчатские дела», в частности составленное Г. Ф. Миллером описание путешествия с севера от р. Лены вокруг Камчатки и копию с описания Л. Делиля де ла Кройера перехода с северо-востока Лены до Камчатки[24], для написания «Географического лексикона Российской империи»[25].

Бывшими в Сибири учеными разрабатывались специальные инструкции для служилых и других персон, привлеченных к экспедиционным исследованиям[26]. Впоследствии А. В. Постников предположил, что, возможно, в ходе именно этой экспедиции впервые

---

[16] Там же. С. 117.

[17] Там же. С. 195.

[18] Там же. С. 276

[19] Там же. С. 225, 226, 242, 249, 255.

[20] Там же. С. 291. И. Г. Гмелин позже спорил с И. Г. Сигизбеком из-за искажений им рукописи Г. В. Штеллера. См.: Там же. С. 295.

[21] Там же. С. 230.

[22] Там же. С. 243.

[23] Там же. С. 460.

[24] Там же. С. 264, 274. Позже издание не было допущено к печати по настоянию самого Г. Ф. Миллера. См.: Там же. С. 318.

[25] Там же. С. 262, 263.

[26] *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

было дано официальное указание участникам экспедиционных исследований фиксировать местные географические названия, что соответствовало практике сибирских землепроходцев[27]. Так, в инструкции Г. В. Стеллера, согласно рапорту Осипа Аргунова от 5 октября 1745 г.[28], служилому предписывалось по дороге от Якутска до реки Вилюй «собрать незнакомой рыбы называемой чиры и пеляди», провести исследования и сборы материалов, «как касающееся до географии истории натуральной так и в собирании минеральных вещей разных рыб и птиц, трав и в протчему». Аргунов должен был собрать образцы разных «незнаемых» птиц, причем особенный интерес для ученого представляли орлы и ястребы. Предусматривался сбор минералов, трав, растущих около Соляных ключей, и особо подчеркивалась необходимость сбора цветов травы, называемой по-якутски «бынчилу»[29]. Составляя инструкцию, Стеллер, видимо, руководствовался распространенной в то время теорией, разработанной Г. Агриколой (Бауэром), согласно которой учеными собирались факты о произрастании определенных видов растений у месторождений полезных ископаемых. Предположительно, услышав от местного населения об этой траве, растущей возле соляных источников, ученый и дал такое указание.

Если первые инструментальные метеорологические наблюдения в Сибири были осуществлены в ходе экспедиций Д. Г. Мессершмидта (1719–1727) и Первой Камчатской экспедиции (1725–1730), то в ходе Второй были организованы уже регулярные исследования[30]. Не осталось без внимания такое небесное явление, как северное синие. В записях Гмелина 1738 г. описаны два вида *Nordlicht*. Как отмечал автор описания, подобные явления происходили, по рассказам очевидцев, как на Енисее, так и на берегах Лены[31].

Большое количество документов отражает работу участников экспедиционных исследований по географическому описанию зе-

---

[27] *Постников А. В.* Указ. соч. С. 53.

[28] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 800а. Л. 427–427 об.

[29] Название не якутского происхождения — вероятно, тунгусо-маньчжурского. Слово фонетически сходно с эвенкийским словом «панчара», которое означает растение, произрастающее близ воды.

[30] *Шипилов И. А.* К истории метеорологических наблюдений в Сибири: материалы вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции // Исторический курьер. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-meteorologicheskih-nablyudeniy-v-sibiri-materialy-vspomogatelnogo-personala-vtoroy-kamchatskoy-ekspeditsii (дата обращения: 01.04.2025).

[31] *Johann Georg Gmelin* (1709–1755). Der Erforscher Sibiriens. Ein Gedenkbuch. München, 1911. S. 113.

мель[32], содержит сведения о поиске руд. Так, согласно экспедиционным материалам, 28 июня 1742 г. якут Малюжагарской волости Мюкесей Маржин с сыном Себерсинем обнаружили признаки наличия серебряной руды близ Якутска, от Тамгинского завода по реке Лене в 140 верстах, под камнем Чемечого[33]. На базе созданного Берингом для экспедиционных нужд Тамгинского железоделательного завода под Якутском впоследствии развернулись широкомасштабные поиски серебра[34]. К слову, местное население было всегда осведомлено о точном местонахождении Тамгинского железоделательного завода. Но в научных кругах, пожалуй, первым сообщил о местонахождении завода в 1941 г. краевед П. Г. Романов. В 1950 г. и. о. ученого секретаря Института языка, литературы и истории Академии наук СССР (Якутск) В. Н. Чемезов при участии учителя Хаптагайской школы В. В. Назарова во время экспедиции собрал дополнительные материалы, в т. ч. предания, рассказанные Г. Н. Ларионовым. По ним можно судить в целом о доброжелательном характере взаимоотношений местного населения и рабочих.

Среди геологических задач экспедиции, согласно академической инструкции от 28 ноября 1732 г., — выявлять характер и направление простирания слоев земли, наличие в них окаменелостей. Необходимо было также «костей мамонтовых плодов искать» и подробно описывать места их обнаружения[35]. Кстати, Миллер в своей этнографической программе, написанной для И. Э. Фишера в 1740 г., причислял мамонта к «водяным дьяволам»: «Не почитается ли так называемой мамонт-зверь за некоторой род водяных дьяволов и какия у них о том повести, и как его называют»[36]. Гмелин, изучив свидетельства об обнаруживаемых в Сибири костях, констатировал, что ни одно из них не относилось к древним[37], кроме тех, которые упоминают об аналогичных слоновьим зубах. Но при этом профессор не без сарказма замечал, что, если обнаруженные ранее

---

[32] РГАДА. Ф.199. № 511. Ч. 1. Л. 1–29; Ч. 2. Д. 7. Л. 1–57; Ф. 199. № 481. Ч. 7. Л. 205–284; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. № 144. Л. 1–117; № 47; Оп. 10. № 125 и др.

[33] Итоговые ведомости Тамгинского завода за от сентября 1745 г. // Тамгинский завод и камчатская экспедиция: Сб. документов. Екатеринбург, 1999. С. 90.

[34] Тамгинский завод и якутское серебро: Сборник документов. Екатеринбург, 2002. 132 с.

[35] Из инструкций, составленных профессорами Академии наук, о проведении во время Второй Камчатской экспедиции астрономических, географических и физических наблюдений от 28 ноября 1732 г. С. 122–123; об инструкции см.: *Постников А. В.* Указ. соч. С. 52.

[36] *Миллер Г. Ф.* Этнографическая программа // Элерт А. Х. Указ. соч. С. 217.

[37] В оригинале: «von denen man zwar von alten Zeiten her keine». См. *Gmelin J. G.* Expedition ins unbekannte Sibirien. Thorbecke, 1999. S. 261–262.

кости уже были определены как мамонтовые, то другим «придется с этим считаться». Подвергая сомнению научные изыскания некоторых своих современников, в т. ч. итальянца Моруса, полагавшего, что все изменения на Земле происходят из-за извержения вулканов или больших землетрясений, Гмелин совершенно справедливо полагал, что люди не должны ждать от природы изысканных и простых ответов на свои вопросы[38]. Так и собранные им и его предшественниками сведения о мерзлой земле подвергались сомнению до первой четверти XIX века[39]. Интересно, что статья Гмелина «О алмазах», представленная в Императорский кабинет 23 февраля 1746 г., по сведениям П. Пекарского[40], могла бы быть обнаружена в фондах РГАДА, но сделать это пока это никому не удалось. Само наличие таковой позволяет предполагать, что о наличии алмазов в России ученые писали много ранее, чем принято считать[41].

Представляют интерес материалы, относящиеся к области медицины. Гмелин относил приемы, бытовавшие в народе для адаптации к холоду, к области народной медицины[42]. Указывалось, что моряки в суровых условиях, во избежание обострения болезни, которая могла привести к летальному исходу, обращались к местным шаманам. Например, Гмелин писал, что у одного из них, из команды Лассиниуса, на ногах возникли опухоли (Geschwulst der Füsse). По совету одного юкагирского шамана он 14 дней не ел ничего, кроме сырой замороженной рыбы. Помимо этого, он, наряду с другими моряками, принимал напиток, сваренный из еловых шишек.

Гмелин отмечал, что, болея цингой[43], опасно злоупотреблять долгим сном, видимо, из-за ограничения потребности организма в свежем воздухе. В качестве примера ученый привел священника, прикрепленного к команде Лассиниуса. Он добирался до места зи-

---

[38] Ibid. S. 262–264.

[39] *Конищев В. Н.* Роль Ломоносова в становлении мерзлотоведения // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2011. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lomonosova-v-stanovlenii-merzlotovedeniya (дата обращения: 01.04.2025).

[40] *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 455.

[41] Считается, что наличие алмазов было впервые подтверждено на Урале экспедицией Гумбольдта (1829).

[42] Например, Jenseits des steinernen Tores. Entdeckungsreisen deutscher Forscher durch Sibirien im 18. und 19. Jahrhundert. Berlin, 1965. S. 88–89.

[43] Позже Э. Ф. Шперк, отмечая, что научная разработка этой болезни берет начало в XV веке, писал, что «инородцы лучше поняли сущность цинги, чем многие ученые исследователи». См.: *Шперк Э.* Географо-патологические очерки восточной Сибири. Инспектора медицинской части Приморской области

мовки отряда на лыжах, не раз проходя путь в сто верст до мыса Быковского за пару недель. На месте же, где располагалась зимовка, священник просил построить ему камин в своем жилище, во избежание угара от печного чада и чтобы обеспечить себе свежий воздух. Священнослужитель слышал от местного населения в Жиганске, писал Гмелин, что чадный запах сырого лесоматериала и печи являлись главными причинами быстрого наступления болезни[44].

Рассуждая об оспе, Миллер находил подтверждения тому, что болезнь не свойственна самой природе человека. При этом профессор задавался вопросом, почему при известных свойствах воздуха, пище и образе жизни человек так долго не знал этой болезни, а затем, при неизменившихся условиях, она все же появилась даже в отдаленных областях[45].

Таким образом, с одной стороны, происходила апробация неких теоретических гипотез. Иногда она приводила к существенным результатам. Так, выводы Гмелина по вопросам объяснения неудачных попыток акклиматизации домашних животных в новых условиях предвосхитили взгляды Бюффона о происхождении видов путем изменяемости видовых признаков под влиянием внешних условий, развитые затем в эволюционном учении Дарвина[46]. С другой стороны, поскольку природные ресурсы рассматривались, как правило, в неразрывной связи с сообществами людей, которые их использовали, то научный интерес развивался также с позиции их возможной «полезности». Так, Миллер, видел пользу в соляных источниках «большую пользу»[47], не подозревая на тот момент об отсутствии значимой потребности местного населения в данном ресурсе ввиду бессолевых пищевых привычек[48].

В целом подобный подход с накоплением достаточного массива фактологического материала позволил преодолеть фрагментарную иррациональность научного мышления XVIII века и в следующем столетии достичь существенного, но практически неравномерно реализованного в мировом пространстве научного прогресса.

Восточной Сибири, доктора медицины Эдурда Шперка // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. С. 54–56.

[44] Jenseits des steinernen Tores. S. 72–73, 83.

[45] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. II. М., 2000. С. 102.

[46] *Белковец Л. П.* Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М., 1990. С. 81–82.

[47] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. III. М., 2005. С. 85.

[48] Что, по всей видимости, свойственно не только северным народам. Так, у калмыков соль была «в небрежении». См.: *Крижанич Ю.* Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским. СПб., 1822. С. 13.

Евгений Викторович Ермасов
(Москва)
Кандидат исторических наук,
заместитель директора Департамента
Министерства юстиции Российской Федерации

Сообщения о Российской академии наук на страницах немецких публицистических изданий 20–40-х гг. XVIII века

Evgeny V. Ermasov

Messages about the Russian Academy of Sciences on the Pages of German Journalistic Publications in the 1720–40s

Аннотация: Создание Академии наук в Санкт-Петербурге увенчало реформы Петра I в области науки и культуры. Значение этого события было осознано современниками уже в первые годы существования этой научной организации. Сообщения об учреждении и деятельности Российской академии наук в 20–40-х гг. XVIII века содержатся в ведущих научных и популярных немецких изданиях. Академия наук стала одним из символов сформировавшегося к середине XVIII века образа «Преображенной России», оценивалась как важнейшее культурное достижение и показатель развития наук в России.
Absract: The establishment of the Academy of Sciences in St. Petersburg crowned the reforms of Peter the Great in the field of science and culture. The importance of its emergence was realized by contemporaries already in the early years of the existence of this scientific organization. Reports on the establishment and activities of the Russian Academy of Sciences in the 1720–40s are contained in leading

scientific and popular German publications. The Academy of Sciences became one of the symbols of the image of a “The Transfigured Russia” formed by the middle of the 18th century. It was assessed as the most important cultural achievement and indicator of the development of sciences in Russia.

Ключевые слова: Петр I, Академия наук, немецкие научные издания, немецкие ученые, научные контакты.
Keywords: Peter I, Academy of Sciences, German scientific publications, German scientists, scientific contacts.

Сообщения о Российской академии наук появились в ведущих научных и популярных немецких изданиях уже в первые месяцы после ее учреждения, и деятельность ее освещалась ими на протяжении всего рассматриваемого периода — в течение 20–40-х гг. XVIII века[1]. Распространенность таких публикаций свидетельствует о большом интересе к деятельности Академии наук и ее членов.

Одними из первых об основании Академии наук в Санкт-Петербурге сообщают «Новые известия о научных предметах» в номере 31 от 17 апреля[2] 1724 г.[3], в котором опубликовано извлечение из проекта об учреждении Академии наук, утвержденное Петром I в Сенате 22 января (2 февраля)[4] 1724 г. В том же 1724 г. это извлечение было опубликовано во французском переводе в популярном научном журнале «Немецкая библиотека, или Литературная история Германии в северных странах»[5]. В дальнейшем оно

[1] Acta eruditorum (Leipzig, 1682–1731), Nova Acta eruditorum (Leipzig, 1732–1782), Europäische Fama (Leipzig, 1702–1734), Neue Europäische Fama (Leipzig, 1735–1756), Göttingische Zeitung(en) von gelehrten Sachen (Göttingen, 1739–1750), Neue Zeitungen von gelehrten Sachen (Leipzig, 1715–1784), Bibliothèque germanique ou Histoire littéraire de l’Allemagne, de la Suisse, et des pays du nord (Amsterdam, 1720–1741), Commercium Litterarium ad rei medicae et scientiae naturalis incrementum institutum (Norimbergae, 1731–1745).

[2] В немецких публицистических изданиях даты указывались по григорианскому календарю.

[3] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1724. № XXXI. 17 April. S. 311–312.

[4] Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю, в скобках — по григорианскому календарю.

[5] Bibliothèque germanique ou Histoire littéraire de l’Allemagne, de la Suisse, et des pays du nord. Amsterdam: Humbert, 1724. T. VII. P. 217–219. Этот журнал начал издаваться в 1720 г. в Амстердаме членами частного литературного кружка, сформировавшегося в Берлине и назвавшего себя «Безымянным обществом» (Societe anonyme). Одним из его издателей был Поль Эмиль Моклерк (Paul Emile de Maucler) (1698–1742), пастор в Штеттине, капеллан прусского короля.

неоднократно воспроизводилось в различных немецких публицистических изданиях[6].

Как известно, фактическая деятельность Академии наук в Санкт-Петербурге началась после смерти Петра I. В сентябре 1725 г. в немецком научном журнале «Новые известия о научных предметах» публикуется описание торжественной аудиенции у Екатерины I прибывшим в Санкт-Петербург иностранным членам Академии наук[7]. Сообщение об этом событии призвано было укрепить в европейских научных кругах представление о том, что вдова Петра I продолжила его политику, направленную на развитие наук в России. Описание этой аудиенции и речи профессоров на ней воспроизведены в уже упомянутом «Жизнеописании Светлейшей Екатерины Алексеевны, Царицы и Императрицы Российской...»[8]. Краткий пересказ происходившего на этой аудиенции приведен в сочинении П. П. Пекарского об истории Академии наук в Санкт-Петербурге[9].

Много внимания в немецких периодических изданиях было уделено первому публичному собранию Академии наук в Санкт-Петербурге 27 декабря 1725 г. (7 января 1726 г.). Сообщения о нем

Ю. Х. Копелевич считала данный журнал «главным информатором о Петербургской академии среди европейских журналов» (*Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 182). Основным поставщиком сведений, полученных непосредственно из Санкт-Петербурга, в этот журнал был Г. З. Байер (*Копелевич Ю. Х.* На раннем этапе // Вестник Академии наук СССР. 1974. № 2. С. 142–143).

[6] *Rabener J. G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. Leipzig, Verlegts Joh. Friedr. Gleditschens seel. Sohn, Anno 1725. S. 772–775.; Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket. 1725. T. 281. S. 393–395; Lebens-Beschreibung Der Durchlauchtigsten Catharina Alexiewna, Czaarin und Kayserin von Rußland. Franckfurt, bey Friedrich Wilhelm Förster, 1728. S. 127–129; *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit, In gewissen Staats-Grund-Sätzen, nach einer vorangesetzten Eintheilung und Ordnung vollständig vorgetragen, und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten Exempel Des Rußischen Kaysers, Peter des Grossen, Unter Anführung seiner weisesten Kriegs- und Friedens-Verfassungen, vortrefflichsten Thaten und denckwürdigsten Reden, Aus den im Druck vorhandenen Lebens-Beschreibungen und Geschichten durchgehends bestätiget von Martin Hassen, der Sitten- und Staats-Wissenschafft auf der Universität zu Wittenberg öffentlichem Lehrer. Nebst einem Anhang einiger in diesem Buche angezogenen Schrifften und zweyen Registern. Leipzig, im Verlag Friedrich Lanckischens Erben, 1739. S. 567–570.

[7] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1725. № LXXVI. 20 September. S. 731–736.

[8] Lebens-Beschreibung Der Durchlauchtigsten Catharina Alexiewna, Czaarin und Kayserin von Rußland. S. 210–214.

[9] *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге: [В 2 т.]. Т. 1. СПб., 1870. С. XXXV–XXXVI.

с подробным изложением речей профессоров содержатся в 8-м номере знаменитого лейпцигского журнала «Труды ученых»[10], журнале «Немецкая библиотека, или Литературная история Германии в северных странах» за 1726 г.[11], в 12-м номере «Новых известий о научных предметах» от 11 февраля 1726 г., где сообщается также о начале публичных лекций академиков в новом году[12]. О начале деятельности Академии и ее первом публичном заседании сообщается также в третьей части знаменитого сочинения Ф. Х. Вебера «Преображенная Россия»[13].

Программа первых публичных лекций академиков, составленная профессором Иоганном Петером Колем, была опубликована в 19-м номере «Новых известий о научных предметах» от 7 марта 1726 г.[14] В ней перечисляются лекторы вместе с темами их лекций на латинском языке. Здесь же сообщалось о работе императорской библиотеки и о деятельности отдельных преподавателей[15].

Первое время приехавшим в Петербург академики не приходилось заботиться ни о помещении, ни о содержании, так как все было подготовлено заранее к их приезду[16]. Сообщение об этом опубликовано в 38-м номере «Новых известий о научных предметах» от 12 мая 1726 г. в виде извлечения из письма одного профессора, прибывшего в Санкт-Петербург. П. П. Пекарский считал автором этого письма Г. З. Байера[17], немецкий исследователь Й. Тет-

---

[10] Acta eruditorum. Lipsiæ: Prostant apud Johan. Grossi Haeredes, Joh. Frid. *Gleditschii B.* Fil. et Thomam Frirschium. Typis Bernardi Christoph Breitkophii, 1726. No. VIII. P. 353–361.

[11] Bibliothèque germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, et des pays du nord. Amsterdam: Humbert, 1726. T. XI. P. 208–214.

[12] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1726. № XII. 11 Februar. S. 114–115.

[13] [*Weber F. Ch.*] Des veränderten Rußlandes Dritter Theil. Die Regierung der Kayserin Catharina und des Kaysers Petri Secundi, und sonst alle vorgefallene Merkwürdigkeiten in sich haltend. Hannover, Verlegt von seel. Nicolai Försters und Sohns Erben, 1740. S. 52.

[14] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1726. № XIX. 7 Merz. S. 177–179.

[15] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1726. № XIX. 7 Merz. S. 180–181. Краткую информацию об указанных преподавателях см.: *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. С. 99–100.

[16] *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. С. XXXIV–XXXV.

[17] *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. XXXV. См. также: *Копелевич Ю. Х.* В дни основания // Вестник Академии наук СССР. 1973. № 10. С. 129–130.

цнер полагал, что указанное письмо было написано Х. Гольдбахом (1690–1764), первым конференц-секретарем Академии наук[18]. Выдержки из письма приведены также в других популярных сочинениях, что свидетельствует о пропагандистской направленности данного сообщения[19].

Второе публичное собрание Академии наук, которое традиционно называют ее «инаугурацией», состоялось 1 (12) августа 1726 г. К этому времени уже завершилось формирование первого состава Академии. Описание этого события приведено в 73-м номере «Новых известий о научных предметах» от 12 сентября 1726 г.[20] и других известных публицистических изданиях[21], а также в сочинении Г. Ф. Миллера по истории Академии[22].

Информация о первых публичных собраниях Академии наук также содержится в популярных журналах «Европейская молва»[23] и «Немецкая библиотека, или Литературная история Германии в северных странах»[24].

Общее отношение и интерес европейских научных кругов к состоянию наук и просвещения в России нашло отражение в сочинении Михаэля Шенда (Схендо) Фандербека (фон дер Беха), изданном в 1727 г. Немецкой академией естествоиспытателей

---

[18] *Tetzner J.* Die Leipziger Neuen Zeitungen von gelehrten Sachen über die Anfänge der Petersburger Akademie // Zeitschrift für Slawistik. 1956. Bd. 1. H.2. S. 97–99.

[19] Lebens-Beschreibung Der Durchlauchtigsten Catharina Alexiewna, Czaarin und Kayserin von Rußland. S. 280–283; Hassen M. Die Wahre Staats-Klugheit... S. 239–240.

[20] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1726. № LXXIII. 12 September. S. 713–714. Г. Ф. Миллер указывал, что в этом сообщении содержится неверная информация о том, будто профессор Герман допускал возможность изготовления такого телескопа, через который будут видны жители других планет, если таковые существуют, а профессор Х. Гольдбах поддержал его мнение. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжением И.-Г. Штриттера (1725–1743). СПб., 1890. С. 103–104.

[21] Lebens-Beschreibung Der Durchlauchtigsten Catharina Alexiewna, Czaarin und Kayserin von Rußland. S. 283–284; [*Weber F. Ch.*] Des veränderten Rußlandes Dritter Theil. Die Regierung der Kayserin Catharina und des Kaysers Petri Secundi... S. 60.

[22] Материалы для истории Императорской Академии наук. С. 103–104.

[23] Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket. 1727. T. 300. S. 1034–1036.

[24] Bibliothèque germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, et des pays du nord. Amsterdam: Humbert, 1727. T. XIII. pp. 164–200, 207–210.

«Леопольдина»[25] под названием «О современном состоянии литературы в России...»[26]. Сочинение написано в панегирическом тоне[27]. Его автор восхваляет Петра I, задумавшего «устроить академию наук по образцу парижской», и Екатерину I, осуществившую намерения своего супруга. В таком же тоне восхваляется деятельность «главного императорского библиотекаря Шумахера», а также сообщается о первых академиках и профессорах. Автор сочинения с большой надеждой отзывался о перспективах развития наук в России [28]. Г. Ф. Миллер оценивал это сочинение как «достойное славы»[29].

С появлением первых 10 томов «Комментариев Петербургской академии наук» за 1726–1738 гг. их стали регулярно рецензировать ведущие немецкие научные журналы: «Новые известия о научных предметах» за 1729–1749 гг., «Труды ученых» за 1729–1732 гг., «Новые труды ученых» за 1732–1740 гг., «Научные связи, установленные для развития медицины и естествознания» за 1731–1741 гг.,

---

[25] Deutsche Akademie der Naturforscher Leopoldina (нем.) — академия, основанная в 1652 г. Иоганнесом Лаврентием Баушем, Иоганнесом Михаэлем Фером, Бальтазаром Мецгером и Георгиусом Бальтазаром Вольфартом в честь императора Священной Римской империи Леопольда I Габсбурга. Это старейшее научное и медицинское общество в немецкоязычном мире и старейшая постоянно действующая академия естественных наук в мире.

[26] Ad virum dignitate et literis illustrissimum Samuelem Koeleseri de Keres-Eer, Principatus Transilvaniae Secretarium, Praesens Russiae Literariae Status in epistolam adumbratus a Michaele Schendo R. C. Eq. Vanderbech, Philosoph. et utr. Medicinae Doctore, Sacrae Imperialis Majestatis Magnae Russiae Exercituum ac Militarium Nosocomiorum Medico // Acta Physico-Medica Academiae Caesareae Naturae Curiosorum. Norimbergae, 1727. Vol. I cum Appendice. App. P. 131–149.

[27] По мнению П. П. Пекарского, в сочинении Схендо фон дер Беха «все блистательные известия о настоящем состоянии учености в России начала XVIII столетия написаны с такими преувеличениями, что с первых же страниц теряешь всякое доверие к автору письма» (*Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: [В 2 т.]. Т. 1. СПб., 1862. С. 319). Вместе с тем, как справедливо отмечено П. Н. Берковым, «здесь впервые дан обзор деятельности русских писателей и ученых, не только духовных, но и светских», «в работе фан-дер-Беха дается, хотя и пристрастная, но подробная картина того культурного подъема, свидетелями которого были многие иностранцы, подобно фан-дер-Беху, попавшие в Россию в связи с петровскими реформами» (*Берков П. Н.* Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке // Язык и литература. Т. V. Л., 1930. С. 99).

[28] О состоянии просвещения в России, в 1725 году // Сын отечества. Ч. 1. 1842. С. 20–26.

[29] «...Eine beschreibung des damaligen zustandes der gelehrsamkeit in Russland... die, ohnerachtet ihrer unvollständigkeit, doch lob verdient». См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. С. 83.

«Немецкая библиотека, или Литературная история Германии в северных странах» за 1730–1741 гг., «Геттингенские известия об ученых предметах» за 1739–1748 гг.

Издатели научных журналов большое внимание уделяли публикации сообщений о трудах академиков. Такие сведения регулярно помещались на страницах популярного немецкого журнала «Новые известия о научных предметах». В 36-м номере «Новых известий о научных предметах» от 3 мая 1728 г.[30] сообщалось об издании на французском языке учебников по основам математических наук, разработанных академиками для императора Петра II в форме кратких вопросов и ответов, и о подготовке ими учебников, содержащих краткое введение в древнюю и новую историю, науку о государстве, геральдику и генеалогию. Указывалось, что первый том учебников, изданных под общим названием «Abrégé de Mathématique pour l'usage de sa Majesté Impérial de toutes les Russie», составлен профессором Я. Германом, содержит в себе арифметику, геометрию, тригонометрию и посвящен барону А. И. Остерману. Второй том учебников, автором которого является Ж. Н. Делиль, кратко излагает курс астрономии и географии и содержит посвящение графу Г. И. Головкину.

В 1727 г. в 14-м номере «Немецкой библиотеки, или Литературной истории Германии в северных странах»[31] сообщалось о работах по подготовке генеральной карты России. Информация об участии в этом проекте Академии наук содержится также в 22-м номере «Новых известий о научных предметах» от 17 марта 1727 г.[32] О завершении работы над Генеральной картой Российской империи и ее издании сообщалось позднее в 87-м номере «Новых известий о научных предметах» от 1 ноября 1734 г.[33]

Большой интерес в немецких научных кругах вызвала Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. О ее подготовке сообщалось в журнале «Немецкая библиотека, или Литературная история Германии в северных странах» за 1732 г.[34] Главными корреспондентами

---

[30] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1728. № XXXVI. 3 May. S. 339–340.

[31] Bibliothèque germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, et des pays du nord. Amsterdam: Humbert, 1727. T. XIV. P. 172–173.

[32] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1727. № XXII. 17 Merz. S. 217–218.

[33] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1734. № LXXXVII. 1 November. S. 771–772.

[34] Bibliothèque germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, et des pays du nord. Amsterdam: Humbert, 1732. T. XXIV. P. 189–190.

этого журнала в Академии были И. Г. Гмелин и И. Вейтбрехт[35]. Информация об отправке некоторых ученых Академии наук в Камчатскую экспедицию (Луи Делиль де ла Кроер, И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер) довольно подробно излагается в 88-м номере «Новых известий о научных предметах» от 2 ноября 1733 г.[36]

Значительное внимание уделялось также изданию «Собрания российской истории» («Sammlung Rußischer Geschichte») Г. Ф. Миллера, о первом выпуске которого подробно написано в 90-м номере «Новых известий о научных предметах» от 10 ноября 1732 г.[37], а также сообщается в журнале «Немецкая библиотека, или Литературная история Германии в северных странах» за 1732 г.[38] Биография Г. Ф. Миллера, составителя и одного из авторов «Собрания российской истории», «члена Российско-императорской академии в Петербурге и Королевского научного общества в Лондоне, действительного профессора истории», содержится в 22-м томе «Универсального лексикона всех наук и искусств» И. Г. Цедлера[39].

На страницах популярного немецкого журнала «Новые известия о научных предметах» регулярно размещалась информация о публичных собраниях Академии наук в Санкт-Петербурге (например, сообщения от 28 июня 1728 г., 25 февраля 1729 г., 1 мая 1730 г., 11 февраля 1732 г.)[40].

Сообщения об учреждении Академии наук Петром I и мероприятиях, связанных с ее открытием при Екатерине I, о начале издания трудов Академии были включены в популярные немецкие научные словари — «Всеобщий исторический лексикон» Т. Фрича[41], «Новый расширенный исторический и географический всеобщий лекси-

---

[35] *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. С. 181–182.

[36] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1733. № LXXXVIII. 2 November. S. 777–781.

[37] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1732. № XC. 10 November. S. 795–799.

[38] Bibliothèque germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, et des pays du nord. Amsterdam: Humbert, 1732. T. XXIV. P. 186–189.

[39] Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschafften und Künste... Leipzig und Halle, Verlegts Johann Heinrich Zedler, Anno 1739. Bd. 22. Sp. 210.

[40] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1728. № XCVII. 2 Dezember. S. 929–930; Auf das Jahr 1729. № XXVI. 31 Merz. S. 241–242; Auf das Jahr 1730. № XLVIII. 15 Jun. S. 417–418; Auf das Jahr 1732. № XXII. 17 Mart. S. 197.

[41] Allgemeines historisches Lexicon... Dritte um vieles vermehrte und verbessere Auflage. Leipzig: verlegts Thomas Fritschens sel. Erben, 1730. Theil I. Sp. 906; Leipzig: verlegts Thomas Fritschens sel. Erben, 1731. Theil III. S. 314.

кон»[42]. Более полная информация об Академии наук в Санкт-Петербурге содержится в знаменитом «Универсальном лексиконе всех наук и искусств» И. Г. Цедлера[43].

Публикация сообщений об Академии наук в Санкт-Петербурге в немецких научных изданиях второй половины 20-х гг. XVIII века свидетельствует об огромном интересе к учреждению этой научной организации и началу ее деятельности. Этому способствовали личные связи иностранных членов Академии наук с немецкими издателями. В «Новых известиях о научных предметах», как и в других ведущих немецких научных журналах, сведения об Академии наук публиковались под заголовками «Санкт-Петербург» («St. Petersburg»), «Петербург» («Petersburg»). Сохранившаяся переписка подтверждает, что некоторые из академиков, имея личные связи с издателями, могли напрямую обращаться к ним и присылать для публикации сообщения о положении дел в Академии наук и о своих трудах. Так, например, известно, что Г. З. Байер не только переписывался с П. Э. Моклерком, издававшим «Немецкую библиотеку, или Литературную историю Германии в северных странах»[44], но и состоял в переписке с И. Б. Менке, издававшим «Труды ученых» и «Новые известия о научных предметах»[45].

В 30-х и первой половине 40-х гг. XVIII века сообщения об Академии в немецких научных журналах публикуются реже и в бóльшей степени касаются отдельных ученых и их трудов. В качестве исключения можно привести известие об Академии наук, помещенное в 1-м номере «Новых известий о научных предметах» от 3 января 1743 г.[46] В нем сообщалось об изготовлении в Санкт-Петербурге 13 больших медных табличек с описанием зданий Академии наук,

---

[42] Neu vermehrtes historisch und geographisches Allgemeines Lexicon... Dritte Auflage, in welcher das von Jacob Christoff Beck... und August Johann Burtorff... ferfertige Supplement an behörigen Orten eingerucket worden. Basel: Bey Johannes Christ. sel. Wittib, 1744. Teil V. S. 670, 694.

[43] Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschafften und Künste... Halle und Leipzig, Verlegts Johann Heinrich Zedler, Anno 1733. Bd. 5. Sp. 1479/1480; Leipzig und Halle, Verlegts Johann Heinrich Zedler, Anno 1741. Bd. 27. Sp. 918; Leipzig und Halle, Verlegts Johann Heinrich Zedler, Anno 1742. Bd. 32. Sp. 1939.

[44] *Копелевич Ю. Х.*: 1) На раннем этапе. С. 142–143; 2) Основание Петербургской академии наук. С. 182–183.

[45] Г. З. Байер познакомился с И. Б. Менке, когда был Лейпциге в 1716–1717 гг. См.: *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. С. 186; *Tetzner J.* Die Leipziger Neuen Zeitungen von gelehrten Sachen über die Anfänge der Petersburger Akademie. S. 96.

[46] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1743. № I. 3 Januar. S. 1–4.

в т. ч. Императорской библиотеки, Кунсткамеры и ее знаменитых экспозиций, обсерватории, с целью продемонстрировать «как соотечественникам, так и в сособенности любителям учености за рубежом» «процветание и преумножение прекрасных наук и искусств».

В конце 40-х гг. XVIII века возрастает активность немецких научных изданий в освещении положения дел в Академии наук. Новые надежды, связанные с дальнейшим развитием наук в России, видимо, были связаны с принятием в 1747 г. Устава Академии наук — «Регламента Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге». В 45-м номере «Новых известий о научных предметах» от 3 июня 1748 г.[47] содержится сообщение об издании Устава Академии наук, где указывается, что его опубликовали в Петербурге на французском языке на восьми листах по повелению «императорского правительства». Автор статьи надеется, что в связи с этим в ближайшее время следует ожидать обновления существующего порядка в Академии. Немецкому читателю сообщались основные положения Устава Академии наук, в т. ч. о ее структуре и организационном построении, правах и обязанностях президента, секретаря и других членов Академии, академических собраниях и заседаниях, ежегодных конкурсах, академическом университете и гимназии.

Об Уставе Академии наук сообщается также в популярном журнале Neue Europäische Fama в 1747 г. (T. 147. S. 263–266). Здесь на немецком языке воспроизводится указ Елизаветы от 4 августа 1747 г.

Немецкие публицистические издания 20–40-х гг. XVIII века заслуживают внимание в качестве источника по изучению ранней истории Академии наук в Санкт-Петербурге. Созданная в России научная организация воспринималась как важнейшее творение Петра I, результат его реформ в сфере образования и культуры. Автор одного из первых справочно-библиографических изданий, посвященного иностранным, прежде всего немецкоязычным, сочинениям о Петре I и его эпохе, немецкий ученый М. Хассен с восхищением восклицал: «Если есть что-то, что воплощает стремление нашего достойнейшего Петра к обучению русских, так это, несомненно, Академия наук, созданная в его новой столице, Петербурге»[48]. Академия наук стала одним из символов сформировавшегося к середине XVIII века образа «Преображенной России», оценивалась как важнейшее культурное достояние, показатель развития наук в России и ее приобщения к достижениям европейской науки.

---

[47] Neue Zeitungen von gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1748. № XLV. 3 Jun. S. 393–402.

[48] *Hassen M.* Die Wahre Staats-Klugheit... S. 238–239.

Евгения Павловна Спиридонова
(Саратов)
Доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского

Роль Петербургской академии наук в развитии отечественной медицины первой половины XVIII века

Evgenia P. Spiridonova

The role of the St. Petersburg Academy of Sciences in the development of Russian medicine in the first half of the 18th century

Аннотация: Статья посвящена исследованию начального этапа деятельности Петербургской академии наук и ее влияния на становление отечественной медицины. Показано, что практическая медицина и отечественное медицинское образования этого периода развивались в отрыве от европейского научного мейнстрима. Включение медицины в корпус академического знания было нацелено на изменение ситуации. В работе дается оценка основным направлениям деятельности Академии в сфере медицины.
Abstract: The article is devoted to the study of the initial stage of the St. Petersburg Academy of Sciences and its impact on the development of Russian medicine. It is shown that practical medicine and domestic medical education of this period developed in isolation from the European scientific mainstream. The inclusion of medicine in the body of academic knowledge was aimed at changing the situation. The paper provides an assessment of the main activities of the Academy in the field of medicine.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, медицина, медицинское образование, просвещение, научное сообщество.
Keywords: Petersburg Academy of Sciences, medicine, medical education, enlightenment, scientific community.

Идея учреждения в России новой академической институции основывалась на грандиозном проекте немецкого философа Г. В. Лейбница и мечтах русского императора Петра Алексеевича о великой просвещенной России. Идеи европейского Просвещения о роли науки и образования на русской почве ограничивались реальными экономическими и социокультурными обстоятельствами. Ключевым ограничивающим фактором являлось отсутствие системы образования — не только высшего, но и среднего, что делало грядущий проект учреждения Академии задачей государственной важности. Не только наличие актуального запроса на компетентных специалистов, но и необходимость культурного взаимодействия России с европейскими странами в эпоху Просвещения подготовили почву для реализации проекта Академии.

Особенно остро необходимость развития научных знаний, распространения и институционального закрепления современных исследовательских практик ощущалась в сфере медицины. Институционализация медицины в России первой четверти XVIII века была напрямую связана с медицинским обеспечением армии в ходе Северной войны, организацией госпитального дела и госпитальных школ, обучавших лекарей в основном для военных нужд. Эти факторы определяли специфику российской медицины того времени.

Особенностью отечественного медицинского образования и медицинской практики была невостребованность европейского стандарта разделения медицинских специалистов на «хирургов» и «докторов». В европейской традиции, укорененной в средневековой культуре гильдий и цехов с одной стороны и университетского образования с другой, на протяжении длительного времени формировалось разграничение медицинских специалистов на довольно обособленные профессиональные группы. Существовали практики, производившие самые разнообразные медицинские манипуляции, но, как правило, медицинского образования не имевшие, — «хирурги». Дипломированные «доктора» имели ученую степень, что свидетельствовало не только о наличии у них теоретических знаний по анатомии, химии, фармакопее, но и об их «общегуманитарной» подготовке: выпускники медицинских факультетов читали древние трактаты по медицине, философии, понимали основы современной

научной методологии, знали о медицинских инновациях. В Европе статусные позиции представителей этих групп четко различались, что определяло занимаемые ими должности и оплату труда.

В России первой четверти XVIII века корпус «докторов» формировался в основном из иностранных специалистов, рекрутированных в годы Северной войны. Они вели частную и госпитальную практику, а также занимали административные должности. Выпускники отечественных госпитальных школ в этот пул специалистов не входили. Их обучение происходило в основном «у постели больного». Это имело свои преимущества с точки зрения непосредственной передачи клинических навыков, но почти никак не было связано с научной деятельностью в европейском понимании того времени. Отсутствие общенаучной культуры в ряде случаев служило почвой для скептического, а зачастую и предвзятого отношения со стороны иноземных специалистов к выпускникам госпитальных школ. Описан случай, когда комиссия не аттестовала выпускников Московской госпитальной школы Стефана Невского и Ивана Беляева, назначив им дополнительный экзамен. Н. Бидлоо в «мемориале», отправленном Ф. Апраксину жаловался, что «иноземные врачи от зависти лукаво об них свидетельствовали, не хотячи чтоб сего народа некоторые из них чрез их дела свыше их почиталися»[1]. Подобные ситуации, на наш взгляд, не только указывают на личные интересы иностранных врачей, но и являются свидетельством несовпадения взглядов на стандарты профессионального медицинского образования.

Необходимость стандартизации медицинских знаний касалась и деятельности практикующих специалистов. Показателем низкого научного статуса медицины в России первой половины XVIII века являлось наличие шарлатанов от медицины, количество которых особенно возросло после окончания Северной войны. Как указывает А. Н. Алелеков,

> «врачи ехали в Россию со всех сторон; ехали и действительно научно образованные врачи, ехали недоучки и шарлатаны. Не одни только иностранные университеты снабжали Россию врачами, множество их являлось с весьма сомнительными дипломами и еще более сомнительными знаниями, приобретенными от врачей, при которых эти господа состояли в качестве простых помощников и не обучались медицине»[2].

---

[1] Цит. по: *Мирский М. Б.* Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ, 1995. С. 56–57.

[2] *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России. М., 1907. С. 106.

Подобные случаи были так часты, что И. Блюментрост в 1721 г. запросил у Сената издание закона о преследовании подобных «специалистов». Руководствуясь аргументом «понеже иногда многие неученые скитающиеся без всякого наказания дерзновенно лечат, в чем великую вреду жителям учинить могут»[3], Сенат издал «указ о бытии под надзором» медицинской практики лекарей, где говорилось о необходимости их аттестации в Медицинской канцелярии.

Нетрудно видеть, что подобные процессы обусловили необходимость прививки отечественной медицине тенденций европейского научного мейнстрима. Научная культура западного медицинского сообщества привлекала открытыми лекциями, показами в анатомических театрах, коллекциями медицинских препаратов, научной перепиской и публикациями — все это способствовало апробации и циркуляции научных идей и методов. Для Петербургской академии еще на стадии формирования проекта этой институции были зафиксированы в качестве задач наиболее прогрессивные направления деятельности, уже апробированные европейскими академиями.

Так, в Уставе 1724 г., составленном при участии Петра I Л. Блюментростом и И. Шумахером, будущая Академия описывается как «социетет» — «собрание персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют»[4]. Это позволяет нам говорить о том, что важная задача, стоявшая перед Академией, — сформировать сообщество исследователей и специалистов, имеющих высокий статус в научной среде. «Социетет» должен был поддерживать необходимый уровень исследований, способствовать циркуляции знаний, обмену научным опытом, популяризации науки.

Еще одна задача Академии — «взращивание» на почве отечественной учености современных исследовательских установок. Особенно в этом нуждалось медицинское знание. Если медицинские инструменты российским лекарям были известны благодаря иностранным специалистам, то вопросы научной методологии, ее влияния на медицинское знание находились вне поля их профессиональных интересов. Европейская наука начала XVIII века демонстрировала бурный рост естествознания, развитие методологии и инструментального обеспечения исследований. Это в значительной степени усиливало эвристические возможности науки,

---

[3] Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. № 3811.

[4] Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1: 1716–1730. СПб, 1885. С. 18.

увеличивало ее практический потенциал. Появившиеся к началу века телескоп, микроскоп, термометр, барометр, маятниковые часы позволили «не только увидеть многое из того, что было недоступно чувственному опыту человека, но и зафиксировать данные этого опыта в объективном количественном выражении»[5]. Механистические представления, подкрепленные математическими расчетами и данными экспериментов, стали частью медицинской парадигмы того времени. Наиболее востребованными в медицине оказались данные экспериментальной физики.

В европейской науке сформировалась практика классификации медицинского знания как части «генеральной» (общей) физики. Эта актуальная классификация нашла отражение в структурной организации Петербургской академии. Было учреждено три класса: «...в 1-м класе содержались бы все науки математические и которые от оных зависят; во 2[-м] — все части физики, в 3[-м] — гуманиора, гистория и права»[6]. Медицина была включена в состав наук второго класса. «Второй клас розделяется в четыре части, а имянно: 1 физику теоретическую и экспериментальную; 2 анатомию; 3 химию; 4 ботанию»[7]. Нетрудно видеть, что анатомия как медицинская дисциплина, согласно европейским научным представлениям того времени, была помещена в раздел «физических наук», которые «ничто иное есть, токмо апликация к телесам»[8]. Медицинское знание, посвященное изучению тел, должно быть подкреплено знанием физических закономерностей, химии и биологии. (Интересно, что именно такой корпус наук формирует и современные научные медицинские знания.)

Важным фактором в развитии отечественной медицины стало продвижение в рамках академической культуры идеи синтеза наук. Медицина из лекарской практики должна была быть преобразована в систематическое знание, включающее передовые идеи современных фундаментальных и естественных наук: математики, физики, биологии. Воплощение этой идеи мы видим в личностях первых академиков, приглашенных для преподавания во втором классе наук. Требования к будущим академикам были сформулированы Лейбницем:

---

[5] *Копелевич Э. Х.* Возникновение научных академий. Середина XVII — середина XVIII в. Л., 1974. С. 11.

[6] Проект положения... С. 17.

[7] Там же.

[8] Там же.

> «Избранные персоны, особенно главные среди них, должны быть всецело погружены в науки и искусства, иметь возвышенный ум, беспристрастно стремящийся к пользе больше, чем к славе, они должны быть прилежными и деятельными, иметь обширную переписку и знакомства»[9].

Многие приглашенные ученые действительно были энтузиастами науки. Но доктора медицины с «именем», научной репутацией занимали в Европе очень высокие статусные позиции, были обеспечены и мотивации к переезду в Россию не имели. Кого же удалось пригласить на контрактную работу в качестве академиков наук второго класса?

Состав профессоров определялся специальностями второго класса: физика теоретическая и экспериментальная, анатомия, химия и ботаника. Предполагалось пригласить четырех ученых, но на деле этот лимит не был исчерпан.

Первый контракт был заключен с ботаником И. Х. Буксбаумом, который тогда уже находился в России. В юности Буксбаум изучал медицину в европейских университетах, но степень доктора не защитил. Благодаря страсти к ботанике имел репутацию добросовестного исследователя растительного царства, в Петербурге заведовал Аптекарским огородом и читал лекции по ботанике. С сентября 1725 г. Буксбаум стал действительным членом Петербургской академии и профессором Академической гимназии.

На вакансию профессора физики претендовали два человека — Х. Мартини и Г. Б. Бильфингер. Оба имели рекомендации Х. Вольфа, и оба получили места. Но вскоре обнаружилось несоответствие Мартини требованиям Академии, ему пришлось уволиться и покинуть Россию. В 1725 г. с Бильфингером был заключен контракт на пять лет. Годы, проведенные в Санкт-Петербурге, были для него плодотворными: его работа «О физической причине гравитации» в 1728 г. получила высшую награду на конкурсе, организованном Парижской академией. Это укрепило его научное реноме, и в 1731 г. Бильфингер предпочел вернуться в Тюбенген.

Вместе с Бильфингером в Петербург прибыли братья Николай и Даниил Бернулли. Даниил Бернулли имел медицинское образование и медицинскую практику: слушал лекции по медицине в Базеле, где в 1721 г. защитил докторскую диссертацию, применив математические методы к разрешению физиологических вопросов;

---

[9] Цит. по: *Куприянов В. Н., Смагина Г. И.* «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Лейбница о развитии науки в России // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 3. С. 28.

с 1723 г. практиковал в Венеции. Прибыв по приглашению в Петербургскую академию наук в 1725 г. ученый был назначен профессором физиологии, хотя в проекте Устава такая специальность не значилась. Скорее всего, она была создана специально для Д. Бернулли. За время работы в Петербургской академии Д. Бернулли активно публиковался в изданиях Академии, но исследования его касались по преимуществу механики и математики, а не медицины. После отъезда Д. Бернулли должность профессора физиологии занял бывший адъюнкт И. Вейтбрехт, приехавший в Петербург вместе с И. Г. Дювернуа.

Доктор медицины анатом И. Г. Дювернуа также был приглашен по рекомендации Х. Вольфа. Начав работу в Петербургском анатомическом театре, ученый производил вскрытия, о результатах которых докладывал на научных конференциях. Дювернуа анатомировал не только умерших людей — его экспертиза касалась и умерших животных из императорского зверинца. Так, он осуществил вскрытие тела слона, о чем доложил на публичной ассамблее Академии. Речь сопровождалась показом рисунков, выполненных художником Георгом Швентером и изображающих препарированные органы слона. Когда из сибирской экспедиции в Кунсткамеру поступили фрагменты костей мамонта, Дювернуа смог сравнить скелет слона с костными останками мамонта и доказать родство этих животных. Эти исследования имели положительный резонанс в научном сообществе, т. к. европейские ученые не видели останков мамонтов и считали их мифическими животными. Несмотря на то, что Президент Петербургской академии Л. Блюментрост, сам будучи медиком, высоко ценил И. Дювернуа и его достижения, ученый в 1741 г. покинул Россию.

Что касается ученика Дювернуа И. Вербрехта, то он начинал адъюнктом, а в 1730 г. был назначен на должность профессора физиологии. Ученый активно анатомировал, что позволило ему собрать материал для оригинальных работ по анатомии и физиологии. Основываясь на большом количестве опытов и экспериментов на живых животных, он изучал кровообращение и публиковал результаты в «Комментариях Санкт-Петербургской Академии наук». В январе 1731 г. Вейтбрехт был объявлен академиком по кафедре физиологии. В 1736 г. он получил степень доктора медицины от Кёнигсбергского университета за посланную туда диссертацию. Главным трудом Вейтбрехта было написанное им руководство о связках и соединениях костей скелета — «Синдесмология», наиболее исчерпывающее по полноте сведений.

Свыше 20 связок в различных суставах были описаны им впервые и до создания первой международной анатомической номенклатуры (1895) назывались его именем. «Синдесмология» была издана на латинском языке в Петербурге в 1742 г., позже переведена на французский и немецкий языки. Вейтбрехт состоял иностранным членом Нюрнбергского физико-медицинского общества, его работы реферировались многими европейскими журналами, он активно публиковался и до конца своих дней жил и работал в Петербурге.

Вакансию химика заместил доктор медицины М. Бюргер, которого пригласил Л. Блюментрост. Но вскоре после приезда с Бюргером произошел несчастный случай, и ученый погиб. Должность профессора химии долгое время была не занята. Через некоторое время отдельные его обязанности стал выполнять И. Г. Гмелин в то время работавший в Кунсткамере, но имевший степень доктора медицины. В 1731 г. он был назначен профессором химии. Через три года Гмелин отправился в Камчатскую экспедицию, в которой проявил себя как специалист в различных областях естествознания. С 1736 по 1744 г. в Академии работал адъюнкт-химик Х. Э. Геллерт.

В обязанности академиков второго класса традиционно входили чтение лекций, разъяснения и консультации, демонстрации экспериментальной части, подбор и реферирование новой научной литературы, участие в научных конференциях. Кроме того, ученые работали над созданием новых учебных пособий, производили исследования, готовили научные публикации, активно вели научную переписку с европейскими коллегами. Но в 30–40-е гг. XVIII века проблемы с выплатой жалованья, ухудшение условий проживания и бюрократическое засилье Канцелярии И. Шумахера вынудили многих академиков «первого созыва» покинуть Россию.

Со сложностями был сопряжен и вопрос о слушателях Академии. В числе слушателей Академии должны были оказаться приписанные к академикам «по одному или по два человека из младых студентов». Студенты получали «довольное жалование», в их обязанности входило слушать лекции в университете при Академии, помогать академикам, «под их дирекциею» обучаться, а также преподавать в Гимназии. В случае, «ежели себя хорошо ведут и некоторые пробы искуства своего объявят», студенты могли наследовать кафедры своих учителей.

Количество студентов-медиков было небольшим. Предполагалось, что иностранные специалисты должны позаботиться о наличии студентов самостоятельно, рекрутировав их еще в Европе. Привлечение отечественной молодежи для обучения медицине

в Академии было затруднено. Во-первых, преподавание велось на латинском или немецком языках, что составляло проблему для многих потенциальных слушателей. Для соблюдения академического стандарта в качестве студентов видели людей, «которые гуманиора отчасти знают и некоторое малое искуство философии и математики имеют»[10], что тоже не было распространенным явлением. Кроме того, стать практикующим врачом можно было и по окончании госпитальной школы или получив это ремесло «из рук в руки», что было достаточно распространено. И наконец, Петербургская академия наук не присуждала ученых степеней, хотя Устав возможность назначать «градусы академиков», если Петр «такую привилегию пожаловать соизволит», предусматривал. Такое разрешение Петр дал, но инициатива не была реализована. В этой связи Петербургская академия становилась лишь начальной ступенью академического медицинского образования, которое требовалось продолжать в европейских университетах. В связи с малочисленностью студентов первое время их формальный учет не велся, в силу чего современные данные по этому вопросу разнятся[11]. В целом нам представляется возможным заключить, что роль Академии наук в подготовке отечественных врачебных кадров не была значительной.

Но несмотря на это Петербургская академия наук дала импульс поступательному развитию российской медицины. Ее главная заслуга — в утверждении высокого статуса научного знания, развитии отечественной исследовательской и организационной культуры. В рамках проекта Петербургской академии произошла реализация базового принципа европейской науки — соединение ремесла и высокой теории. Для отечественной медицины это имело значимые последствия: развиваясь по преимуществу как ремесленная практика, российская медицина получила прививку европейской учености, приобщилась к инновационному для того времени знанию, усилила инструментальное оснащение профессии, сформировала культуру научных исследований, дискуссий и публикаций. Вхождение представителей врачебной профессии в состав Академии зафиксировало научный статус российской медицины.

Петербургская академия наук оказала значительное влияние на формирование отечественной академической культуры посредством распространения профессионального книгочтения.

---

[10] Проект положения... С. 21.

[11] *Костина Т. В.* К вопросу о численности и статусе первых академических студентов в Петербурге (1725–1732 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2016. № 1 (68). С. 41–42.

Библиотека Академии наук стала важным звеном в продвижении научных, в т. ч. и медицинских, знаний. Основу библиотечных фондов еще при жизни Петра I составило собрание книг доктора медицины и философии Р. Арескина, лейб-медика царя. После смерти Арескина книги были приобретены для Библиотеки. Собрание составляло 2 527 томов, часть изданий — естественнонаучная литература на иностранных языках. Отзываясь о полноте и разнообразии библиотечных фондов Г. З. Байер писал: «Дювернуа уверил меня, что не было такой книги, даже из редких, по математике, медицине и физике, которую бы он пожелал видеть здесь и не нашел»[12].

Значимым для развития отечественной медицины фактором, сформированным в русле академической культуры, стало закрепление в профессиональной медицинской среде не только стандартов высокой естественнонаучной компетентности, но и представлений о необходимости широкой эрудиции врача, его осведомленности в областях, напрямую не связанных с медициной. Именно представители врачебной профессии впоследствии стали первыми организаторами вольных научных обществ, и роль Академии наук в этих процессах неоспорима.

[12] Цит. по: *Копелевич Ю. Х.* «Рай для ученых»?.. (о судьбах первых российских академиков) // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 54.

Михаил Владимирович Калинин
(Москва)
Младший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Организация платных дорог и типография Академии наук

Mikhail V. Kalinin

Organization of Toll Roads and Printing Office of the Academy of Sciences

Аннотация: Статья посвящена малоизвестному сюжету — организации платных дорог в России XVIII века. За счет них правительство намеревалось финансировать содержание трех значимых трактов: Шлиссельбургского, Нарвского и участка Московско-Петербургского. Свою роль в устройстве платных дорог сыграла типография Академии наук, где печатали «ярлыки» — квитанции об оплате дорожной пошлины. Дорожные сборы не смогли стать источником финансирования дорожного ремонта и были отменены в 1754 г.
Abstract: The article is devoted to a little-known subject — the organization of toll roads in Russia of the 18th century. The government intended to finance the maintenance of three important routes: roads to Shlisselburg, Narva and a section of the Moscow — St. Petersburg road. The printing house of the Academy of Sciences, where receipt labels for road tolls were printed, played its role in the establishment of toll roads. Road tolls could not become a source of financing road repairs and were canceled in 1754.

Ключевые слова: «першпективная» дорога, Московско-Петербургская дорога, платные дороги, Канцелярия першпективной дороги, типография Академии наук.
Keywords: “pershpektivnaya” road, Moscow — Petersburg road, toll roads, the Chancellery of “pershpektivnaya” road, printing office of the Academy of Sciences.

Строительство и содержание сухопутных дорог, ведущих к Санкт-Петербургу, новой столице России, относилось к числу значимых задач, которые предстояло решать российскому государству в XVIII веке. Особо сложной эта задача была в петровскую эпоху, когда на строящихся дорогах к столице во многих местах был «трудной проезд». Дорожное дело требовало денег. Одним из способов их привлечения стал сбор за проезд по трем дорогам Санкт-Петербургской губернии: Шлиссельбургской, Нарвской (около Ямбурга) и «першпективной» от Петербурга до Соснинской пристани наВолхове. Последняя была частью Московско-Петербургского тракта, имевшего во второй четверти XVIII века две трассы: старую, проходившую путем Новгородского тракта, и новую, «першпективную», пробитую напрямую между столичными городами[1]. Ее участком и была «першпектива» от Петербурга до Волхова. Чтобы избежать путаницы, в настоящей статье мы будем называть эту дорогу «малой першпективой» (поскольку «большая першпектива» шла дальше, от Петербурга до Москвы). Заметную роль в устройстве платных дорог сыграла типография Академии наук, где печатали «ярлыки» — квитанции об оплате пошлины за проезд по дороге. Организации платных дорог в России XVIII века посвящена настоящая статья.

Идея сбора денег с проезжающих для пополнения дорожного бюджета возникает уже в петровскую эпоху. С ней в донесении от 4 сентября 1720 г. обращается в Сенат подполковник Путилов[2], которому в 1716 г. была поручена «малая першпектива»[3]. Завершая перечисление нуждающихся в срочном ремонте гнилых мостов, Путилов предлагает установить сбор за проезд от Соснинской пристани на Волхове до Петербурга (120 верст): по алтыну (3 коп.) с конного, по 1 коп. с пешего, от 1/2 деньги до 1 коп. с зимнего воза[4]. Достойны внимания обоснования, которые приводит Путилов: поскольку «всяк едет [в Петербург] для промыслу», то «проезжим тягости от тех сборов не будет». «И то, — продолжает Путилов, — будет **государственная польза**, что работные люди не будут высылаться»[5]. Примечательна озвученная Путиловым идея государствен-

---

[1] *Калинин М. В.* А. Д. Меншиков и Московско-Петербургская дорога // Санкт-Петербург. Город петровской мечты. Материалы XVI Международного петровского конгресса / Сост. И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская. СПб., 2024. С. 112–113.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп.7. Кн. 374. Л. 290.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 604. Л. 433–435 об.

[4] РГАДА. Ф. 248. Оп.7. Кн. 374. Л. 290.

[5] Там же.

ной пользы, очень значимая для петровской эпохи. Не менее примечательно наблюдение, которое можно сделать исходя из предложения Путилова: за счет собранных за проезд по дороге денег он хочет отказаться от малоэффективного труда присланных к нему работных людей в пользу подрядных работ.

Несмотря на веские аргументы Путилова, в правительстве его предложение не поддержали. Приговором от 15 сентября 1720 г. Сенат предписал чинить дорогу от Санкт-Петербурга до Волхова с привлечением наемных работных людей; на оплату их труда было выделено из наличных денег Штатс-контор-коллегии от 300 до 500 руб.[6] Сумма небольшая, заплатить из нее подрядчикам было бы невозможно.

Первая платная дорога в России, отмеченная в документах Камер-коллегии, появляется в 1732 г. между Петербургом и Шлиссельбургом[7]. Эта относительно небольшая дорога проходила по левому берегу Невы, через современные города Отрадное и Кировск. Ее длина, как свидетельствует дорожник 1777 г., составляла 60 верст[8]. В это время строительство и ремонт нескольких ключевых дорог в Санкт-Петербургской губернии курировал Б. Х. Миних (отметим, что в это время он занимал должность главноначальствующего над Санкт-Петербургом, Ингерманландией, территорией современной Карелии и части Финляндии[9]). Рассмотрим пошлины, которые были установлены за проезд по дороге:

---

[6] РГАДА. Ф. 248. Оп.7. Кн. 374. Л. 301.

[7] РГАДА. Ф. 248. Кн. 5483. Л. 219.

[8] Дорожник чужеземный и Российский и поверстная книга Российского государства. М., 1777. С. 172.

[9] Высшие чины Российской империи. Биографический словарь: В 3 т. Т. 2. М., 2017. С. 393.

Таблица №1. Пошлины, установленные за проезд по Шлиссельбургской дороге в 1732 году

Транспорт	Плата за проезд
Всадник	2 коп.
Телега или сани об одной лошади	3 коп.
Телега или сани о двух лошадях	4 коп.
Телега или сани о трех лошадях	6 коп.
Карета, запряженная четверней	8 коп.
Карета, запряженная шестерней	12 коп.
Домашний скот	2 коп. с головы
Пешие и любые военные	бесплатно

С 1733 по 1743 гг. с проезжающих по Шлиссельбургской дороге было собрано 4117,96 руб. — сумма, недостаточная для регулярного ремонта 60 верст дорожного полотна. Есть основания полагать, что администрация дороги, включавшая в себя пятерых человек (комиссара, подьячего и трех солдат[10]), не могла помешать «безбилетникам» пользоваться трактом бесплатно. В 1743 г. не приносящий заметных доходов пошлинный сбор был отдан откупщику — столичному купцу Семену Маленкову. Получив от купца деньги за 4 года сбора дорожных пошлин (2174,24 руб.), власти запретили ему поднимать пошлины за пользование трактом[11].

В 1742 г. была установлена плата за проезд по «малой першпективе» от Петербурга до Соснинской пристани на Волхове (около 120 верст)[12], части Московско-Петербургского тракта. Пробитая по лесам и болотам Ингерманландии в петровскую эпоху (к 1713 г., когда выходит указ о переселении ямщиков для устройства гоньбы между Петербургом и Новгородом[13], она уже должна была существовать), эта часть дороги требовала постоянного и дорогостоящего ремонта.

[10] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 5483. Л. 219.
[11] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 5483. Л. 228.
[12] РГАДА. Ф. 16. Оп. 267. Ч. 1. Л. 92.
[13] ПСЗ. Т. V. № 2741.

В это же время была реорганизована система сбора пошлин и на других платных дорогах губернии — Шлиссельбургской и Нарвской вблизи Ямбурга (дату установления пошлин за проезд по ней нам не удалось обнаружить в документах).

В этот раз система сбора дорожных пошлин была тщательно продумана. В начале и конце дороги, а также в местах съездов с нее были установлены шлагбаумы — «рогатки» (память о них жива в топонимике Петербурга). Сбоку от рогатки находилась будка сборщика; для поддержания порядка на заставах стоял караул из унтер-офицеров. Обученный грамоте офицер должен был следить за порядком на дороге: так, он имел право не пустить на дорогу начинающего «нахальствовать» путника. Унтер-офицеры следили также за поведением сборщиков, которые должны были быть «всегда трезвы» н не могли брать излишних пошлин — под страхом большого штрафа[14]. Важным нововведением стало появление квитанций об оплате проезда по дороге, которые называли «ярлыками». Эти «ярлыки» печатали в типографии Академии наук. Выехать с платной дороги можно было только при наличии ярлыка; в противном случае приходилось возвращаться к началу дороги, снова платить пошлину и только после этого продолжать путь[15]. Формуляр ярлыка выглядел так[16]:

Ярлык
О пропуске Шлютелбурскою дорогою пошлин
взято:
О отдать сей ярлык при выезде с помяну
той дороги на последней учрежденной
заставе:

Пошлины за проезд по проезд по дороге Петербург — Соснинская пристань на Волхове были установлены следующие[17]:

[14] РГАДА. Ф. 16. Оп. 267. Ч. 1. Л. 94.
[15] РГАДА. Ф. 16. Оп. 267. Ч. 1. Л. 96.
[16] РГАДА. Ф. 248. Кн. 869. Л. 518.
[17] РГАДА. Ф. 16. Оп. 267. Ч. 1. Л. 92.

Таблица № 2. Пошлины, установленные за проезд по дороге Петербург — Соснинская пристань в 1742 году

Карета, коляска, фурман, пакваген, запряженные шестью лошадьми	24 коп.	Коляска, телега, роспуск, запряженные одной лошадью	4 коп.
Карета, коляска, фурман, пакваген, запряженные четырьмя лошадьми	16 коп.	Верховой	3 коп.
Карета, коляска, фурман, пакваген, запряженные тремя лошадьми	12 коп.	Домашний скот	2 коп.
Коляска, телега, роспуск, запряженные двумя лошадьми	8 коп.	Военные	бесплатно

Отметим, что военные, следовавшие по своим частным делам, должны были платить наравне со всеми остальными. Еще одна примечательная деталь: чиновники и курьеры не освобождались от уплаты дорожных пошлин[18]. Продуманная система сбора пошлин дала свои результаты. За 12 лет, в которые с проезжающих по «малой першпективе» собирали деньги, размер ежегодных сборов составлял от 2996,31 (в 1744) до 7003,75 руб. (в 1752); сумма сборов за все время (1742–1754) составила 59 230,88 руб.[19]

Сведения о количестве заказанных в академической типографии ярлыков показывают, что далеко не все проезжающие по дороге пользовались ими. Так, в 1745 г. курирующая государственные дороги Санкт-Петербургской губернии Канцелярия першпективной дороги заказала 10 000 ярлыков; эта партия не была израсходована за шесть лет — к 1751 г. оставался 2081 «весьма ветхий» ярлык[20]. Предположим, что за шесть лет дорогой воспользовались 7919 человек (столько ярлыков потратила канцелярия). Предположим, что все они ехали в каретах о шести лошадях и вносили пошлину в 24 коп. (что невозможно). Получится, что они

[18] РГАДА. Ф. 16. Оп. 267. Ч. 1. Л. 93 об.
[19] РГАДА. Ф. 248. Кн. 5472. Л. 186–436.
[20] РГАДА. Ф. 248. Кн. 869. Л. 518.

заплатили 1900 руб. 56 коп.; в то время как за самый «неурожайный» 1744 г. служители Канцелярии першпективной дороги отчитались о сборе 2996 руб. 31 коп. дорожных пошлин. Выяснение причин этого расхождения требует дополнительного исследования.

Позволила ли реорганизованная система сбора дорожных пошлин покрыть расходы на ремонт дороги? Действительно, на дороге Санкт-Петербург — Соснинская пристань собирали денег значительно больше, чем на дороге Санкт-Петербург — Шлиссельбург. Тем не менее основным источником финансирования государственных дорог оставалась казна. Так, в самом «урожайном» 1752 г., когда было собрано 7003 руб. 75 коп. дорожных пошлин, администрация дороги получила 30 687 руб. 60 коп. из Штатс-конторы[21]. Казенные деньги нередко могли приходить с задержкой или частично: так, в 1759 г. Канцелярия от строения государственных дорог получила только 15 100 из 79 592 руб., которые было предписано ей отпустить из Штатс-конторы[22]. Но при этом именно казна оставалась ключевым источником финансирования строительства государственных дорог.

Пошлины за проезд по государственным дорогам были отменены указом Сената от 21 июня 1754 г.[23] Теперь деньги на исправление Шлиссельбургской, Нарвской возле Ямбурга и першпективной дорог было велено получать исключительно из казны. Отмена платных дорог укладывается в логику таможенной реформы 1753–1754 гг., в ходе которой были упразднены как внутренние таможни, так и таможенные и мелочные сборы[24].

Практика сбора денег за проезд по нескольким государственным дорогам была недолгой; она выросла как из старинной мостовщины, так и из экстраординарных сборов петровской эпохи. Правительство, вводя плату за проезд по государственным дорогам в два этапа (в 1732 и 1742), сумело детально продумать механизмы взимания денег за пользование государственными дорогами. Значимую роль в устроении платных дорог сыграла академическая типография, где печатали «ярлыки» — квитанции об оплате дорожного сбора. Тем не менее собираемые с проезжающих пошлины не смогли решить вопрос финансирования ремонта дорог, которое на протяжении всего рассматриваемого периода шло исключительно или большей частью из казны.

---

[21] РГАДА. Ф. 248. Кн. 5472. Л. 186–436.

[22] РГАДА. Ф. 248. Кн. 5483. Л. 202–202 об.

[23] РГАДА. Ф. 248. Кн. 5483. Л. 329 об.

[24] ПСЗ. Т. XIII. № 10164.

Николай Анатольевич Комолов
(Воронеж)

Кандидат исторических наук, главный специалист отдела культурного наследия и технического контроля Управления культуры администрации городского округа город Воронеж

Воронежская губерния и Императорская академия наук в XVIII веке: исследования и исследователи

Nikolay A. Komolov

Voronezh Province and the Imperial Academy of Sciences in the XVIII Century: Researches and Researchers

Аннотация: История отечественной археологии фактически началась после указа Петра I 1696 г. солдату-гвардейцу Ф. Катасонову, посланному в городок Костенск под Воронежем для «обыска больших костей». Деятельность Географического департамента Академии наук в регионе наглядно проявилась в создании карты Воронежской губернии. В конце 1730-х — 1780-е гг. здесь вели научно-практическую деятельность академические и неакадемические исследователи: И. Лерхе, Т. Гербер, Г. Юнкер, М. Коврин, С. Гмелин, И. Гюльденштедт, И. Георги, С. Паллас, П. Иноходцев.
Abstract: The history of domestic archeology actually began after the decree of Peter I in 1696 to the guardsman F. Katasonov, sent to the town of Kostensk near Voronezh to “search for large bones”. The activities of the Geographical Department of the Academy of Sciences in the region found implementation in the creation of a map of the Voronezh province. Late 1730s — 1780s academic and non-academic researchers conducted scientific and practical activities here: I. Lerche, T. Gerber, G. Juncker, M. Kovrin, S. Gmelin, I. Gyldenstedt, I. Georgi, S. Pallas, P. Inokhodtsev.

Ключевые слова: Воронежская губерния, Императорская академия наук, Костенки, Петр I, академические экспедиции.

Keywords: Voronezh Province, Imperial Academy of Sciences, Kostenki, Peter I, academic expeditions.

Первой научной отраслью вообще и исторической дисциплиной в частности, получившей, пусть и в примитивной форме, развитие в Воронежском крае в петровскую эпоху, стала археология. С приездом Петра I в Воронеж связано начало исследования уникального палеолитического памятника. В роли доморощенного «археолога» выступил солдат Преображенского полка Филимон Катасонов (около 1674 — после 1734). Именно он около 4 апреля 1696 г. отправился в городок Костенск с поручением осуществить «раскопки больших костей»[1]. Как полагает Е. В. Анисимов, «можно считать, что с этого указа начинается отечественная археология (тогда еще варварская)»[2]. Видимо, результаты раскопок заинтересовали Петра. Во всяком случае, месяц спустя, 4 мая, эскадра, с которой царь плыл к Азову, сделала в Костенске часовую остановку.

Более основательно познакомиться с диковинными останками Петр I мог в свое следующее плавание по Дону, в Керченском походе 1699 г. У Костенска флотилия простояла двое суток. Мы не имеем прямых свидетельств о занятиях царя, но, думается, не сильно погрешим против истины, предположив, что монарх не отказал себе в удовольствии покопаться в земле, насыщенной интересными костями. *По всей видимости, столь длительная стоянка в захолустном Костенске, где отсутствовала верфь, имела «археологическую» подоплеку*. Во время Великого посольства 1697–1698 гг. у царя была

[1] Кстати, в это же самое время в Воронеже в качестве интенданта, занимавшегося провиантским обеспечением Азовского похода, находился стольник А. И. Лызлов, автор труда «Скифская история» (1692). См.: *Амелькин А. О., Ненкова А. И.* Первый опыт исследования античных древностей в Воронежском крае в эпоху Петра // «Морским судам быть!..»: Российскому военно-морскому флоту — 300 лет. Воронеж, 1996. С. 146–147. Сам Ф. Я. Катасонов не стал большим ученым, а впоследствии около 30 лет протрудился на прибыльной должности надсмотрщика крепостных дел (т. е. нотариуса) в Борисоглебске. См.: *Комолов Н. А.* Петр Великий. Воронежские страницы. Воронеж, 2022. С. 178–181.

[2] *Анисимов Е. В.* Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.): день за днем [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/251038627 (дата обращения: 17.04.2024).

возможность познакомиться с изделиями, ювелирно выточенными из слоновой кости, и навсегда влюбился в токарное ремесло[3].

Голландский путешественник и художник К. де Бруин (де Брейн), побывавший в Костенске в 1703 г. и сохранивший в качестве сувенира зуб мамонта, передал мнение царя о подобных находках. Петр I полагал, что это были следы остатков лагеря великого полководца Александра Македонского, потерявшего слонов в суровом тогда климате Придонья.

Интерес монарха к «большим костям» и другим редкостям активизировался после создания в 1714 г. Кунсткамеры, хотя мог быть связан и с его пристрастием к токарному делу, в котором использовалась слоновая кость. Всплеском его внимания к этой теме можно объяснить фрагмент письма кабинет-секретаря А. В. Макарова к азовскому вице-губернатору С. А. Колычеву от 27 декабря 1717 г.:

> «Також писал я к Вам указом Его Царского Величества о прииске в Костенску и в других городах и уездах губернии Вашей великих костей, как человеческих, также и слоновых и других всяких, какие там наперед сего большие кости сыскивались. И для того ныне о том же паки Вам доношу, дабы разослали о том указы, чтоб таких больших костей будущею весною и летом потщились там искать»[4].

Получив это письмо после Нового года, Колычев уже 7 января 1718 г. отправил Макарову ведомость присланных из Костенска «слоновых или людей больших костей». Список включал 138 наименований, которые подразделялись на две временны́е группы: 115 — за прошлые годы и 23 — за 1717 г. Поскольку ранее этот перечень не вводился в научный оборот, перечислим находки согласно классификации оригинала. Названы:

6 костей ножных,
3 кострецовых,
2 лопаточных,
2 ножных «ниже колена»,

---

[3] Этим Петр I занимался и в Воронеже. Здесь у него имелся свой токарный станок, вывезенный только в 1711 г. Царю помогали подмастерья. В 1743 г. ученик токарного дела Иван Леонтьев подал челобитную, в которой писал, что в 1709 г. он был взят в Воронеж из Словено-Российской школы в токарные ученики, потом вывезен в Петербург с прочими мастеровыми людьми и находился при Адмиралтействе. В 1722 г. взят в Собственную императорскую токарню, которая в 1735 г. была приписана к Академии наук. См.: Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 5 (1742–1743). СПб., 1889. С. 649.

[4] *Комолов Н. А.* «...Город стоит в лощине, деревянный»: очерк истории Костенска от Филимона Катасонова до Екатерины Великой. Воронеж, 2016. С. 8–9.

4 лопатки (одна обломана),
8 костей «изломанных и исколотых, а подобны зубу слоновому»,
2 обломанных ребра,
6 костей спинного хребта,
12 обломков от щек,
70 мелких обломков головных и ножных костей.
В 1717 г. в Костенске были найдены:
2 круглые кости, «подобием слонового зуба»,
6 костей с коренными зубами,
«особливо» 2 зуба коренных,
2 обломка головной кости,
4 кости ножные,
1 тонкая кость,
1 кострецовая,
2 от колен,
1 кость ножная, изломана на четверть,
1 ножная длиной в аршин,
1 ножная, расколота надвое[5].

Вероятно, вскоре они были отправлены в Петербург, и, может быть, это как-то содействовало появлению знаменитого указа от 13 февраля 1718 г. о вознаграждении за интересные находки. Тем не менее в 1721 г. в магазине Тавровской крепости среди гвоздей, лопат, фонарей и прочего имущества пылились 11 «слоновых зубов»[6] (т. е. костных остатков), выкинуть которые рука у ответственных лиц не поднималась, а высочайших поручений на этот счет уже не поступало.

Созданная в 1724 г. Императорская академия наук стала единственным научным центром, в сферу интересов которого вошла археология. 24 августа 1742 г. член Монетной канцелярии, действительный статский советник князь Сергей Голицын показал на заседании Сената присланные из Воронежской губернии, найденные в земле медный горшок, сделанный наподобие «цветника с ушками», и при нем несколько золотых вещей. Осмотрев находки, Сенат приказал «оное золото слить и употребить в дело, понеже во оном куриозных вещей нет». А горшок отослать в Академию наук, «велеть об нем иметь рассуждение, в каких народах такие горшки и в какую потребу употреблялися». В случае выявленной «курьезности» предмета, его следовало отдать в Кунсткамеру. Впрочем, Монетная кан-

[5] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Кн. 36. Л. 519–519 об.; Кн. 39. Л. 554–555.
[6] *Комолов Н. А.* «...Город стоит в лощине, деревянный». С. 9.

целярия отнеслась к попыткам провести научную экспертизу горшка без энтузиазма. 15 сентября И. Шумахер ответствовал Сенату, что находка до сих пор не получена, вследствие чего Академия наук «о присылке реченного горшка в Монетную канцелярию в Москву послала промеморию». Дело на этом заканчивается, и мы остаемся в неведении относительно академического рассуждения о воронежской находке и ее судьбы[7].

Одной из важнейших задач высшего научного учреждения России стало составление Генеральной карты. Подготовительная работа началась ранее, с отправкой в регионы картографов. Первыми геодезистами, посланными «для снятия местностей и сочинения ландкарт» в Азовскую губернию в 1718 г., стали выпускники Морской академии Корней Бородавкин и Никита Сомароков (Сумароков), а также ученики Петр Лупандин и Иван Шишков. Съемки начались в 1720 г. с Воронежской провинции. Свою деятельность они начали довольно ретиво. К. Бородавкин и Н. Сомароков первыми из всех посланных геодезистов сообщили о своей работе и вторыми прислали готовую ландкарту. Начерченные ими карты Воронежской и Елецкой провинций имели достаточно высокий уровень достоверности для того времени[8]. В 1728 г. Бородавкину и Сомарокову было приказано описать Тамбовскую и Шацкую провинции[9]. Но свое занятие они не завершили, поскольку были отозваны. В 1729 г. их коллеги И. Шишков и П. Лупандин составили карту Бахмутской провинции. На этом сплошное картографирование территории Воронежской губернии было приостановлено. После создания в 1739 г. Географического департамента Академии наук во главе с Ж. Делилем работа над Генеральной картой активизировалась. Сам Делиль еще в июне 1736 г. начертил карту заповедных лесов Воронежской провинции, после чего ей занимался геодезист И. Корчевников[10].

Карты Воронежской и Елецкой провинций были использованы при составлении Генеральной карты России и Атласа 1745 г. Земля войска Донского показана в составе Воронежской губернии, хотя

---

[7] РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1375. Л. 459–464.

[8] *Комолов Н. А.* Занимательный алфавит воронежской истории. Конец XVII — начало XIX вв. Воронеж, 2012. С. 33–37.

[9] Полное собрание законов Российской империи. Т. 8 (1728–1732). СПб., 1830. № 5320. С. 71.

[10] Источники по истории астрономии в России XVIII века. Т. 1. СПб., 2000. С. 198, 202.

она на самом деле в нее не входила. Атлас 1745 г. был несовершенен, но он проложил путь другим, уточненным изданиям.

Первым представителем Академии наук в Воронежской губернии, правда уже отставленным, оказался адъюнкт (1731), профессор красноречия (1734), автор торжественных од, сценариев фейерверков и иллюминаций, а также «Обстоятельного описания о народах и землях, между Днепром и Доном находящихся» Г. Ф. Юнкер (1703–1746)[11]. В 1737 г., после отставки, он получил совершенно неакадемическую должность надзирателя Бахмутских и Торских соляных заводов в Бахмутской провинции и в 1740 г. был направлен туда для лучшего исследования заводов[12]. Г. Юнкер просил для скорейшего составления необходимых деловых бумаг, для перевода дать ему в помощь адъюнкта М. В. Ломоносова. Сенат приказал удовлетворить просьбу, но помощник послан не был[13]. 11 ноября 1746 г. в связи со смертью Г. Ф. Юнкера указом Сената канцелярии Академии наук было велено собрать его дела и письма о заводах. От Академии для осмотра и описи документов был определен унтер-библиотекарь И. К. Тауберт[14].

В начале 1740-х гг. на территории Воронежской губернии вели исследовательскую деятельность принятые на русскую службу врачи и ботаники И. Я. Лерхе (1703–1780) и Т. Гербер (1710–1743). Оба специалиста не представляли Академию наук, а их изыскания в большей степени отражали практические потребности армии. Якоб Иоганн (Иван Яковлевич) Лерхе во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. был назначен генеральным штаб-доктором и отправлен к Азову. Проводил метеорологические наблюдения в Воронеже, Тамбове, Азове и других городах, а в мае 1740 г. по приказу Медицинской канцелярии выехал в Воронеж, чтобы организовать там полевую аптеку. В 1741 г., во время поездки на Волгу, добрался только до Воронежа. Недалеко отсюда, возможно в Костенках, осмотрел останки мамонта, найденные на берегу Дона[15]. Примерно

---

[11] Новейшее его жизнеописание с актуальной библиографией см.: *Тарасенко Е. Н.* Г. В. Ф. Юнкер — поэт, историограф, страновед и надзиратель соляных заводов Бахмута и Тора // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. (Серия «Исторические науки».) 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 106–116.

[12] Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 4 (1739–1741). СПб., 1887. С. 449–450.

[13] Там же. Т. 7 (1744–1745). СПб., 1895. С. 753.

[14] Там же. Т. 9 (1748–1749). СПб., 1897. С. 134–135.

[15] *Тарасенко Е. Н.* И.Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. Нижневартовск, 2019. С. 12–13.

в это же время флору Воронежской губернии впервые исследовал директор Московского аптекарского огорода (сада) Т. Гербер[16].

В 1751 г. в Воронеж из Петербурга прибыл студент Академического университета Михаил Коврин с взятыми из Кунсткамеры инструментами. Цель его приезда была необычна. Он отправился в один из лесов Елецкого уезда, чтобы подтвердить или опровергнуть странную находку местных крестьян, обнаруживших в земле каменные палаты «из тесаного самороду». М. Коврину следовало их описать и составить план. При первоначальном осмотре вроде показалось здание, «будто наподобие башни якобы руками человеческими складенной. Но как еще стали глубже рыть, то уже начали явно оказываться не полаты, но самородные превеликие каменья». Такова была геология почти всего уезда. Хотевшие заработать крестьяне отказались от своих прежних показаний. Их взяли под караул и привезли в Воронеж, а Коврин отбыл в Петербург[17]. К слову, его однокашниками по Академической гимназии были М. В. Ломоносов и будущий астроном Н. И. Попов.

Назначение Ломоносова руководителем Географического департамента в 1758 г. способствовало тому, что Академия наук в 1759 г. инициировала запросы в города «о собрании потребных к сочинению нового Атласа географических известий». Ответы, которые стали поступать с мест начиная с 1761 г., содержали актуальную социально-экономическую информацию. Так, в доношении из Бахмутской провинциальной канцелярии, составленном сыном «археолога» Ф. Я. Катасонова канцеляристом Хрисанфом Катасоновым, отмечалось отсутствие в провинции ярмарок, гостиных дворов, фабрик и рудных заводов. Соляные заводы имелись в Бахмуте (6 палат и 60 варниц) и Торе (2 и 12 соответственно). Купечество здесь было «малое и небогатое», население в основном занималось привозом и продажей дров на соляные заводы, разведением малорослого рогатого скота, земледелием[18]. Изучение ответов академической анкеты, бесспорно, является перспективным направлением региональных исследований.

Возвращаясь к М. В. Ломоносову, отметим, что через потомство своей второй дочери Елены Михайловны (1749–1772, в замужестве Константиновой) великий ученый оказался генеалогически связан с воронежским дворянством. Его внучка Софья вышла замуж за ге-

---

[16] *Комолов Н. А.* Калейдоскоп воронежской истории. Воронеж, 2008. С. 88–90.

[17] *Комолов Н. А.* Калейдоскоп воронежской истории в портретах и зарисовках. Воронеж. 2022. С. 189–190.

[18] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Д. 6. Л. 2–3 об.

нерала от инфантерии Н. Н. Раевского-старшего (1771–1829), а их сын, генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский-младший (1801–1843), является родоначальником воронежской ветви рода и помещиком Новохоперского уезда.

Запланированные Ломоносовым академические экспедиции состоялись уже после его смерти. В рамках широкомасштабного описания России 1768–1774 гг. Воронежскую губернию исследовали С. Г. Гмелин и И. А. Гюльденштедт[19]. Путь Гмелина на юг пролегал через Задонский, Воронежский, Бобровский, Острогожский и Павловский уезды. В Воронеже экспедиция провела зиму 1768–1769 гг. 26 марта 1769 г. Гмелин встретился в Воронеже со своим коллегой Гюльденштедтом и 9 апреля писал Л. Эйлеру:

> «Наш честный д-р Гильденштедт почти равнодушен к тому, будет ли он осчастливлен званием адъюнкта. По познаниям он, безусловно, заслуживает быть академиком. Он хорошо знает Россию, и я не сомневаюсь, что по окончании путешествия он будет рассчитывать на повышение».

Руководители обсудили маршрут дальнейшего путешествия, решив разными путями двигаться на Астрахань[20].

При этом в Воронеже ученым мужам было с кем пообщаться. В это время у руля губернии стоял выпускник Сухопутного шляхетского корпуса губернатор А. М. Маслов, предположительно ученик Академической гимназии 1732 г.[21] Его «товарищами» (т. е. заместителями) были С. В. Муромцев и Н. И. Попов[22]. Сильвестр Васильевич Муромцев в 1746 г. упоминается среди учеников французского класса Академической гимназии[23]. Никита Иванович Попов, соратник М. В. Ломоносова, был первым русским профессором астрономии. После ухода из Академии наук он перешел на гражданскую службу, на должность губернаторского товарища в Воронеже, где и скончался[24].

---

[19] Подробнее см.: *Комолов Н. А.* Калейдоскоп воронежской истории. С. 95–106.

[20] Отчеты И. Г. Гюльденштедта из Воронежа в Академию наук см.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. Д. 5. Л. 29–42.

[21] Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 2 (1731–1735). СПб., 1886. С. 245.

[22] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 4. Л. 13–13об.

[23] Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 8 (1746–1747). СПб., 1895. С. 171.

[24] Подробнее см.: *Комолов Н. А.* Калейдоскоп воронежской истории в портретах и зарисовках. С. 191–195.

Из Воронежа Гмелин отправился на юг, провел раскопки в Костенске, полагая, что там находятся «слоновые кости». Гюльденштедт же исследовал Новохоперский уезд. Всего в районе рек Хопер и Дон он изучил более 500 растений, обнаружил множество новых, одно из которых хотел назвать именем президента Академии наук графа В. Г. Орлова, но тот отказался.

В степи Гюльденштедт описал до того неизвестное науке животное, которое назвали слепцом (слепышом), и впервые — луговую мышь, а также открыл новый вид суслика; первым правильно объяснил происхождение чернозема, описал почвы Воронежской губернии, флору и фауну края. В подарок семье Эйлеров в Петербург он отправил двух живых сурков. За открытие слепыша с подачи В. Г. Орлова академики единогласно избрали его адъюнктом.

Деятельность ученых не могла бы быть плодотворной без организационной и финансовой поддержки директора Академии наук Владимира Григорьевича Орлова. Его брат, Алексей Григорьевич Орлов, был землевладельцем Бобровского уезда Воронежской губернии и основателем знаменитого впоследствии конного завода в селе Хреновом.

В мае — июне 1770 г. состоялась большая поездка В. Г. Орлова с научной компанией. Его сопровождали ботаник, основоположник карпологии (науки, изучающей плоды и семена растений) Й. Гертнер, переводчик академик Г. В. Козицкий, химик Э. Лаксман. Путешественники посетили Острогожск, слободу Рибенсдорф, Воронеж и другие места. По итогам поездки в восточную часть губернии Орлов пришел к выводу, что «от самого Воронежа по Саратов жилья очень мало, все степь и до Борисоглебска почти безлесная»[25].

Приезды академиков местные власти использовали и в практических целях. Исполняющий обязанности коменданта Павловска В. Острецов в июне 1769 г. рапортовал С. Г. Гмелину, что соборная Преображенская церковь, построенная на казенные деньги, пришла в такую ветхость, что стены приходится подпирать столбами, а людям в храме находиться опасно. Обращения в высшие инстанции ничего не дали. Комендант просил вместить рапорт в журнал и «со временем яко о богоугодном деле, где пристойно, представить»[26]. Павловский бургомистр В. Рязанов обратился к заезжему

---

[25] *Комолов Н. А.* «Город всех украинских виднее»: как учёные путешествовали по воронежским землям в 1770 году // Воронежский курьер. 2012. 8 дек. С. 5.

[26] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 100. Д. 16. Л. 11–11об.

академику с проблемой охраны Шипова леса, куда ежегодно из крепости Св. Димитрия приезжают команды, ведут лесозаготовки, сплавляют плоты. Также возле леса поселились малороссияне, которые его «нагло опустошают»[27].

В 1770 г., направляясь в Царицын, через Воронежскую губернию транзитом проследовал Иоганн Готлиб (Иван Иванович) Георги. Он проехал через Тамбов, у Новохоперской крепости переправился через р. Хопер, а потом через р. Медведицу; исследовал и описал флору, встреченную им по пути.

В конце августа 1783 г., через год с небольшим после смерти Н. И. Попова, в Воронеже оказался крупнейший русский ученый Петр Борисович Иноходцев (1742–1806), ставший в 1779 г. академиком Петербургской академии наук. Именно он впервые вычислил астрономические координаты Воронежа, а позже описал Новохоперский уезд в составе Тамбовского наместничества.

В 1795 г., проездом в Крым, флору в Валуйском и Бирюченском уездах Воронежской губернии исследовал Петр Симон Паллас. В своем отчете Академии наук он сообщал, что «в прекрасных и плодородных равнинах» вдоль р. Оскол нашел «остатки прекрасной растительности», среди них растения Сибири, шиповник «в таком большом количестве, в каком не видел нигде в России», а на ручье Бирюч обнаружил новый вид[28].

Подведем итоги. В конце XVII века в Придонье, бывшем центром масштабного военного кораблестроения, был дан старт первичным, хотя и по сути варварским археологическим исследованиям. Происходило накопление археологического и палеонтологического костного материала, часть которого, несомненно, попала в Кунсткамеру. Деятельность Географического департамента Академии наук нашла воплощение в создании карты Воронежской губернии. Однако степень достоверности провинциальных карт была различной, и в Атласе Российской империи 1745 г. восточные районы губернии показаны не вполне точно. Деятельность целой плеяды академических и неакадемических исследователей стала весомым вкладом в общую научную копилку. Благодаря основательным исследованиям российских академиков, проводившимся в губернии в 1768–1770 гг., было получено более полное представление о природных богатствах, ландшафте, обычаях, достопримечательностях Воронежской земли — по сути, были открыты ресурсы и неповторимые черты этого региона.

---

[27] Там же. Л. 16.

[28] Подробнее см.: *Комолов Н. А.* Калейдоскоп воронежской истории. С. 106–117.

Ольга Евгеньевна Кошелева
(Москва)
Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Вопросы Академии наук — ответы городов: совместные усилия по созданию атласа Российской империи

Olga E. Kosheleva

Questions from the Academy of Sciences — Answers from Cities: Joint Efforts to Create an Atlas of the Russian Empire

Аннотация: В 1760 г. Академия наук собирала сведения для создания нового Российского атласа через провинциальные канцелярии, выслав им «запросные пункты» (по 30 вопросов) об их городе. В статье рассмотрен процесс выполнения этого задания Академии наук усилиями горожан г. Гороховца. Основная часть задания была выполнена в магистрате с помощью земского старосты. Особый интерес представляет черновой экземпляр ответов с редакторской правкой. С момента получения указа в воеводской канцелярии до времени отправки окончательного ответа в Академию наук прошло 7 лет. В целом эта работа оказалась полезной не столько для создания Атласа, сколько для самого города в плане оживления его интеллектуальной жизни.
Abstract: In 1760 the Academy of Sciences collected information for the creation of a new Russian Atlas through provincial offices, sending them questionnaire in 30 items on their city. The article considers the process of fulfilling this task of the

Academy by the efforts of its inhabitants of town Gorokhovets. The main part of the task was completed in the magistrate, by the community head. Of particular interest is a draft copy of the answers with editorial edits. Seven years have passed from the moment of receipt of the decree in the voivodeship office to the sending of the final response from it to Academy. In general, this work turned out to be useful not only for creating an Atlas, but for the city itself.

Ключевые слова: Академия наук, Атлас Российской империи, Гороховец, анкеты, магистрат.
Keywords: Academy of Sciences, Atlas of Russian Empire, Gorokhovets, questionnaire, magistrate.

Знания о составе населения российских уездов, их ландшафтах, хозяйственной специфике уездных и губернских городов были необходимы центральным учреждениям Российской империи, а также имели общее научно-образовательное значение. В течение всего XVIII века предпринимались усилия по сбору таких сведений. Этим занималась Герольдия, а в дальнейшем — Академия наук (далее в тексте — Академия, АН), где в 1748 г. был организован специальный Географический департамент, целью которого явилось создание подробного атласа Российской империи. Эта задача решалась в течение многих лет и с большим трудом. В Академии пробовали разные пути: обращения к населению (с просьбой заполнить анкеты), к Сенату и Синоду, к межевым учреждениям и т. д. Существует посвященная этой теме литература, к которой я отсылаю читателя[1].

В данной же статье будет рассмотрено то, как задание от Академии наук исполнялось на местах, в провинциальных городах, когда в местные органы власти поступали требования «рассказать о себе», ответить на «запросные пункты» анкеты, разосланной в количестве 600 экземпляров. По этому вопросу литература скудна. Некоторую часть анкет из городов Московской провинции опубликовал в сокращенном

[1] *Бакмейстер Л. И.* Топографическия известия служащия для полнаго географическаго описания Российской империи. СПб., 1771–1774; *Гнучева В. Ф.* Картографический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л. 1946; *Каменский А. Б.* Историко-географическая анкета В. Н. Татищева // Советские архивы. 1985. № 5; *Голубинский А. А.* «Этот город, которого нет...»? или о ГИС-публикации городских межевых планов конца XVIII в. на примере Балахны // Электронный научно-образовательный журнал. (Сер. «История».) 2017. Вып. 7 (61); *Ткаченко В. В.* Российский атлас 1760-х гг.: несостоявшееся издание и причины неудачи // VII Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», Москва, 8–9 октября 2019. Сборник статей. М., 2019.

виде Л. И. Бакмейстер, очертив историю их создания[2]. В. Ткаченко работала с ответами из городов на анкету Академии наук 1760 года, поступившими в АН и хранящимися в ее архиве[3]. Я же работаю с делопроизводственными документами, оставшимися на местах. В них нашло отражение то, как проходил сбор сведений в самих городах, кто составлял анкеты, как правили черновики и т. д. Иначе говоря, документы городовых канцелярий и магистратов позволяют рассмотреть не только результат, но и сам процесс работы над вопросами анкеты. Подобные материалы на основе городских анкет включил в свою книгу по г. Бежецку А. Б. Каменский[4]; я же покажу, как это происходило в г. Гороховце, где документы по данному вопросу хорошо сохранились как в уездной воеводской канцелярии, так и в магистрате.

Указ из Сената по доношению из АН, подписанный 14 января1760 г.[5], шел в Гороховец около месяца через присутственные места Москвы и Владимира и поступил в воеводскую канцелярию Гороховца 18 февраля[6]. Этим указом требовалось для составления «нового исправнейшего Российского Атласа» собрать изо всех губерний верные географические сведения. Атлас здесь назван «новым», поскольку такой сборник в 1745 г. уже опубликовался, но был признан неудовлетворительным. В указе говорилось, что предпринято важнейшее дело, которым «познание Отечества не токмо обще всему народу полезно, но и всем присудственным местам весьма нужно», — тем самым предполагалось мотивировать к работе административные учреждения. М. В. Ломоносов в письме к императрице Екатерине Великой подчеркивал иные выгоды, убеждая ее, что новым Атласом

> «похвалиться можно будет перед всею Европою и которой принесет великую славу Ея императорскому величеству, силь-

---

[2] *Бакмейстер Л. И.* Топографическия известия...

[3] *Ткаченко В. В.* Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. Параграф «История русских городов в географических описаниях XVIII в.». М., 2020.

[4] *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 99–109 (Гл. 6 «Бежечане XVIII века сами о себе»).

[5] Опубликованный текст указа см.: *Бакмейстер Л. И.* Топографическия известия... (б/н).

[6] РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 465. Л. 1–27. Далее указания на листы этого дела даются в тексте в скобках.

ное вспоможение в правлении государства, и всему Отечеству несказанную пользу и удовольствие»[7].

В указе от 14 января объяснялось, какими способами надо собирать сведения: 1) следовало опросить знающих городских обывателей и лучших крестьян, взяв у них «сказки за руками» (т. е. собственноручно заверенные сведения); 2) если опросом дознаться «не можно», то посылать нарочного для «усмотрения подлинности» (для осмотра исторических укреплений и др.); 3) указывать расстояния «мерными верстами»; 4) на вопросы отвечать точно и полно, «без недостатка». Полученные изо всех городов сведения должны были отправляться в губернские канцелярии (для Гороховца — в Московскую), а оттуда — в АН. Хотя с исполнением указа надо было спешить, но все же на это требовалось время, поэтому предлагалось посылать ответы на вопросы по мере их получения каждые три месяца. Если же АН будет запрашивать дополнения к присланным сведениям, отправлять их, не дожидаясь от Сената новых указов в Географический департамент АН, прямо через ее Канцелярию. Процедура пересылки документов была значима для учреждений, поскольку всегда возникали споры о том, кто важнее и кто кому подчиняется. Городовые канцелярии, безусловно, не подчинялись АН, поэтому направленные ей материалы должны были идти через Сенат, в связи с чем и оговаривалась такая не общепринятая отсылка документов из-за срочности дела.

К указу прилагалось 30 «запросных пунктов» (илл. 1), которые можно по смыслу объединить в следующие группы:

1) географические: какие реки, озера, горы и холмы есть вокруг города, также сведения о его флоре и фауне;

2) экономические: какие имеются промыслы и заводы;

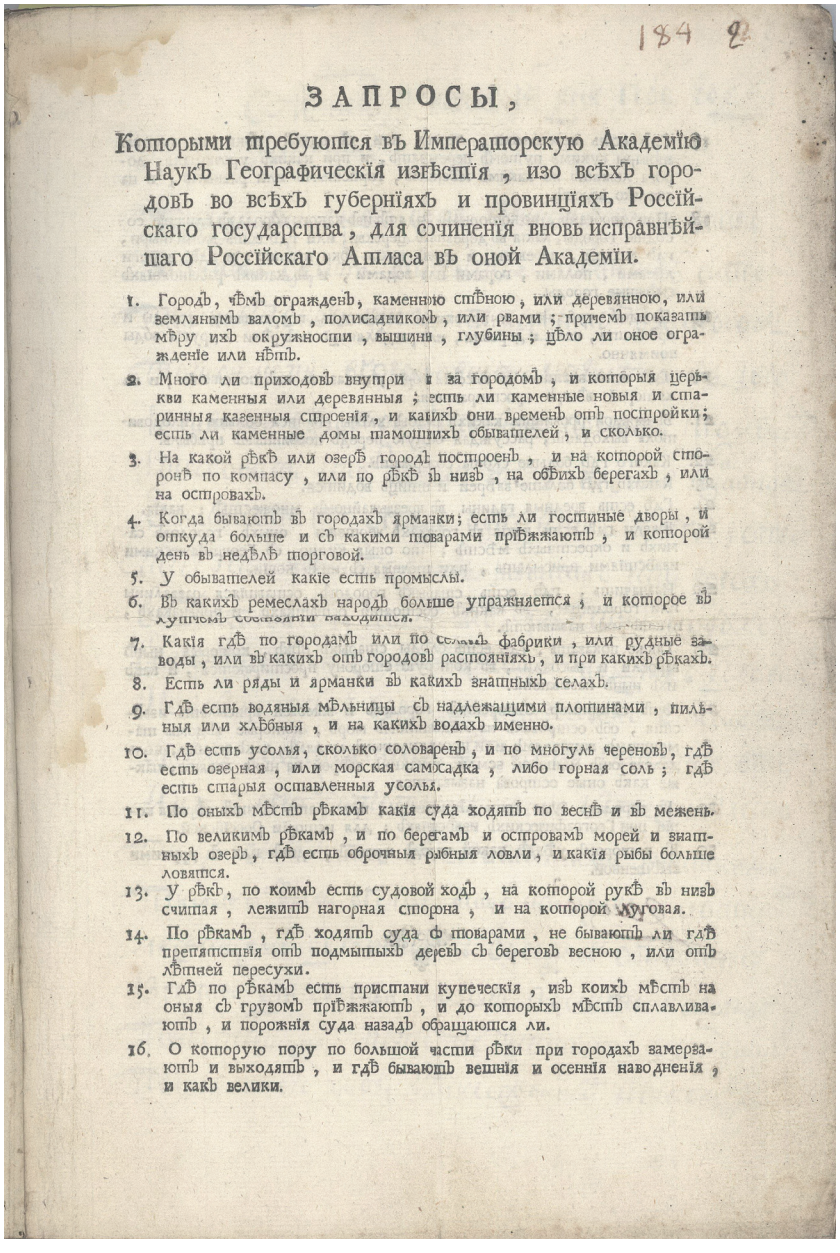
3) этносоциальные: данные о составе населения;

4) исторические: «для истории Российской» предлагалось поискать летописи и чертежи;

5) религиозные: о церквях и монастырях.

Экземпляр указа при поступлении в Гороховец прошел обычную процедуру: в воеводской канцелярии текст зачитали воеводе Василию Лазареву и его заместителю («товарищу»). Посовещавшись, они вынесли решение, которое секретарь Алексей Напивкин записал в журнал исходящих документов. Воевода повелел сделать копии указа и прилагаемых к нему вопросов для отправки в гороховецкий магистрат и в духовное правление (т. е. к городским

[7] Цит. по: *Ткаченко В. В.* Российский атлас... С. 62–63.



184 2

ЗАПРОСЫ,

Которыми требуются въ Императорскую Академію Наукъ Географическія извѣстія, изо всѣхъ городовъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ Россійскаго государства, для сочиненія вновь исправнѣйшаго Россійскаго Атласа въ оной Академіи.

1. Городъ, чѣмъ огражденъ, каменною стѣною, или деревянною, или землянымъ валомъ, полисадникомъ, или рвами; причемъ показать мѣру ихъ окружности, вышины, глубины; цѣло ли оное огражденіе или нѣтъ.
2. Много ли приходовъ внутри и за городомъ, и которыя церькви каменныя или деревянныя; есть ли каменные новыя и старинныя казенныя строенія, и какихъ они временъ отъ постройки; есть ли каменные домы тамошнихъ обывателей, и сколько.
3. На какой рѣкѣ или озерѣ городъ построенъ, и на которой сторонѣ по компасу, или по рѣкѣ въ низъ, на обѣихъ берегахъ, или на островахъ.
4. Когда бываютъ въ городахъ ярманки; есть ли гостиные дворы, и откуда больше и съ какими товарами пріѣжжаютъ, и которой день въ недѣлѣ торговой.
5. У обывателей какіе есть промыслы.
6. Въ какихъ ремеслахъ народъ больше упражняется; и которое въ лучшемъ состояніи находится.
7. Какія гдѣ по городамъ или по селамъ фабрики, или рудные заводы, или въ какихъ отъ городовъ разстояніяхъ, и при какихъ рѣкахъ.
8. Есть ли ряды и ярманки въ какихъ знатныхъ селахъ.
9. Гдѣ есть водяныя мѣльницы съ надлежащими плотинами, пильныя или хлѣбныя, и на какихъ водахъ именно.
10. Гдѣ есть усолья, сколько соловаренъ, и по многуль череновъ, гдѣ есть озерная, или морская самосадка, либо горная соль; гдѣ есть старыя оставленныя усолья.
11. По оныхъ мѣстъ рѣкамъ какія суда ходятъ по веснѣ и въ межень.
12. По великимъ рѣкамъ, и по берегамъ и островамъ морей и знатныхъ озеръ, гдѣ есть оброчныя рыбныя ловли, и какія рыбы больше ловятся.
13. У рѣкъ, по коимъ есть судовой ходъ, на которой рукѣ въ низъ считая, лежитъ нагорная сторона, и на которой луговая.
14. По рѣкамъ, гдѣ ходятъ суда ф товарами, не бываютъ ли гдѣ препятствія отъ подмытыхъ деревъ съ береговъ весною, или отъ лѣтней пересухи.
15. Гдѣ по рѣкамъ есть пристани купеческія, изъ коихъ мѣстъ на оныя съ грузомъ пріѣжжаютъ, и до которыхъ мѣстъ сплавливаютъ, и порожнія суда назадъ обращаются ли.
16. О которую пору по большой части рѣки при городахъ замерзаютъ и выходятъ, и гдѣ бываютъ вешнія и осеннія наводненія, и какъ велики.

Илл. 1. Начальный лист «запросных пунктов» Академии наук. РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 465. Л. 2.

и церковным властям) с требованием, чтобы они прислали ответы на вопросы, находившиеся в их компетенции, «описав со обстоятельством» (л. 4). Собственно, канцелярия предполагала провести сбор сведений по уезду — и, как было предложено в указе, послать нарочных к жителям с соответствующими вопросами.

Заглянем теперь в документы гороховецкого магистрата. Указ и «пункты» из канцелярии в магистрате получили только 16 марта: видимо, долго копировали, канцелярских работников здесь было мало[8]. Магистрат ответил промеморией от 23 ноября 1760 г. (л. 4–4 об.), при которой были присланы ответы на большинство вопросов АН за личной подписью бургомистра купца Василия Опарина. В канцелярии сделали запись в журнале входящих документов и отправили отписку о получении. К ответам магистрата на «запросные пункты» была приложена копия важного исторического документа, который чудом не погиб при пожаре Гороховца 1759 г. и имелся в магистрате в подлиннике (л. 5–5 об.). Это — сотная грамота, представляющая собой экстракт из писцовой книги 1628 г., составленной в ходе валового описания русских земель после Смутного времени, в 20-х годах XVII века. Данная писцовая книга ныне утрачена, хотя ее сведения, в т. ч. и по Гороховцу, повторили последующие писцовые книги[9]. Сотная грамота 1628 г. содержит значимые исторические сведения, не всегда встречающиеся в текстах писцовых книг. В ней рассказывается о том, как благополучный город Гороховец, успешно переживший Смутное время, в сентябре 1618 г. был захвачен и разорен запорожскими казаками; описываются разрушенные до основания укрепления города[10]. Копия сверена с подлинным текстом пищиком (писцом) Андреем Засориным и засвидетельствована подписью ратмана Афанасия Балуева. Именно такие исторические документы мечтали получить из российских городов и В. Н. Татищев, и Г. Миллер, и М. В. Ломоносов, воссоздававшие прошлое Российского государства.

---

[8] См.: *Кошелева О. Е.* Власть атакует канцелярии. Трансляция указов в администрацию в России второй половины XVIII в. // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время. М.: 2021. С. 236–255.

[9] *Мазур Л. Д.* Градостроительная эволюция Гороховца в преддверии каменного строительства (1600–1686 годы) // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. Материалы научной конференции. М., 2017. С. 89–90.

[10] *Лисейцев Д. В.* На пути из Смуты: гороховецкий посад во втором десятилетии XVII века // Гороховец и земли Окско-Клязьминского междуречья в XII–XVII вв.: история и археология. Материалы научной конференции. М., 2017. С. 82–88.

Далее следуют магистратские ответы на «запросные пункты» (л. 6–8 об.), и не только на те, что касались торговли и промыслов. Например, сообщалось, что «знатных и высоких гор при Гороховце и в ближних тому городу местах не имеется» (л. 8). В заключении оговаривалось, что на вопросы 9 и 12 лучше может ответить воеводская канцелярия, «потому что во оной с мельниц и рыбных ловель платятся оброчные деньги», а по вопросам 18, 19, 21, 23, 27, 28 и 30 «окуратных известий сообщить не можно» (л. 8–8 об.). Исторические сведения, пишут составители документа, сообщает приложенная сотная грамота. Промеморию и ответы подписали бургомистр Опарин и оба ратмана. Отозвалась ли на них канцелярия и как она действовала в этот период, мы не знаем. Не было отклика и от духовного правления.

Напомню, что документ из магистрата был отправлен 23 ноября, и городские власти, наверное, вздохнули с облегчением. Но радовались они недолго. Уже в декабре месяце того же 1760 г. пришел новый указ с «запросными пунктами». Он исходил из Сухопутного кадетского шляхетского корпуса, который решил самостоятельно заняться географическим обзором России. По этому поводу между АН и Сухопутным корпусом возник конфликт, но излагать тут разногласия между двумя учреждениями, работавшими на благо Просвещения, смысла нет[11]. «Запросные пункты» Сухопутного корпуса почти полностью повторяли пункты АН, и их тоже было 30 (л. 11–12). В Гороховце эту коллизию не поняли и восприняли оба документа как нечто единое, как какой-то общий проект.

Указ от Сухопутного корпуса был подписан 19 декабря 1760 г., а получен в Гороховце 10 января 1761 г. (л. 9). Подобно указу АН, он прошел аналогичную процедуру в воеводской канцелярии, и решение воеводы Лазарева от 15 января было таким же: отправить «запросные пункты» в магистрат и в духовное правление, но было сделано одно добавление: к работе подключали и управителей дворцовой Красносельской волости, примыкавшей к Гороховцу (л. 10).

Снова заглянем в дела магистрата. С ответами на «пункты» здесь Гороховец подгоняли: в частности, из высшей инстанции — Владимирского провинциального магистрата — пришел указ быстро завершить работу для Сухопутного корпуса. Возможно, что в магистрате Гороховца уже не поверили своей воеводской канцелярии, не видя необходимости снова делать ту же самую работу, и пришлось подключить вышестоящие власти из Владимира. По этому

[11] См. об этом: *Ткаченко В. В.* Российский атлас... С.60–61.

указу бургомистр и ратманы магистрата приняли решение послать от себя указ гороховецкому городскому земскому старосте Афанасию Свешникову, «коим велеть требуемую ведомость в собрании гороховского купечества сочинить, и по сочинении за руками оного купечества объявить ему, старосте, в самой крайней скорости»[12], затем отослать во Владимир «неукоснительно». То есть власти полагали, что купцы будут «сочинять ответы» на общем собрании. Но староста Свешников решил иначе: гороховецкое купечество было собрано, и, выслушав указ, сказало:

> «...ведомость тому купечеству сочинить самим не следует, ибо по указам высших инстанций определении [указам Главного магистрата. — *О. К.*] сочинение ведомостей — дело старшин гильдий с товарищи, а не купечества. Поэтому вышеупоминаемую ведомость сочинить и подать в Гороховской магистрат надлежит определенному при градской экономии старосте Свешникову, которой все обстоятельно показать может со изъяснением. А гороховскому купечеству за многими отлучками для их потребностей всего знать и со изъяснением показать невозможно. И при том репорте упоминаемой староста объявил сочиненную им вышеписанную ведомость»[13].

Это постановление собрания, из которого ясно, что ответы на «запросные пункты» составлял именно городской староста от купечества Афанасий Свешников, было передано в воеводскую канцелярию.

Тем временем в воеводской канцелярии тоже предпринимали действия согласно указу, хотя и неспешно. Имеется рапорт от 29 ноября 1761 г. копииста канцелярии Ивана Лыкова. Он вместе с солдатом ездил с «запросными пунктами» к приказчикам уездных имений и селений, как это и рекомендовалось делать в указе АН. В выданной ему инструкции говорилось, что это дело тайное, и чтобы Лыков в партикулярных письмах никому о нем не писал. В инструкции есть ссылка на оба указа — и от АН, и от Корпуса; видимо, в 1760 г. по указу от АН никто за ответами на вопросы к населению не ездил. В конце 1761 г. в Гороховце вместо Василия Лазарева воеводой стал Иван Гиневлев — он снова взялся за дело и отправил Лыкова собирать сведения (л. 15 об.). Воеводская канцелярия в 1761 г. указы от АН и Корпуса объединила и действовала по ним обоим, т. к. различия в них были ничтожны. Лыков вез с собой «пункты» (они переписаны от руки, л. 16–18 об.) и требовал подачи

[12] РГАДА. Ф. 723. Д. 57. Л. 118–128.

[13] Там же. Л. 128.

ответов от старост и сельских жителей. Неясно, зачитывал ли он вопросы вслух или раздавал рукописные копии. Отчет Лыкова не раскрывает итогов его миссии, но, видимо, значимых результатов получено не было.

Прошло 5 лет, и в мае 1766 г. администрация Гороховца снова вернулась к «запросным пунктам» АН. Этому способствовали новые указы, согласно которым власти были обязаны выполнить запросы 1760 г. и которые поступили теперь из Московской губернской канцелярии. 29 мая 1766 г. магистрат Гороховца снова пишет в воеводскую канцелярию ответы по «запросным пунктам», лишь кратко их уточняя. Это близкий повтор тех ответов, которые магистрат присылал 5 лет назад, но написан текст уже в небрежной форме за которой угадывается раздражение. Обратим внимание на записку, показывающую, что работа по составлению итогового ответа для АН пошла активно. В ней говорилось следующее: «О лошадех и прочем скоте ответствовано по 23-му, а не по 22 пункту, что видно учинено ошибкою, и от того и в отправлении ведомости последовала остановка» (л. 19 об.). То есть документ уже готовили к отправке, но, найдя ошибки, ее приостановили.

Видимо, в двух вариантах «запросных пунктов» гороховецкая воеводская канцелярия совсем запуталась, и снова магистрат, уточняя, отвечает ей особой запиской на два пункта: «каково купечество?» (пункт 4) и «каким болезням горожане подвержены более всего и как лечатся?» (пункт 22). На последний вопрос дан ответ, что «за неимением лекаря ничем не лечатся, а исцеляются по власти божественной без лечения» (л. 20). На самом деле лекарь по фамилии Цедеркопф был, но проживал он в центральном городе — Владимире, а все города владимирской провинции собирали и посылали деньги ему на жалованье. От гороховецкого купечества поступало более 20 руб. в год[14]. Точно такая же ситуация была и в Бежецке, бежечанами она описана более детально. Там лекарь жил в центральном Угличе, и ему

> «от бежецкого купечества производится жалованье ... точию от того лекаря никаких медикаментов бежецкое купечество не получает и тем не пользуется, да и сам он для разведания и примечания болезней здесь никогда не бывал»[15].

---

[14] РГАДА. Ф. 723. Д. 83. Л. 67; Д. 95. Л. 1–1 об.; и др.

[15] Цит. по: *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей. С. 109.

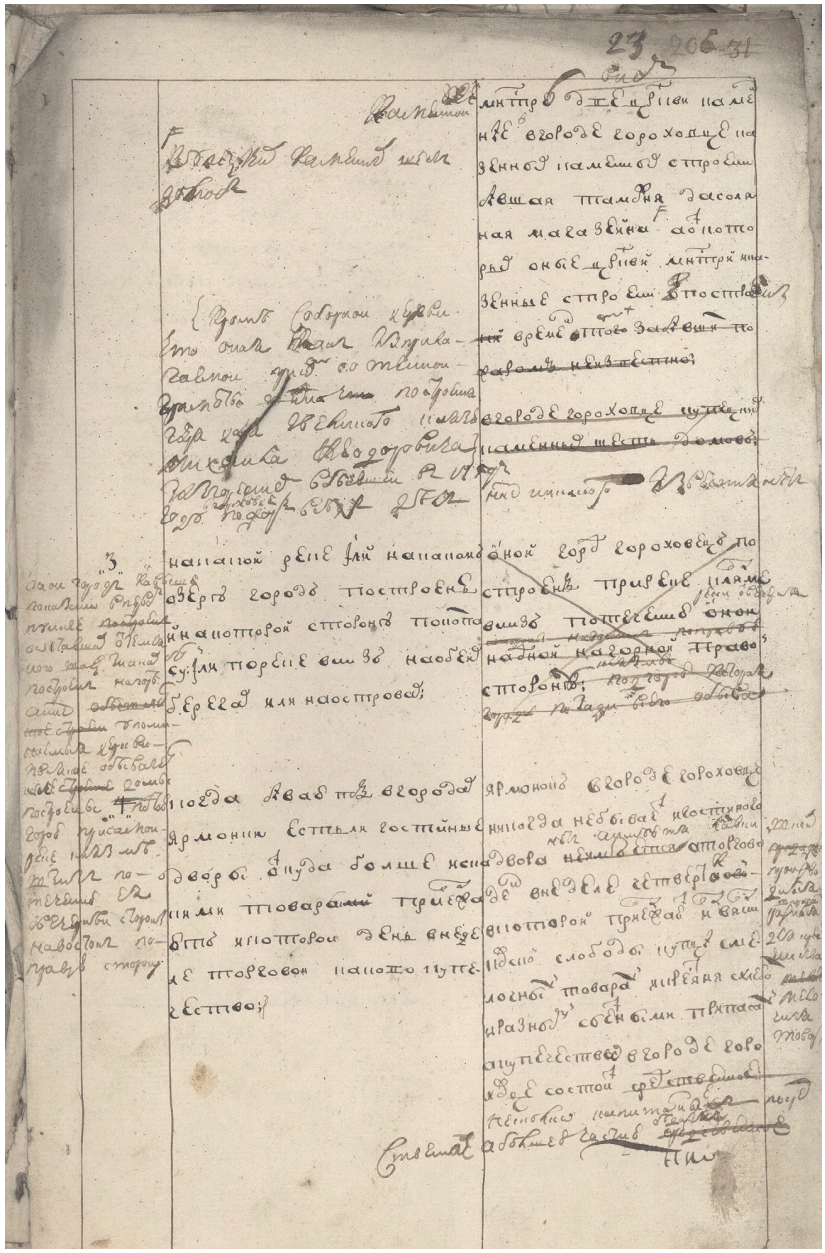
Ответы на «запросные пункты» в итоге были составлены и отправлены по назначению в феврале 1667 года. В черновом «доношении» в канцелярии сначала написали адрес «в Академию наук», потом зачеркнули и вставили «в Сухопутный кадетский корпус» (л. 21), а в окончательном чистом варианте документ благоразумно послали в Московскую губернскую канцелярию, чтобы там разобрались куда именно следует его отправить. Почему материалы в Академию не выслали сразу, еще в 1761 г., ведь они были почти совсем готовы? Видимо, запрос Сухопутного корпуса, наряду с уже поступившим от АН, смутил и сбил с толку гороховлян. В окончательной версии на все вопросы даны ответы, и мы видим, что и в канцелярии тоже над ними поработали, заполнив лакуны, оставленные магистратом. К сожалению, невозможно назвать конкретных лиц, работавших в канцелярии над запросом АН.

Беловой экземпляр ответов ушел к адресату (однако неизвестно, достиг ли он АН или Сухопутного корпуса), а черновик, для нас гораздо более интересный, остался в архиве гороховецкой воеводской канцелярии, что позволяет ознакомиться с обстоятельной правкой первоначального варианта, сделанной неким редактором (л. 22–28) (илл. 2). Приведу некоторые ее примеры. Ответ на вопрос о гербе города был первоначально такой: «...ныне герб имеет российского орла, и какое происхождение того гербу неизвестно», редактор это зачеркнул и написал: «...особого (герба), как другие города имеют, нет» (л. 22). Автор ответа не понимал, как это город может иметь собственный герб, он знал лишь герб государства и свой город ассоциировал с ним, поскольку на печати воеводской канцелярии Гороховца имелся именно двуглавый орел (илл. 3). Редактор тоже заблуждался: другие города так же, как и Гороховец, гербов не имели[16], только в 1785 г. каждому городу было предписано иметь собственный герб. Но и автор вопроса не был корректен: он ориентировался на образец европейских городов, которые имели свои гербы, служившие самоидентичности городской общины, в отличие от российских горожан, такой идентичности не имевших и гербами не интересовавшихся[17].

---

[16] В Титулярник 1672 года помещены гербы не городов, а русских «земель», которые были известны в Посольском приказе, но не в народе. В 1724–1725 гг. в Герольдии разрабатывались проекты создания гербов для городов, поэтому запрашивали об их флоре и фауне, но гербы так и не были утверждены официально.

[17] Ср. ответ бежечан: «Имеет ли сей город особой герб городской, когда и кем пожалован, по Бежецкому магистрату известия не имеется» (Цит. по: *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей. С. 109).



Илл. 2. Черновой лист ответов на «запросные пункты» Академии наук РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 465. Л. 23.

Илл. 3. Гербовая красносургучная печать магистрата г. Гороховца.
РГАДА. Ф. 723. Оп.1. Д.95. Л.25.

Очевидно стремление редактора как-то смягчать жесткие и однозначные ответы: так, на вопрос о гостином дворе дан ответ: «Гостиного двора нет», — редактор же добавляет: «...но имеются лавки». Сочинитель ответов пишет: «Высоких гор не имеется», редактор добавляет: «...кроме нагорной стороны реки Клязьмы» (л. 26). В вышеупомянутом ответе про болезни и их врачевание редактором вычеркнута фраза про то, что лечение осуществляется «божественным исцелением» (л. 26). В целом редактор не только исправлял некоторые предложения в аспекте стилистики, но и стремился все сведения немного уточнять и дополнять (например, дополнения внесены в перечни рыб в Клязьме, овощей в огородах и т. д.). Редактор также обращался к сотной грамоте 1628 г. и цитировал ее.

Как отмечают исследователи, ответы на «запросные пункты» не очень помогли в создании Атласа империи[18]. Его удалось сделать только к 1792 г. Но иногда вопросы бывают важнее ответов. Они заставили горожан взглянуть на себя со стороны и задуматься: а какие у нас ремесла? а какие у нас дороги, реки и мосты? что было в истории нашего города? почему у нас нет герба? и т. д. О запросе АН в администрацию города горожане, конечно, знали и не могли его не обсуждать. Купечество, собранное старостой, заслушало «пункты», а служащие канцелярии и магистрата их читали и переписывали. Надо думать, что разные разговоры пошли по всему городу, если в инструкции Лыкову было специально велено не распространяться в личных письмах о своей миссии. Возможно, для горожан было важно то, что где-то в далеких от них сферах интересуются их городом, видят его неотъемлемой частью огромной империи. Кроме того, простые горожане не только узнали о существовании АН и Сухопутного корпуса, но и получили какое-то представление об их деятельности. Иначе говоря, «запросные пункты» Географического департамента АН сыграли не ту роль, которая им предназначалась, а другую, но тоже важную, а именно просветительскую.

[18] *Ткаченко В. В.* Российский атлас... С. 57–58.

Ольга Валерьевна Новикова
Санкт-Петербург
Старший научный сотрудник
Государственного Русского музея

Князь Г. Г. Орлов — «просвещенный вельможа» при дворе императрицы Екатерины II

Olga V. Novikova

Prince G. G. Orlov — «Enlightened Nobleman» at the Court of Empress Catherine II

Аннотация: В статье рассматривается участие князя Г. Г. Орлова в жизни творческих людей, оказавших большое влияние на развитие литературы, науки и архитектуры. Помимо этого, говорится о вкладе Орлова в создание одной из первых музейных коллекций оружия. Также освещается его роль в распространении прогрессивных идей организации сельскохозяйственных работ.
Abstract: The article examines the participation of Prince G. G. Orlov in the lives of creative people who had a great influence on the development of literature, science and architecture. In addition, it shows his contribution to the creation of one of the first museum collections of weapons. It also highlights Orlov's role in the dissemination of progressive ideas on the organization of agricultural work.

Ключевые слова: Г. Орлов, Новый Арсенал, Вольное экономическое общество.
Keywords: G. Orlov, New Arsenal, Free Economic Society.

В общих трудах по истории царствования Екатерины II князь Г. Г. Орлов практически никогда не рассматривался исследователями как человек, покровительствовавший искусствам и наукам,

оказавший влияние на распространение научных знаний в России и на формирование первых музейных собраний.

Приближение Г. Г. Орлова ко двору совпадает с тем периодом царствования Екатерины Великой, когда новые идеи, провозглашенные французскими энциклопедистами, проникали в петербургский двор и свободно витали в русском обществе. Участие князя в жизни творческих людей позволило ввести в российскую культуру имена Д. И. Фонвизина и В. И. Баженова. Благодаря Г. Орлову не пропали бумаги и архивы М. В. Ломоносова. Его деятельность как генерал-фельдцейхмейстера дала возможность сохранить многие памятники оружейного искусства.

О Григории Григорьевиче Орлове, генерал-фельдцейхмейстере, генерал-директоре над фортификациями, генерал-адъютанте Ее Императорского Величества, президенте канцелярии опекунств иностранных колонистов, шефе Кавалергардского корпуса и полковнике лейб-гвардии Конного полка, действительном камергере, а также кавалере различных орденов, нельзя говорить как о человеке, отличавшемся выдающимся военным талантом, обладавшем большим государственным умом или удивительной проницательностью. Однако как иностранные дипломаты, так и современники князя, отмечали, что «господин Орлов... очень неглуп»[1], «Орлов — порядочный человек, чистосердечный, правдивый, исполненный высоких чувств и обладающий замечательным природным умом, но без малейшей охоты выказывать его»[2].

Деятель русского Просвещения, историк, публицист и философ князь Михаил Михайлович Щербатов более подробно рассказывал о качествах Г. Орлова:

> «...дела шли довольно порядочно, и государыня, подражая простоте своего любимца, снисходила к своим подданным. Не было много раздаяний, но было исполнение должностей, и приятство государево вместо награждений служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбие государево истинами любимца укрощаемо часто было... Орлов никогда не входил в управление не принадлежавшего ему места, никогда не льстил своей государыне, к которой неложное усердие имел

---

[1] Доклад агента тайной дипломатической службы Людовика XV барона де Бретёйла министру иностранных дел Франции герцогу Этьену Франсуа Шуазёлю // *Шахмагонов Н.* «Орлов бы век остался, если б сам не скучал». URL: https://proza.ru/2016/01/20/2116 (дата обращения: 16.02.2024).

[2] *Барсуков А. П.* Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб., 1885. С. 91.

и говорил ей с некоторою грубостью все истины, но всегда на милосердие подвигал ее сердце; старался и любил выискивать людей достойных, поелику понятие его могло постигать... Ближних своих любимцев не любил инако производить, как по мере их заслуг. И первый знак его благоволения был заставлять с усердием служить Отечеству»[3].

Все звания и должности князя Г. Орлова уходили на второй план в том, что касалось его общественного положения, как бы терялись в его главной роли: он «старался и любил выискивать людей достойных», т. е. владел главным качеством прирожденного администратора, руководителя, управленца.

Задача исследования — осветить деятельность князя как покровителя творческих людей; как вельможи, внесшего свой вклад в создание одной из первых музейных коллекций оружия; как человека, способствовавшего распространению прогрессивных идей организации сельскохозяйственных работ с целью повышения урожайности и достижения большей рациональности труда.

Обладатель обширной библиотеки[4], князь Г. Орлов был ценителем высокой поэзии. Именно он среди первых заметил драматурга-комедиографа Дениса Ивановича Фонвизина. Их первая встреча состоялась в 1763 г. Д. Фонвизин закончил перевод трагедии Вольтера «Альзира, или американцы», который в рукописи прочли некоторые его знакомые. Трагедия сделала много шума. Автор обратил на себя внимание И. П. Елагина, статс-секретаря по принятию прошений, состоявшего в Кабинете «при собственных Ее Величества делах», и графа Г. Г. Орлова. Молодой литератор, по обычаю времени, поднес рукописный экземпляр графу. Такой же экземпляр «Альзиры» получил и брат Григория Григорьевича Федор Орлов, гостивший тогда в Петербурге.

Следующая встреча Д. Фонвизина с Г. Орловым состоялась через несколько лет, когда драматург написал комедию «Бригадир». Восхищенный мастерским чтением «Бригадира», вызывающим

---

[3] Там же. С. 100.

[4] В библиотеку Г. Г. Орлова входили:«“собственно библиотека” самого князя с собранием эстампов и военной библиотекой», две большие коллекции книг с владельческими надписями графа А. А. Матвеева и князя Г. Ф. Долгорукова, а также книги, архив и рукописи М. В. Ломоносова, приобретенные Григорием Григорьевичем после смерти ученого (РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 219. Л. 12. Донесение Фридриха фон Раля Кабинету Ее Величества). *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 7.

«прегромкое хохотанье»[5], Орлов решил доставить удовольствие Екатерине II. Князь представил автора ко двору и способствовал тому, чтобы императрица незамедлительно познакомилась с невиданным в отечественной драматургии явлением и пригласила молодого комедиографа прочитать свое творение[6]. После первых выступлений при императорском и великокняжеском дворах Фонвизин становится признанным и успешным автором.

Нельзя отрицать, что князь по тем временам был довольно образованным человеком. Положительно известно, что Г. Орлов увлекался физикой и вообще естественными науками.

Его интересы к естествознанию нашли отражение в «Минеральном кабинете», находившемся первоначально в доме Штегельмана, а затем перевезенном в Мраморный дворец. В числе экспонатов «Минерального кабинета» были не только «природные тела», но и «монстры младенческие, птицы, звери, пресмыкающиеся, рыбы, лягушки, скорпионы, летучие мыши, фрукты и цветы»[7].

Современники рассказывали, что Г. Орлов «любил потолковать о физике, химии, ботанике и анатомии, легко вступал в споры о параболической фигуре»[8]. Среди опытов, которые он любил демонстрировать императрице, были ворота на ледяном фундаменте, бомбы, налитые водой и разрывающиеся на морозе.

Возможно, это увлечение естественными науками сблизило его с М. В. Ломоносовым, с которым он познакомился в 1760 г., будучи адъютантом в штабе генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова[9]. Граф покровительствовал ученому. После смерти П. И. Шувалова и переворота 25 июля 1762 г. Г. Орлов поддерживал деятельность М. В. Ломоносова. Он неоднократно посещал дом ученого. Его привлекали научные опыты, которые проводил М. Ломоносов. Да и сам Михаил Васильевич искал поддержку у нового двора.

Из переписки графа М. Л. Воронцова и М. В. Ломоносова можно узнать, что в 1763 г. ученый преподнес Г. Г. Орлову метеорологические дорожные инструменты, «которые так располо-

---

[5] *Кочеткова Н. Д.* Фонвизин в Петербурге. Л., 1984. С. 70.

[6] *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 97. «В самый Петров день граф прислал ко мне спросить, еду ли я в Петергоф и если еду, то взял бы с собой мою комедию “Бригадира”. Я отвечал, что исполню его повеление».

[7] *Неверов О. Я.* Коллекции Г. Г. Орлова // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. Кн. 2. Н — Я. СПб., 2002. С. 63.

[8] *Голомбиевский А. А.* Биография князя Г. Г. Орлова. М., 1904. С. 13.

[9] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сп. Ст. Д. 2. Л. 1. 1770 г.

жены, что с великою укромностию в дорогах по земли и по морю употреблять можно»[10].

В описании жизни Григория Орлова историк А. П. Барсуков отмечал, что этот метеорологический инструмент князь

> «по всем вероятиям руководствовал в ученых занятиях. Пытливый ум Орлова не довольствовался данными, выработанными уже наукою, но стремился к исследованию неизвестных явлений. Прозорливость и находчивость Орлова были действительно изумительны»[11].

Кроме того, князя и ученого объединял интерес к астрономии. Практически в каждом дворце Григория Орлова была устроена обсерватория с телескопом, при помощи которого он наблюдал движение светил[12]. Современники отмечали, что

> «астрономические наблюдения, производимые Орловым в обсерватории <...> представляли примечательное зрелище, редко повторяющееся в летописях современных ему Европейских дворов... При всем том, Орлов никогда не напускал на себя ученого вида напротив того, он любил давать полную волю своему живому нраву»[13].

Конечно, все эти увлечения: физикой, астрономией, естественными науками — занятия дилетанта, забава любителя курьезных явлений.

Глубоко почитая талант Ломоносова, Орлов убедил молодую императрицу обратить внимание на ученого. На одном из официальных приемов Ломоносов вручил государыне план мероприятий, необходимых для составления «Российского атласа», а в декабре 1763 г. Екатерина уже подписала указ о присвоении ученому чина статского советника с жалованием 1875 руб. в год.

Незадолго до смерти Ломоносова Г. Орлов купил у него библиотеку: ученому были необходимы деньги на содержание фабрики цветного стекла в Усть-Рудицах. Библиотека насчитывала 670 томов, распределенных по 25 тематическим разделам, включая естественные и точные науки, философию и историю.

---

[10] *Ломоносов М. В.* Переписка. 1737–1765. М., 2010. С. 415 (письмо М. В. Ломоносова графу М. Л. Воронцову от 5 февраля 1763 г.).

[11] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 94.

[12] *Порошин С. А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и Великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского. СПб., 1844. С. 389, 424, 455.

[13] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 95.

По повелению Екатерины II бумаги и личный архив ученого были опечатаны Г. Г. Орловым, поскольку

> «прежде чем допустить наследников к оставшимся после... <Ломоносова>... документам, правительство считало необходимым ознакомиться с содержанием... бумаг, в которых личное так сильно переплеталось с актуальными политическими вопросами живой современности, и в которых было очень много такого, что в XVIII в. считалось государственной тайной и разглашение чего подводилось под государственное преступление»[14].

Затем архив и бумаги перешли в длительное владение графа. По свидетельству Я. Я. Штелина, Г. Орлов «выпросил» их у вдовы ученого[15]. Документы хранились «в особом покое». Быть может, это и невеликое свершение, однако только благодаря поступку Орлова наследие Ломоносова не пропало бесследно.

Проявил себя Григорий Орлов и в деле сохранения собрания предметов старинного оружия.

В начале XVIII века на территории Петропавловской крепости по личному указанию Петра I был построен специальный цейхгауз для древних артиллерийских орудий, куда доставлялось на хранение «для памяти на вечную славу» трофейное и отечественное артиллерийское оружие, представлявшее историческую ценность. Значительный вклад в централизованный и систематический сбор и хранение всех «инверторских, курьезных и достопамятных вещей» внес глава артиллерийского ведомства генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов. Сменивший его на этой должности А. Н. Вильбоа не обладал историческим чутьем своего предшественника и не пользовался большим влиянием при дворе. Он не утруждал себя проблемами дальнейшего совершенствования и развития артиллерии российской армии. Желая угодить императору Петру III, сохранившему за собой титул герцога Гольштейн-Готторпского, Вильбоа в 1762 г. отдал распоряжение об отливке на русских арсеналах орудий по голштинскому образцу. При этом уникальное собрание артиллерийского оружия чуть было не ушло на переплавку.

В 1765 г. артиллерийское ведомство возглавил граф Г. Орлов. Он продолжил деятельность П. И. Шувалова по сохранению военных реликвий. Благодаря непосредственному участию графа пред-

---

[14] *Чернов С. Н.* Литературное наследство М. В. Ломоносова // Литературное наследство. 1934. № 9-10. С. 329.

[15] Сборник материалов для истории императорской Академии Наук в XVIII веке / Изд. А. Куник. Ч. 2. СПб., 1865. С. 404.

меты, хранимые как память о военно-исторических событиях, были размещены в «Достопамятном зале», ставшем предшественником Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Зал размещался в здании Нового Арсенала[16], «в самой великолепной части» строения — на втором этаже. К 1765 г. было собрано лишь 63 артиллерийские системы. Коллекция «достопамятностей» из сугубо артиллерийской усилиями графа превратилась в хранилище воинских вещей, свидетельствующих о славе и военных победах России. По повелению Г. Орлова в Петербург практически со всей территории страны стали поступать целые коллекции оружия. Увеличивали число трофеев «Достопамятного зала» и победоносные войны Российской империи с Турцией, Швецией и Польшей. Собрание редких экспонатов быстро росло. К концу XVIII века в нем насчитывалось уже более 6000 единиц хранения. Уже в одном из первых путеводителей по Санкт-Петербургу довольно подробно описываются многообразный состав арсенального хранилища и большая коллекция военных изобретений А. К. Нартова[17].

В 60-е годы XVIII столетия Григорий Орлов начал покровительствовать одному из лучших практиков-строителей своего времени — архитектору Василию Ивановичу Баженову.

В мае 1765 г. В. Баженов вернулся в Петербург из заграничной поездки, куда был направлен на академические средства как лучший ученик Академии художеств. В Санкт-Петербурге он принял участие в конкурсе на получение степени профессора Академии

---

[16] Здание находилось между нынешней Шпалерной и Захарьевской улицами. Существует мнение, что весь Арсенальный комплекс был выстроен на средства Г. Орлова архитектором В. П. Баженовым. Документы Архива ВИМАИВиВС позволили установить историю создания постройки и имя архитектора — Иоганн Валентин Тобиас фон Дидрихштейн. Он был приглашен Канцелярией Главной артиллерии и фортификации в июле 1762 г. Строительство Арсенала началось в августе 1763 года, после устного приказа императрицы. Архитектор покинул Россию в 1766 г., и строительство здания по его проекту продолжил архитектор К. И. Шпекле. Генерал-фельдцейхмейстер граф Г. Г. Орлов 30 апреля 1770 г. утвердил планы и фасады новых строений на старом пушечном дворе («каменные магазейны», присутственное здание Канцелярии главной артиллерии и фортификации, модельный дом, склады, фурштатские казармы и различные мастерские). Необходимая на строения сумма отпускалась из его собственных средств. В какую сумму обошлось оно графу Орлову, неизвестно (*Новикова О. В.* Портрет первого владельца Гатчинского дворца князя Г. Г. Орлова работы М.-А. Колло (к истории создания и бытования) // Гатчинский дворец в истории России. СПб., 2016. С. 144–151).

[17] *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 717.

художеств. Однако, несмотря на «достойное выполнение архитектурного проекта», зодчий не получил ни звание профессора, ни постоянную должность в Академии. Эта несправедливость заставила Баженова взять увольнение от академической службы. Целый год провел Баженов в поисках работы.

На помощь ему пришел командующий артиллерией и фортификацией граф Г. Г. Орлов, пригласив архитектора к себе на службу и испросив у императрицы неподобающий для зодчего чин капитана артиллерии. В 1767 г. Орлов командировал капитана и главного архитектора артиллерии В. Баженова в Москву «для казенных артиллерийских надобностей» — в сущности, для того, чтобы привести в порядок и приукрасить территорию и здания Кремля, т. к. императрица хотела посетить Москву и на долгий срок поселиться в Кремле. Архитектор создал проект единого центра Москвы. Свои первые наброски он показал Г. Орлову. Тот, пораженный титаническим замыслом зодчего, рассказал все Екатерине, которая пришла в восхищение от замысла Баженова. Архитектору был заказан проект реконструкции Московского Кремля, и он был немедленно освобожден от всех прочих обязанностей.

Не ограничиваясь помощью и покровительством частным лицам, Г. Орлов вошел в число членов-учредителей Вольного экономического общества, взяв на себя первоначальные расходы по его устройству. Это случилось, как только появилось

> «особое благоволение Императрицы к упражняющимся в чинении всяких опытов для поправления земледелия и домостроительства... которое подало повод некоторым патриотам устроить в России экономическое общество для распространения в народе полезных и нужных к земледелию и домостроительству знаний»[18].

22 мая 1765 г. придворный библиотекарь императрицы статский советник Иван Иванович Тауберт окончил составленный им план патриотического общества «для поощрения в России земледельства и экономии». Примером для создания послужили общества в Шотландии (основано в 1723), Ирландии (1736), Англии (1753), Франции (1757) и Германии (1762).

Основная деятельность общества была нацелена на сбор экономических сведений о России; на распространение сельскохозяйственного образования и научных сведений, а также на занятия

[18] *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 1.

по скотоводству, в т. ч. по страхованию скота; поощрялись изобретения, связанные с механическими устройствами.

У истоков основания Вольного экономического общества стояли 14 знатнейших придворных и близко знакомых государыне особ, включая самого Тауберта[19]. 15 июня 1765 г. состоялось собрание учредителей для принятия устава, сам Г. Г. Орлов, «удержанный законными препятствиями», не присутствовал на этом заседании[20]. Несмотря на это, сбор произошел в бывшем доме Штегельмана, в котором проживал граф. Собрание утвердило устав и избрало президента. Пост президента, избиравшегося на 2/3 года, предлагали сначала графу Р. И. Воронцову, затем Г. Г. Орлову «как поощрителю и любителю всяких полезных знаний», но некоторые члены от имени графа Орлова заявили, что «по множеству занятий, он этого звания на себя принять не может»[21]. Первым президентом был избран Адам Васильевич Олсуфьев. Г. Г. Орлов занимал этот пост позднее, с 1 января по 1 сентября 1766 г.

Приняв на себя звание президента, он вел дела общества так успешно, что получил предложение оставить за собой должность и на следующую треть года[22]. Помимо долгого президентства, граф оставил о себе память

> «весьма ревностным соучастием в трудах общества по разработке разных сельскохозяйственных вопросов. Он нередко приносил с собою, для прочтения собранию, сочинения по деревенскому хозяйству за подписью: Надворного Советника Федота Владимировича Удалова, вольного экономического общества члена и села Сарского управителя»[23],

которые спустя некоторое время были изданы в трудах Вольного экономического общества[24].

Будучи президентом Общества, граф вспомнил о своем сослуживце, Андрее Тимофеевиче Болотове, принимавшем участие в Семилетней войне. Предпочитая ученые занятия военной службе, А. Т. Болотов вышел в отставку и, поселившись в своем родовом имении, занимался сельским хозяйством и науками. Г. Г. Орлов

---

[19] *Ходнев А. И.* Указ. соч. С. 3.

[20] *Голомбиевский А. А.* Указ. соч. С. 35.

[21] *Ходнев А. И.* Указ. соч. С. 6.

[22] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 101.

[23] Там же. С. 102.

[24] Сочинения Ф. В. Удалова были изданы в трудах Вольного экономического общества за 1769, 1770, 1771, 1772 и 1773 г.

привлек его, уже как ученого-агронома, к работе Вольного экономического общества. Став постоянным автором журнала и членом Общества, Болотов пишет одну работу за другой, излагая правила рациональной организации земледелия, лесоводства, предлагая систему эффективного использования органических удобрений. Андрей Тимофеевич Болотов стал одним из основателей агрономии и помологии в России.

В период президентства Г. Орлова остро стоял вопрос оспопрививания в России, ему принадлежало едва ли не первое место в ряду правительственных распоряжений. В Европе уже было известно средство против этой страшной болезни, и Вольное экономическое общество занималось распространением сведений о пользе мероприятий, предпринятых для профилактики этого заболевания.

Более того, императрица решилась на собственном примере доказать полезность вакцинации; граф Г. Орлов присоединился к ней, сделав прививку от оспы. После такого примера оспопрививание быстро распространилось в Петербурге и даже вошло в моду.

Анализ вышеприведенного материала позволяет сделать вывод о том, что Г. Г. Орлов обладал прирожденным талантом администратора, ответственного распорядителя, управленца. Князь был не похож на остальных вельмож: он не стремился к тому, что принято называть «великими свершениями». В тесном кругу придворной жизни Г. Орлов постоянно радел о благе и славе России, «выискивая людей достойных... кто с усердием служил Отечеству». Его дела были не очень заметны, это не воинские победы и не яркая дипломатическая деятельность. Оказывая помощь талантливым людям, прилагая усилия для развития отечественной драматургии, участвуя в создании Вольного экономического общества, распространяющего полезные знания, и сохраняя предметы оружейного искусства, представляющие историческую ценность, князь Г. Г. Орлов поддерживал русскую культуру. Благодаря широкому кругу его интересов, в рамках которых он оказывал покровительство наукам и искусству, в отечественной культуре появились имена многих ныне знаменитых людей.

III
СОБРАНИЕ УЧЕНЫХ И ИСКУСНЫХ ЛЮДЕЙ

Алексей Владимирович Морохин
(Москва)

доцент Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; научный сотрудник Института российской истории РАН

К вопросу о документальном наследии первого президента Академии наук Л. Л. Блюментроста

Alexey V. Morokhin

On the Issue of the Documentary Legacy of the First President of the Academy of Sciences L. L. Blumentrost

Аннотация: Работа посвящена изучению документального наследия первого президента Академии наук Л. Л. Блюментроста. Впервые вводятся в научный оборот некоторые частные письма Блюментроста, адресованные Д. Бернулли и Г. Б. Бильфингеру. Отдельно рассматривается хранящаяся в РГАДА деловая переписка по вопросам организации нового учреждения, которую Блюментрост вел с главой Кабинета Ее Императорского Величества А. В. Макаровым. Данные источники позволяют более детально реконструировать деятельность Блюментроста в качестве президента Академии наук.

Abstract: The work is devoted to the study of the documentary heritage of the first president of the Academy of Sciences L. L. Blumentrost. For the first time, some

private letters of Blumentrost addressed to D. Bernoulli and G. B. Bilfinger are introduced into scientific circulation. The business correspondence on the organization of the new institution, which Blumentrost conducted with the head of the Cabinet of Her Imperial Majesty A. V. Makarov, stored in the RGADA, is also considered separately. These sources allow for a more detailed reconstruction of Blumentrost's activities as president of the Academy of Sciences.

Ключевые слова: Академия Наук, президент, документальное наследие.
Keywords: Academy of Sciences, President, documentary heritage.

Деятельность Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста (1692–1755) в качестве первого президента Академии наук уже неоднократно обращала на себя внимание специалистов, свидетельством чему являются публикации П. П. Пекарского, Ю. Х. Копелевич, И. В. Тункиной, Г. И. Смагиной, М. В. Мандрик, Э. Винтера и других ученых[1].

Значительный комплекс письменных источников, позволяющий судить о различных аспектах деятельности и инициативах Л. Л. Блюментроста — руководителя нового учреждения, опубликован еще в конце XIX столетия в «Материалах для истории Императорской академии наук»[2]. В эти же годы были напечатаны и протоколы заседания Конференции Академии наук, отражающие роль президента в работе ведомства[3]. На основе этих документов и комплекса

---

[1] *Рихтер В. М.* История медицины в России: В 3 ч. Ч. 3. М., 1820. С. 165–171; *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук: [В 2 т.]. Т. 1. СПб., 1870. С. 1–15; *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: Сборник статей. М; Л., 1947. С. 284–333; *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977; *Тункина И. В.* Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост // Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук. 1725–1917. СПб., 2002. С. 13–28; *Смагина Г. И., Семёнова А. Б.* Лейб-медик Лаврентий Блюментрост — первый президент Российской академии наук и главный доктор Московского госпиталя // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству: Сборник: В 2 т. Т. 1. Кн. 1. М., 2010. С.1 73–178; *Мандрик М. В.* Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в.: Очерки истории. Кн. 1. СПб., 2018. С. 3–33; *Winter E. L.* Blumentrost d. j. und die Anfänge der Peterburger Akademie der Wissenschaften //Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volkdemokratischer Länder Europas. Bd. 8. Berlin, 1964. S. 247–269.

[2] Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885; Т. 2 (1731–1735). СПб., 1886.

[3] Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 гг.: [В 4 т.]. Т. 1: 1725–1743. СПб., 1897.

архивных материалов в 2000 г. коллективом авторов была издан первый том подробной «Летописи Российской академии наук», также освещающий работу Блюментроста в качестве организатора нового ведомства[4]. В дополнение к этим источникам изданный в 2022 г. двухтомник «Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы» также позволяет в определенной степени расширить современные представления о «трудах и днях» президента l'Académie des sciences[5].

Переписка Блюментроста также уже обращала на себя внимание исследователей. Так, А. А. Куник еще в 1860 г. издал письма первого руководителя Академии наук к Х. Вольфу[6]. Историк К. Ф. Свенске обнаружил в архиве этого учреждения большое количество посланий Блюментроста, которые затем использовал в своем фундаментальном труде П. П. Пекарский[7]. Вместе с тем следует признать, что часть документального наследия первого президента l'Académie des sciences и по сей день остается не востребованной специалистами. Речь идет, в первую очередь, о его личной и деловой переписке, так или иначе связанной с возглавляемым им учреждением.

Среди этих материалов необходимо отметить, во-первых, частные письма Блюментроста к таким ученым, как Д. Бернулли и Г. Б. Бильфингер (Бюльфингер), которые в настоящее время хранятся в Публичной библиотеке Базельского университета и Государственной библиотеке Вюртемберга[8]. Послание к Даниэлю Бернулли, в котором Лаврентий Лаврентьевич просит его убедить брата

---

[4] Летопись Российской академии наук. В 4 т. Т. I: 1724–1802. СПб., 2000.

[5] Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы / Авт.-сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова. Ч. 1–2. СПб., 2022.

[6] *Wolf Chr. von*. Briefe aus den Jahren 1719–1753; Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg / Hrsg. von Arist A. Kunik. St. Petersburg, 1860. S. 36–81.

[7] *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. VII–VIII.

[8] Данное обстоятельство объясняется тем, что после своего отъезда из России в 1733 г. швейцарец Д. Бернулли работал и проживал в Базеле. Аналогичная ситуация была и с Г. Б. Бильфингером: тюбингенец родом, он после окончания своего пятилетнего контракта в Петербурге в 1731 г. устроился на должность профессора богословия в Тюбингенском университете, располагавшемся на территории земли Баден-Вюртемберг в Германии. Добавим также, что значительная часть корреспонденции Блюментроста, адресованная ученым — сотрудникам Петербургской академии наук, в т. ч. Бильфингеру, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (см., напр.: ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 212–212 об.).

Николя приехать в Петербург, «чтобы собрать вместе ученую пару», датируется 6 июля 1725 г. В итоге 27 октября 1725 г. оба брата прибыли в Петербург. Письма к Бильфингеру написаны Блюментростом уже в период нахождения ученого в России и датируются 29 мая 1727 г. (написано в Петергофе) и 19 ноября 1730 г. (написано в Москве)[9].

Помимо личных посланий, следует выделить деловую переписку первого президента Академии наук с руководством Кабинета Ее (Его) Императорского Величества (в данном случае речь идет о кабинет-секретаре А. В. Макарове), отложившуюся в соответствующем фонде Российского государственного архива древних актов (Ф. 9 «Кабинет Петра I и его продолжение»)[10]. Данные документы говорят в первую очередь об огромном количестве поручений и дел, выполнявшихся Блюментростом на новой должности, многие из которых с наукой были связаны весьма и весьма косвенно.

Так, в первый год работы Академии наук, помимо подбора и ремонта помещений, выделенных новому учреждению, новоявленный президент внимательно следил за приемом оборудования, новых служителей, наблюдал за гравировкой портретов. Искренне беспокоясь о судьбе своего детища, Блюментрост считал необходимым, «чтоб в народе ведали, в чем сия академия трудится будет и каким наукам в оной можно обучатся», в связи с чем в сентябре 1725 г. направил Екатерине I служебную записку с предложением «изследовать сей регламент [проект положения об Академии наук. — *А. М.*], что в нем

---

[9] https://kalliope-verbund.info. Дата обращения к ресурсу: 14.03.2023. Ресурс представляет собой составной каталог открытой межрегиональной немецкой организации Каллиопа, на сайте которой представлены каталоги коллекций и источников личного происхождения, хранящиеся в библиотеках и архивах Германии. Благодарю А. В. Топычканова за указание на эти материалы. Данные послания не учтены при составлении «Летописи Российской академии наук», хотя и позволяют детализировать факты, связанные с пребыванием в России и братьев Бернулли, и Г. Б. Бильфингера. С последним Блюментрост, по свидетельству Г. Ф. Миллера, испортил отношения после того, как вместе с двором перебрался в Москву. Надо полагать, И. Д. Шумахер сыграл в этом определенную роль (см.: *Миллер Г. Ф.* Избранные труды. М., 2006. С. 501; *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 23–24, 87–88).

[10] Небольшое количество документов, связанных с начальной историей Академии наук, сохранилось и в фонде Сената (см., напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 696. Л. 102–103). Лишь однажды вопрос о содержании Академии наук с подачи Блюментроста рассматривался Верховным тайным советом, что отразилось в документации этого учреждения (см.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета / Под ред. Н. Ф. Дубровина. Т.VI (Июль — Декабрь 1728 г.) // Сборник РИО. Т. 84. СПб., 1893. С. 273–274).

есть исправить, и что согласно, в народе объявить»[11]. Приходилось добывать деньги на ремонт помещений и искать жилье приехавшим специалистам, признавая, что «в академии весма имеется в квартерах утеснение». Для этой цели президент Академии наук был вынужден просить для своего ведомства новые здания, принадлежавшие Синоду и осматривать пригодные для жилья помещения Юстиц-коллегии и Военной коллегии[12].

В июле 1725 г. Блюментрост получил из Риги «скрынку» с рукописями и книгами на иностранных языках с предписанием изучить их, а уже в сентябре предоставил отчет о проделанной работе. В том же сентябре 1725 г. гравер А. Ростовцев поднес Екатерине I «своей работы земной глобус на российском языке», который был передан в Академию Наук «для свидетельства... новоприезжим профессорам». Ученые мужи нашли в работе мастера «погрешности», которые пришлось срочно исправлять. Процесс исправления вновь контролировал Блюментрост. Некоторые распоряжения, получаемые президентом от Екатерины I, были весьма оригинальными. Например, 10 августа 1725 г. императрица поручила ему «освидетельствовать» умершую львицу[13].

Поток вопросов, возникших при учреждении Академии наук и требовавших непосредственного контроля ее президента, не иссяк и в следующем, 1726 г. Для подготовки помещений для нового

---

[11] Приносить «пользу Отечеству», по мнению Блюментроста, было одной из главных задач нового учреждения. Это явствует из его письма в Москву к Н. Бидлоо, датированного 27 января 1726 г. В послании, прося отправить в Академию наук несколько лучших учеников госпитальной школы, которой руководил Бидлоо, Блюментрост отмечал: «Мы попытаемся воспитать их там, чтобы они были полезны Отечеству и прославили своего первого учителя» (см.: ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 320–320 об; Летопись Российской академии наук. Т. I. С. 46).

[12] Эти старания Л. Л. Блюментроста были по достоинству оценены прибывшими в Петербург учеными. Т. З. Байер в этой связи писал одному из своих друзей в Кёнигсберг: «Беспокоиться относительно аренды комнаты, стола, спальных мест, стульев и т. д. не надо, потому что за все это для каждого платит Академия. В течение четырех недель меня снабжали всяким провиантом, какого я только хотел. Никогда у меня раньше не было столь богатой кухни, а для того, чтобы выпить вино, которое мне дали на четыре недели, мне пришлось бы приглашать очень многочисленную компанию гостей». Цит. по: *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 530.

[13] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4. Д. 71. Л. 235 об., 237, 238–239 об., 242; Д. 77. Л. 283–284. Также см.: Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. С. 109–111, 112–113, 114–115, 116, 120–121, 123, 125, 129–130, 132, 135–137; Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Ч. 1. С. 79–80.

ведомства не хватало огромной суммы — 10 тысяч руб., и Блюментрост, отмечая «недостаток материалов разных», жаловался А. В. Макарову:

> «Мнится, ежели такия впредь будут остановки, строение Библиотеки и Академии и в десять лет совершить не можно, к тому же и дело не крепко, отчего время и казна тратится напрасно, и ежели так долго оное строение не совершится, от того казна императорская теряется, из которой повсегодно болше шестисот рублев для найму квартир про академиков росходится».

Поиск средств для ремонта помещений отнимал у президента немало сил, и он, получив в январе 1726 г. счет за ремонт из Канцелярии от строений, горестно констатировал: «...им вышепомянутое строение не зело приятно и все им даром делается». Весьма актуальным оставался для сотрудников Академии наук и квартирный вопрос, в связи с чем Блюментрост в июне 1726 г. сообщал тому же А. В. Макарову: «Прошу чтоб благоволили в Синодальных домах дать порожния камеры для житья профессорам и протчим академическим служителям, понеже в Академии весма имеется в квартерах утеснение». Блюментрост смог добиться от Макарова разрешения и на получение помещений для устройства квартир своих сотрудников и в других коллегиях, в связи с чем 15 июля 1726 г. после проведенного осмотра зданий информировал руководителя Кабинета: «...удобнее всех Юстиц коллегия, того ради прошу Ваше благородие, дабы приказали оную отдать, такожде, аще возможно, некоторыя камеры в Воинской коллегии или в Сенате».

Возникали и другие вопросы, требовавшие решения от руководства Кабинета. Так, 9 декабря 1726 г. Лаврентий Лаврентьевич просил разрешения использовать для работ типографию, «понеже потребно в Академии наук курс физики экспериментальной выгрыдоровать на медных досках, а для полирования оных досок таких людей в Академии не имеется»[14]. Наконец, президент был вынужден постоянно добывать деньги, выделяемые на его детище, которые, судя по сохранившимся документам, поступали «не сполна» и весьма нерегулярно[15].

---

[14] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4. Д. 77. Л. 285 об., 286, 291, 294. Переписка Л. Л. Блюментроста с А. В. Макаровым отложилась и в других архивах (см.: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 159. О вопросах, решаемых президентом Академии наук в 1726 г.; Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. С. 172–175, 178–183, 185, 187, 189–193, 195–196).

[15] Сб. РИО. Т. 69. СПб., 1889. С. 325–326; Т. 84. СПб., 1893.С. 273–274.

Первые годы своего руководства Академией наук Блюментрост регулярно присутствовал и на общих собраниях, или Конференции, нового учреждения, причем, судя по отзывам современников, создавал весьма демократичную и свободную атмосферу, в которой решения принимались большинством голосов. При этом на заседаниях президент мог применить и свою власть. Так, когда двое профессоров-немцев И. П. Коль и Х. Мартини были уличены в насмешках над православным богослужением, президент жестко отчитал их публично, отметив при этом, что «академия подвергнется бесчестию и опасности, если русский народ начнет питать к ней ненависть»[16].

Руководство Академией наук Блюментрост совмещал с административным контролем за работой Кунсткамеры, которую он возглавлял с 1719 г. Так, в сентябре 1725 г. президент принимал в Кунсткамеру «мертваго щенка о осмо ногах», 2 фунта 25 золотников песочного золота, купленного еще в 1716 г. и оставленного «на память» и «для куриоза». В августе 1725 г. Екатерина I решила часть «натуралей» и «куриозных вещей» из Кунсткамеры подарить польскому королю Августу II, и Блюментрост был вынужден заниматься вопросами изготовления специального «кабинета из чинарю», в котором хранились отправляемые в Европу экспонаты. В 1727 г. он же осматривал старинные медали, монеты и «прочие куриозные вещи» и контролировал исправление составленных ранее карт губерний и провинций геодезистами[17].

Кроме того, он и при жизни Петра I, и после его смерти продолжал оставаться одним из лечащих врачей царской семьи. С 1725 г. он даже именовался «первым лейб-медиком» Екатерины I[18]. Свои врачебные обязанности Блюментрост выполнял и при Петре II,

---

[16] О начале проведения этих общих собраний Блюментрост 14 августа 1725 г. сообщал А. Г. Головкину (см.: Летопись Российской академии наук. Т. I. С. 41; *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 533–534; Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук... Т. 1. С. 4).

[17] Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1. С. 145; Архив СПбИИ РАН. Колл. А.М.-104. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 77. Л. 287–287 об., 293; Оп. 5. Д. 5А. Л. 186–187, 193; Кн. 85. Л. 94–94 об.

[18] Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Ч. 1. С. 82. 9 августа 1726 г. последовало распоряжение императрицы к жалованию Л. Л. Блюментроста в размере 1200 рублей добавить еще 1800 рублей в год (см.: РГАДА Ф. 9. Отд. I. Оп. 5. Д. 2. Ч. 25. Л. 108). Кроме того, врач получал от Екатерины I и другие суммы. Так, 24 марта 1725 г. последовал царский указ о выдаче лейб-медику 500 рублей, причем причина выдачи денег в указе не обозначена (см.: Архив СПбИИ РАН. Колл. 104. Оп. 1. Д. 37. Л. 1).

одновременно с 1729 г. являясь лечащим врачом царевны Екатерины Иоанновны[19]. Оказывал он медицинскую помощь и некоторым придворным, как, например, А. Д. Меншикову, которого в июне 1727 г. вместе с другими врачами «пользовал от болезни»[20]. Излишне говорить, что должность придворного врача также не могла не отнимать у него значительного количества времени.

Энергичная деятельность Блюментроста в качестве президента Академии наук в первые годы руководства этим учреждением сделала его весьма уважаемым и популярным среди приехавших в Россию ученых. Так, Д. Бернулли в 1726 г. в связи с назначением членом Академии наук Л. Эйлера писал:

> «Я ни разу не смог добиться успеха без прекрасных качеств нашего уважаемого президента, который отличается проницательностью, энергичностью, не отступает ни на шаг от цели, легко распознает нужды...Какое утешение иметь такого президента!»[21]

По замечанию Г. Ф. Миллера, Блюментрост «по своим личным свойствам... был человеком обаятельным; с людьми обращался учтиво и дружелюбно»[22]. Схожую характеристику первого президента Академии наук оставил и Т. З. Байер, отмечавший, что тот был «человек большой учености, исключительного ума и редкой обходительности»[23]. Аналогичного мнения придерживался И. Д. Шумахер, который в письме к В. К. Тредиаковскому 1 февраля 1731 г. так характеризовал Блюментроста: «Он великий знаток, очень вежлив и всегда готов принимать умных людей, так что вы хорошо сделаете, если побываете у него»[24]. Сам Лаврентий Лаврентьевич без ложной скромности так характеризовал свою деятельность в качестве руководителя Академии наук в письме к Х. Вольфу от 4 декабря

---

[19] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 699. Л. 5–6 об; РГИА. Ф. 1640. Оп. 1. Д. 23. Л. 1; Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1891. С. 170; *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 639.

[20] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. С. 566.

[21] *Winter E.* Op. cit. S. 258.

[22] *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 495–496.

[23] *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 111; Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Ч. 1. С. 84.

[24] *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1873. С. 26. Все вышеприведенные характеристики Блюментроста отнюдь не гарантировали ему отсутствие недоброжелателей. К числу таковых следует отнести, например, М. В. Ломоносова, который «довольно в нем приметил нелюбия к российским ученым» и считал, что «Блюментрост был с Шумахером одного духу» (см.: *Билярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 096).

1725 г.: «Хотя Академия могла бы иметь более славного и ученого президента, однако не знаю, нашла ли бы она более усердного, который бы с такой ревностью, как я, хлопотал о ее благосостоянии»[25].

После переезда царского двора в Москву при Петре II в начале 1728 г. Блюментрост уже не мог заниматься делами Академии наук столь активно, как раньше, фактически перепоручив всю текущую работу своему главному помощнику И. Д. Шумахеру, оставшемуся в Петербурге[26]. У последнего возникали регулярные конфликты с академиками, в которых президент, как правило, поддерживал Шумахера. Стоит согласиться с утверждением о том, что

«Блюментросту как администратору, руководившему очень сложным “социететом”, состоящим из весьма амбициозных, привыкших к европейским стандартам жизни и поведения персон, было непросто, особенно когда ему приходилось принимать “непопулярные” решения. Но его европейское воспитание, умение вести себя достойно, его обширные знания и образованность сглаживали остроту конфликтов и создавали рабочую атмосферу. Даже если академики были не согласны с его решениями или высказываниями... Блюментрост для них был “свой”, они воспринимали его как человека их культурного круга, а не как полуграмотного бюрократа, распоряжавшегося учеными как холопами»[27].

Однако с начала 1730-х гг. его непосредственные контакты с сотрудниками Академии практически прекратились: президент все основное время уделял своим медицинским обязанностям при дворе, постоянно находясь при своей главной пациентке — часто хворавшей царевне Екатерине Иоанновне. 12 января 1732 г. Блюментрост был вынужден констатировать, что

> «ему... завсегда в Академию наук от двора Ея Высочества... от повеленнаго дела отлучиться, и приезжать и исправлять дела время не допускает. А ежели в Академии случатся какия новыя или важныя дела, то... библиотекариусу Шумахеру предлагать ему, г. президенту, и требовать резолюции»[28].

Доверием императрицы Анны Иоанновны президент не пользовался и в эти же годы, как и его старший брат И. Л. Блюментрост,

---

[25] Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Ч. 1. С. 67.

[26] В этой связи Г. Ф. Миллер оставил характерную фразу о президенте в своем сочинении по истории Академии наук: «Его [Блюментроста. — *А. М.*] все почитали и любили во все время, пока он находился в С.-Петербурге при Академии» (см.: *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. С. 496).

[27] *Дмитриев И. С., Кузнецова Н. И.* Академия благих надежд. М., 2019. С. 91.

[28] Цит. по: *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 11.

лишился «кредита» при дворе. В июне 1733 г., после смерти царевны Екатерины Иоанновны, он был отстранен от должности президента и вынужден вновь перебраться в Москву, испытывая на протяжении долгого времени серьезные финансовые затруднения[29]. Вспомнила о Блюментросте в начале 1740-х гг. императрица Елизавета Петровна, при которой Лаврентий Лаврентьевич стал став одним из кураторов готовящегося к открытию Московского университета[30]. Однако проявить себя в качестве организатора нового учебного заведения Блюментрост не успел: он скончался от «грудной водянки» 27 марта 1755 г. в Петербурге и был похоронен на Выборгской стороне в лютеранской части кладбища, около Самсоновской церкви, с «надгробным словом» и «в провожании многих знатных персон». Информацию о кончине и похоронах первого президента Академии наук поместила на своих страницах газета «Санкт-Петербургские ведомости», что являлось свидетельством его заслуг перед государством[31].

Таким образом, сохранившиеся в архивохранилищах документальные материалы позволяют более детально реконструировать деятельность первого президента Академии наук и узнать о многих его инициативах, неизвестных ранее. Кроме того, документы лишний раз подтверждают тот факт, что в период, когда Л. Л. Блюментрост непосредственно управлял Академией наук (1725–1727 гг., до его переезда в Москву вместе с царским двором), это учреждение, находившееся тогда на начальном этапе развития, работало наиболее продуктивно.

---

[29] Подробнее см.: *Морохин А. В.* К истории опалы лейб-медиков И. Л. и Л. Л. Блюментростов // Окно в Европу. Сборник памяти доктора исторических наук Татьяны Александровны Лаптевой (1955–2018). М., 2021. С. 215–235.

[30] *Костышин Д. Н.* Алексей Михайлович Аргамаков. Материалы для биографии // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 68–69.

[31] Санктпетербургские ведомости. 1755. № 30. 14 апреля. С. 6.

Наталья Юрьевна Болотина
(Москва)
Главный специалист отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов

Академик Г. Ф. Миллер во главе Московского архива Коллегии иностранных дел (К 300-летию архива)

Natalya Y. Bolotina

Academician G. F. Miller as the Head of the Moscow Archive of the Collegium of Foreign Affairs (On the 300th Anniversary of the Archive)

Аннотация: Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД) наряду с Академией наук отмечал в 2024 г. свой 300-летний юбилей. В 1773–1783 гг. главой старейшего в России исторического архива был назначен Г. Ф. Миллер. Один из первых российских академиков, он стал основоположником принципов архивного дела, источниковедения, археографии. Ему удавалось успешно совмещать решение хозяйственных и научных вопросов, привнося в работу архива академические принципы.
Abstract: The Moscow Archive of the Collegium of Foreign Affairs, along with the Academy of Sciences, celebrated its 300th anniversary in 2024. In 1773–1783, G. F. Miller was appointed head of the oldest historical archive in Russia. One of the first Russian academicians became the founder of the principles of archival work, source studies, and archeography. He managed to successfully solve both administrative and scientific challenges, bringing academic principles to the work of the archive.

Ключевые слова: Г. Ф. Миллер, Екатерина II, МАКИД, архивное дело, «портфели Г. Ф. Миллера».
Keywords: G. F. Miller, Catherine II, The Moscow Archive of the Collegium of Foreign Affairs, archival work, “G. F. Miller’s portfolios”.

В один год с созданием Академии наук, 5 августа 1724 г., был образован первый государственный исторический архив России — Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД; с 1832 — МГАМИД), наследником которого может считать себя Российский государственный архив древних актов. Юбилейный год — повод обратиться ко времени тесной взаимосвязи Академии и старейшего отечественного архива, во главе которого стоял один из первых российских академиков Г. Ф. Миллер (1705–1783).

Законодательное оформление архивов и должности архивариуса произошло в ходе петровских реформ системы государственного аппарата. В результате архивы отделились от канцелярий и превратились в самостоятельные структурные части учреждений, что было закреплено в Генеральном регламенте 1720 г. Отдельная глава «О архивах» предусматривала устройство текущих архивов при учреждениях, куда по истечении трех лет должны были поступать использованные документы, и государственных (исторических), т. е. самостоятельных, подчиненных определенным ведомствам для хранения документации, потерявшей свое практическое значение.

У преемницы Посольского приказа — Коллегии иностранных дел после ее переезда в Санкт-Петербург остался в Москве значительный документальный массив, накопленный за более чем 150 лет внешнеполитической деятельности России. В его составе были ценнейшие остатки Московского великокняжеского и Царского архивов XIV–XVI веков, документы по дипломатическим отношениям Русского государства XVII — начала XVIII века, а также уникальная библиотека. На заседании Коллегии иностранных дел 5 августа 1724 г. было решено направить асессору П. В. Курбатову в Москву инструкцию об организации архива для хранения этого богатейшего собрания: «...смотреть и беречь дела старые государственные и протчие, которые за взятьем в Санкт-Питербург остались, чтоб были в добром охранении и от сырости где, или мокроты, и иного не повредилось»[1].

Как известно, в том же 1724 г., в возрасте 20 лет, Г. Ф. Миллер поступил в Лейпцигский университет, откуда, как студент, отли-

[1] К 260-летию создания Московского Главного архива МИД / Публ. подг. М. И. Автократова, С. Р. Долгова // Советские архивы. 1984. № 4. С. 40.

чавшийся способностями к научной деятельности, почти сразу же был рекомендован в созданную в России Академию наук. Один из будущих основоположников русской исторической науки прибыл на берега Невы 5 ноября 1725 г. и остался в России навсегда, приняв в 1748 г. русское подданство. В Академии наук Миллер прошел путь от преподавателя в академической гимназии до историографа и конференц-секретаря, занимался не только научной деятельностью, но и организационно-административной, в т. ч. принимал участие в становлении академического архива. 17 января 1743 г. Миллер представил в собрание Академии наук его обзор с характеристикой видового состава:

«По своему содержанию архив состоит из протоколов, из относящихся к ним приложений и из актов, далее из [текстов] докладов, прочитанных на собраниях Академии; из других ученых сочинений, отчасти печатных, отчасти рукописных; из небольшого фонда еженедельных журналов; и наконец из ученой переписки»[2].

Занимаясь историческими исследованиями, в т. ч. историей Сибири, Миллер, как и многие современные ученые, стремился попасть в Москву, чтобы поработать в архивах, прекрасно осознавая значение поиска и изучения архивных документов для развития исторической науки. В 1765 г. Миллер был назначен надзирателем возводимого в Москве воспитательного дома. С марта того же года он стал первым санкт-петербургским академиком, который жил и работал в древней столице, хотя по уставу члены Академии наук должны были проживать в Петербурге. 29 декабря 1765 г. вице-канцлер князь А. М. Голицын предложил Миллеру место в МАКИД. На следующий год мечты историка сбылись: 27 марта 1766 г. он был определен в архив с годовым жалованьем в 1000 руб., и двери хранилищ распахнулись перед ним[3]. 18 апреля Миллер подписал «реверс в том, чтоб ему имеющиеся в том архиве тайне подлежащие дела всяким образом ненарушимо содержать в крайнем секрете и отнюдь не сообщать никому ничего без точного повеления главных», как предписывал Генеральный регламент 1720 г.[4] К службе в архиве Миллер был подготовлен и всей своей многолетней научной деятельностью. Историк уже имел опыт организации архива Академии наук и формирования личной коллекции

---

[2] *Г. Ф. Миллер*. Избранные труды. М., 2006. С. 481.

[3] См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 6. Д. 94. Л. 8.

[4] Г. Ф. Миллер и Московский архив Коллегии иностранных дел. 1766–1783 гг. / Публ. подг. С. Р. Долгова // Исторический архив. 2006. № 1. С. 10. № 1.

документов, и он сам признавался, что работа эта ему необычайно нравилась: «Устраивать архив, — писал Миллер, — приводить его в порядок и сделать его полезным для политики и для истории — вот занятия, совершенно сообразные с моими склонностями и познаниями»[5].

Назначение Миллера в архив фактически означало определение его главой МАКИД, своеобразным «научным руководителем». Еще 9 января 1766 г. он написал вице-канцлеру князю А. М. Голицыну письмо, которое можно назвать программой его работы по организации архива. В нем он обосновывал свои мотивы:

> «Есть ли я соглашусь на себя должность смотреть над архивами, то, конечно, не для того, чтоб я хотел более жалованья, нежели теперь получаю, и не для получения ранга. Я весьма доволен своим щастьем. Я не искал никогда наружной отмены, стремясь единственно только оказать услуги империи, которой я служу уже более сорока лет»[6].

В послании он размышлял о систематизации архивных материалов, их каталогизации, изучении и публикации «для чести нации, для совершенства истории и наставления тех, кои в дела вникают»[7].

Тему совершенствования научно-справочного аппарата Миллер развил в своем послании Голицыну от 30 октября 1766 г., когда уже убедился на практике в необходимости проверки наличия документов и сверки описей, найдя 40 неучтенных английских грамот[8].

Наиболее значительные споры в архивоведческой литературе вызвал представленный Миллером в письме к Голицыну от 9 января 1766 г. проект систематизации архивных документов, основанный на современных ему принципах научной классификации — в соответствии с идеями К. Линнея. Миллер предложил разделить материалы МАКИД по тематическому принципу на два класса:

— первый будет служить «к познанию истории, географии и дают сведение о состоянии наук, художеств, законов, нравов, коммерции, мануфактур, земных продуктов и проч.»;

---

[5] Цит. по: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук: [В 2 т.]. Т. 1. СПб., 1870. С. 394.

[6] *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 367–368.

[7] Там же. С. 369.

[8] См.: Г. Ф. Миллер и Московский архив Коллегии иностранных дел. С. 12. № 2.

— второй — «пиесы, <...> кои могут быть сопряжены во всякое время с государственными делами, как внутренними, так внешними, и быть потребны в негоциациях с главными дворами в Европе»[9].

Удобная для ученого систематизация архивных документов, когда они уже распределены по темам, входила в конфликт со сложившимся принципом пофондового хранения дел[10]. Современные авторы обратили внимание на тот факт, что Миллер, еще не приступив к работе в архиве, не зная его документацию и сложившуюся систему хранения, предложил программу его полного преобразования на основе своих личных умозрительных заключений[11].

Положение Миллера в 1766–1772 гг. было неопределенным, но одно несомненно: еще до назначения управляющим архивом он имел полномочия, которые позволяли влиять на организацию его работы и обращаться напрямую к вице-канцлеру или даже к самой Екатерине II, с которой был лично знаком. Современный исследователь охарактеризовал сложившуюся ситуацию, когда наряду с официальным руководителем архива М. Г. Собакиным академический ученый Миллер реализовывал свою программу, — «два медведя в одной берлоге»[12]. С первых дней Миллер занялся освидетельствованием состава архива и составлением исторических записок по материалам МАКИД, демонстрируя руководству коллегии научное значение архивных документов. Направления работы государственного архива XVIII столетия и XXI века схожи: это материально-техническое оснащение, содержание в надлежащем порядке здания, подбор кадров, комплектование, организация хранения, учет и обеспечение сохранности документов, составление описей, использование и публикация источников, их экспонирование.

Миллер начал с хлопот по обеспечению МАКИД новым зданием. Он пришел в архив, когда тот уже в течение 20 лет располагался на Ростовском подворье в Китай-городе, и в своем представлении в коллегию писал, что в результате этого перемещения «дела не только были приведены в великий беспорядок, но и подвержены были опасности сгнить в сырых подвалах»[13]. Академик, который пользо-

---

[9] *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. С. 368.

[10] См.: *Каменский А. Б.* Судьба и труды Г. Ф. Миллера // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. С. 395–396.

[11] См.: *Хорхордина Т. И.* История архивоведческой мысли. М., 2012. С. 70–71.

[12] См.: *Санин О. Г.* Михаил Григорьевич Собакин — руководитель Московского архива Коллегии иностранных дел // Вестник РГГУ. 2017. № 4 (10). С. 26.

[13] Цит. по: *Долгова С. Р.* Рассказы о Москве. Из архивных находок. М., 2009. С. 35.

вался авторитетом при дворе, сумел убедить Екатерину II, прибывшую в Москву для открытия Уложенной комиссии, в необходимости приобрести новое здание для МАКИД. 17 ноября 1768 г. она подписала указ о выделении 11 000 рублей из почтовых доходов на покупку дома А. М. Голицына (бывшие палаты дьяка Е. И. Украинцева) на углу Хохловского и Колпачного переулков. Волею судьбы здание, о котором так хлопотал Миллер и в котором затем долгие годы работал, сохранилось до нашего времени (илл. 1).

Почти сразу после прихода в архив Миллер организовал работу по его комплектованию копиями историко-генеалогических материалов из собрания Разрядного архива, которые после гибели оригиналов в 1812 г. приобрели необычайную ценность для исторической науки. Хлопотал он и о передаче в МАКИД комплекса грамот Коллегии экономии, но они попали на хранение во вновь созданный Московский архив старых дел, но в наши дни, как и мечтал Миллер, они хранятся под одной крышей. Один из первых исследователей деятельности ученого на архивном поприще, А. Б. Каменский отмечал, что Миллер впервые в истории архивного дела в Рос-

Илл. 1. Здание в Хохловском переулке Москвы, где в 1768–1874 гг. находился МАКИД. Личный архив автора.

сии высказал мысль о необходимости его централизации — идею, которая была реализована лишь спустя столетие[14]. Еще один замысел академика: архив не должен быть просто собранием бумаг, а должен стать научным центром, где бы изучалась история и издавались документы, — так и остается мечтой архивистов.

Идеи и труды академика Миллера по организации работы МАКИД были благожелательно восприняты руководством коллегии и императрицей. После увольнения по именному указу Екатерины II от 5 января 1772 г. тайного советника М. Г. Собакина, имевшего «над архивом особенное надзирание», архив «остался в полном ведении коллежского советника Миллера»[15].

После переезда МАКИД в новое здание для размещения документов были заказаны застекленные шкафы, но их изготовление завершилось уже во время руководства Миллера, в 1775 г. При разборе проводилась экспертиза физического состояния архивных дел, по результатам которой находившиеся в плачевном состоянии и трудночитаемые документы уничтожались. Некоторые из них в сундуках так отсырели и сцементировались, что их приходилось вырубать топором. По свидетельству летописи МАКИД, еще за несколько дней до определения Миллера, 23 марта 1766 г., были сожжены обрывки коллежских дел в нескольких сундуках, пострадавших от пожаров, сырости и небрежности при переноске документов из одного здания архива в другое[16]. Кто знает, какие исторические свидетельства они унесли с собой. В феврале 1780 г. академик обратился в коллегию с предложением: для обеспечения сохранности документов держать их за казенной печатью, а не партикулярной, как было до этого, — и просил разрешения изготовить такую печать «с изображением вокруг государственного герба следующих слов: “Печать государственной Коллегии иностранных дел Московского архива”»[17]. Эта практика ежедневного опечатывания хранилища и рабочих кабинетов сохраняется в РГАДА.

В ходе практической работы по систематизации архивных дел Миллер вскоре убедился, что создать тематические коллекции из документов «первого класса» невозможно ввиду широты представленной в них информации, и в результате собрания были сформированы как по тематическому (Ф. 150 «Дела о выездах ино-

---

[14] *Каменский А. Б.* Судьба и труды Г. Ф. Миллера. С. 400.

[15] См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 6. Д. 94. Л. 9.

[16] См.: Там же. Л. 8 об.

[17] Г. Ф. Миллер и Московский архив Коллегии иностранных дел. С. 20. № 7.

странцев в Россию»), так и по видовому принципу (Ф.137 «Боярские и городовые книги»). Документы, возникшие в ходе внешнеполитической деятельности государства, систематизировали по сношениям с иностранными державами, а внутри фондов в отдельные описи выделили статейные списки и дела, грамоты, трактаты. Этот порядок закрепили хорошо известные каждому исследователю описи Н. Н. Бантыш-Каменского.

В области использования документов следует отметить работу Миллера по исполнению запросов от Коллегии иностранных дел и других ведомств, а также издательскую деятельность на базе типографии Московского университета. В первую очередь Миллеру приходилось составлять справки в связи с дипломатическими миссиями, пограничными вопросами, возможными военными конфликтами. Из наиболее значимых документов можно назвать составленную историком в апреле 1776 г. записку «О самой древней границе между Россией и Швецией» и доношение от 30 сентября 1781 г. о посещении русскими Грузии начиная с XVI века[18].

В архиве также велись плановое копирование и перевод на русский язык грамот иностранных монархов, а по запросам коллегии предоставлялись реестры дипломатических документов или копии необходимых актов. Так, например, в 1781 г. 25 февраля были отправлены в Петербург копии с «трех реестров италианских, курляндских и лифляндских дел», 29 марта — копии «с трактатов венского, версальского, великобританского, дацкого и прусского дворов»[19]. Ежемесячно в коллегию отправлялось несколько списков и переводов с дипломатических бумаг. В ряде случаев Миллер по запросу канцлера графа Н. И. Панина вынужден был посылать по почте оригинальные документы: например, 15 февраля 1781 г. он отправил трактат Екатерины I с императором Карлом VI 1726 г. и еще несколько соглашений времен правления Анны Иоанновны[20].

Выполняли в МАКИД и запросы различных учреждений, поступившие в коллегию. В мае 1781 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации запросила справку о выезде в Россию представителей фамилии Багратионов, которая и была направлена в коллегию за скрепой Н. Н. Бантыш-Каменского[21]. Миллер и его подчиненные выполняли и частные заказы представителей дворянских родов по составлению их родословных.

---

[18] См.: Там же. С. 15–17. № 6; С. 20–21. № 8.

[19] РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 57. Л. 28, 45.

[20] См.: Там же. Л. 20–22 об.

[21] См.: Там же. Л. 86–86 об.

Собственноручным указом Екатерины II от 28 января 1778 г. «для российской истории» Миллеру было поручено подготовить собрание дипломатических актов с древнейших времен по образцу французской публикации Ж. Дюмона, и 2 января 1781 г. он сообщал в коллегию о том, что вместе с архивистами уже направил первую часть дел по сношениям с Венским двором за 1486–1519 гг.[22] Создание обзоров о сношениях России с разными странами для использования в практике внешнеполитической деятельности определялось политической значимостью материалов. Миллер начал обстоятельное описание дипломатических документов по сношениям с Китаем, поскольку эта тема была ему близка по изучению сибирских архивов[23]. Работу по созданию обзоров продолжил Н. Н. Бантыш-Каменский, который с 1763 г. состоял в штате архива. Миллер сумел по достоинству оценить способности этого архивиста, а также поступившего в 1778 г. на службу А. Ф. Малиновского, которые внесли значительный вклад в деятельность МАКИД и позднее возглавляли его, а их исторические труды, описания документальных комплексов и описи фондов востребованы поколениями историков и архивистов.

Зародилась во времена Миллера и выставочная деятельность архива, но тогда это еще были индивидуальные показы документов европейским государям и дипломатам — как презентация государственной истории России. По распоряжению князя Г. А. Потемкина 8 июня 1780 г. из архива в дом главнокомандующего Москвы князя В. М. Долгорукова-Крымского Миллер привез грамоты европейских государей, в которых русским правителям давался императорский титул, в т. ч. знаменитую грамоту императора Максимилиана I великому князю Василию III Ивановичу 1514 г. Все эти архивные сокровища были продемонстрированы императору Священной Римской империи Иосифу II, путешествовавшему по России под именем графа Фалькенштейна. Как свидетельствует рапорт Миллера в коллегию от 15 июня 1780 г., «сей любопытный путешественник читал сии грамоты с немалым удовольствием, и рассматривая о древностях, находящихся в Московском коллегии иностранных дел архиве, возжелал приехать сам в архив»[24]. Визит Иосифа II состоялся 9 июня. При посещении здания МАКИД он не только

---

[22] См.: Там же. Л. 17–17 об.

[23] См.: *Долгова С. Р.* Г. Ф. Миллер — реформатор архивного дела // Г. Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 99.

[24] РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 56. Л. 144 об.

осмотрел старейшие документы, но и расспросил Миллера о порядке организации их хранения и даже познакомился с реестрами дел, которые «расположены сперва по дворам, а потом по годам, месяцам и числам»[25]. Император почти два часа провел осматривая архив, порядок расстановки дел в шкафах, портреты дипломатов и отдельные документы, которые по первой его просьбе тотчас находили архивисты, — он высоко оценил уровень организации дел в архиве и работу сотрудников.

Миллер во главе МАКИД дал пример, который в дальнейшем вдохновлял всех последующих руководителей архива: его документальное собрание и библиотека пополнили собрание архива, и коллекция, собранная академиком, под названием «Портфели Г. Ф. Миллера» неизменно вызывает интерес историков. Начиная с 1779 г. Миллер предпринимал решительные шаги для передачи своей коллекции в старейший архив, хотя ему поступали выгодные предложения от частных лиц, в т. ч. могущественного Г. А. Потемкина. В одном из представлений Екатерине II 20 апреля 1780 г. Миллер обращался к императрице с предложением возобновить при архиве должность историографа, учрежденную еще Петром I. Он писал о своей «немощи» и беспокойстве за дальнейшую судьбу МАКИД:

> «На сем основании и как историографу без пристойной библиотеки быть не можно, не сумневаюсь я и на то получить Вашего императорского величества всемилостивейшее соизволение, что я намерился собственную мою библиотеку, из знатного числа весьма редких книг и не без важных манускриптов состоящую, после моей смерти посвятить публике, дабы немалые те мои для истории российской начатые труды в пользу Отечества удобным образом всегда продолжаемы были. А от Коллегии иностранных дел просить буду, чтоб позволили определить место для сей мое библиотеки при московском архиве. Она уже описана асессором Стриттером, так что ни листочка в ней потеряться не может»[26].

Собрание рукописей и библиотека Миллера были куплены императрицей незадолго до его кончины, в феврале 1782 г., за 20 000 руб., но судьба не была милостива к коллекции. В 1784–1830 гг. шел процесс разбора рукописей ученого — часть материалов была отправлена в Академию наук, а остальные составили фонд № 199

---

[25] Там же.

[26] *Болотина Н. Ю.* «После моей смерти посвятить публике». Судьба коллекции академика Г. Ф. Миллера // Исторический архив. 2006. № 1. С. 47. № 1.

«Портфели Г. Ф. Миллера»[27]. Меньше повезло библиотеке, которая до революции 1917 г. сохраняла свою целостность (и в 1876 г. директор Ф. А. Бюллер даже заказал для помещения фарфоровый бюст Екатерины II на пьедестале), а затем была рассеяна в книжном собрании архива, преемником которого является РГАДА[28].

Миллер скончался в ночь с 10 на 11 октября 1783 г. в собственном доме на пересечении улицы, «следующей с Яузского моста в Таганку» (современная Яузская улица), и Тетеринского переулка[29]. За месяц до этого он подал обширное представление вице-канцлеру графу И. А. Остерману, в котором не только описал состояние МАКИД во время его поступления на службу, но и высказал предложения по управлению архивом после своей кончины: распределить обязанности руководства между тремя своими подчиненными — М. Н. Соколовским, Н. Н. Бантыш-Каменским и И. Г. Стриттером, что и было реализовано в 1783–1800 гг. Надо отметить, что ранее, в 1779 г., Миллер просил о назначении конректора Академической гимназии И. Г. Штриттера в качестве его преемника на должности историографа и руководителя архива из состава Академии наук, но план этот не был осуществлен[30].

Свое духовное завещание ученый завершил признанием в любви к архиву:

> «Благодарность и верность к второму моему Отечеству не дозволяет желаниям моим другим чем-либо заниматься, как только будущим благосостоянием архива. От сего будет зависеть дальнейшее изъяснение российской истории...»[31].

Миллеру принадлежит первенство во многих вопросах: первый работавший в древней столице санкт-петербургский академик; первый и единственный академик, стоявший во главе государственного архива; основоположник принципов архивного дела, источниковедения, археографии; создатель школы историко-архивоведения

---

[27] См.: *Голицын Н. В.* Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899.

[28] См.: *Болотина Н. Ю.* К истории собрания Г. Ф. Миллера в Москве // Г. Ф. Миллер и русская культура. С. 62–63.

[29] См.: Кончина «безсмертного мужа». Записка М. Н. Соколовского о Г. Ф. Миллере. 1783 г. / Публ. подг. С. С. Илизаров // Исторический архив. 2006. № 1. С. 31.

[30] См.: От Рейна до Камчатки. Каталог выставки к 300-летию со дня рождения академика Г. Ф. Миллера. М., 2005. С. 184. № 278.

[31] См.: Г. Ф. Миллер и Московский архив Коллегии иностранных дел. С. 26. № 10.

на научных основах. Можно говорить об этом человеке как о гуманитарии-энциклопедисте своего времени. Возможно, Миллер единственный из ученых-управленцев, которому удалось успешно совместить в своей деятельности решение хозяйственных и научных вопросов, привнеся в работу архива академические принципы. Заложенные нашими предшественниками, в т. ч. и академиком Миллером, принципы и методы архивной работы актуальны и в настоящее время, и современным архивистам следует достойно продолжать трудиться по всем направлениям деятельности МАКИД.

Андрей Юрьевич Епатко
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник Государственного Русского музея

Академический отряд Г. Ф. Миллера в Якутске (судьба племянника Мазепы Андрея Войнаровского)

Andrey Y. Epatko

G. F. Miller's Academic Detachment in Yakutsk (The Fate of Mazepa's Nephew Andrey Voynarovsky)

Аннотация: Во Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1733–1743) принял участие ряд известных в будущем академиков. В данной статье будет рассмотрен малоизвестный эпизод из жизни начальника Сухопутного академического отряда Г. Ф. Миллера — встреча с «секретным ссыльным» Андреем Войнаровским в Якутске в 1736 г. Мы также обратим внимание на поэму К. Ф. Рылеева «Войнаровский», одним из центральных героев которой является Г. Ф. Миллер.
Abstract: The Second Kamchatka Expedition of Vitus Bering in 1733–1743 included a number of well-known future academicians. We want to touch on a little-known episode from the life of the head of the Land Academic Detachment G. F. Miller — a meeting between the scientist and a "secret exile" Andrey Voynarovsky in Yakutsk in 1736. We also draw attention to K. F. Ryleev's poem "Voynarovsky" — one of the central characters of this work is G. F. Miller.

Ключевые слова: Петр I, Войнаровский, Миллер, Якутск, экспедиция.
Key words: Peter the Great, Voynarovski, Miller, Yakutsk, the expedition.

Илл. 1. Титульный лист биографии Б. П. Шереметева (1774) с инициалами Г. Ф. Миллера. Коллаж автора статьи.

В 1774 г. в Санкт-Петербурге была опубликована краткая биография прославленного полководца Петра I Б. П. Шереметева. Труд этот имеет довольно пространное название: «Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу... Борису Петровичу Шереметеву...»[1]. Автор предисловия к «Письмам...» и редактор биографии, скрывшийся за инициалами *Г. Ф. М.*, — знаменитый исследователь Сибири, академик Герхард Фридрих Миллер. Рассказывая о жизни и деяниях фельдмаршала, Г. Ф. Миллер мимоходом упоминает о происшествии, которое имело место в ставке полководца Петра Великого в 1716 г.

Когда полки последнего расположились в немецком Больценбурге, в лагерь был доставлен арестант. Одновременно Шереметеву вручили царское послание, в котором Петр I приказывал содержать пленника под строгим надзором. Речь шла о племяннике Мазепы Андрее Войнаровском, который был накануне задержан в Гамбурге. В дальнейшем пленник был переправлен в Санкт-Петербург, а позднее сослан «навечно» в Якутск.

[1] *Г. Ф. М.* [Герхард Фридрих Миллер]. Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу, тайному советнику, малтийскому, С. Апостола Андрея, Белаго орла и прусскаго ордена кавалеру, графу Борису Петровичу Шереметеву...; и с предисловием о происхождении и о службах предков Шереметевых, особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его. СПб., 1774.

Что же известно об А. Войнаровском? Андрей Войнаровский был сыном родной сестры Ивана Мазепы Александры. Бездетный гетман объявил своего племянника наследником и отправил его учиться в Германию. Вернувшись из Европы, Войнаровский с 1705 г. служил в царских войсках атаманом. В 1709 г. последовал за дядей-изменником в турецкие владения и от имени последнего не раз ездил к крымскому хану и турецкому султану, желая восстановить их против России. После смерти Мазепы Войнаровский отказался от гетманства. Унаследовав от своего дяди его колоссальное состояние, покинул Турцию, роскошно жил в Вене, Бреславе (ныне польский Вроцлав) и Гамбурге, где, собственно, и был арестован агентами Петра.

Упоминая о злоключениях племянника Мазепы, Г. Ф. Миллер приводит любопытную подробность: он сообщает, что в 1736 и 1737 г. в Якутске, находился некто, который застал там еще живого А. Войнаровского[2]... Кто же был этот некто, имя которого биограф Б. П. Шереметева обнародовать не решился?

Говоря о встрече с Войнаровским, Миллер замечает, что «просвещенным» офицерам, находившимся в составе Второй Камчатской экспедиции, было затруднительно общаться с арестантом: к тому времени последний одичал, забыл иностранные языки и светское обхождение. Из этого следует, что этот некто был участником Второй Камчатской экспедиции Беринга, которая действительно находилась в указанные годы в Якутске.

Но зададимся вопросом: откуда получил эти сведения Г. Ф. Миллер и почему он скрыл имя очевидца этой встречи, заменив имя информатора неопределенным местоимением *некто*? Ответ на первый вопрос очевиден: будучи одним из ключевых участников Второй Камчатской экспедиции, Миллер лично общался с Войнаровским в Якутске.

Несколько слов об академике... В Россию Г. Ф. Миллер — вчерашний студент лейпцигского университета — попал осенью 1725 г., уже после кончины Петра I. Направляясь в Петербург по личному приглашению первого президента Академии наук Л. Л. Блюментроста, молодой немецкий ученый полагал, что по завершении контракта, приобретя опыт и заработав капитал, он вернется в Германию. Однако судьба распорядилась иначе, и полвека спустя Миллер не без гордости вспоминал, что служит России с 1725 г. по указу Петра I «для основанной сим государем Академии наук»[3].

---

[2] *Г. Ф. М.* [*Герхард Фридрих Миллер*]. Указ. соч. С. LX.

[3] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. С. 147.

Общепризнано, что главной заслугой ученого является его фундаментальный труд «История Сибири», который по праву считается важнейшей вехой в развитии русской исторической науки XVIII столетия. Первый том этой грандиозной работы Миллера вышел в 1750 г. под заглавием «Описание Сибирского царства». Десять лет понадобилось историографу, чтобы собрать материал, и около двадцати, чтобы опубликовать ту малую часть, которая была издана! Этот труд появился благодаря участию Миллера в работе т. наз. Сухопутного академического отряда Второй Камчатской экспедиции, куда ученого рекомендовал хорошо знавший его В. Беринг. В состав экспедиции вошли ученые, живописцы, геодезисты, солдаты, моряки. Что касается академического отряда, то ему следовало «описывать» географию, природу, народы и историю Сибири. Официально экспедиция имела чисто научные цели: Беринг должен был дать окончательный ответ на вопрос, поставленный еще Петром I: «сошлась ли Азия с Америкой» и существуют ли морские пути, ведущие в Японию и Новый Свет.

Илл. 2. И. Ф. Антинг. Академик Г. Ф. Миллер.
Силуэтный портрет. 1784.

Будучи руководителем академического отряда, Г. Ф. Миллер первым из ученых обследовал около двадцати сибирских архивов в городах и острогах, включая Тобольск, Енисейск, Томск и Якутск, а также собрал огромное количество подлинных документов или их копий. Результатом экспедиции явились многочисленные труды ученого по истории, этнографии, археологии, астрономии, лингвистике и картографии. На протяжении всего сибирского путешествия ученый вел полевой дневник, насчитывающий 2,5 тысячи страниц рукописного текста. Сами же выписки из архивов составили, по словам ученого, 38 рукописных «книг», которые позднее стали именоваться «портфелями Миллера» и большинство которых до сих пор не опубликовано[4]. Можно с уверенностью сказать, что именно открытия Миллера, сделанные им за время десятилетнего путешествия, положили начало академическому сибиреведению.

Говоря о Якутске, отметим, что это был самый крайний северо-восточный пункт, до которого добрался ученый. Впереди ждала Камчатка, но Миллер выпросил себе разрешение вернуться «по болезни» в Петербург. В Якутске Миллер провел почти год — с 4 сентября 1736 г. по 9 июля 1737 г. Тогда же и произошла встреча ученого с Андреем Войнаровским. К сожалению, каких-либо подробностей относительно своей встречи с племянником Мазепы ученый не приводит, хотя и отмечает уникальность этого обстоятельства, упоминая, что эта «материя поныне мало известна, и никем не описана»[5].

И все же, почему Миллер не описал более подробно свою встречу с Войнаровским? Ответить на этот вопрос несложно: ученый опасался акцентировать внимание на этом щекотливом эпизоде, т. к. на его глазах произошел неприятный инцидент: в 1738 г. участник морского отряда Беринга лейтенант Д. Л. Овцын отправился с донесением в Петербург, но по пути в столицу был неожиданно арестован. Офицеру вменялось в вину, что, находясь в Березове, лейтенант имел «дружеское обхождение» с находящимися там ссыльными Долгорукими[6]. Поэтому неудивительно, что известие о своей

---

[4] *Букай Н.* Заметки о Г. Ф. Миллере, как историке Сибири // Сибирский вестник. 1890. № 29. С. 2.

[5] *Г. Ф. М.* [*Герхард Фридрих Миллер*]. Указ. соч.

[6] Северная экспедиция. 1733–1743. М., 2015. С. 52. См. также: Доношение Сибирской губернской канцелярии Кабинету о расследовании о ссорах между князьями Долгорукими, находящимися в ссылке в Березове, и о попытке Николая Долгорукого, выдавая себя за купца и подкупив часового, проникнуть ночью в дом к Дм. Овцыну (18 ноября 1735 г.) // Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. Морские отряды / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер; отв. ред. В. Хинтцше. СПб., 2009. С. 366.

встрече с Войнаровским Миллер опубликовал только сорок лет спустя. При этом ученый скрыл свое имя, а рассказ о своей встрече со знаменитым ссыльным привел в виде краткой сноски. Ввиду важности этой информации приведем ее полностью:

> «В 1736 и 1737 годах в бытность сочинителя сих известий в *Якуцке, Войнаровский* (курсив мой. — *А. Е.*) еще в живых обретался: но знания иностранных языков, искусства в науках и приятности в обхождении весьма мало в нем примечалось. Препровождая время в беседах подлых людей, сделался он чрез то к обхождению с приезжими, коих тогда по случаю второй Камчатской Экспедиции в *Якуцке* не мало было, почти неудобным»[7].

Нетрудно представить, как был удивлен Миллер, встретив в Сибири (в правление Анны Иоанновны!) племянника злейшего врага Петра I — Мазепы. Однако ученый удивился бы еще больше, если бы узнал, что благодаря встрече с Войнаровским стал героем известного литературного произведения...

В начале 1824 г. в журнале «Сын Отечества» был опубликован отрывок из поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский»[8]. Эта единственная законченная поэма декабриста рассказывает о печальной судьбе племянника Мазепы, который боролся за свободу родной Украины, а теперь влачит свои жалкие дни в Сибири. Личность самого Войнаровского здесь несколько идеализирована: последний предстает в поэме еще энергичным стариком, который не был посвящен в планы своего коварного дяди, но несмотря на это поплатился «вечной» ссылкой в Якутск. Однако здесь, в сибирской глуши, Войнаровский не падает духом и не теряет душевной связи со своей милой Отчизной.

Наряду с Войнаровским, Г. Ф. Миллер — одно из главных действующих лиц произведения:

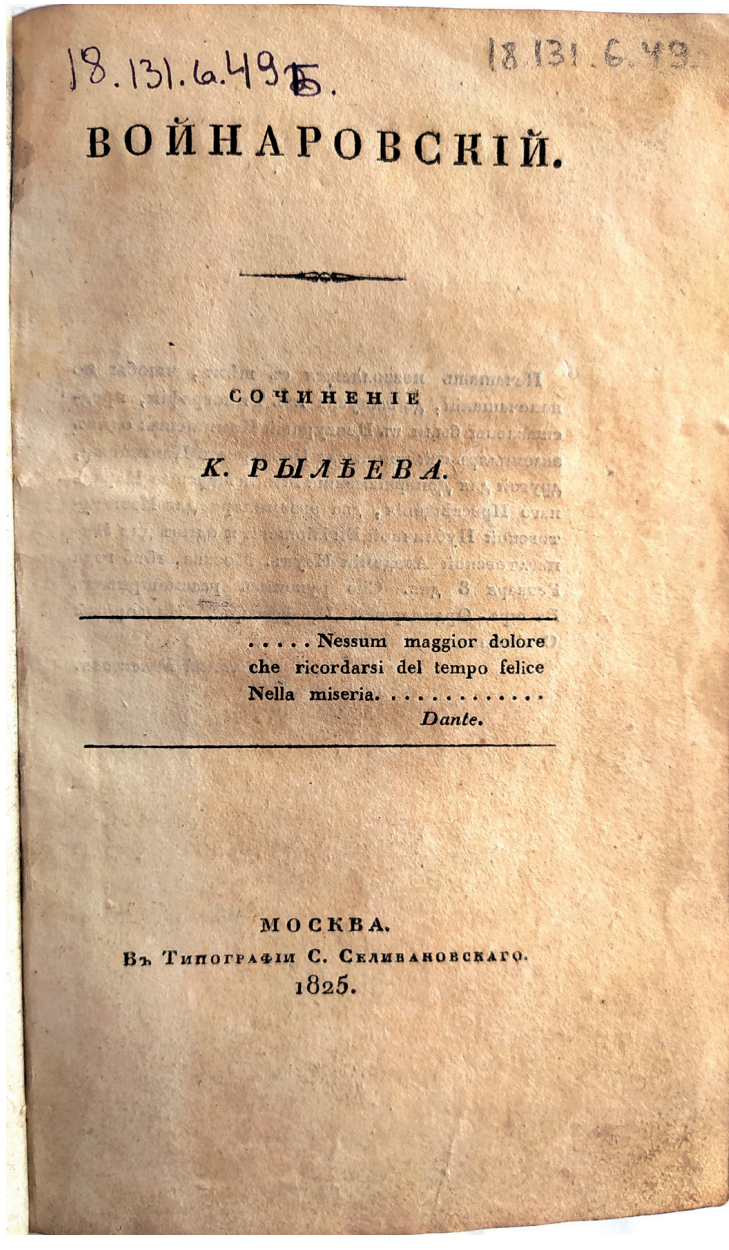
Покинув родину, с тоскою,
Два года Миллер, как чужой,
Бродил бездомный сиротою
В стране забытой и глухой...[9]

---

[7] *Г. Ф. М.* [*Герхард Фридрих Миллер*]. Указ. соч.

[8] *Рылеев К. Ф.* Якутск (Отрывок из поэмы «Войнаровский») // Сын Отечества. СПб., 1824. Ч. XCI. С. 130–132.

[9] *Маслов В. И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912. С. 128.



18.131.6.49 Б.
18.131.6.49.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛѢЕВА.

. . . . . Nessum maggior dolore
che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria. . . . . .
Dante.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1825.

Илл. 3. Титульный лист первого издания
поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский» (1825).

Далее читатель видит ученого на охоте: он бродит с винтовкой по лесной чаще в надежде подстрелить оленя. Неожиданно Миллер встречает отшельника, у которого спрашивает дорогу на Якутск. Ученый удивлен: незнакомец умен, образован и говорит по-французски... Отшельник приводит гостя в свою хижину, где угощает его и признается, что он — родственник Мазепы Войнаровский.

...Обо мне
И о судьбе моей жестокой
Ты может быть, в родной
стране
Слыхал не раз с тоской глубокой...
Ты видишь: дик я и угрюм,
Брожу, как остов, очи впали;
И на челе бразды печали
Как отпечаток тяжких дум.
...Я одряхлел, я одичал,
И, как сибирский климат стал
В своей душе жесток и хладен[10]

Продолжая рассказ о жизненных перипетиях, Войнаровский сообщает, что некогда он был в чести и славе: был любимцем Мазепы, был ранен в бою; его выходила простая кубанская красавица, с которой они надеялись прожить жизнь долго и счастливо, но все разрушил Петр I, который после измены Мазепы сослал героя в Сибирь. Войнаровский признает, что был игрушкой в руках своего дяди и сожалеет, что пошел против русского царя.

Мимоходом отшельник упоминает, что его супруга уже умерла: юная казачка хотя и нашла в сибирских дебрях своего мужа, однако не выдержала тягот северного климата... В конце поэмы Миллер узнает о помиловании Войнаровского, спешит к нему, но находит жалкую «юрту» пустой. Ученый продолжает поиски, пока не обнаруживает на могильном холмике казачки «хладный труп» отшельника...

Интерес к поэме был очень велик. Оригинальный сюжет и художественные достоинства в описании сибирской природы — все это заставляло читателей с нетерпением ждать выхода полного текста произведения. Насколько Рылеев хотел быть точным в изображении сурового сибирского края, можем судить по сообщению В. И. Штейнгеля, который вспоминает о своем знакомстве с поэтом.

---

[10] Там же.

Илл. 4. Войнаровский на могиле супруги.
Гравюра. 1885.

Однажды Штейнгель зашел в книжный магазин, где к нему подошел незнакомый молодой человек, представившийся Рылеевым. Штейнгель спросил у автора «Дум», чем он может быть ему полезен.

> «Очень просто: я пишу Войнаровского, сцена близ Якутска, а как вы были там, то мне хотелось бы попросить вас прослушать то место поэмы и сказать, нет ли погрешности против местности». «Я отвечал “с удовольствием”, — продолжает В. И. Штейнгель, — и тотчас же Рылеев пригласил меня к себе на вечер и совершенно обворожил меня собою, так что мы расстались друзьями»[11].

Рылеев посвятил поэму своему другу А. А. Бестужеву (Марлинскому), с которым они вместе издавали «Полярную звезду». Последнему же принадлежит яркое и содержательное предисловие к поэме, которое можно назвать кратким «жизнеописанием» Войнаровского. Работая над предисловием, будущий декабрист вряд ли мог представить, что через два года он сам, подобно своему герою, отправится в качестве арестанта в Якутск...

В ссылке Бестужев проявил живой интерес к истории пребывания Войнаровского в Якутске: расспрашивал старожилов о судьбе последнего и тщетно искал место его захоронения. В одном из писем, адресованном сестре и матери, он писал: «...теперь брожу около города, но до сих пор не нашел гроба Войнаровского»[12]. «О Войнаровском [я] нашел предания, — продолжает Бестужев в другом письме, — но не открыл могилы»[13].

Сведения декабриста о нашем герое представляются ценными: теперь мы знаем, что могила Войнаровского в Якутске не сохранилась уже к началу XIX века. К сожалению, Бестужев не останавливается подробно на «преданиях» о племяннике Мазепы. Любопытно, что уже через год после отъезда Бестужева на Кавказ в Якутске никто не мог вспомнить о знаменитом арестанте: «Я расспрашивал у здешних стариков о Войнаровском, Миллере, — писал автор книги «Поездка в Якутск» Н. С. Щукин, — но никто об них не слыхал»[14].

---

[11] *Штейнгель В. И.* Записки барона В. И. Штейнгеля // Общественные движения в России в первой половине XIX века. Т. I: Декабристы. СПб., 1905. С. 410.

[12] Бестужев А. А. — матери и сестрам. Якутск. 10 ноября 1828 года // Прохоров Г. Ф. Бестужев-Марлинский в Якутске // Памяти декабристов: Сборник материалов. М., 1926. Вып. 2. С. 214.

[13] *Семевский М. И.* Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным. 1827–1829 // Русский Вестник. 1870. Т. V. С. 240.

[14] *Щукин Н. С.* Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 135.

Но вернемся к событиям петровской эпохи. Как известно, накануне полтавских событий Войнаровский вместе с Мазепой перешел на сторону Карла XII, а затем последовал за шведами в турецкие владения.

Князь П. В. Долгоруков в своих «Записках» сообщает, что, покидая Батурин, Мазепа прихватил с собой значительную часть своей казны, которую перед смертью завещал своему любимому племяннику. Мазепа скончался в сентябре 1709 г., и таким образом Войнаровский стал обладателем колоссального состояния своего именитого дяди. Неудивительно, что, нуждаясь в деньгах, Карл XII обратился за помощью именно к Войнаровскому.

После событий 1709 г. наш герой обосновался в Вене и Бреславе, где вел блестящую светскую жизнь. По словам Г. Ф. Миллера, жил он «великолепно и со знатнейшими людьми обхождение имел». Племянник Мазепы не афишировал свое прошлое: «Не знающие природы Войнаровского, — продолжает Г. Ф. Миллер, — смотря на его расходы, называли его Графом»[15].

Незадолго до своего ареста Войнаровский прибыл в Гамбург с намерением выехать оттуда в Швецию для получения долга с Карла XII. Тем временем Петру I, находившемуся в Копенгагене, донесли, что племянник его злейшего врага находится в Гамбурге.

Войнаровский был взят под арест 12 сентября 1716 г. на улице Гамбурга. Одновременно фельдмаршалу Б. П. Шереметеву был дан приказ доставить пленника в Санкт-Петербург. Однако осуществлению воли царя неожиданно воспрепятствовал шведский посол, который заявил Магистрату, что арестованный не является российским подданным, а ныне «находится в Шведской службе». Повидимому, вопрос об экстрадиции нашего героя занял немало времени: известно, что после ноты шведского посла в дело включился Венский двор, который обвинил Гамбургский магистрат в том, что, позволив арестовать Войнаровского, он тем самым нарушил нейтралитет Германской империи.

Комментируя эту историю, Г. Ф. Миллер добавляет, что близость армии Б. П. Шереметева склонила Магистрат к тому, чтобы уступить пленника царю. На допросе последний подробно рассказал о том, как перешел на сторону Карла XII, а также признался, что одолжил королю 240 000 талеров, которые так и не смог получить обратно. Племянник Мазепы уверял Петра, что не принимал участие в замыслах своего дяди и, чтобы не навредить царю, от-

[15] *Г. Ф. М.* [Герхард Фридрих Миллер]. Указ. соч. С. 312.

Илл. 5. Карл XII и Мазепа. Гравюра. Франция.1721.

казывался от шведской службы. Упомянул наш герой и о своем семейном положении: находясь в Бендерах, он женился на вдове Анне Забелиной, которая теперь проживает в Бреславе (и в дальнейшем предпримет немало усилий, чтобы «вытащить» мужа из Сибири).

Согласно мемуарам П. В. Долгорукого, Войнаровский предстал перед Петром 24 ноября, накануне именин Екатерины I. Пленник бросился в ноги царю, который сказал ему, что он, конечно, заслуживает, чтобы ему отрубили голову, но ради праздника милует Войнаровского и оставляет ему жизнь[16].

Следствие над племянником Мазепы шло очень долго: известно донесение французского посланника де Лави от 25 ноября 1718 г., в котором он сообщает, что Войнаровский заключен в крепость: «Он арестован в Гамбурге полтора года назад, и неизвестно, какова будет его судьба»[17].

---

[16] *Долгорукий П. В.* Записки князя П. В. Долгорукова. СПб., 2007. С. 212.

[17] Лави де — французскому министерству. Санкт-Петербург. 25 ноября 1718 года // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 390.

В 1722 г. к российскому дипломату А. П. Бестужеву-Рюмину, находившемуся в то время в Стокгольме, обратилась некая Анна, назвавшаяся супругой А. Войнаровского. Она обещала русскому министру 10 тысяч ефимков, если только он донесет до Петра I предложение помиловать ее мужа и отпустить его в Швецию. Она же уступит монарху половину той суммы, которую шведская корона должна Войнаровскиму. Однако Петр «отринул» это предложение[18].

Прежде чем последовать за нашим героем в Сибирь, обратимся к очень интересному исследованию Альфреда Енсена «Семья Войнаровских в Швеции», опубликованному в «Записках научного общества имени Шевченко» в 1909 г.[19] Работая в шведском государственном архиве, историк обнаружил документы, касающиеся нашего героя. Наиболее любопытные из них — письма Анны Войнаровской, которые последняя адресовала шведскому сейму.

Трудно переоценить этот поистине уникальный материал. Например, из него мы узнаем, что за четыре года — с 1709 по 1713 г. — Карл XII занял у племянника Мазепы следующие суммы: 57 800 дукатов, 45 000 талеров Альберта[20] и 60 000 «цесарских» (императорских) талеров. Также новооткрытые документы опровергают утверждение Д. Н. Бантыш-Каменского о том, что деньги, занятые Карлом XII, так никогда и не были возвращены[21].

В своих письмах, адресованным лордам шведского сейма, Анна поднимает вопрос о невыплате ей королевского долга, который, как она подсчитала, достигает полумиллиона серебряных талеров. Дело в том, что дети Войнаровских учились в частной школе в Бреславе, а это требовало немалых средств, и Анну уже преследовали кредиторы. «Я в отчаянии, потому что мой муж в тюрьме уже четвертый год. Я вынуждена продать свои лучшие наряды, чтобы удержаться самой и прийти на помощь семье»[22], — жалуется супруга А. Войнаровского, добавляя, что она в Швеции чужая, без собственности и семьи.

---

[18] *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. СПб., 1822. Ч. IV. Указ. соч. С. 92.

[19] *Енсен А.* Семья Войнаровских в Швеции // Записки наукового товариства имени Шевченка. Лемберг, 1909. Т. XCI. Вып. V. С. 170–193. Перевод с украинского А. Ю. Епатко.

[20] Речь идет об альбертусдальдере — одной из самой распространенных торговых монет XVI–XVIII веков. Альбертусдальдер чеканился в Испанских (Габсбургских) Нидерландах в 1612 г. при Альберте Австрийском, отсюда и название.

[21] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Указ. соч. С. 49.

[22] *Енсен А.* Указ. соч. С. 172.

А. Енсен сообщает, что старания Анны увенчались успехом: в 1725 г. она получила в собственность от шведского правительства старинный замок Тиннельсе, расположенный на окраине Стокгольма, на живописном озере Меларен. Таким образом, выделив ей во владение целый замок, сейм закрыл королевский долг перед Войнаровскими.

Интересны и последующие письма Анны, в которых она жалуется, что некоторые люди распускают о ней дурную славу, будто она — обманщица и даже не является женой Войнаровского. Говорили также, что, будучи в Бендерах, она «вела развратную нехристианскую жизнь в шведском лагере при королевском маршале Лимонте»[23].

Подобные обвинения были очень опасны для Анны: если бы шведский сейм признал, что она не состояла в браке с А. Войнаровским или ее брак был фиктивным, ее наследственные права были бы под угрозой. На это супруга нашего героя отвечает, что вышла замуж за племянника Мазепы в Бендерах, «в присутствии покойного короля» (Карла XII), и в Швеции есть несколько «уважаемых лиц», которые могут подтвердить это[24]. В доказательство своих прав на наследство Анна предоставила сейму копию супружеского свидетельства.

Следует сказать, что Анна самоотверженно добивалась освобождения своего мужа, о судьбе которого была хорошо информирована. Донесения из российской столицы она получала от своего верного слуги Андрея Якубовского. 11 октября 1723 г. тот сообщил ей, что его «пан получил приказ отбыть в Сибирь»[25]. Если быть точным, то Сенат издал указ об отправке Войнаровского «на вечное жилище... а имянно в Якутцк»[26].

Все это время Анна поддерживала связь с русским послом в Швеции и обращалась к шведскому правительству, чтобы оно ходатайствовало об освобождении ее мужа. Подобные ходатайства повторялись в 1728 и 1730 гг. — супруга А. Войнаровского явно надеялась на милость только что вошедших на престол Петра II и Анны Иоанновны. Однако судьба племянника Мазепы была решена «неотзывно».

А. Енсен упоминает еще об одном деле из Стокгольмского архива. Это дело о сыне Войнаровских — Станиславе. В 1743 г. последний поднял вопрос о возвращении ему отцовских поместий,

---

[23] Указ. соч. С. 180.

[24] Там же.

[25] *Енсен А.* Указ. соч.

[26] Там же. С. 181–182.

конфискованных в свое время Петром I на Украине. Чем закончилось это дело, неизвестно. В том же году он ходатайствует перед шведским правительством о предоставлении ему титула графа:

> «Мой отец находится в далекой ссылке без надежд спастись оттуда, а мы потеряли все наше имущество, — пишет Станислав королю. — Прошу смиренно, чтобы Ваше королевское Величество изволили для утешения в таком несчастье, придать мне чести и титул шведского графа»[27].

Перейдем же к самому трагическому периоду жизни нашего героя — его якутской ссылке, которую — по свойствам климата — можно назвать суровевшей в России. «Это место находится на самом северо-востоке [страны], поэтому климат здесь очень холодный, — пишет японец Д. Кодаю, волею судьбы оказавшийся в Якутске в правление Екатерины II. — <...> Отсюда до Ледовитого океана не более 2400–2500 верст». Кодаю добавляет, что обитатели Якутска одеваются в шкуры, а лицо прикрывают мехом «от носа и ниже» — «иначе кровеносные сосуды перемерзают, омертвевают, нередко [же] отваливаются уши и нос» [28].

«Якутск носит на себе совершенный отпечаток холодного, мрачного Севера»[29], — напишет немногим позднее полярный исследователь Ф. П. Врангель. Единственной достопримечательностью города Ф. П. Врангель называет старинную деревянную крепость, ветхие угловые башни которой угрожают своим падением. Цивилизация долго не могла добраться до Якутска: так, еще в XVII веке, когда запаздывал «зимний завоз» бумаги, в местном приказе писали отчеты на бересте. Оконного же стекла в Якутске не знали вплоть до начала XX в. Редко когда в маленькие бревенчатые окна вставляли слюду — чаще использовали бычьи пузыри, которые давали скудный рассеянный свет. В некоторых же домах использовали вместо стекол толстые льдины, которые вырезали из замерзшей реки по размеру окна. Жестокий мороз тут же «схватывал» льдину, которая стояла в избе до начала полярного лета.

Вот в таких суровых условиях проводил остаток своей жизни племянник Мазепы, когда-то называвший себя графом и бывший накоротке с королями.

Историк сибирской ссылки Ф. Г. Сафронов сетовал: «Что делал, чем занимался в Якутске... А. Войнаровский? Ответить на этот

---

[27] Там же. С. 185.

[28] *Кацаругава Хосю.* Краткие скитания в северных водах. М., 1978. С. 73.

[29] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах. М., 1948.

Илл. 6. Якутская крепость, построенная Ермаком.
Гравюра. 1837.

вопрос невозможно»[30]. Далее автор упоминает встречу Г. Ф. Миллера со знаменитым ссыльным: «Вот все, что известно о А. Войнаровском. Слишком мало...»[31] — резюмирует исследователь.

Впрочем, Сафронов приводит документ, обнаруженный им в ЦГАДА и проливающий свет на некоторые подробности жизни нашего героя в Якутске. Это «Дело по доношению арестанта Андрея Войнаровского о выдаче ему денежного и хлебного жалованья» на 1741 г.[32] Опираясь на это «Дело», Сафронов заключает, что в Якутске Войнаровский жил на поселении, имея возможность выбирать род занятий в рамках дозволенного. Но самое главное, что упоминаемый документ опровергает устоявшееся мнение о том, что Войнаровский скончался в 1740 г. Это произошло позже, если учитывать, что последний хлопотал о получении жалованья в 1741 г. С другой стороны, как объяснить устойчивую традицию считать годом смерти А. Войнаровского 1740-й: именно в этом году шведское правительство известило Анну Войнаровскую о смерти ее мужа в Якутске?

---

[30] *Сафронов Ф. Г.* Из истории якутской ссылки первой половины XVIII в. // Ученые записки якутского государственного университета. 1963. Вып. 14. С. 99.

[31] Там же. С. 101.

[32] Там же.

Увы, ответа на этот вопрос пока нет, и, таким образом, год смерти нашего героя остается неизвестным — как, впрочем, и место его последнего упокоения. И поневоле хочется повторить вслед за Ф. Г. Сафроновым: «Вот все, что известно о А. Войнаровском. Слишком мало...».

Игорь Владимирович Курукин
(Москва)
Доктор исторических наук, профессор
Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета

Екатерина II, академик Иван Стриттер и педагог Фёдор Янкович за составлением официального учебника русской истории

Igor V. Kurukin

Catherine II, Academician I. G. Stritter and Teacher F. I. Yankovich Compiling the Textbook on Russian History

Аннотация: Статья посвящена разбору содержания первого официального учебника по отечественной истории для российских школ, созданного в ходе реформы Екатерины II. Его автор, сербский педагог Ф. И. Янкович, сумел сделать из непригодного для школы объемного сочинения своего предшественника, профессионального историка И. Г. Штриттера компактный и легкий для усвоения учебник. Периодизация материала близка к современной. В каждом из пяти разделов учебник рассказывал «о внутреннем состоянии России». По сравнению с другой подобной продукцией, учебник Янковича не допускал грубых передержек и был максимально объективен.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the contents of the first official textbook on Russian history for Russian schools created during the reform of Catherine II. Its author, a Serbian teacher F. I. Yankovich, managed to make a compact and easy-to-learn textbook out of a volume and unsuitable for school

essay by his predecessor — professional historian I. G. Stritter. The periodization of the material is close to modern. In each of the five sections the textbook told "about the internal state of Russia". Compared to other similar books, Yankovich's textbook did not allow gross overexposure and was as objective as possible.

Ключевые слова: учебник русской истории XVIII века, Ф. И. Янкович, И. Г. Штриттер, Екатерина II.
Keywords: textbook on Russian history of the 18th century, F. I. Yankovich, I. G. Stritter, Catherine II.

Сербский педагог Фёдор Иванович Янкович (1741–1814)[1] в 1783 г. возглавил главное народное училище в Петербурге и разработал план «к сочинению российской истории». К подготовке учебника Комиссия по учреждению народных училищ привлекла адъюнкта Академии наук Иоганна Готгильфа (Ивана Михайловича) Штриттера (1740–1801), ранее осуществившего публикацию свода данных византийских историков о славянах[2]. Штриттер взялся за труд и с 1784 г. регулярно присылал в Петербург свои «тетради», которые тут же переводились с немецкого на русский и были удостоены «собственным ее величества чтением».

Екатерина, как известно, «апробовала» подготовленный текст по истории — он не должен был содержать ничего умалявшего достоинства государства и его правителей. Надлежало вычеркнуть «нелепые басни» о мести княгини Ольги древлянам. «Соблазнительно покажется всей России, — считала императрица, — аще приимите толкование... о происхождении российского народа от финнов». Беспокоил государыню вопрос о политико-национальных симпатиях автора: «Господин Стриттер откуда уроженец? Конечно, он какую ни есть национальную систему имеет, к которой натягивает. Остерегитесь от сего»[3].

В 1782–1783 гг. вышли «История России» француза П. Ш. Левека и «Естественная, нравственная, гражданская и политическая

---

[1] О его деятельности см.: *Воронов А. С.* Фёдор Иванович Янкович де-Мириев о, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858; *Лещиловская И. И.* Русско-сербские связи в области педагогики во второй половине XVIII в. (Ф. И. Янкович де Мириево) // Е. Р. Дашкова и эпоха Просвещения: Сборник статей по материалам X Дашковских чтений, март 2004 г. М., 2005. С. 95–104.

[2] См.: *Стриттер И. М.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов: В 4 ч. СПб., 1770–1775.

[3] Цит. по: *Старчевский А. В.* Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 235–236.

история древней и новой России» его соотечественника Н. Г. Леклерка. Оба автора преподавали в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе и не были совсем уж «клеветниками России». По Левеку, Русь имела с XI века почти такое же «феодальное правление», как и другие страны Европы, и развивалась самостоятельно. Он считал, что деспотизм Петра I мог быть оправдан лишь в том случае, если бы царь «заставил господ освободить своих крестьян». По его мнению, «русские сравняются со всеми свободными народами и превзойдут их, если только они когда-нибудь достигнут свободы». Успехи Пугачёва в крестьянской войне он объяснял «ненавистью по отношению к дворянству и обещаниями уничтожить рабство»[4].

Леклерк же допускал нелепые и обидные суждения: православные монахи — «мужики без воспитания»; священники прощают ворам грехи за половину добычи; патриарх Никон «переменил все законы церковные», а деньги, полученные от польского короля; Россия до Петра I «не имела законов гражданских писанных»[5]. «Унижают российскую историю, — писала Екатерина в 1783 г. своему постоянному корреспонденту барону Мельхиору Гримму, — Леклерк и учитель его Левек, оба скоты и, не прогневайтесь, скоты скучные и гнусные»[6].

Екатерина отметила эрудицию Штриттера — «полнее ее ни единой нету». Она даже сочла справедливой критику в адрес собственных исторических изысканий, но отметила их достоинство: «...что написано, то написано: по крайней мере ни наука, ни государство во оных не унижено».

Штриттер за три года прошел путь от коллежского асессора до статского советника, т. е. поднялся из VIII сразу в V класс Табели о рангах. Но в 1789 г. переписка Комиссии со Штриттером прервалась на восемь лет. Сам он в 1797 г. уверял: «...о переводе и будущем издании трудов моих оставлен был без всякого уведомления и из сего заключить мог, что сочиненная мной Российская

---

[4] См.: *Шанский Д. Н.* Французская историография феодальной России. М., 1991. С. 31–39; *Сомов В. А.*: 1) Книга П. Ш. Левека «Российская история» (1782 г.) и ее русский читатель // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1982. С. 82–99; 2) Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. С. 202–210.

[5] Цит. по: Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненныя генерал-маиором Иваном Болтиным: В 2 т. Т. 1. СПб., 1788. С. 121, 131, 213–214, 539.

[6] Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 88.

история здесь напечатана не будет»[7], — хотя какого-либо указания на недовольство его работой в бумагах Комиссии нет.

Но при Павле I в 1797 г. Комиссия возобновила сотрудничество со Штриттером и просила его назвать размер вознаграждения. Опять в Петербург пошли посылки с рукописями. Сам автор увидел напечатанной только первую часть своего труда — целиком он вышел уже после его смерти от «параличного удара» в 1801 г.[8]

Однако трехтомное сочинение (доведенное только до 1462 г.) для изучения в школе не годилось. Основным учебником стала «Краткая российская история» (СПб., 1799), составленная Янковичем на основе материалов Штриттера и выдержавшая к 1821 г. восемь изданий[9]. Учебник Янковича был краток (191 с.), насыщен фактами и имел четкую структуру: догосударственный период (до 862), Русь домонгольская (862–1224), средневековый период (1224–1462), время единого государства (1462–1613) и тогдашняя новая история (1613–1797), — что не слишком отличается от современной периодизации.

Каждый из пяти периодов делился на две части («О государях» и «Внутреннее состояние России»), а те — на параграфы, довольно короткие и легко усваиваемые. Автор явно стремился сделать текст легким для восприятия. Говоря о расселении восточных славян и их соседей, он ссылался на современные ему границы губерний; а московские придворные чины XVI–XVII веков «переводил» в современные понятия: фельдмаршал, камер-юнкер, ландмилиция («дети боярские»).

Центральными событиями, отделявшими один период истории от другого, стали призвание Рюрика, татарское нашествие, начало правления Ивана III (1462), утверждение в 1613 г. династии Романовых — вплоть до 1797 г. Новшеством для того времени было наличие карт.

Автор тактично ушел от проблемы происхождения славян: их «пришествие» (неизвестно, когда и откуда) упоминалось, но они же назывались исконными жителями Восточной Европы и были «благонравны, правдолюбивы, в словах и обещаниях тверды». Вопрос об этнониме «Русь» также снимался — «предел от Финляндии

---

[7] РГИА. Ф. 730. Оп. 1. № 37. Л. 100–101 об.

[8] См.: История Российского государства, сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером: В 3 ч. СПб., 1800–1802.

[9] См.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в.: В 3 ч. Ч. 2. Л., 1965. С. 63–64; *Зябловский Е.* Историческая повесть об учительской семинарии и педагогическом институте. СПб., 1833. С. 31.

к востоку до Уралу и от Белого моря к югу до Двины и Полоцка до пришествия славян именовался Русь», а призванные в 862 г. варяги («жители разных племен при Балтийском море»), по мнению автора, были «из поколения руского»[10].

Основное место в учебнике было отведено истории государства — изначально самодержавной монархии. Изложение шло строго по великим княжениям, хотя автор и признавал, что уже в XII веке «власть Великого князя Киевского была уже столь слаба, что прочие удельные князья вышли из послушания к нему и себя ставили ему равными».

Князь Олег в изложении Янковича «заводил города и учредил подати», он же основал Москву. Истинным же «самодержцем всея соединенныя России» назывался князь Владимир I Святославич; все соседние державы желали его дружбы и предлагали вступить в союз, при этом каждая ратовала за свою веру[11].

Усобицы и выделение в XII веке земель и княжеств однозначно трактовались как «упадок» державы, приведший ее в «конечное расстройство»[12]. Оно было усугублено владычеством татар: науки и художества «исчезли совершенно», а князья устраивали в Орде «наговоры» друг на друга; только церковь тогда «наслаждалась полной свободой».

Текст сглаживал неудобные для правителей моменты. Рюрик «отнял у Оскольда южную страну России», а смерть князя Игоря от древлян упоминалась без пояснений. Святослав «войны никогда не начинал, не объявя наперед желания своею к мирным переговорам» — хотя в тексте летописи упоминания о подобном миролюбии нет. Ярополк погиб в усобице после смерти Святослава, но виноваты в том только «ласкатели» Владимира и коварный предатель Блуд. Автор сообщал, что митрополит Исидор «захотел было делать самопроизвольно некоторые в законе перемены», но не говорил, по какой причине и какие.

Легенда о полученных Мономахом от византийского императора Алексея Комнина знаках царского достоинства связывала преподававшуюся в XVIII веке школьную историю с официальной московской политической теорией XVI столетия — «Сказанием о великих князьях Владимирских»[13].

---

[10] См.: Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799. С. 2, 11.

[11] См.: Там же. С. 22.

[12] См.: Там же. С. 43.

[13] См.: Там же. С. 38.

К чести автора, он пытался быть объективным, особенно когда речь шла о древних временах. Так, он признавал, что тверской князь Александр Михайлович и его сын были убиты в Орде «по наговорам великого князя Иоанна Даниловича», а Дмитрий Донской, «имев в намерении основать самодержавие, притеснял сильнейших в то время российских князей». Восстановителем самодержавия, единства и независимости страны стал Иван III — он «распространил знатно российские пределы».

Особую трудность для Янковича представляла оценка деяний Ивана IV, который «был строг и вспыльчив, что и подало причину к названию его Грозным; но при том справедлив, храбр, в вознаграждениях щедр и особенно старателен о просвещении и благоденствии России»[14]. Во избежание ненужных толкований было исключено упоминание опричнины, и лишь вскользь говорилось о неудачной Ливонской войне: ее участники «в 1582 году преклонены были взаимными потерями к миру». А «происками» овладевший престолом Борис Годунов с подачи автора учебника прочно вошел в «школьную» историю как злодей и убийца царевича Дмитрия.

Новгород предстает печальной аномалией исторического развития, поскольку новгородцы и псковичи,

> «приобревши чрез торговлю великие богатства и имев издревле еще со времен Ярослава I Владимировича многие преимущества, часто вступали они в несогласие и ссоры с князьями своими и как сами себя, так и другие княжения ввергали в междуусобия».

В итоге их законно лишили вечевого правления «за жестокость и наглость, с каковою новгородские бояра грабили и даже до смерти бивали бедных и слабых граждан». Таким же чуждым явлением выглядели и ведущие «распутное житие» на окраинах вольные казаки[15].

Янкович выделял один из действенных рычагов политики централизации:

> «К надежнейшему удержанию завоеванных стран навсегда за Россиею переселяемы были самые знатные и богатые люди из большой части оных стран внутрь России, а на место их переводимы были природные россияне».

Применительно к каждому из пяти периодов учебник рассказывал «о внутреннем состоянии России»: территории, денежной системе, торговых связях. Так, в социальной структуре Древней Руси

[14] См.: Там же. С. 130.

[15] См.: Там же. С. 63, 111.

автор выделял бояр, дворян, гостей, купцов, свободных и рабов с «особенными своими правами»; говорил о создании училищ при Ярославе Мудром и о появлении на Руси в XIV–XV веках вновь «римских и греческих художников». Приводились сведения о Судебнике Ивана IV и Соборном уложении 1649 г., об устройстве московского войска, о географических открытиях Семена Дежнева и Витуса Беринга, о заведении полотняных и шелковых «фабрик» при Петре I.

Ближе к современности учебник становится более сухим и кратким. Периоду с 1613 по 1797 г. уделена всего 41 страница, причем бóльшая часть (35 с.) посвящена правителям, а обзор «внутреннего состояния» (территория, религия, законы, войско, науки и художества, монеты, торговля) занимает всего пять страниц.

Отсутствовали привычные для учебников нашего времени события, например: войны между членами великокняжеского дома во второй четверти XV века, восстания 1547 и 1648 гг. и движение Разина. Не говорилось о Сергии Радонежском и патриархе Никоне — видимо, чтобы лишний раз не подчеркивать роль церкви. Нет сведений и о расколе; царь Алексей Михайлович лишь «старался о благоустройстве церковном, созвал на тот конец собор», но непонятно, с какой целью.

Зато львиную долю объема учебника заняли деяния Петра I: войны, создание армии и флота, промышленных предприятий и учреждений, культурные новации, например: введение нового летосчисления и основание Академии наук.

Но и для остальных правителей нашлось место — правда, без упоминания дворцовых переворотов: супруга Петра I открыла Академию наук; время Петра II отмечено экспедицией Беринга, введением Вексельного устава и договором с Китаем; Анна Иоанновна вела успешные войны, завела Кадетский корпус и два новых полка гвардии; при ней Бирон стал герцогом в Курляндии, а лейтенант Мартин Шпанберг впервые достиг берегов Японии. Янкович упоминает и Бирона, который был «удален», и младенца Ивана Антоновича, чье правление «недолго продолжалось», тогда как иные авторы просто «вычеркивали» их из истории. Царствование Елизаветы отмечено победами над Швецией и Пруссией, основанием университета и началом заселения Новороссии сербами. Пётр III отменил Тайную канцелярию, объявил о вольности дворянства, «приуготовлял великие ополчения для отнятия от Дании герцогства Голшшейн-Готторпскаго... но в течении того времени скончался 6 июля 1762 года»[16].

---

[16] См.: Там же. С. 173, 177, 180.

Более подробно представлена эпоха Екатерины II: императрица привила себе оспу, сочинила Наказ, много путешествовала, основала Воспитательный дом и Смольный институт, провела секуляризацию церковных владений, пригласила на поселение в России иностранцев, учредила новые губернии. При ней дворяне и города получили новые права, появились новые школы. Россия выиграла две войны с турками и присоединила Крым, а также значительно расширила свои границы в Европе: «...в 1794 году государыня приобрела знатную часть» Польши и Курляндию. Георгиевский договор 1783 г. ознаменовал утверждение России на Кавказе.

Разумеется, в официальной истории не было упоминаний ни о чем, что могло бы нарушить эту картину (например, о восстании Пугачева или крепостном праве); напротив, утверждалось, что при Екатерине II «крестьянам доставлена большая удобность к скорейшей и выгоднейшей распродаже своих избытков распространением внутренней торговли».

И все же текст Янковича, не бывшего историком, является, пожалуй, одним из лучших учебников того времени. Он по законам жанра умалчивал о некоторых политически сомнительных событиях, без чего не обходится ни один учебник, однако не допускал выдумок и неуклюжих оправданий.

Авторы прочих учебных пособий на сей предмет не стеснялись. К примеру: «...поступки его [Ивана IV. — *И. К.*] извинительны, судя по обстоятельствам тогдашних времен, когда народ, находясь в глубоком невежестве, не выполнял своих обязанностей». Но действия народа простительны, поскольку двигала им «всеобщая во нравах, от татар прежде легко вкравшаяся, а не в природе россиян бывшая грубость»[17]. Восстание Кондратия Булавина якобы произошло «по подговору Мазепы», а сам донской атаман являлся агентом турок[18]. Стенька Разин осознал свое противогосударственное поведение, «прибыл с повинной» к царю Алексею Михайловичу, но все же был по заслугам казнен за «грабительства»[19]. Царевич Алексей оказал «скользость в неприличных поступках» и скончался «от внутреннего сокращения духа и тела». А Иван Антонович воцарился «беззаконно», а потому был «доброчестно заключен», а затем к всеобщему

---

[17] *Мальгин Т.* Зерцало российских государей с 862 по 1789 г. СПб., 1794. С. 66; *Нехачин И.* Новое ядро российской истории: В 2 ч. Ч. 1. М., 1795. С. 98.

[18] См.: *Глинка С. Н.* Русская история 3-е изд.: [В 14 ч.]. Ч. 7. М., 1823. С. 63.

[19] См.: *Ефремов Н.* Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск, 1797. С. 145.

облегчению лишился «тягостной самому ему и ни к чему не способной жизни»; Пётр III, «слыша, что народ не доверяет его поступкам, добровольно отрекся от престола и затем скончался в Ропше»[20].

По сравнению с этими «изысканиями» учебник Янковича предстает поистине образцом объективности — насколько она была возможна в ту эпоху. Как, впрочем, и в любую другую...

[20] См.: *Мальгин Т.* Указ соч. С. 526; *Нехачин И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 396, 417; *Талызин М. И.* Краткая история России с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других державах: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1815. С. 238.

Андрей Сергеевич Ряжев
(Москва)

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Центр истории русского феодализма,
Институт российской истории РАН

Лютеране, пиетисты, янсенисты и другие: вероисповедные «партии» в Петербургской академии наук в конце 20-х — начале 30-х гг. XVIII века

Andrey S. Ryazhev

Lutherans, Pietists, Jansenists and Others: Religious "Parties" at the St. Petersburg Academy of Sciences in the Late 20s — Early 30s of the 18th Century

Аннотация: Статья посвящена религиозно-политической обстановке в Академии наук при преемниках Петра I. Охарактеризованы вклад в создание Академии протестантов — адептов союза православия и протестантства, значительное присутствие пиетистов среди академиков, напряженные отношения обеих конфессий друг с другом, с католиками, янсенистами и их единомышленниками в Академии. Основное внимание уделено взаимосвязи академической и придворной политической борьбы.

Abstract: The article mainly concentrates on the religious and political situation in the Russian Academy of Sciences under the successors of Emperor Peter I. The paper examines the contribution of Protestants — adherents of the union

of Orthodoxy and Protestantism — to the creation of the Academy, the significant presence of Pietists among academics, the tense relations of both confessions with each other, with Catholics, Jansenists and their like-minded people in the Academy. Author concludes that the balance of power in the Academy depended on the religious and political struggle at the Russian court.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Петербургская академия наук, протестанты, католики.
Keywords: Russian Empire, early Modern Times, St. Petersburg Academy of Sciences, Protestants, Catholics.

Вероисповедная политика российских монархов в XVIII веке — актуальный вопрос современной историографии[1]. Важный аспект вопроса — влияние европеизации на меры самодержавия в отношении религии. На протяжении столетия увеличивалось присутствие в России иноземцев, принадлежавших к разным исповеданиям, особенно при дворе и в столичных городах. Соответственно, верховная власть, начиная с петровских времен, сталкивалась с необходимостью регулировать отношения, во-первых, между носителями различных «законов» — европейско-христианских вероучений и, во-вторых, между европейцами в целом и господствовавшей в стране Греко-российской церковью. После смерти Петра I, во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XVIII века такое регулирование было осложнено общественно-политической борьбой, определившей в итоге и судьбу петровских преобразований.

С учетом сказанного значительный интерес вызывает религиозно-политическая ситуация в Академии наук в этот период. Ее история в обозначенный отрезок времени дает возможность вскрыть отношения между религиозными общинами европейцев в ключевую послепетровскую эпоху, проследив их на примере наиболее образованной и вовлеченной в европейскую жизнь части этого сообщества — академиков и иных сотрудников Академии, трудившихся в сфере науки. Исследование академической среды важно и для понимания того, каким образом при ближайших петровских преемниках власть предержащая осмысливала общественное и культурное взаимодействие Европы и России, в котором члены Академии Наук принимали участие с обеих сторон в равной степени. В этой связи необходимо изучить вероисповедную ситуацию непосредственно в Академии, что и является задачей настоящей статьи.

[1] *Ряжев А. С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки. 2005: Историографический вестник. М., 2006. С. 82–84.

Предварительное терминологическое замечание. Под вероисповедными «партиями» здесь нужно подразумевать аморфные сообщества людей одного исповедания. Они были движимы, как свидетельствуют источники, представлениями своего исповедания в отношении прочих «законов», свойственных эпохе и региону происхождения, и оказывались способными действовать сообща лишь настолько, насколько их могли сплотить устойчивые личные связи или религиозность, индивидуальная и групповая. Подобные «партии» не являлись, разумеется, ни партиями в наиболее привычном для Нового времени смысле, ни более или менее организационно оформленными группами с общей культурной или эстетической программой, наподобие масонских лож или литературных обществ.

Проблематика взаимоотношений религиозных групп в Академии наук отчасти прослеживалась в трудах по истории Академии[2]. Она также рассматривалась специалистами по истории германского пиетизма и его связей с Россией. Среди них, прежде всего, немецкие авторы, такие как Т. Вочке (до Второй мировой войны) и Э. Винтер (после нее), Ш. Райхельт и М. Шиппан (в наши дни)[3]. Отечественные авторы также внесли свой вклад в изучение темы[4]. Вопрос о влиянии протестантизма на российскую общественную и церковную мысль раннего Нового времени остается актуальным для историков и филологов России и зарубежья, рассматривающих его с разных методологических позиций[5].

---

[2] *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870; *Модзалевский Б. Л.* Список членов Императорской академии наук. 1725–1907. СПб., 1908.

[3] *Wotschke T.* Der Pietismus in Petersberg // Deutsche Wissenschaftliche Zeitschrift für Polen. 1930. Heft 19. S. 107–123; *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; *Reichelt S.* Johann Arndts “Vier Bücher von Wahrem Christentum” in Russland. Leipzig, 2011; *Шиппан М.* Рецепция протестантских авторов в России в XVIII веке (Spalding, Crugot, Stender) // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Wittemberg, 2004. Berlin, 2007. P. 237–249.

[4] *Щукин В. В.* Симон (Тодорский), архиепископ Псковский и Нарвский (биографический очерк). Псков, 1899; Августин (Никитин), архим. Иоганн Арндт и Русская Православная церковь // Научные труды кафедры богословия СПбДА. СПб., 2016. С. 158–200.

[5] *Менгель С. В.* Русские переводы Халльских пиетистов: Симеон Тодорский, 1729–1735 гг. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 3. С. 89–103; *Кочеткова Н. Д.* Пиетизм и русское масонство // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International

Широкая археографическая разработка отечественной истории науки позволяет определить круг источников о деятельности Петербургской академии наук и персоналиях, связанных с ней, охарактеризовать сложившуюся в ней в указанное время обстановку[6].

С петровских времен в Европе наметился интерес к России в связи с планами объединения некатолических и, шире, непапских церквей или же построения универсальной, вселенской церкви, которая ничем бы не напоминала церковь католическую. Общественный интерес к этому выражал, например, Н. Витзен, бургомистр Амстердама; были и другие сторонники замыслов такого рода, столь же хорошо известные Петру I. Первыми воплощать в жизнь подобный подход стали пиетисты, у которых именно в этой связи возник интерес к России. Как следствие, в конце XVII века не замедлили появиться первые опыты создания грамматики русского языка для европейцев: например, грамматика Г. В. Лудольфа, живо интересовавшегося именно русской церковной историей[7].

Пиетисты включили Россию в план своей глобальной миссии, который предусматривал миссионерство на окраинах России: должную лингвистическую и организационную подготовку миссионеров пиетисты университета г. Галле начали в 90-е гг. XVII века[8]. Кроме того, предполагалось распространение Библии и переводной пиетистской (или отвечающей учению пиетистов) литературы на русском языке. С планами коррелировали образовательные практики и проекты пиетистов из Галле для России. Известно, что к ним тогда смог присоединиться и пройти обучение талантливый лингвист С. Ф. Тодорский, позже архиепископ Псковский и законоучитель Петра III и Екатерины II[9].

Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Wittenberg, 2004. Berlin, 2007. P. 229–236; *Ivanov A.V.* A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia. Madison, 2020.

[6] Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1: 1716–1730. СПб., 1885; Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 1: 1725–1743. СПб., 1897; Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона. Т. 1: 1732–1733. М., 1892; Т. 2: 1734–1735. М., 1903; *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903; Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719–1753. Ein Beitrag zur Geschichte der kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1860.

[7] *Ларин Б. А.* Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Материалы и исследования по истории русского языка. Л., 1937. С. 111–114; *Winter E.* Op. cit. S. 201.

[8] *Teigeler O.* Die Herrnhuter in Russland. Ziel, Umfang und Ertrag ihrer Aktivitäten. Göttingen, 2006. S. 288–399.

[9] *Winter E.* Op. cit. S. 227–254, 387, 416.

Пиетисты обладали прочными позициями в Прибалтике. Ее вхождение с состав России во время Северной войны послужило стимулом для миссионерских проектов пиетистов. В значительной степени этому способствовало и вхождение пиетистов в ближний круг Петра I и его семейства, чему активно содействовал пастор И. Э. Глюк. Сам он не разделял воззрений пиетистов, но сочувствовал им и поддерживал их миссионерские устремления. Должную роль в петровское время сыграла и система связей при царском дворе, отлаженная пиетистами с конца XVII века[10].

Крупнейшей фигурой среди пиетистов в России после смерти И. Э. Глюка стал И. В. Паузе (Паус), сменивший покойного пастора на посту директора гимназии, близкий А. Г. Франке — основоположнику пиетизма в Германии, а также автор одной из первых европейских грамматик русского языка. Одним из учеников Паузе значился Л. Л. Блюментрост — первый президент Петербургской академии наук[11]. Соответственно, призыв пиетистов в Академию, их устойчивое присутствие там были предопределены. Подтекст участия пиетистов в работе Академии наук очевиден — объединительный проект некатолических церквей. В частности, И. П. Коль, один из первых академиков, знаток русской церковной истории, известен именно как горячий адепт церковного слияния. Роль сыграли и остзейские пиетисты: их опыт гимназического преподавания учитывался при создании Петербургской академии[12].

Российская европеизация, обеспечившая возникновение и функционирование Академии, имела неизбежное следствие, а именно перенос на русскую почву религиозных расхождений и противоречий, свойственных Европе изучаемого времени: между католиками и протестантами, между различными направлениями протестантизма, между западным и «греческим» (православным) христианством. Эти противоречия столь же неизбежно захватывали все сферы жизни и институции, где иноземцы-европейцы были представлены достаточно широко, — и Петербургская академия наук не являлась исключением.

Протестанты в России при Петре I и на протяжении столетия после завершения его правления сохраняли сильное предубеждение против католиков. Об этом сообщал Х. Г. Нацциус, один из первых

---

[10] *Фундаминский М.* Коммуникационная сеть галльских пиетистов в России // Инославные церкви в Санкт-Петербурге. СПб., 2004. С. 57–60.

[11] *Винтер Э. И.* В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 313–322.

[12] *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 77–80.

пасторов-евангеликов в Санкт-Петербурге в письме к А. Г. Франке в 1711 г.[13] Но неспокойно чувствовали себя не только протестанты. Католики в свою очередь старались, так сказать, держать порох сухим, если речь шла об их отношениях с протестантами или если они считали, что российские власти уравнивают их в чем-либо с последними, тем самым унижая их[14].

В целом складывавшиеся условия не могли не спровоцировать разлад между пиетистами и лютеранами в Академии. Стороны обменивались обвинениями в безбожии, транслировавшимися опять-таки из Европы: известно, что крупнейшие рекомендатели лютеран в Петербургской академии — Г. В. Лейбниц, Хр. Вольф — неоднократно подвергались на родине подобным нападкам, исходившим именно от лагеря пиетистов. Так, длительная борьба, которую вел пиетист И. И. Ланге против теорий Хр. Вольфа, происходила именно на почве подобного противостояния. В складывавшихся условиях лютеранам, входившим в Академию и уступавшим пиетистам численно и организационно, оставалось держать пассивную оборону.

Слабость лютеранской «партии» по сравнению с пиетистами усугублялась их более долгим и трудным привыканием к российским условиям. Это касалось и их отношения к русской церкви: новоприбывшие в Россию академики-лютеране считали ее обряды архаичными, едва ли не языческими, а ее общественную роль — чрезмерно завышенной. Показателен эпизод 1726 г., когда в ответ на соответствующие рассуждения относительно церковных порядков в России со стороны Л. Л. Блюментроста последовало строгое внушение «господам академикам»[15]. Пиетисты обычно проявляли больше осторожности, президент же Академии, будучи пиетистом, не мог отказать себе в привычном удовольствии досадить лютеранам.

В целом отношения между обеими «партиями» характеризовались неровностью. И. В. Паузе в заключительные годы службы в Академии отмечал, что у него здесь много недругов, и связывал с их кознями пропажу его рукописей 1724–1729 гг. Судьба научного наследия Паузе в связи с вероисповедными противоречиями оказалась действительно печальной. После его смерти помещение,

---

[13] *Холтроп П. Н.* Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). Краткий обзор // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). СПб., 2001. С. 16; *Wotschke T.* Op. cit. S. 107, 108.

[14] *Ряжев А. С.* Капуцины против францисканцев: борьба за католическую общину Санкт-Петербурга в оценке российских властей // Санкт-Петербург — город петровской мечты: Материалы XVI Международного петровского конгресса. СПб., 2024. С. 248.

[15] *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. XL, XLI.

где хранился его личный архив, было взломано, а бумаги полностью расхищены. С католиками лютеране сосуществовали также не бесконфликтно, и Л. Л. Блюментросту приходилось время от времени смягчать возникавшие противоречия. Положение лютеран не улучшилось и после того, как на месте академического президента вместо Блюментроста оказался один из его преемников И. А. Корф. Курляндец, лютеранин, он пользовался большим расположением одноверных, ему симпатизировали лютеранин Л. Эйлер и реформат Д. Бернулли. Но сам Корф, в отличие от других курляндцев — как правило, лютеран-ортодоксов, обладал отчетливыми пиетистскими и даже гернгутерскими взглядами. Это подтверждается его приверженностью к сочинениям И. Арндта, ценимого и пиетистами, и гернгутерами, стремлением распространять в России тексты Арндтовых сочинений на русском, в особенности книгу «Об истинном христианстве», переведенную в свое время Симоном (Тодорским). Финалом же академической карьеры Корфа стали несчастная любовь к даме из остзейского рода Менгденов, стоявшего на стороне гернгутеров, дуэль с соперником, обвинения в безбожии, высказанные ближайшим лютеранским окружением[16]. Все это оставляет мало сомнений в его вероисповедной позиции.

Напряжение конца 1720-х гг. толкало обе «партии» к поиску помощи в столице и при дворе. Но и тогда, и позже, при Анне Иоанновне, здесь наметилось равновесие, и ни у одной из сторон не получалось достичь перевеса. Пиетисты изначально ориентировались на Феофана (Прокоповича), которого поддерживали в трудные для него после смерти Петра I времена, и с укреплением в 1732 г. положения иерарха при дворе их позиции также упрочились. Лютеране же, закрепившиеся в Академии, нашли свою опору — ею оказался Антиох Кантемир.

Лютеранские связи А. Д. Кантемира сформировались в период обучения в Академическом университете: среди его преподавателей были реформат Н. Бернулли, лютеране Ф. Х. Майер, Х. Ф. Гросс, Г. З. Байер; сюда же относятся его контакты с Л. Эйлером. Любимым преподавателем и доверенным лицом Кантемира стал именно Х. Ф. Гросс. Его переписка с князем не прерывалась, несмотря на его уход из Академии. Его родной брат Г. Гросс состоял при Кантемире по дипломатической части в Лондоне и Париже, а после кончины дипломата исполнял обязанности его душеприказчика[17].

---

[16] *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 127–30, 134-140, 145, 518.

[17] *Левин Л. И.* Ученый и дипломат Христиан Фридрих Гросс по письмам и документам // Немцы в России: Российско-немецкий диалог: Сборник научных

Исключением в окружении Кантемира представляется только академик Г. Б. Бильфингер, пиетист. Но он, вероятно, не имел выраженной пиетистской позиции, коль скоро рекомендацию в Академию ему дал Хр. Вольф[18].

Протестанты расценивали Петербургскую академию наук как церковный объединительный проект, но аналогичный проект имелся и у одной из конкурирующих вероисповедных «партий» — янсенистов. Его судьба определилась на фоне коллизий при дворе, где в конце 1720-х гг. возникла прочная организационная связка: «верховники» — янсенисты — «староцерковники» (те, кто считал возможным восстановить в Русской церкви патриаршество). Общественным лицом этого начинания считался воспитанник янсенистов В. К. Тредиаковский: именно ему предстояло продвигать замысел слияния западной и восточных церквей и в придворных сферах, и в Академии. Крах «верховников» и последовавшее затем сближение В. К. Тредиаковского с Феофаном (Прокоповичем) предрешили неудачу янсенистского проекта[19].

Католики тоже проявляли интерес к России и к миссионерским инициативам пиетистов на ее территории. Поэтому после смерти уже упоминавшегося Г. В. Лудольфа его бумаги оказались в Риме, их штудировали католические миссионеры — соответствующее свидетельство по итогам своих занятий в ватиканском архиве оставил Е. Ф. Шмурло[20]. Но своего проекта касательно Петербургской академии они не предложили. Изначально академическая группа католиков была слабой, а после смерти Петра I еще более ослабла в сравнении с пиетистской и лютеранской «фракциями». Католики возлагали надежды на А. Д. Кантемира и предполагали использовать в своих целях его пребывание во Франции, но интересы не совпали: дипломата в Париже привлекали деятели науки и культуры — протестанты, а также янсенисты, но с четкими реформатскими или протестантскими симпатиями[21].

Со второй половины 1730-х гг. опорой для католиков Академии наук вполне мог стать А. П. Волынский. Известны его связи с като-

---

статей [По материалам международного семинара «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи»]. СПб., 2001. С. 16–21; *Плате А.* «Гросс потерян»: о задержавшемся в 1741 г. в России брауншвейгском дипломате // Диалог со временем. 2024. Т. 27. С. 342–355.

[18] *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 82, 83.

[19] *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 113–119, 123–125, 158, 159, 201, 202.

[20] См.: *Ларин Б. А.* Указ. соч. С. 11.

[21] *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Указ. соч. С. 134, 135.

ликами во время дипломатической поездки в Персию: среди его информаторов выделялись католические миссионеры, хорошо знавшие страну. Имеют подтверждение и его католические симпатии на посту астраханского губернатора[22]. Высокомерный и заносчивый вельможа не считал академиков людьми первого сорта и любезным обхождением их отнюдь не удостаивал. Тем не менее исключение нашлось — католик и корреспондент иезуитов Ж. Н. Делиль, личную переписку Волынский вел именно с ним. Расправа с В. К. Тредиаковским во время подготовки царской потехи в Ледяном доме этому не противоречит: Волынский склонялся к «истинным» католикам, тогда как на литератора рассчитывали янсенисты, и о его янсенистском прошлом сановник знал[23].

В контексте борьбы академических вероисповедных «партий» обращает на себя внимание, прежде всего, роль пиетистов в создании Академии наук и на первоначальном этапе ее работы. Питомцы университета в г. Галле, они внесли в Петербургскую академию свой «острый галльский смысл» — в данном случае вполне пиетистский.

Далее, необходимо отметить стойкость, живучесть вероисповедных коллизий и их соответствие расстановке придворных сил в указанное время. Примирения не произошло и позже. Известен ряд дальнейших событий в Академии: гонения И. Д. Шумахера на Г. Ф. Миллера (которого Шумахер хотел было считать своим зятем, но вдруг узнал о его дяде — профессоре в Галле), дело самого Шумахера, критика пиетиста И. И. Тауберта М. В. Ломоносовым, стабильно симпатизировавшим лютеранам[24]. Этот ряд ложится в канву трений между пиетистами и гернгутерами, с одной стороны, и лютеранами — с другой.

Наконец, налицо слабость католической позиции в Академии. «Плоды Просвещения» вырастали на почве, возделанной пиетистами и, вполне возможно, гернгутерами. В этом контексте старая максима Э. Винтера: «Просвещение в России — это протестантизм» — получает конкретно-историческое наполнение.

---

[22] *Корсаков Д. А.* Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк // ДРВ. 1876. Т. 1. № 1. С. 58; *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России: Историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого: В 2 т. Т. 1. СПб., 1876. С. 173.

[23] *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Указ. соч. С. 174, 175. А. П. Волынский был спесив и жесток по отношению к тем, кто стоял ниже его на социальной лестнице (См.: *Корсаков Д. А.* Указ. соч. С. 60). Его обращение с В. К. Тредиаковским объяснимо и с этой позиции.

[24] *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 312–318, 336–338, 643–645.

Александр Михайлович Пашков
(Петрозаводск)
Профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета

Ученые Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге и их исследования территории Карелии во второй половине XVIII века

Alexander M. Pashkov

Scientists of the Imperial Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg and their Studies of the Territory of Karelia in the Second Half of the 18th Century

Аннотация: Статья посвящена изучению вклада ученых Императорской академии наук и художеств в исследование территории Карелии во второй половине XVIII века. Интерес к этому региону был обусловлен его близостью к Санкт-Петербургу. Там побывали экспедиции И. И. Лепёхина (1772), Э. К. Лаксмана (1778), Н. Я. Озерецковского (1785) и П. Б. Иноходцева (1785). Результатом этих экспедиций стал серьезный прогресс в изучении территории и населения Карелии, показателем которого можно считать выдержавшее не одно издание сочинение Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» (СПб., 1792).
Abstract: The article is devoted to the study of the contribution of scientists of the Imperial Academy of Sciences and Arts to the study of the territory of Karelia in the second half of the 18th century. The interest in this region was due to its proximity to St. Petersburg. The expeditions of I. I. Lepjokhin (1772),

E. K. Laxman (1778), N. Ya. Ozeretskovsky (1785) and P. B. Inokhodtsev (1785) visited there. The result of these expeditions was a serious progress in the study of the territory and population of Karelia. The repeatedly published work of N. Ya. Ozeretskovsky "Journey Through the Lakes Ladoga and Onega" (St. Petersburg, 1792) may be considered an indicator of this progress.

Ключевые слова: Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге, И. И. Лепёхин, Э. К. Лаксман, Н. Я. Озерецковский, П. Б. Иноходцев.
Keywords: Imperial Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg, I. I. Lepjokhin, E. K. Laxman, N. Ya. Ozeretskovsky, P. B. Inokhodtsev.

О том значении, которое Императорская академия наук и художеств придавала во второй половине XVIII века изучению Европейского севера России, и, в частности территории Карелии, хорошо сказал академик Иван Иванович Лепёхин:

> «...я думаю, что и ближайшие наши провинции не менее заслуживают внимания, как и самые отдаленные, а открытия в них пред отдаленными гораздо полезнее быть могут... Находящиеся в сих провинциях горы испытателя труд наградят и любопытство удовольствовать могут: доказывают то от времени до времени самыми простолюдинами открываемые разные мраморы; должно думать, что и высоких металлов породы в них находятся. Олонецкая провинция, частию из сих гор составленная, давала нам свое железо, наконец, дает и самое золото»[1].

Близость к столице Российской империи Петербургу и удобные водные пути сообщения с ним, наличие больших запасов полезных ископаемых (руды и камень), развитая горнозаводская промышленность, стратегическое положение на границе со Швецией — все это диктовало необходимость всестороннего изучения территории современной Карелии и ее населения.

Во второй половине XVIII века на этой территории побывало по крайней мере четыре экспедиции, возглавляемые академиками Петербургской академии наук: И. И. Лепёхиным, Э. К. Лаксманом (1778), Н. Я. Озерецковским (1785) и П. Б. Иноходцевым (1785).

Иван Иванович Лепёхин (1740–1802) родился в Петербурге в семье солдата Семеновского полка[2]. В марте 1751 г. был принят в гимназию при Академии наук, по окончании которой в феврале 1760 г.

---

[1] *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 101–102. Высказывание относится к периоду между 1776 и 1779 г.

[2] Подробные биографические сведения об И. И. Лепёхине см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 3. СПб., 1876. С. 157–299.

стал студентом Академического университета. В сентябре 1762 г. его направили «для усовершенствования в естественной истории» в Страсбургский университет. Свое обучение он завершил в мае 1767 г., получив звание доктора медицины, и в октябре этого же года вернулся на Родину. Уже в июне 1768 г. И. И. Лепёхин был произведен в адъюнкты Петербургской академии наук и поставлен во главе большой «физической экспедиции»[3]. В состав его отряда входили гимназисты Андрей Лебедев, Тимофей Малеин, Николай Озерецковский (впоследствии академик), рисовальщик Михаил Шалауров и чучельник Филипп Федотьев. Отряд Лепёхина выехал из Петербурга 8 июля 1768 г.[4]

Вначале отряд исследовал центральную Россию, Поволжье, Урал и Западную Сибирь. Затем Лепёхин решил заняться изучением побережья Белого моря и Северного ледовитого океана. Выехав из Тюмени 21 мая 1771 г. руководитель экспедиции и его спутники через Верхотурье, Соликамск, село Усть-Сысола, Яренск, Сольвычегодск, Устюг Великий и Холмогоры добрались до Архангельска 30 августа 1771 г.[5] Во время этого путешествия Лепёхин узнал, что 8 апреля 1771 г. он был избран академиком Санкт-Петербургской академии наук. Проведя в Архангельске зиму, академик и его спутники в ночь с 18 на 19 июня 1772 г. вышли в море из Архангельска и направились в Соловецкий монастырь, прибыли туда 27 июня и через три дня, 30 июня, двинулись дальше[6]. Маршрут дальнейшего путешествия проходил через острова Кузова, Кемь, Кереть, Кандалакшу, Умбу и далее вдоль Терского берега. Уже 25 июля Лепёхин написал донесение в Академию наук из села Умба на Терском берегу. В этом донесении академик сообщал, что изучал залежи слюды на островах около Кеми и слюдяной промысел Керетской волости, добычу жемчуга в реке Кереть, а также заброшенный серебряный рудник на острове Медвежий в Кандалакшской губе Белого моря[7].

---

[3] Там же. С. 452.

[4] *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 101.

[5] *Лепёхин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. СПб., 1780. С. 38–330.

[6] *Лепёхин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 4. 1772 год. СПб., 1805. С. 29–81.

[7] *Таранович В. П.* Путешествие академика И. И. Лепёхина по Северу Европейской России в 1771 и 1772 годах // Труды Института истории науки и техники. Серия 1. Вып. 5. Л., 1935. С. 557–558.

О пребывании экспедиции Лепёхина на территории Карелии известно очень мало, поскольку свой отчет о путешествии он довел только до прибытия на Соловки[8], а его ученик Н. Я. Озерецковский, продолживший составление отчета, в поездке в Карельское Поморье не участвовал и ничего об этом не написал. Обратно в Архангельск Лепёхин и его спутники вернулись 21 сентября[9], после чего выехали в Петербург, куда и прибыли 24 декабря 1772 г.

Таким образом, участники экспедиции Лепёхина изучили только небольшой отрезок карельского побережья Белого моря между Кемью и Керетью, и собранная там информация никак не была отражена в путевом отчете руководителя экспедиции.

Значительно больше для изучения территории Карелии сделал *Эрик Густав (Кирилл Густавович) Лаксман (1737–1796)*[10]. Он родился в Финляндии в семье мелкого торговца, отучился несколько недель в университете Або (Турку), в 1762 г. приехал в Петербург, два года преподавал в Петришуле (немецкой школе при лютеранской общине), провел 4 года лютеранским пастором в Барнауле (1764–1768), много ездил по Сибири и увлекся ботаникой, минералогией и химией[11].

В 1769 г. Э. Г. Лаксман был избран иностранным членом Шведской королевской академии наук, а в феврале 1770 г. — ординарным академиком Петербургской академии наук «по экономии и химии». В 1776 г. Императорская академия наук отмечала свое 50-летие. В связи с этим была высказана идея создания подробного описания территории России и был создан комитет по подготовке этого труда. В начале 1778 г. был утвержден и опубликован «Проспект общего топографического и физического описания Российской империи». Работа шла в трех направлениях: история, статистика и физическая география[12]. Вскоре возникли проблемы: даже центральные районы страны были недостаточно обследованы, отсутствовали астрономические координаты разных городов и местностей.

---

[8] *Лепёхин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 4. С. 81.

[9] *Таранович В. П.* Указ. соч. С. 553, 557.

[10] Подробные биографические сведения об Э. Г. Лаксмане см.: *Лагус В.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890.

[11] *Лагус В.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. С. 8–52.

[12] Там же. С. 65, 80, 120, 127–129.

В рамках реализации плана было решено предпринять новые экспедиции, среди которых была и экспедиция Лаксмана 1778 г.

Одной из задач экспедиции было изучение водораздела Онежского озера и Белого моря и геологическое изучение действующих и заброшенных рудников и шахт. Участники экспедиции, которая началась в июле 1778 г., сначала изучали новгородские и тверские земли, Подмосковье, а в начале октября добрались до Петрозаводска[13].

По приезде Лаксман написал запрос в Канцелярию Олонецких Петровских заводов от 7 ноября 1778 г с просьбой представить информацию о всех казенных и частных заводах по восьми пунктам[14]. Перечень вопросов представляет большой интерес. Отдельный пункт посвящен истории горного дела («какие находятся здесь самые древние рудники и заводы с важнейшими их достопамятностями»). Требовалось дать информацию обо всех казенных и частных металлургических заводах, ежегодных объемах выплавки меди и чугуна и выковки железа. Отдельные пункты посвящены купоросному заводу, Марциальным водам и Воицкому золотоносному руднику. К описаниям требовалось приложить карту региона и планы имеющихся заводов и рудников. Поскольку Лаксман имел на руках ордер тверского, новгородского и псковского наместника генерал-поручика Я. Е. Сиверса с требованием к местным властям оказывать ему содействие, администрация заводов подготовила все требуемые материалы[15]. Среди них — представляющая большой интерес копия челобитной приписного крестьянина Ивана Ребоева об открытии им источника Марциальные воды с резолюцией Петра I: «За объявление сего, что первый знак лечения на нем означился, освобождается он и дом его с землей, чем владеет, от всех работ и податей на медных заводах в 22 марта 1722. Петр»[16].

---

[13] Там же. С. 130–135.

[14] Сообщение академика К. Г. Лаксмана в Канцелярию Олонецких Петровских заводов о цели своего путешествия и просьба предоставить ему сведения, необходимые для Академии наук городе [1778 г., ноября 7] // Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В 3 кн. Кн. 1: 1703–1803. Петрозаводск, 2001. С. 304–305.

[15] Ведомость, учиненная в Канцелярии Олонецких Петровских заводов по сообщению господина академика Лаксмана, сколько в ведомстве здешней Канцелярии состоит казенных и партикулярных заводов и рудников, и в каких местах о том значится ниже сего // НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 10/43. Л. 14–20.

[16] Челобитная Ивана Ребоева на имя царя Петра I от 22 марта 1722 года [Копия 1779 г.] // НАРК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 10/43. Л. 57–57 об.

Из Петрозаводска Лаксман совершил, вероятно, краткую поездку на Кончезерский завод и Марциальные воды и в середине октября вышел в Онежское озеро, изучая Заонежский полуостров, тамошнее население и его занятия. В Фоймогубе 20 октября он посетил старинный медный рудник, функционировавший в 1671–1674 гг., и описал его. Не обошел он своим вниманием и находившиеся там селения старообрядцев Тихвинский бор и Данилово, которые также подробно описал.

В конце октября Лаксман доехал до «замечательного Воицкого золотого рудника», открытого в 1737 г. местным крестьянином Тарасом Антоновым. Академик с восхищением писал о тамошней золотой жиле, «замечательной массивными и роскошными золотыми штуфами, из нее полученными»[17]. Лаксман посетил Воицкий рудник, когда он находился на пике своей производительности. В 1772–1783 гг. там было добыто 2 пуда 39 фунтов 48 золотников (около 49 кг) золота[18].

1 ноября Лаксман прибыл в Сороку (ныне Беломорск), где провел почти месяц, изучая быт и хозяйство поморов. Из Сороки совершил краткую поездку в Кемь, где его внимание привлекли остатки Кемского острога конца XVI века: «Перед деревнею на острове посреди реки стоит старая, обветшалая деревянная крепость». Целью второй поездки было посещение Сумского острога (с 1806 г. — Сумский посад). В Сумском остроге Лаксман провел две недели и оттуда выехал в Петербург, куда прибыл накануне Рождества.

Ученый не любил письменной работы и называл себя «ленивым писателем». Поэтому, вернувшись в Петербург, он не стал готовить к изданию книгу с детальным описанием своего путешествия. К тому же он получил назначение помощником начальника Нерчинских рудников в Сибири и в январе 1781 г. выехал на новое место службы. Отчеты об экспедиции Лаксмана «Замечания об олонецкой поездке» и «Краткий отчет о почти полугодовом физическом путешествии по некоторым северным провинциям Российской империи» были перепечатаны в работе академика П. С. Палласа «Новый вклад в изучение северных стран»[19]. Таким

---

[17] *Лагус В.* Указ. соч. С. 139.

[18] *Лопатинский П. А.* Минералогические и исторические сведения о бывшем Воицком золотом руднике // Горный журнал. 1826. № 2. С. 79–80.

[19] *Laxman E.* Bemerkungen euber Olonzische Gebürge // *Pallas P. S.* Neue Nordische Beiträge. Bd. 1. St. Petersburg und Leipzig, 1781. S. 132–150; *Laxman E.* Kurser Bericht von einer beinahe halbjährigen physikalischen Reise durch einige nordische Statthalterschaften des Russischen Reichs // Ibid. Bd. 3. Petersburg und Leipzig, 1782. S. 159–177.

образом собранная Лаксманом информация опосредованно стала достоянием читающей общественности.

Значение собранных Лаксманом данных состоит в том, что он представил фактически первый опыт комплексного научного изучения территории Карелии, включая побережье Онежского озера, Заонежье, поселения выговских старообрядцев, Поморье и рудники. Его уникальные, эмоционально окрашенные свидетельства до сих пор представляют определенный интерес.

Академик *Борис Петрович Иноходцев (1742–1806)* был сыном солдата Преображенского полка. В ноябре 1752 г. он был принят в Академическую гимназию, по окончании которой в августе 1765 г. поступил в Академический университет при Императорской академии наук. Уже с октября 1762 года Б. П. Иноходцев стал преподавать математику в Академической гимназии, а с 1765 года — еще и в Морском шляхетском корпусе. В 1765–1767 гг. он был послан в Геттингенский университет, где изучал физические и точные науки, но главным образом физическую астрономию. По возвращении в Россию был в октябре 1768 г. был избран адъюнктом, а в 1779 г. — академиком Петербургской академии наук. Иноходцев был одним из первых российских астрономов. В ходе экспедиции 1781–1785 гг. им были определены координаты 13 городов Европейской России, в т. ч. Петрозаводска[20]. О координатах Петрозаводска им была написана по латыни статья «Географическое положение города Петрозаводска, основанного на астрономических наблюдениях в 1785 г.»[21] В ней ученый писал:

> «...географическую широту Петрозаводска без чувствительной погрешности круглым числом положить можно 61°47′. ...географическая долгота... 52°3′30″ [по парижскому меридиану. — *А. П.*]. Склонение магнитной стрелки примечено в августе 1785 г. 5 градусов и 9 минут западное»[22].

---

[20] Подробные биографические сведения о Б. П. Иноходцеве см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 3. СПб., 1876. С. 168–264, 364–370, 409–430.

[21] *Inohodtsev B.* De situ geographico urbis Petrozawodsk, deducto ex observatonibus astronomicis anno 1785 institutis, 1786 // Nova Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae. 1787. T. 1. P. 357–375. Сокращенный русский перевод см.: *Иноходцев Б. П.* О географическом местоположении города Петрозаводска, определенном астрономическими наблюдениями в 1785 году, деланными П. Иноходцевым // Академические сочинения, выбранные из 1-го тома деяний Императорской Академии наук. Ч. 1. СПб., 1801. С. 80–81.

[22] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 3. СПб., 1876. С. 414–415.

Современное значение географической широты Петрозаводска составляет 61°47′46″ северной широты, то есть почти совпадает с координатами, определенными Б. П. Иноходцевым.

Академик *Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827)* был сыном священника из села Озерецкого Дмитровского уезда Московской губернии[23]. В 1758 г. его отдали в семинарию при Троице-Сергиевой лавре, которую он окончил в 1769 г. С 1761 г. ректором семинарии был известный богослов Платон (Левшин). При нем помимо богословских доктрин велось преподавание различных светских дисциплин. Поэтому, когда Академия наук в 1767 г. стала снаряжать экспедиции по России, было решено включить туда нескольких молодых выпускников Троицкой лаврской семинарии. Платон (Левшин) отправил в распоряжение академии 10 своих учеников, среди которых был и Николай Озерецковский. Его определили в экспедицию И. И. Лепёхина. Н. Я. Озерецковский принимал в ней участие от начала до конца, с 8 июня 1768 г. по 15 декабря 1773 г., но часто выполнял самостоятельные работы, отдельно от основной группы. В 1774 г. он был отправлен для обучения за границу и в 1778 г. окончил Страсбургский университет со званием доктора медицины. После возвращения на родину, в сентябре 1779 г., ему было присуждено звание адъюнкта, а в мае 1782 г. — академика Санкт-Петербургской академии наук.

В 1785 г. Озерецковский совершил путешествие по побережью Ладожского и Онежского озер. По его итогам он подготовил сочинение «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому»[24] (СПб., 1792). В 1796 г. академик А. К. Шторх издал немецкий перевод обширных разделов работы Озерецковского в сборнике «Materialien zur Kenntniss des Russischen Reichs» («Материалы к познанию Российской империи»; Bd. 1. Riga, 1796)[25].

В 2016–2019 гг. группа исследователей Санкт-Петербургского государственного университета во главе с Т. Е. Исаченко повторила путь экспедиции Озерецковского 1785 г. Результатом их исследова-

---

[23] Подробные биографические сведения о Н. Я. Озерецковском см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 2. СПб., 1875. С. 299–388.

[24] *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Изд. 1-е. СПб., 1792; *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. Изд. 2-е. СПб., 1812. Новейшее издание: *Озерецковский Н. Я. П*утешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.

[25] *Storch H. F. von*. Materialien zur Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. 1–2. Riga, 1796–1798.

ний стал коллективный сборник «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому вслед за экспедицией академика Н. Я. Озерецковского»[26].

Результатом академических экспедиций второй половины XVIII в. стал серьезный прогресс в изучении территории и населения Карелии. Публикации собранных в них материалов о природе, населении и экономике стали событием не только в российской, но и в мировой науке. Достижения ученых петербургской Императорская академия наук и художеств стали основой для исследований их последователей.

[26] Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому вслед за экспедицией академика Н. Я. Озерецковского / М. В. Бочарникова, Т. Е. Исаченко, С. Д. Озерова, Е. Ю Юшина; отв. ред. Т. Е. Исаченко. СПб., 2022.

IV
НАУЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ

Елена Федоровна Королькова
(Санкт-Петербург)
Заведующая сектором Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Наука и музей: концепция Петра I и ее роль в развитии музейного дела в России

Elena F. Korol'kova

Science and Museum: Peter the Great's Concept and its Role in the Development of the Museum in Russia

Аннотация: В концепции Петра I наука и музей представали не как две различные линии развития близких сфер культуры, а как единое целое. Эта идея была реализована в Кунсткамере, которая представляла собой первый в Европе и в мире музей такого рода, изначально организованный по научным принципам коллекционирования и систематизации и призванный служить базой источников для исследований в разных областях науки. При этом научная направленность музея сочеталась с просветительской деятельностью.
Abstract: The concept of Peter the Great presented science and museum not as two different lines of development of close spheres of culture, but as a single whole. The Kunstkammer was the first museum of its kind in Europe and in the world, initially organized according to the scientific principles of collection and systematization and intended for serving as a base of sources for research in various fields of science. This initial integral function of the museum was combined with educational activities.

Ключевые слова: музей, наука, коллекция Петра I, древности, Кунсткамера.
Keywords: museum, science, collection of Peter the Great, antiquities, Kunstkammer.

Взаимоотношения *науки* и *музея* — проблема чрезвычайно актуальная и острая для нашего времени. Возникла она вместе с самой идеей создания музеев и осознанием необходимости музея как такового и его значения в духовной и интеллектуальной жизни общества, а также в области познания и развития науки. Таким образом, данная проблема имеет давнюю историю, которая насчитывает не одно столетие. Нельзя не отметить, что современность все больше склоняется к тенденции понимания музея как части индустрии развлечения и культурного досуга. Казалось бы, утверждение, что дело музея — хранить экспонаты и привлекать различного рода посетителей, туристов и желающую развлечься публику, вполне разумно. Однако в этом кроется определенная опасность: согласно такой логике, для занятия наукой есть научные учреждения — есть, например, Академия наук, есть университеты и прочие призванные заниматься научными проблемами и исследованиями организации. Музей же оказывается для науки лишь «выведенным за скобки» вспомогательным фондом, а работающим в музеях специалистам отводится роль кладовщиков: принял — сдал — выдал — зафиксировал. Что касается науки, то во многих музеях она рассматривается как нечто факультативное, а порой и как почти порицаемое занятие, отнимающее время у сотрудников. Такой подход неизбежно приведет к снижению уровня музейной работы и подстраиванию, например, экспозиционной деятельности и выставочных программ под заниженные потребности публики, которая не обязана быть высокообразованной. Эта проблема существует не только в России, где руководители музеев и рядовые музейщики отстаивают необходимость поднимать уровень публики, а не снижать планку своих задач, ориентируясь на массовый интерес и возможности восприятия.

В Петровскую эпоху перспективная программа развития науки в России, неоспоримая важность которой для государства Петру I не только казалась очевидной, но и представлялась одной из самых первостепенных задач, была не только задумана, но и реализована. Следует отметить несколько важных моментов. У Петра I, несомненно, сложилась четкая концепция, согласно которой наука и музей рассматривались не как две различные линии развития двух

близких сфер культуры (в широком смысле этого понятия), идущие параллельно и призванные поддерживать друг друга, а как единое целое. Здесь я хочу подчеркнуть, что эта концепция, без сомнения, была плодом размышлений самого Петра I и отражала его собственное понимание проблемы.

Мы привыкли рассматривать Петровскую эпоху как время выхода России на европейскую арену и вхождения ее в европейское пространство благодаря увлечению Петра I всеми благами и новшествами просвещенной Европы, и это в известной степени так и есть. Петр I умел и хотел учиться и стремился ориентироваться на западные образцы, однако он не был просто подражателем, как и просто усердным и целеустремленным учеником, хотя именно европейские образцы, в т. ч. и популярные в Европе частные кунсткамеры, послужили для него примером при создании не только первого в России музея, но и Академии наук.

Переосмысление западного опыта привело к выдающимся результатам: созданная Петром I в 1714 г. Кунсткамера не только не была копией европейских собраний, но и представляла собой первый и долгое время единственный в Европе, да собственно и в мире, музей такого рода — изначально организованный по научным принципам коллекционирования и систематизации и призванный служить базой источников для научных исследований. Коллекции Кунсткамеры охватывали чрезвычайно широкий спектр источников для исследований в области естественных наук, а также этнографии, археологии, нумизматики, истории, языкознания, химии, физики, медицины, минералогии и т. д. Поистине это был музей энциклопедического типа. Достаточно сказать, что имеющий мировую известность и научную репутацию европейский музей, изначально близкий по профилю коллекций и исследовательских задач к петербургской Кунсткамере, — Британский музей в Лондоне был основан лишь в 1753 г., т. е. почти на 40 лет позднее.

При этом следует отметить, что, если Британский музей, как и многие другие известные ныне великие музеи мира, был создан по инициативе богатых, высокообразованных коллекционеров-энтузиастов, то только в России этим высокообразованным энтузиастом-коллекционером выступил сам монарх, видевший перспективу Кунсткамеры как государственного научного центра. Поэтому неудивителен и еще один связанный с этим исторический факт: в Санкт-Петербурге родилась Академия наук и художеств как единый организм (в 1724 г. появился Проект Положения об учреждении Академии, а в 1726 г., т. е. уже после смерти Петра I, — Указ

о создании Академии), причем на целое десятилетие позже создания Кунсткамеры, а не наоборот. Таким образом, именно музей можно рассматривать как символический краеугольный камень, заложенный в фундамент науки. Именно так понимал его значение сам Петр I. И это обстоятельство нужно рассматривать как выражение принципиальной новаторской петровской концепции.

Важнейшей особенностью первого российского музея было его научное значение как центра развития наук и базы для формирования школ исследовательской деятельности и научного познания мира. И эта изначальная научная направленность музея была его неотъемлемой функцией. Учитывая широкое разнообразие научных коллекций петровской Кунсткамеры, невозможно осветить все собрание уникального музея, поэтому ниже речь пойдет об истории лишь одной коллекции, а именно первой в России археологической коллекции, представленной древним золотом Сибири. Здесь важно подчеркнуть, что Петр I сумел оценить эти раритеты именно с научной точки зрения, рассматривая их как исторический источник и художественное достояние, а не как собрание драгоценностей. Более того, именно он инициировал первые в России научные по своим целям, задачам и методам раскопки древних погребальных памятников, направив Д. Г. Мессершмидта в Сибирь в длительную многопрофильную научную экспедицию с целью всестороннего изучения этого богатого, но неизведанного края. Первые археологические раскопки были проведены в январе 1722 г. близ Абакана. Тем самым было положено начало развитию археологии как науки в России.

Отметим, что петровские коллекции сравнительно недолго оставались в статусе исключительно личного собрания, поскольку монарх планировал превратить их в общественное достояние, что подразумевало свободный доступ к их обозрению. В рамках первого переезда петровской Кунсткамеры коллекции были перевезены из Летнего дворца в Кикины палаты, освободившиеся после казни А. В. Кикина в 1718 г. (распоряжение о перемещении коллекций было издано в том же году)[1]. Сам переезд состоялся не раньше 1719 г., после основательного ремонта помещений. Уже тогда Кунсткамера имела небольшой штат, включавший должность «библиотекариуса», которую с 1714 по 1761 г. занимал Иоганн Даниэль Шумахер, позднее советник Канцелярии Академии наук; должность «надсмотрителя натуральных вещей», которую до 1719 г. исполнял

[1] *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 22. (ЦГАДА. Госархив. Р. XVII. Д. 1, 1718. Л. 1).

аптекарь Бальтазар Шталь, а с 1719 г. — Георг Бальтазар Стагий, а также столяра, переплетчика с подмастерьем, обслуживающий персонал из четырех человек, а с 1724 г. еще и охрану из пяти солдат во главе с ефрейтором, поскольку в здании содержится «много дивныя вещи, золотых и серебряных, и особливо кабинет, в котором драгоценные металли хранятся»[2].

Упоминание о золотых вещах в новом месте хранения наводит на мысль, что там же могли оказаться и древние сибирские золотые украшения, хотя прямо они в бумагах нигде не обозначены. На первый взгляд, это могло бы показаться весьма вероятным, т. к. архивные документы сообщают о том, что «деревянные покои», в которых собственно и находились петровские коллекции при Летнем дворце, были демонтированы и вновь собраны уже в Кикиных палатах[3]. Именно на новом месте коллекции становятся доступны для публичного обозрения. При этом их небольшая часть все еще продолжала оставаться в Летнем дворце. Были ли перевезены сибирские древности вместе с другими коллекциями в Кикины палаты, остается вопросом. С одной стороны, в Летнем дворце не так много места, чтобы все они могли разместиться в нем. С другой стороны, камер-юнкер Берхгольц, оставивший в своих дневниках описания собственных впечатлений от двух посещений Кунсткамеры в 1721 и 1723 г., ни словом не обмолвился о древнем золоте Сибири[4]. Из этого можно заключить, что он его не видел, поскольку другие коллекции Берхгольц сопроводил достаточно подробными комментариями, а фигурные золотые изделия звериного стиля вряд ли могли не произвести впечатления на европейского посетителя, видевшего и другие собрания прежде, но, конечно же, не обладавшие подобными экзотическими экспонатами.

Первоначально все коллекции располагались в специальном здании «Людских покоев» в Галерее, построенной на территории Летнего дворца и непосредственно примыкавшей к петровской токарне[5]. Да-

---

[2] Там же. С. 25, 26; Материалы по истории Академии наук. Т. I. СПб, 1885. С. 36.

[3] *Станюкович Т. В.* Указ. соч. С. 25. (Архив АН. Ф. 3. Оп. 1. Л. 73). В книге А. Е. Ухналёва о Летнем саде и дворце приводятся другие сведения: «...комплекс построек Летнего дворца без особых перемен просуществовал до 1770-х годов», а «в 1780 году... здание Людских покоев, а заодно и каменные галереи разобрали». См. *Ухналёв А. Е.* Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I. СПб., 2015. С. 194.

[4] *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца 1721–1726. М. 2018. С. 155–156, 567.

[5] *Ухналёв А. Е.* Указ. соч. С.190, 192, 193.

той основания Кунсткамеры теперь принято считать 1714 г., т. е. время концентрации всех петровских коллекций на территории Летнего дворца. Вторая дата, часто встречающаяся в исторической литературе, — 1718 г. Это на первый взгляд противоречие в действительности таковым не является, поскольку последняя датировка опирается на распоряжение о переезде коллекций в Кикины палаты, который положил начало фактической деятельности первого российского музея, открывшего двери для любознательной публики и сделавшего свое собрание доступным для широкого круга лиц[6].

Гофинтендант П. И. Мошков, который получал прибывшие в Петербург посылки из Тобольска в 1716 и 1717 г. от Сибирского губернатора князя М. П. Гагарина и был ответственным за сохранность древних драгоценностей в период их нахождения в собственности Петра I, составил опись передачи сибирских древностей в Кунсткамеру. Документ имеет заголовок: «1727 декабря 22 дня отдано в Кунштакамору старинных золотых и прочих вещей» — и включает перечень предметов[7]. В первом печатном издании Кунсткамеры передача также датирована 1727 г.[8] М. П. Завитухина[9] подробно изложила обстоятельства, обусловившие передачу коллекций после смерти Екатерины I, указав на решение комиссии о разделе имущества между дочерями Петра I, которая и дала распоряжение П. И. Мошкову «подать ведомость, не положены ли в передел вещи государственные» (именно так формулировался статус коллекционных предметов)[10]. Таким образом, можно утверждать, что сибирская коллекция покинула царские палаты в последнюю очередь. Надо отметить, что М. П. Завитухина упоминает неоднократные запросы президента Академии наук Л. Блюментроста, адресованные П. И. Мошкову, о временной выдаче сибирских древностей для разных целей, например, для подготовки иллюстраций к каталогу Кунсткамеры в ноябре 1727 г.[11] То есть, с одной стороны, П. И. Мошков в то время по-прежнему исполнял обязанности хранителя кол-

---

[6] *Станюкович Т. В.* Указ. соч. С. 22.

[7] *Завитухина М. П.* К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 66 .

[8] Палаты Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1741.

[9] *Завитухина М. П.* Указ. соч. С. 66.

[10] Журнал Верховного тайного совета 18 октября 1727 г. // Сб. РИО. СПб. 1889. Т. 69. С. 317.

[11] *Завитухина М. П.* Указ. соч. С. 66.

лекции, а с другой стороны, сибирские древности уже вносились в каталог Кунсткамеры. Таким образом, статус Сибирской коллекции был в некоторой степени двойственным, что, вероятно, и привело к разночтениям в трактовке ее принадлежности и противоречиям в датах ее запутанной истории.

Перестав быть частной императорской коллекцией в 1727 г., петровское собрание археологического золота было перемещено в Кунсткамеру уже в статусе коллекции Академии наук.

Кроме научной — первостепенной — функции, по замыслу Петра I, Кунсткамера должна была иметь просветительскую направленность[12]. И такая деятельность музея способствовала расширению кругозора, пропаганде знаний и в конечном счете повышению образованности российского населения и пробуждению у широкой публики интереса к наукам вообще. Петр видел в создании и развитии музеев большие перспективы и пользу для страны. Обе эти функции музея и сегодня остаются чрезвычайно важными, поскольку только музеи обладают собраниями подлинных предметов ушедших исторических эпох, а следовательно, так сказать, «вещественными доказательствами», позволяющими установить и верифицировать определенные моменты, детали и исторические факты. Научные исследования — дело исключительно профессиональное, требующее длительной и тщательной подготовки и специального образования. Отдельные гениальные догадки талантливых дилетантов — случаи чрезвычайно редкие, к тому же требующие проверки и доказательств. Поэтому музейное хранение было и остается сферой научной деятельности. Это прекрасно понимал Петр I. И именно хранение прежде всего представляет собой область применения научных знаний.

В истории ныне существующих музеев есть много случаев путаницы экспонатов и коллекций в результате деятельности недостаточно профессиональных сотрудников, которые в силу отсутствия должного образования, знаний и опыта не могли правильно идентифицировать предметы и инвентаризировали их с неверными данными. Многие из этих ошибок до сих пор не преодолены, требуются большие усилия и время, чтобы распутать клубок заблуждений[13]. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что третья наиважнейшая

---

[12] *Станюкович Т. В.* Указ. соч. С. 24.

[13] *Королькова Е. Ф.* О приобретениях и утратах. История и судьбы коллекций // Ученые — наследники пророков: Сборник статей в честь М. Б. Пиотровского. СПб., 2024. С. 29–41.

функция музеев — сохранить культурное наследие для потомков — при снижении роли науки в музее неизбежно окажется под угрозой. Руководить музеями должны не эффективные менеджеры, как бы заманчиво это ни казалось с финансовой точки зрения, а ученые.

Кстати, Петр-коллекционер, воспитанный общением с голландским собирателем сибирских древностей Николасом Витсеном и его примером отношения к музейному материалу, в частности понимания важности визуальной фиксации экспонатов, изначально предполагал создание иллюстрированных каталогов Кунсткамеры. Заказанные в свое время Витсеном и прекрасно исполненные гравированные рисунки к изданию, к сожалению, утраченной после смерти владельца коллекции остались единственным документальным свидетельством состава его собрания, стали материалом для исследования и образцом для изобразительной фиксации экспонатов Кунсткамеры.

По замыслу Петра I, Академия наук и художеств должна была сочетать развитие обоих направлений творческой деятельности, однако приоритет все же оставался за науками, а «художества» имели явно прикладной характер. Со времени основания Академии наук при ней существовала Гравировальная мастерская, которая обслуживала научные издания, занималась картографией и решала другие задачи, соответствующие нуждам этой новой институции[14]. Сам факт посылки за границу петровских пенсионеров подтверждает необходимость развития художественного образования в России и востребованность подготовленных мастеров, некоторые из которых трудились впоследствии над созданием иллюстрированного каталога собрания Кунсткамеры.

Первый печатный каталог Кунсткамеры — «Musei Imperialis Petropolitani vol. 1–2», изданный Академией наук в 1741–1745 гг. на латинском языке, кроме описания вещественных экспонатов, содержит акварельные рисунки, созданные разными художниками начиная с 1724 г. Этот каталог получил название «нарисованного музея». Он включал акварельные рисунки, выполненные художниками и учениками Рисовальной палаты Академии с предметов, которые к этому времени хранились в Кунсткамере. Акварели «Нарисованного музея» в 1730–1740 гг. хранились в футлярах *in folio*, имитировавших книжный переплет. К 1741 г. таких футля-

[14] *Алексеева М. А.* Гравировальная палата (исторический очерк) // Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сборник документов / Отв. ред. Б. В. Левшин. Л., 1985. С. 8.

ров с рисунками описано уже 58. То есть речь идет о тотальной фиксации всех экспонатов музея.

Уже в 1723 г. амстердамская художница Мария Доротея Гзель, дочь Марии Сибиллы Мериан, приехавшая в Петербург в 1717 г. вместе со своим мужем, также художником, Георгом Гзелем по приглашению Петра I, писала в кабинет его величества: «...Е. И. В. всемилостивейше соизволил указать чрез господина лейб-медика Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста, мне быть при кунст-каморе и оную кунст-камору по классирам водяными красками смалевать»[15]. Этот документ подтверждает, что инициатором создания рисунков был сам Петр I, а также что их исполнение было поручено М. Д. Гзель, которая должна была выполнять рисунки по определенной классификации, т. е. «по классирам», непосредственно с натуры. Н. П. Копанева отмечала, что «рисунки для каталога Кунсткамеры несут сугубо научную функцию как иллюстрации к данным тут же описаниям».[16] Экспонаты зарисовывались в натуральную величину, либо с указанием масштаба изображения или размеров предмета. Музейный экспонат изображался таким образом, как он был представлен в экспозиции.

Все экспонаты разделены на две большие группы — *naturalia* и *artifitialia*. Разделение экспонатов внутри этих групп соответствовало состоянию разных наук на то время[17]. Степень развития систематизации в разных науках была не одинаковой, с явным преимуществом естественнонаучных областей знаний. Этнография и археология находились на самом раннем, зачаточном этапе развития, на стадии становления; базы для научных исследований еще не сложилось, поскольку петровское время было периодом количественного накопления материала для будущего развития гуманитарных наук. Это обстоятельство нашло свое отражение в собрании академического музея.

Некоторым академическим ученым свойственно в некоторой степени пренебрежительное отношение к так называемой «музейной науке». Однако наука бывает только наукой, единственная цель которой — познание и установление истины. Иногда высказывания признанных мэтров науки о музеях и музейщиках несправедливы:

---

[15] Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. I (1717–1730). С. 12. *Копанева Н. П.* «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: цели создания и практическое использование // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук.1725–1760. Т. 2. СПб., 2004. С. 7.

[16] *Копанева Н. П.* Указ. соч.

[17] Там же. С. 8.

«музейные хранители — особый мирок»[18]. Музейные материалы — не вспомогательная база, которую можно использовать как иллюстративный материал, а исторический источник. Недостаточно бережное отношение к материалу как в физическом смысле этого слова, так и в фигуральном чревато ущербом именно для науки и истины.

А что касается музеев, то их история, сложная, подчас драматичная и даже трагическая, показывает не «мирок», а безграничный мир познания и потенциальный источник для дальнейших исследований.

[18] *Клейн Л. С.* Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб., 2016. С. 21.

Ирина Николаевна Баринова
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник
Государственного Эрмитажа

«Костяной Животворящий Крест с Апостольскими ликами на ковчеге»: попытка реконструкции замысла

I. N. Barinova

"Bone Life-Giving Cross with Apostolic Faces on the Ark": An Attempt of the Design's Reconstruction

Аннотация: В рукописи «Театрум Махинарум...» (1755) токарь Петра I А. К. Нартов поместил изображение «Костяного Животворящего Креста с Апостольскими ликами на ковчеге», выточенного царем для церкви Св. Ап. Петра и Павла. А. И. Богданов, автор первого описания Санкт-Петербурга, дважды упоминает о нем, называя в одном случае запрестольным, в другом — напрестольным. В 1995 г. утраченную реликвию воссоздали в галерее «Петрополь», используя подлинные бронзовые копиры, хранящиеся в Эрмитаже, как напрестольный крест на дарохранительнице. Для уточнения атрибуции креста нужно попытаться реконструировать царский замысел — такова цель предлагаемой статьи.
Abstract: In the manuscript "Theatrum machinarum..." (1755), Peter I's turner A. K. Nartov placed an image of the "bone life-giving cross with apostolic faces on the ark", turned on a lathe by the tsar for the Church of St. Apostles Peter and Paul. A. I. Bogdanov, the author of the first description of St. Petersburg, mentions it twice, calling it in one case the cross on the throne, in the other — the cross behind the throne. In 1995, the lost relic was recreated in the Petropol

Gallery, using authentic bronze copies stored in the Hermitage, as the altar cross on the tabernacle. To specify the attribution of the cross, we must try to reconstruct the royal plan — it is the purpose of this article.

Ключевые слова: алтарь, крест, ковчег, дарохранительница, реликвия.
Keywords: altar, cross, ark, tabernacle, relic.

«Личный токарь» Петра I А. К. Нартов, возглавлявший с 1723 г. царскую токарню в Санкт-Петербурге, а с 1736 г. и до конца жизни — Инструментальную мастерскую Академии наук, подвел итог своим трудам в рукописи книги « Театрум Махинарум, то есть Ясное зрелище махин и преудивительных разных родов инструментов...» (1755)[1].

В разделе с изображениями токарных изделий Нартов поместил «Его Величества своеручных трудов» «Костяной животворящий Крест с Апостольскими ликами на ковчеге»[2] (илл. 1), работу над которым он завершил уже после смерти Петра Великого. Во исполнение воли государя крест был передан в соборную церковь Св. Ап. Петра и Павла — факт нахождения его там до середины XVIII века подтверждается первым описанием столичного города Санкт-Петербурга. Однако сведения автора описания А. И. Богданова противоречивы: крест дважды упомянут им, но в одном случае назван запрестольным[3], в другом — среди «вещей достопамятных»[4] — напрестольным. Такая путаница в определениях продолжалась в течение всего XIX века.

В. В. Данилевский, изучавший творческое наследие Нартова в середине XX века, счел ковчег, на котором был установлен крест, дарохранительницей. Вероятно, опираясь на эту атрибуцию, художники-резчики галереи «Петрополь» в 1994–1995 гг. воссоздали утраченную петровскую реликвию как *напрестольный* двухсторонний Крест животворящий, венчающий *дарохранительницу* (илл. 2),

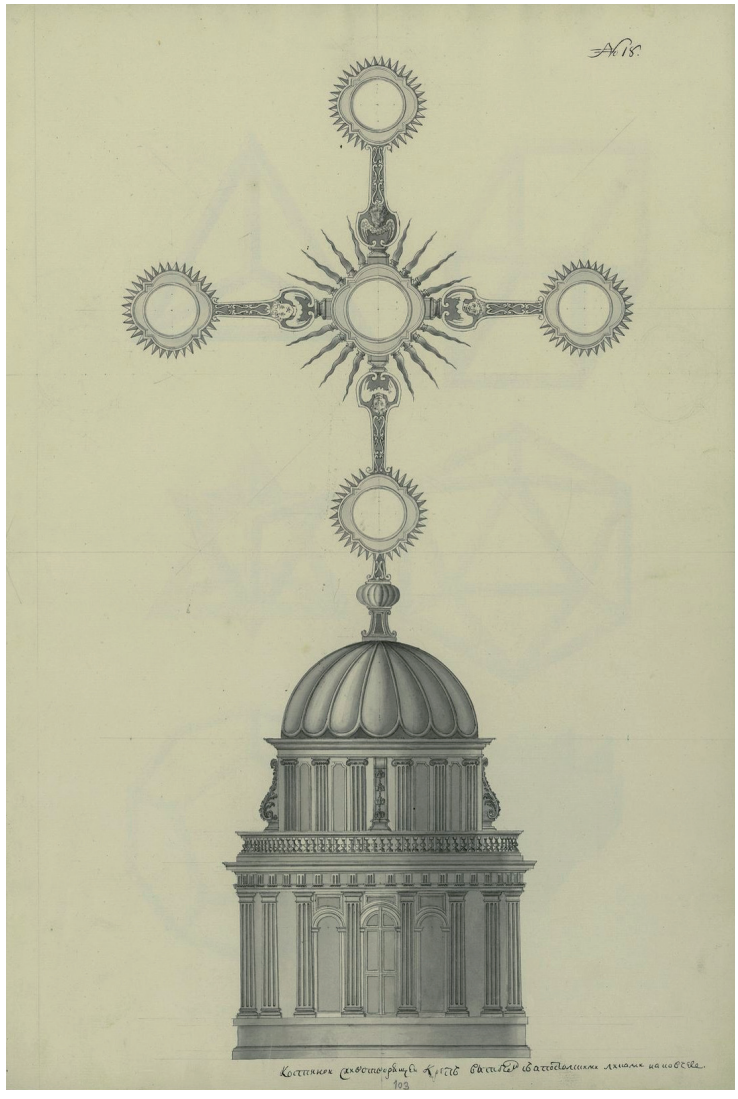
---

[1] *Нартов А. К.* Премудрого государя императора Петра Великого августейшего монарха и истинного любителя всех высоких наук Театрум Махинарум, то есть Ясное зрелище махин и преудивительных разных родов механических инструментов, притом многодостохвальных вещей высокого разума, выточенных на слоновых костях многотрудными руками его пресветлого величества сего героя // РНБ. ОР. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». № 160 (ОР Эрм. 160).

[2] Там же. С. 103

[3] *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 274.

[4] Там же. С. 215.



Илл. 1. Костяной животворящий крест с апостольскими ликами на ковчеге
Воспроизводится по рукописи книги А.К. Нартова «Премудрого государя
императора Петра Великого августейшего монарха и истинного любителя
всех высоких наук Театрум Махинарум то есть, Ясное зрелище махин
и преудивительных разных родов механических инструментов, притом много
достохвальных вещей высокого разума, выточенных на слоновых костях
многотрудными руками его пресветлого величества сего героя»
ОР РНБ. Ф. 885 «Эрмитажное собрание». №160.

Илл. 2. Костяной животворящий крест с апостольскими ликами на ковчеге
Петр Великий, А. Нартов, М. Земцов, Б.-К. Растрелли Россия, 1720-е.
Научная реконструкция 1994–1995.
Медальоны: в центре — распятие с предстоящими,
вверху — св. ап. Андрей Первозванный, слева — св. ап. Павел,
справа — св. ап. Петр, внизу — св. Екатерина.
Собор св. ап. Петра и Павла. Петропавловская крепость. Санкт-Петербург

используя подлинные бронзовые копиры, хранящиеся в Эрмитаже (илл. 3–7). На наш взгляд, решить вопрос о том, к какому виду церковной утвари относится вотивный крест, можно лишь попытавшись реконструировать царский замысел. Такова цель предлагаемой статьи.

Прежде всего необходимо уточнить термины.

Напрестольный крест — это крест с изображением Распятия, который лежит на престоле храма и используется во время богослужений. Имеет 8-конечную форму, как правило, с традиционно прямоугольными завершениями ветвей, размеры — от 30 до 50 см.

Дарохранительница — это священный сосуд, в котором хранятся запасные Святые Дары — Тело и Кровь Христовы для причащения верующих. Стоит на престоле в алтаре. В Новое время напоминала по форме курильницу, киворий-сень или колокольню. Изготавливались также «Сионы» или «Иерусалимы», повторявшие в миниатюре архитектуру храма Гроба Господня.

Запрестольный, или процессионный, крест хранится в алтаре храма, за престолом у Горнего места на специальной подставке и выносится из алтаря во время крестных ходов. Типологически восходит к кресту Константина Великого, установленному императором на форуме Константинополя: имеет слегка расширяющиеся к концам и переходящие в округлые медальоны стороны и сияние, исходящее от центра. Отличается значительными размерами. Так, крест из Никольского монастыря Переслава-Залесского первой четверти XVIII века имеет высоту 239 см, ширину 135 см.

Таким образом, *на престоле храма находятся напрестольный крест и дарохранительница*, увенчанная небольшим крестом, который является частью ее композиции; *напрестольный крест на дарохранительнице установлен быть не может* по определению. *За престолом стоит процессионный крест.*

Наша гипотеза: в дар Петропавловскому собору Санкт-Петербурга Петр I построил соответствующий престолу храма («длиною — 33 вершка, шириною столько же и вышиною 24 вершка»[5], т. е. 145 х 145 х 105 см. — *И. Б.*) запрестольный крест высотой 210 см, шириной 100 см. Эти размеры обосновал архитектор-реставратор Г. В. Михайлов, разработавший уникальную систему расчета размеров станков и предметов из рукописи Нартова. В основание ее легла приведенная в рукописи масштабная

[5] *Флоринский Д., прот.* Историко-статистическое описание Санктпетербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб.,1857. С. 41

Илл. 3. Копир «Распятие с предстоящими»
Россия, 1720-е.
Государственный Эрмитаж, ЭРТх-603.

Илл. 4. Копир «Св. апостол Андрей Первозванный»
Россия, 1720-е.
Государственный Эрмитаж, ЭРТх-604.

Илл. 5. Копир «Св. апостол Павел»
Россия, 1720-е.
Государственный Эрмитаж, ЭРТх-605.

Илл. 6. Копир «Св. апостол Петр»
Россия, 1720-е.
Государственный Эрмитаж, ЭРТх-606.

Илл. 7. Копир «Св. Екатерина»
Россия, 1720-е.
Государственный Эрмитаж, ЭРТх-607.

(футовая) линейка, помещенная под перспективным изображением возрожденного петровского станка[6].

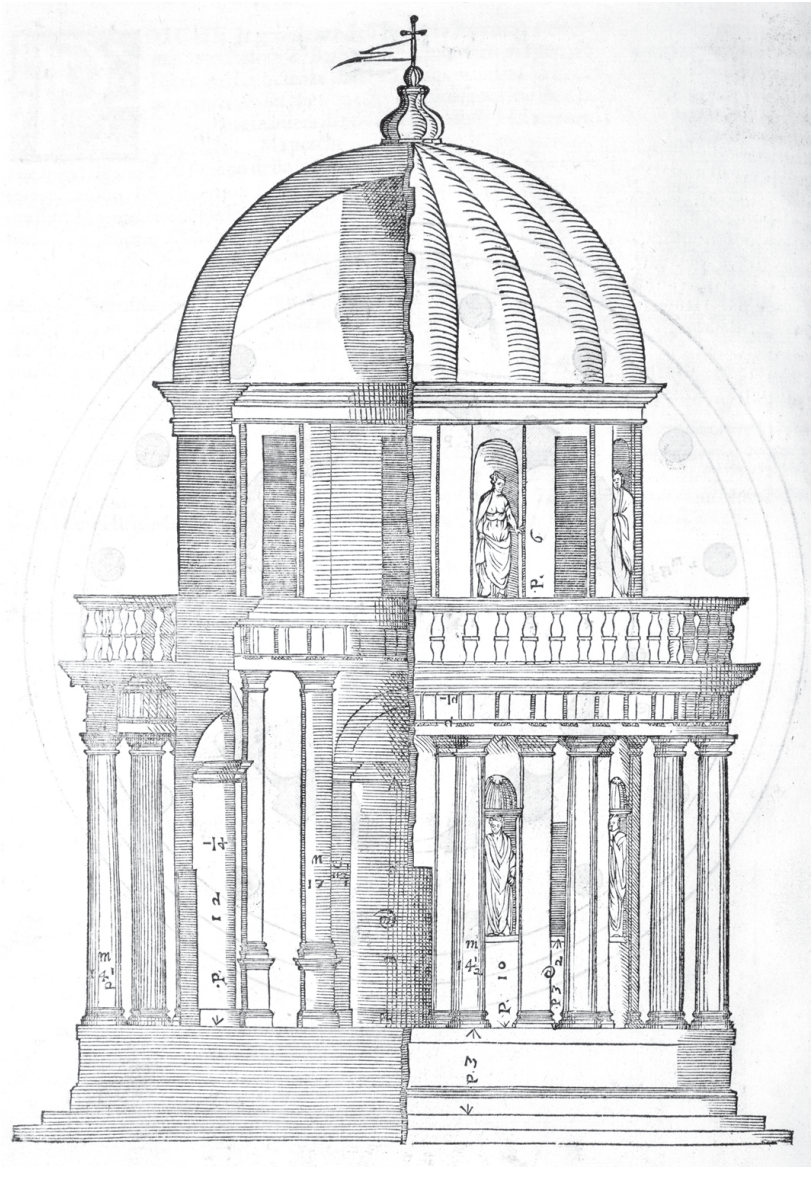
Ключом к пониманию царского замысла, на наш взгляд, является форма ковчега, который выполнен в виде модели Темпьетто — знаменитой ротонды, построенной Донато Браманте в 1502 г. на римском холме Яникуле. Более чем через полвека Андреа Палладио, отдавая должное гению Браманте, включил Темпьетто — единственное из современных зданий — в книгу IV своего трактата, посвященную исключительно античным храмам. Трактат Палладио, изданный в Венеции в 1570 г., имелся в библиотеке Петра I[7] — модель ковчега была выполнена в соответствии с изображением храма на гравюре (илл. 8). Поэтому в ней:

— воспроизведен не реальный, а показанный архитектором схематически ложчатый купол;

— гладкие колонны Темпьетто выточены с каннелюрами, поскольку в комментарии сказано: «Это храм дорического ордера, как

[6] *Мокеева В.* Загадка двух крестов [Электронный ресурс]. URL: http://mokeeva.spb.ru/r-crs.htm (дата обращения: 08.10.2024).

[7] Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978. С. 14. № 1380.



Илл. 8. «Del Tempio di Bramante». Гравюра.
Воспроизводится по изданию:
I qvattrolibri dell architettvra di Andrea Palladio.
Venetia, 1570. Il quarto libro. P. 66.
Государственный Эрмитаж, ШТ-523 С.

снаружи, так и внутри»[8], а на таблице колонны изображены с вертикальной штриховкой;

— скопирована форма основания под крест.

А. Палладио отмечает: «...храм называется Сан Пьетро Монторио, ибо он построен в память Св. Апостола Петра, который был распят на этом месте»[9]. Рассмотрим основные особенности Темпьетто. Это двухъярусная часовня. В алтарной нише верхнего храма — скульптура апостола Петра на троне; перед ней в полу — отверстие со сквозной металлической решеткой, через которую видна крипта. Вход в нее находится снаружи, на восточной стороне храма. Здесь же — еще один мраморный алтарь св. Петра, а в центре — след от его креста.

Если наше предположение верно и Пётр I построил свой крест как запрестольный, то рукоять, вставлявшаяся в ковчег, выполненный в виде храма Темпьетто, проходила через его внутреннее пространство и опускалась в «отверстие» от апостольского креста, тем самым мистически уподобляя царский крест кресту его небесного покровителя (илл. 9). В этом случае Петра I можно назвать создателем иеротопического проекта (от греч. ἱερός— священный, Τόπος — место): в самом центре города, названного в честь апостола Петра, в алтаре собора, его имени посвященного, государь воспроизвел Locus Sanctus христианского Рима. Церковные подставы для запрестольных крестов символизируют Голгофу, в случае с петровским крестом ковчег маркирует место страстей апостола Христова.

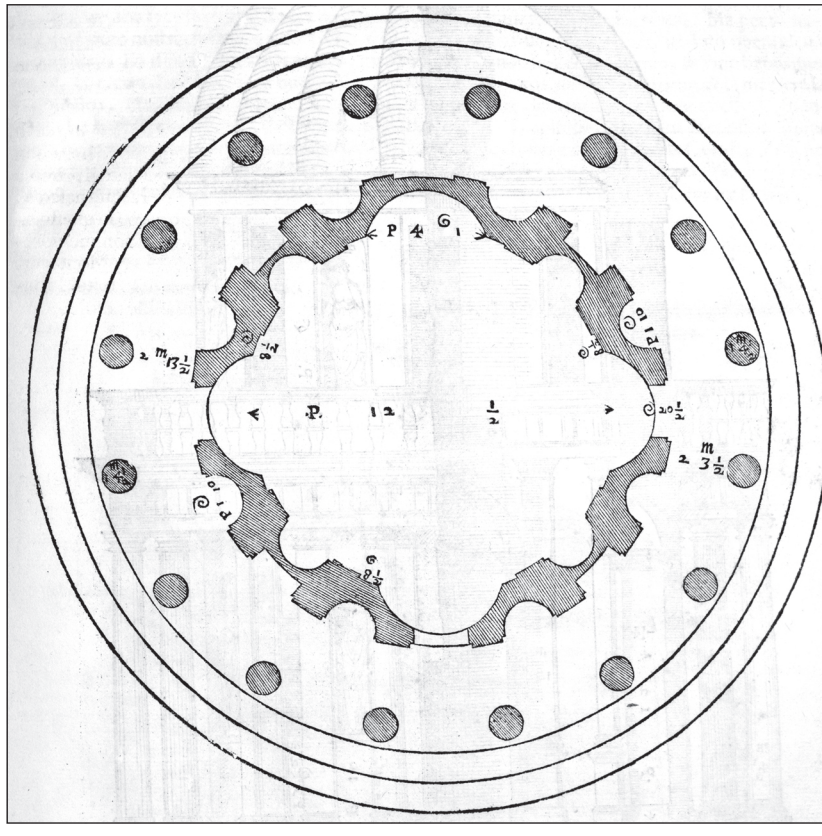
Рукопись «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга» свидетельствует, что 14 мая 1703 г. Пётр I, выбрав остров для основания города, в центре его утвердил Крест, со словами: «Во имя Иисус Христово на сем месте будет церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла»[10]. Это действие — «крестоводружение» — означало утверждение ее особого статуса — ставропигии (от греч. σταυός — крест и πήγνυμι — водружать), т. е. подчиненности непосредственно царю. В этом случае, по церковному правилу, крест ктитора устанавливается «позади святой трапезы» (престола). Вероятно, так и намеревался сделать Пётр I, вытачивая свой крест в преддверии 20-летнего юбилея Санкт-Петербурга.

---

[8] *Palladio A.* I Qvattro libri dell architettvra di Andrea Palladio. Venezia, 1570. P. 64.

[9] Ibid.

[10] О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 258.



Илл. 9. «Del Tempio di Bramante». План. Гравюра
Воспроизводится по изданию: I qvattrolibri dell architettvra di Andrea Palladio. Venetia, 1570. Il quarto libro. P. 65.
Государственный Эрмитаж, ШТ-523 D.

Обычай «царской ставропигии» существовал со времени императора Константина Великого и являлся «выражением права монархов... на особое почитание их статуса в церковной среде. Сама же привилегия “править кресты” или право “ставропигии”... является отражением традиции почитания монархом-христианином Креста, в качестве “источника” имперского права...»[11].

Накануне битвы с Максенцием 28 октября 312 г. римскому императору-язычнику было явлено лежавшее на солнце знамение — Крест Распятия с надписью: «Сим побеждай!»[12] Об этом отождествлении Креста и хрисмы — монограммы из первых букв имени Христа, построенной Константином как победный знак, — поется в тропарях праздника Воздвижения Животворящего Креста: «Божественное сокровище, в земле крыемое, Жизнодавца Крест, на небеси показася царю благочестивому, и победы на враги подписание являет разумно...»[13]. Крест стал победной военной хоругвью и хранителем всего римского царства[14]. Приняв над собой власть Божественного Промысла, император дал место Богу в истории: «Шару или мячу — древнейшему знаку на державе императоров — символу власти Рима, Константин... водрузил крест»[15]. С тех пор основой культа «царя всех ромеев», получившего дар побеждать врагов Именем Христовым, стал культ Страстей, в котором император уподоблен Спасителю, государственное служение — Его Крестной Смерти и Воскресению[16].

---

[11] *Щедрина К. А.* Царей держава. Значение реликвий и символов Святого Креста и Страстей Христовых в церковном освящении государственной власти. М., 2000. С. 13.

[12] *Памфил Евсевий.* Жизнь блаженного василевса Константина. Кн. 1. Гл. 28 // Седмица.RU: церковно-научный центр «Православная Энциклопедия» [Электронный ресурс]. URL: https://www.sedmitza.ru/lib/text/432492/ (дата обращения: 15.09.2024).

[13] *Асмус В., прот.* Всемирное Воздвижение Животворящего Креста Господня: Эортологический этюд [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Valentin_Asmus/vsemirnoe-vozdvizhenie-chestnogo-i-zhivotvorjashhego-kresta-eortologicheskij-etyud-imperskoe-vozrozhdenie/ (дата обращения: 20.10.2024).

[14] См.: *Памфил Евсевий.* Жизнь блаженного василевса Константина. Кн. 1. Гл. 40.

[15] *Иоанн Кронштадтский, прот.* О Кресте Христовом // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/o-kreste-khristovom/ (дата обращения: 10.09.2024).

[16] *Щедрина К. А.* Указ. соч. С. 7.

Над местами Страданий Христа император построил храм, который его биограф Евсевий Памфил назвал Новым Иерусалимом. Со временем из храма в основанную Константином на Востоке столицу — «Новый Рим» — его преемники начали переносить страстны́е реликвии: император поклонялся Страстям Христовым, молился о получении божественной силы Креста, о помощи в управлении государством. Новый Рим (Константинополь) с VI века уже имел второе название — Новый Иерусалим.

После падения Царьграда в 1453 г. таким центром стала Москва — резиденция русского царя и патриарха. Начало правления династии Романовых, «неприродных» государей, ознаменовалось собиранием христианских реликвий. Доставляемые в основном из Константинополя и с Афона, они служили зримым свидетельством перемещения центра мировой православной святости в Москву и освящали власть новых коронованных владельцев. Знаковым, в контексте идеи *translatio imperia*, было получение Константинова креста, содержащего святыни Страстей Христовых и мощи святых. Дар Алексею Михайловичу доставили в 1655 году монахи Ватопедского афонского монастыря[17].

В России институт ставропигии впервые ввел патриарх Никон, а ктитором основанных им монастырей Воскресенского Новоиерусалимского, Иверского Валдайского и Кийского Крестного был царь Алексей Михайлович. Во время столь грандиозного строительства глубоко осмысливалось значение креста в служении русского царя. Именно в этом контексте следует рассматривать появление резных распятий в меру Креста Господня работы старца Новоспасского монастыря Ипполита: на Голгофе Новоиерусалимского монастыря на Истре (1662), в пластическом ансамбле Шумаевского креста (1660-е), в «вертограде с Гробом Господним» (1681) в Теремном дворце Московского Кремля, где царь Фёдор Алексеевич замыслил устроить символический образ-подобие святых мест Иерусалима. По его указу в 1681 г. теремной храм Святой Евдокии был переосвящен в честь Воскресения Словущего, а на хорах устроена Распятская церковь со страстным рядом в иконостасе и храмовой иконой «Се Человек» (терновый венец, багряница и трость — прообразы царских регалий). Вложение государем в храм Воскресения вотивного креста с частицами Древа Креста и Ризы Господней

[17] *Ченцова В. С.* Писец Николай Армириот и Крест царя Константина: к истории связей Ватопедского монастыря с Россией в XVII в. // Palaeoslavica, Cambridge (Mass.). 2011. Т. XIX (2). P. 64 (дата обращения: 17.10.2024).

позволило исследователям предположить, что образцом для подражания стала имперская программа, осуществленная Карлом IV, королем чешским и императором Священной Римской империи, в замке Карлштейні близ Праги (1348–1354)[18].

Особое значение в архитектурном комплексе этого дворца имела молельня Св. Екатерины, предназначенная для уединенной молитвы, где хранился построенный Карлом золотой крест с реликвиями Страстей: с частицей Истинного Креста Господня, частью Губки, двумя Тернами из Венца Спасителя. На притолоке часовни сохранилась фреска с сюжетом Воздвижения Креста, на которой Карл IV с супругой Анной Свидницкой, подражая Константину Великому и царице Елене, поднимают этот Святой Крест.

Подобный замысел повторил патриарх Никон, построив в 1656 г. кипарисовый крест-реликварий с частицами Ризы Христовой и Животворящего Креста, мощами святых (более ста), с 16 камнями с мест библейских событий. Крест был отправлен в Кийский Крестный монастырь, а в память о нем иконописец Богдан Салтанов написал образ «Поклонение Кийскому кресту» с предстоящими: Св. Константином, царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном с одной стороны; Св. Еленой, царицей Марией Ильиничной, царевичем Алексеем с другой.

Обратимся теперь к кресту Петропавловского собора. По типу это Константинов крест, равноконечный, с шарами-квадрифолиями на концах и сиянием, исходящим от центра, — аллюзия на крест, лежащий на солнце. В композиции воссозданного галереей «Петрополь» креста слева и справа от Распятия расположены медальоны с ликами апостолов Петра и Павла, наверху — апостола Андрея Первозванного, внизу — вел. Екатерины. Однако наличие медальонов с изображениями небесных покровителей Петра I и Екатерины I позволяет сделать предположение об изначальном намерении именно их поместить слева и справа от Распятия, воспроизведя сцену поклонения кресту императора и императрицы в ликах тезоименитых святых. Иконографическая матрица сюжетов поклонения — изображение ставрофоров Константина и Елены, «восходящее к скульптурной группе, возвышавшейся на Милионе, в центре Константинополя»[19]. Тогда наверху креста — медальон «Св. Ап. Андрей», внизу — медальон «Св. Ап. Павел».

---

[18] *Щедрина К. А.* Храмы-реликварии европейских и русских монархов (Кремлевский «Новый Иерусалим» царя Федора Алексеевича) // Искусство христианского мира. Вып. VII. М., 2003. С. 308.

[19] *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2002. С. 57.

При таком расположении медальонов святой император оказался бы слева, т. е. на менее значимой стороне, как изображен на алтарной фреске поклонения Мадонне в Карлштейне Карл IV. Но там император на стороне Младенца Христа, здесь — на стороне ап. Иоанна Богослова, тайновидца Нового Иерусалима. Полагаем, этому есть объяснение. В «Поденной записке» Петра I и в рукописи отмечено, что царь основал город 16 мая, в день Пятидесятницы[20], но приурочил событие, видимо, по своему обычаю[21], не к календарной дате, а именно к празднику Св. Троицы. Число 7 в христианской традиции символизирует вечную и небесную полноту, поэтому семь, умноженное на семь, плюс один означает, что дело спасения завершилось и пятидесятый день стал началом новой эры, выходящей за пределы нашего мира[22]. Пятидесятница еще называется «днем последнего откровения», когда сойдет на землю небесный град «Новый Иерусалим». Поскольку праздник Пятидесятницы не имеет фиксированной даты, а является переходящим и зависит от времени наступления Пасхи, то не имеет фиксированной даты и день основания Санкт-Петербурга: таковым оказывается ежегодно пятидесятый день после Воскресения Христова — «апокалиптический» день «Нового Иерусалима»[23].

В Шумаевском кресте фоном для Распятия вместо исторического Иерусалима предстает уже Москва XVII века, а в центральном медальоне креста — петровский Санкт-Петербург: за вершиной Голгофы (см. Илл. 3) виден вырастающий из вод Петропавловский собор. У основания Креста Спасителя лежит прямоугольный ящичек, отмеченный косым крестом. С таким же ковчежцем в руках изображен Пётр I на бронзовом копире Б. К. Растрелли «Основание Петербурга» (илл. 10). Есть основания утверждать, что так царь

---

[20] Журнал, или Поденная записка Блаженной и Вечнодостойной памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб., 1770. Часть первая. С. 69; О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга. С. 258.

[21] *Погосян Е. А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 30–34, 79–80, 100–101, 110–111, 114–115; *Алферова Г. В.* Византийские традиции в русском градостроительстве XVI–XVII вв. // Византийский временник. 1982. Т. 43 (68). С. 185.

[22] *Фаст Г., прот.* Толкование на Апокалипсис [Электронный ресурс]. URL: https://a/zbyka.ru/otechnik/Gennadij_Fast/tolkovanie-na-apokalipsis/22 (дата обращения: 14.09.2024).

[23] *Баринова И. Н.* Градостроительный феномен петровского Петербурга (К вопросу о праздновании Дня города Санкт-Петербурга) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLVII. Петровское время в лицах — 2009. К 300-летию Полтавской победы (1703–2003): Материалы конференции. СПб., 2009. С. 51.

Илл. 10. Копир «Основание Петербурга 16 мая 1703 г.»
Россия, 1720-е.
Государственный Эрмитаж, ЭРТх-591

пожелал сохранить свидетельство о закладке города на мощах св. ап. Андрея, вероятно, взятых в поход 1703 г. из числа серебряных позолоченных рак, хранившихся «за государевой печатью» в алтаре Благовещенского собора Кремля[24]. Рукопись подтверждает: во время церковной церемонии закладки города Пётр I поставил в каменный четырехугольный ящик золотой ковчег с мощами апостола и провозгласил основание Санкт-Петербурга[25].

В архитектурном образе каменного Петропавловского собора (1712–1733) воспроизведен иконный архетип храма Гроба Господня в Иерусалиме: колокольня, базилика, ротонда. Но город Санкт-Петербург — символически и Новый Константинополь. Колокольня собора, маркирующая Голгофу, изначально завершалась флюгером в виде Ангела летающего, поставленного на кугеле (шаре. — *И. Б.*): в руках он держал золоченый крест в сиянии лучей солнечного диска. На гравюре «Панорама Санкт-Петербурга» (1716–1717) А. Зубова зафиксирована не сохранившаяся до наших дней компо-

[24] *Журавлева И. А.* Серебряные ковчеги для святых мощей // Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 300.

[25] О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга. С. 258.

зиция восточного фасада храма: ангелы, поклоняющиеся кресту с шарами, установленному на постаменте. Это — варианты иконографии креста, воздвигнутого некогда императором Константином на форуме Царьграда[26]. Тема победного креста, доминирующая в изображениях раннего города, является таковой и в программе креста Петра I: шпиль колокольни собора Св. ап. Петра и Павла (центральный медальон) увенчан стоящим на сфере крестом с шарами — он же нарочито повторен на развевающемся гюйсе (см. илл. 3).

После появления в России Константинова креста с Афона эту святыню, по византийской традиции, брали в военные походы московские цари. С нею в 1700 г. выступил против шведов и Пётр I, но крест был утрачен, затем найден, выкуплен и доставлен в Псков Б. П. Шереметеву[27]. В «Росписи святым мощам что в соборной церкви» Чиновника Московского Успенского собора крест царя Константина упомянут с комментарием: «Что под Ругодивом в полон взят был в первый поход и оттуда перенесен в Москву руками Псковского архиерея»[28]. Семантика Константинова креста, приданная ему в книжной традиции, такова: это — «атрибут Константина и универсальный символ царства»[29], знаменующий «совмещение христианства и земной власти... обретение его — преамбула к истории создания царства», потеря — «духовная катастрофа и... гибель царства»[30]. Поэтому «переход креста от русских к шведам мог пониматься как перенесение... воинской удачи от одного государства или войска к другому»[31].

Возвращенный крест принес России победы: 1701 г. — Эрестфер, 1702 г. — Нотебург; 1703 г. — Канцы и «никогда бываемая виктория»[32] на невском взморье 7 мая: тридцать лодок с гвардейцами взяли на абордаж два шведских корабля — шняву «Астрильд» и бот «Гедан», за что командовавших десантом Петра I и А. Д. Меншикова «учинили кавалерами святого Андрея». Получив от «Побе-

---

[26] *Щедрина К. А.* «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии) // Ставрографический сборник. Кн. 2. М., 2003. С. 55.

[27] *Баринова И. Н.* К вопросу о программе Петровских ворот Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. С. 50.

[28] Там же. С. 51.

[29] *Бадаланова-Покровская Ф. К., Плюханова М. Б.* Средневековая символика власти: Крест Константинов в болгарской традиции // Труды по русской и славянской филологии. 1958. Вып. 1. С. 142.

[30] Там же. С. 137.

[31] Там же. С. 143

[32] Письма и бумаги Петра Великого. Т 2 (1702–1703). СПб., 1889. С 163.

дыдавца» Бога «викторию», Пётр стал владыкой четырех морей. В письмах этих дней он развивал тему о даровании ему победного штандарта в виде Андреевского креста. Порядок расположения карт на нем царь определил так, что на теле орла пересекались символические диагонали, соединявшие южные и северные моря. В хронографическом своде — «Летописце Еллинском и Римском» — день 7 мая, когда отмечается праздник явления на небе Креста Господня в Иерусалиме (351), значится днем ежегодного ангельского почитания победного креста Константина: поздно в нощи ангел сходит с небес и кадит окрест его[33]. Именно в день празднования креста «Аникит» (Nika), обладание которым делало преемника первого христианского императора новым Константином и semper victor — «всегда побеждающим»[34], Пётр I в 1703 г. одержал морскую победу под Андреевским флагом, которой завершилось завоевание Ингрии.

Процессионные кресты, подобные царскому, носили во время особых молений, имевших связь с конкретным событием и проходивших вблизи храма. В них участвовали как духовенство, так и светские лица, шествие предваряла краткая служба. А. К. Нартов поместил крест среди вещей, принесенных Петром I «в дар всемогущему Богу и в возблагодарение за неизреченныя его щедроты и восприятые от руки его победы»[35]. Полагаем, что император Пётр Великий построил крест-хоругвь, который, по церковной традиции, должны были нести по стенам Петропавловской крепости, отмечая годовщины утверждения России на Балтике, викториальные дни, а в праздник Св. Троицы (Пятидесятницы) — день основания Санкт-Петербурга.

---

[33] Летописец Еллинский и Римский. Т. I. Текст. СПб., 1999. С. 302; *Щедрина К. А.* «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии). С. 61.

[34] *Грабар А.* Указ. соч. С. 32, 40.

[35] *Нартов А. К.* Указ. соч. С. 6.

Екатерина Юрьевна Басаргина
(Санкт-Петербург)
д.и.н., зав. отделом публикаций и выставочной деятельности
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН,

«Махина равномерная в продажу вина» А. К. Нартова

Ekaterina Yu. Basargina

A Machine for Selling Vodka invented by A. K. Nartov

Аннотация: В ноябре 1738 г. А. К. Нартов представил Академии наук описание и чертеж изобретенной им машины для контроля правильной торговли водкой. Экспертизу взялся провести академик Л. Эйлер, но после знакомства с изобретением отказался от освидетельствования машины. Все материалы об этой машине были возвращены в архив, где они оказались в нескольких коллекциях. Автор вводит в научный оборот описание машины и ее чертеж. Делается предположение, что проект машины для контроля правильной торговли водкой был подготовлен А. К. Нартовым в рамках выполнения им государственных заданий, связанных с метрологией.
Abstract: In November 1738, A. K. Nartov presented the Academy of Sciences with a description and drawing of a machine he had invented to control the correct trade in vodka. Academician L. Euler undertook to conduct an examination, but after becoming acquainted with the invention, he refrained from expressing his opinion. All materials about this machine were returned to the archive, where they dissolved in several collections. The author introduces

a description of the machine and its drawing into scientific circulation. It is assumed that the design of the machine for controlling the correct trade in vodka was prepared by A. K. Nartov in the context of metrology tasks.

Ключевые слова: петровская эпоха, изобретение, научная экспертиза, Архив Академии наук.
Keywords: Peter the Great's era, invention, scientific examination, Archive of the Academy of Sciences.

Андрей Константинович Нартов (1693–1756), личный токарь Петра I, изобретатель механизированного суппорта, разработал и построил ряд механизированных станков для копирования барельефов и произведений прикладного искусства, создал ряд станков промышленного назначения, работал в области артиллерийского производства. Нартов занимался не только усовершенствованием станков и токарным делом, но и более широким кругом технических задач. Так, Петр поручил Нартову «придумать механические способы, как бы легче и прямее колоть камень» для Кронштадтского канала, а также «каким образом отворять и запирать слюзные ворота на этом канале»[1].

За год до смерти А. К. Нартов закончил работу над рукописью «Театрум махинарум, или Ясное зрелище махин» — своеобразной энциклопедией станкостроения, медальерного и токарного искусства первой половины XVIII века. Труд содержал описание 34 оригинальных токарных, токарно-копировальных и токарно-винторезных станков[2].

Моменты общения с Петром I Нартов, несколько преувеличив собственную значимость, зафиксировал в сборнике «Достопамятные повествования и речи Петра Великого», где в форме коротких рассказов изложил свои воспоминания обо всем, что он видел и слышал за двадцать лет работы в царской токарне. Сын механика Андрей Андреевич Нартов литературно их обработал и дополнил сведениями, почерпнутыми из иностранных книг, изданных после смерти отца[3].

---

[1] Подробнее см.: *Данилевский В. В.* А. К. Нартов. М., 1960; *Загорский Ф. Н.* Андрей Константинович Нартов. 1693–1756. Л., 1969; *Гизе М. Э.* Нартов в Петербурге. Л., 1988.

[2] *Данилевский В. В.* Нартов и «Ясное зрелище машин». М.; Л., 1958.

[3] *Нартов А. К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого / Предисл. и коммент. Л. Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук. 1891. Т. 67. Прил. № 6. С. I–XX, 1–138.

После смерти Петра положение А. К. Нартова пошатнулось, а царская токарня фактически была ликвидирована. Около 10 лет он подвизался в монетном ведомстве, работал в Сестрорецке, Петербурге и больше всего в Москве. Наконец, в 1736 г. он был вызван из Москвы обратно в Петербург и определен в Академию наук. Новое назначение было вызвано решением сосредоточить реликвии Петра в Кунсткамере. Станки петровской токарни стали важной частью мемориальной экспозиции[4].

Одновременно Нартов стал руководителем академической Инструментальной палаты. В 1742 г. он подал в Сенат жалобу на советника академии И. Д. Шумахера, с которым вступал в пререкания по денежному вопросу, а затем добился от императрицы проведения следствия над Шумахером, которое закончилось тем, что на его место был определен сам Нартов. Однако результаты его деятельности в этой должности были неоднозначны: он пытался улучшить финансовое положение Академии наук, навести порядок в ее делах, но общего языка с академиками не нашел.

По утверждению Шумахера, «он, Нартов, в знании чужестранных языков необыкновенен, а писать и читать не умеет и в пристойных ко оной Академии учениях не бывал, ибо кроме токарного художества не знает»[5]. Нартов оказался «самовластным» администратором. Он велел опечатать архив, содержавший ученую корреспонденцию; грубо обращался с академиками и, наконец, довел дело до того, что члены Академии стали просить возвращения Шумахера, который вновь вступил в управление в 1744 г., а Нартов перешел в Артиллерийское ведомство и сосредоточил свою деятельность «на пушечно-артиллерийском деле».

Но эпизод неудачного администрирования относится к началу 1740-х гг., а поначалу Нартов проявил себя как толковый специалист в области научно-технической экспертизы. Освидетельствование поступавших в Академию наук изобретений было одним из ее направлений. Нартова также привлекали к оценке разного рода машин — он освидетельствовал «пильную мельницу» на галерной верфи; весы для монетного дела, изготовленные П. Н. Крекшиным; молотильную машину Г. Рихмана; внес свои усовершенствования в мо-

---

[4] В 1747 г. во время пожара Кунсткамеры Нартов спас от огня «собственные токарные махины» Петра: они были спущены вниз на веревках. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8 (1746–1747). СПб., 1896. С. 620–621. (№ 834. 6 декабря 1747 г.).

[5] *Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге: [В 2 т.]. Т. 2. СПб., 1873. С. X.

дель механизма для подъема большого колокола на колокольню Успенского собора в Кремле[6]. В конце 1730-х гг. Конференция (т. е. Общее собрание академиков) несколько раз рассматривала изобретения самого Нартова: пожарный насос, станок для печатания ландкарт, винторезную машину и машину для сверления стволов пушек.

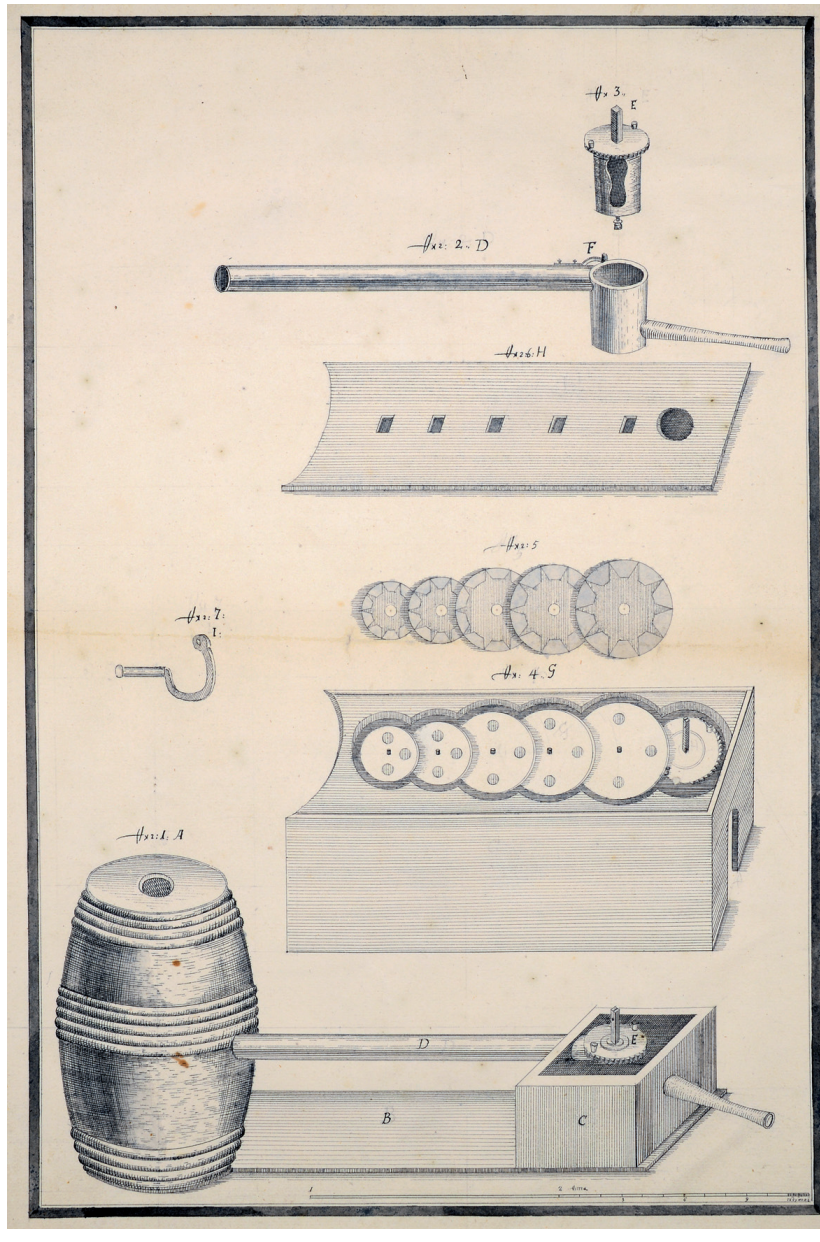
17 ноября 1738 г. Нартов представил Конференции описание и чертеж изобретенной им машины для контроля правильной торговли «водкой» или вином, как в старину называли водку[7] (илл. 1). Основа конструкции — бочка объемом 50 или 60 ведер водки с отверстием для заливки напитка. Бочка стоит на доске B и крепится к ней гвоздями. На другом конце доски установлен деревянный квадратный ящик C, к которому подходит медная трубка D. С одной стороны она намертво крепится к бочке, а с другой соединена с мерным устройством E, которое вставлено в мерный стакан. На мерном устройстве сделано «круглоовальное окно». От мерного стакана отходит наклонная трубка, по которой напиток доходит до потребителя. Устройство накрывает зубчатый круг, по краям которого имеются два шипа, или пальца. С помощью находящегося в его центре квадратного в сечении стержня мерное устройство крепится ко дну стакана. К медной трубке D привинчена пружина F, которая накладывается на зубцы круга мерного устройства E.

Трубку и ящик с мерным стаканом накрывает деревянный короб. На его крышке сделано несколько отверстий, одно из них предназначено для мерного устройства. Пять других отверстий предназначены для колес разного размера «для исчисления в продажу вина». Колеса укладываются зубцами вниз на пять железных шипов, а для лучшего сцепления они накладываются одно на другое. Поверх них крепятся круги с тремя пальцами, или лопатками. На этих кругах следовало поместить цифры для исчисления продажи вина. На доске, накрывающей короб, имеются пять квадратных окошек, предназначенных для показания количества проданного

---

[6] Но колокол не успели поднять, при пожаре он дал трещину и остался лежать на земле.

[7] “Ihro Excell. der Hr. Präsident producirten des Adj. Nartoff’s kurze Beschreibung einer zum Branntweinverkaufen verfertigen Maschine. Hierbey war erwähnte Maschine in gewisse Figuren gebracht. Nachdem beyde, Beschreibung und Figuren, von Allen durchgesehen worden, sind sie dem Archiv gelassen”: Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 1: 1725–1743. СПб., 1897. С. 517. (Заседание 17 ноября 1738 г.). Ср.: Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 4 (1739–1741). СПб., 1887. С. 82 (№ 112. 2 апреля 1739 г.).



Илл. 1. Чертеж «махины равномерной в продажу вина», изобретенной А. К. Нартовым. СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 64. Д. 6/1. Л. 4.

за сутки вина. Железный ключ с деревянной ручкой приводит в действие мерное устройство. Два пальца, или лопатки, расположенные на круге, захватывают и приводят в движение пять колес с зубцами.

Нартов не объясняет принцип действия своей машины, ограничиваясь указанием на то, что она работает по примеру «верстомерной махины», которую в 1724 г. сконструировал неизвестный купец. Эта машина хранилась в «Лаборатории ее имп. величества механических дел» в Кунсткамере, как Нартов называл собрание петровских токарных машин.

На первый взгляд проект Нартова представляет собой технический курьез, но это не совсем так. Проект возник вскоре после того, как в 1736 г. начала работу Комиссия весов и мер под председательством главного директора Монетного двора графа М. Г. Головкина[8]. В январе 1738 г. комиссия требовала прислать искусного профессора, «который бы мог в кубические вершки положить изысканные от комиссии древние хлебный четверик и винное ведро, разделением с приложенного аршина». Вместе с промеморией были посланы и сами меры объема сыпучих тел и жидкостей, причем мерой жидких веществ служило ведро московского Каменномостского питейного двора (1 ведро = 12,2994 дм^3).

В деятельности комиссии принимали участие члены Академии наук; к этой работе был привлечен и Нартов[9], который занимался вопросами метрологии еще во времена своей службы на Монетном дворе в Москве. Там он столкнулся с явными и скрытыми злоупотреблениями из-за неточностей весов и гирь, а противостоять этому

---

[8] *Каменцева Е.И.* К истории создания образцовых мер веса в первой половине XVIII века (по материалам Комиссии весов и мер 1736–1742 гг.) // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 114–122.

[9] 17 февраля 1738 г. Академия наук приняла решение: «В кубические вершки изысканные от комиссии [об учреждении весов и мер] древние хлебный четверик и винное ведро разделением назначенного на дереве аршина расположить профессорам Делилю и Винцгейму, и когда то расположение ими учинено будет, в академию репортовать. И о том к ним послать на немецком диалекте указы, и с промемории сообщить копию. А по требованию ж оной комиссии, из крепкого дерева аршин к вышеписанному расположению с настоящего медного полуаршинна снять и сделать, да сажень с медною по концам оправою сделать же в инструментальной палате, на щет оной комиссии, и объявить в академию наук при репорте, с показанием цены. И о том к асессору Нартову послать указ, а в реченную комиссию, по окончании всего вышеписанного, послать промеморию, объявя в деле обстоятельство». См.: Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 4 (1739–1741). СПб., 1887. С. 622–623. (№ 651. 17 февраля 1739 г.).

можно было лишь путем изготовления эталонов мер и весов. Нартов предполагал на основании исторических примеров изготовить образцы и передать их на хранение в Академию наук. Некоторые эталоны он изготовил, когда руководил Инструментальными мастерскими Академии наук.

Возможно, что проект машины для контроля правильной торговли водкой был подготовлен Нартовым в рамках выполнения им государственных заданий, связанных с метрологией.

В начале 1739 г. экспертизу этой машины взялся провести академик Л. Эйлер, но после знакомства с проектом отказался от освидетельствования машины. Тогда все материалы об этом изобретении были переданы в архив Конференции[10], где впоследствии оказались в нескольких коллекциях. Сравнительно недавно прежде разрозненные материалы были воссоединены.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее — СПбФ АРАН) хранятся два экземпляра описания изобретения Нартова. Один — написанное по-русски «Краткое описание махины равномерной в продажу вина» — является писарской копией с подписью А. К. Нартова; документ публикуется ниже[11]. Другой экземпляр представляет собой перевод записки на немецкий язык — “Kurtze Beschreibung einer zum Brantweinverkaufen verfertigten Machine” — и тоже подписан изобретателем[12]. К немецкой версии описания приложены два варианта чертежа машины для контролирования правильной торговли водкой. Беловой вариант чертежа заключен в рамку[13]; черновик отличается от чистовика незначительными деталями[14]. Отметим, что Нартов пользуется английской системой мер.

---

[10] “Hr. Prof. Euer retradirte die unter d. 17 Nov. A.p. eingekommene von dem A.Nartoff verfertigte kurze Beschreibung einer zum Branntwein-Verkaufen verfertigte Maschine, zusmmt der dazu gehörigen Zeichnung”: Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 1: 1725–1743. СПб., 1897. С. 526. (Заседание 8 января 1739 г.).

[11] СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 394–396 (Краткое описание махины равномерной в продажу вина). Писарская копия. Подпись-автограф А. К. Нартова.

[12] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 64. Д. 6/1. Л. 1–3 об. Немецкий текст записки А. К. Нартова был подготовлен к печати в ходе подготовки собрания сочинений Леонарда Эйлера, но не был опубликован ввиду отсутствия отзыва Эйлера на это изобретение. СПбФ АРАН. Ф. 154. Оп. 2. Д. 102.

[13] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 64. Д. 6/1. Л. 4.

[14] Там же. Л. 5.

А. К. Нартов. Краткое описание махины равномерной в продажу вина

(л. 394) Фигура 1. А. Имеющаяся зделанная бочка в 50 или в 60 «ведр» по изволению, и онная бочка имеет стояние дном на доске В, которая и прикреплена гвоздями железными. На оной же доске имеется сделанной из дощечек квадрат С и во оной квадрат утверждена труба медная D, которая и смолою засмолена, дабы немогла из места своего трогатца, и с приделанною круглою медною каморою на подобие стакана фигура Е, которая труба другим концом укреплена в бочку; и в той бочке сверху имеется круглое окно, в которое наливается вино; из оной бочки вобъявленной канал и через равномерную меру по желанию, кто сколько изволит взять, на копейку или на две копейки или более, то равномерно меряет.

Фигура 2. Медная труба и к ней приделанная круглая продолговатая камора, наподобие стакана.

Фигура 3. Е. Равномерная мера, которая полагается в фигуру вторую, в вышеобъявленной стакан; и во оной фигуре имеется (л. 394 об.) зделанная винная мера, и с одной стороны зделано продолговатое круглоовалистое окно; и на верху оной фигуры зделано колесо з зубцами косыми, и наложено на квадратной шпиль и закреплено наглухо; да на оном же колесе на средней линии диаметра по краям зделаны 2 шипа или пальцы, и когда оная равномерная мера вложится в свое место в вышеупомянутой стакан, и оная мера шурупом ко дну стакана привертывается.

На трубе медной фигуре 2D близ помянутой крушки F зделанная пружина привернута двумя шурупами к трубе, и оная пружина налагается на колесо на вырезанные коственные зубцы.

Фигура 4. G из досок зделанный ящик в вышину и ширину против квадрата 1 С; а длиною от конца или края, квадрата до бочки; и оной ящик налагается сверху на квадрат и закрывает трубу с равномерною мерою; и на верху оного ящика при конце прорезано окно для обращения колеса и квадратного шпиля, да при том же конце ящика збоку имеется вырезана форма, в которую полагаются пять колес для исчисления в продажу вина; и на оной форме на средней линии зделаны по местам железные пять шипов, и на оные шипы помянутые колеса налагаются в свои места зубцами вниз. И на оных колесах имеется по десяти зубцов, которые на чертеже в фигуре 5 значит; а сверх оных колес в фигуре 4 значит, наложены и прикреплены круги, и на оных кругах окрест среднего центра по краям диаметра в треайгуль зделаны по 3 пальца (?), как можно видеть на чертеже; и на оных верхних кругах колес надле-

жит поставить цифры или алфавитные литеры для исчисления продажи вина.

Фигура 6. Н. Доска верхняя которая закрывает помянутые колеса, и на оной доске близ края имеется круглое окно, изсквозь тое окно от зубчатого колеса шпиль квадратной выходит; да на оной же доске имеются квадратные окна для показания назначенных на колесах цыфров и по тем цыфрам можете познать, коликое число в сутки в продаже вина явитца.

Фигура 7. 1. Ключ железный з деревянною ручкою, которой налагается на квадратной шпиль зубчатого колеса вложенной равномерной меры, в утвержденной в квадрате смежною трубою стакане; и на оном зубчатом колесе окрест квадратного шпиля по краям диаметра фигуры 1. Е имеется 2 пальца и оными пальцами фигуры 4 G в колесо первое в нижние зубцы имеет движение, и от оного колеса верхним и назначенными на чертеже тремя пальцами в нижние зубцы во все пять колес имеют движение; и оные колесы сложены колесо на колесо и некоторую часть колеса закрыло, того ради чтоб удобнее пальцами в нижние зубцы захватывать могло бы; и от оного движения на колесах назначенные цыфры имеет значить исчисление продажи вина на доске фигуры 6 Н в квадратные окна под закрытою дощечкою; к тому же при сем описании прилагается чертеж вышеписанной махины; с назначенным маштапом аглинской меры.

Оная вышеобъявленная винная машина зделана с примеру верстомерной махины 1724 году оную махину зделал московской житель купецкой человек и объявил блаженные и вечно достойные памяти его императорскому величеству Петру Великому, а кто оной купец именем и прозванием был, о том да не известен; а с того 724 года оная махина хранитца по сие число в команде моей в Лаборатории ее императорского величества механических дел.

Андрей Нартов.

(СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 394–396. Писарская копия. Подпись-автограф А. К. Нартова.)

Сергей Георгиевич Цыганков
(Санкт-Петербург)
Архитектор научно-фондового отдела
Государственного музея-заповедника «Гатчина»

Неосуществленный проект оформления Генеральной карты Российской империи 1732 г.

Sergei G. Tsygankov

Unrealized Project for the Design of the General Map of the Russian Empire in 1732

Аннотация: Важным направлением деятельности созданной в 1724 г. Российской академии наук являлась картография. В начале 1730-х гг. над созданием Генеральной карты Российской империи работали две группы ученых: одну возглавлял русский ученый-географ И. К. Кирилов (1695–1737), другую — Ж. Н. Делиль (1688–1768), французский ученый, астроном, картограф, приглашенный на работу в Россию еще Петром I. В архиве РГА ВМФ хранится анонимный рисунок, который можно рассматривать как вариант оформления вышеуказанной карты. В ходе исследования удалось не только расшифровать аллегорический сюжета рисунка, но и определить его автора.

Abstract: An important area of activity of the Russian Academy of Sciences, created in 1724, was cartography. In the early 1730s, two groups of scientists worked on the creation of the "General Map of the Russian Empire": one was headed by the Russian scientist and geographer I. K. Kirilov (1695–1737), the other was headed by J.-N. Delisle (1688–1768), a French scientist, astronomer, cartographer, invited to work in Russia by Peter I. The archive of the Russian State Archive of the Navy contains an anonymous drawing, which may be considered a variant of the design of the above-mentioned map. We managed not only to decipher the allegorical plot of the drawing, but also to identify its author.

Ключевые слова: Генеральная карта Российской империи, Гравировальная палата Академии наук, графическое искусство в России XVIII века, О. Эллигер.
Keywords: General Map of the Russian Empire, Engraving Chamber of the Academy of Sciences, graphic art in Russia in the 18th century, O. Elliger.

Великий преобразователь и реформатор Российского государства Пётр I, понимавший важность географии как науки «землеописания», утверждая в 1720 г. Генеральный регламент и Устав, выделил в нем особую главу «О ландкартах и чертежах Государевых» (гл. XLVIII), благодаря которым

> «...каждый Коллегиум о состоянии Государства и о принадлежности по оному Провинциях подлинную ведомость и известие получить мог; того ради каждой Коллегии иметь партикулярные ландкарты и чертежи, которые по времени изготовлены быть имеют»[1].

Следуя регламенту, при создании в 1724 г. Академии наук в Санкт-Петербурге Пётр I учреждает в ней Географический департамент и ставит перед ним среди прочих текущих задач задачу особенную — создание Генеральной карты Российской империи.

Однако несовершенство административного порядка картографического дела на первых порах порождало известные трудности. Согласно установленным правилам, «за проведение съемок отвечал Сенат, а составление карт было поручено Академии наук. Подобное “двоеглавие” организации дела рождало конфликты и тормозило окончание работ»[2]. К началу 1730-х гг. над созданием Генеральной карты Российской империи работали две группы ученых. Одну возглавлял И. К. Кирилов (1695–1737) — русский ученый, географ и картограф, обер-секретарь Сената; другую — Ж. Н. Делиль (1688–1768) — французский ученый, астроном, картограф, приглашенный для работы в Россию еще Петром I, профессор Академии наук в Санкт-Петербурге.

Приехав в Россию в феврале 1726 г., Делиль уже в декабре того же года был допущен к «исправлению старых и составлению новых карт»[3]. Работу над созданием Генеральной карты России Делиль

---

[1] ПСЗ. СПб.,1830. Т. 6 [1720–1725]. С. 157, № 3534.

[2] *Булатов В. Э.* Пётр I и картография // Материалы XV международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2022. СПб., 2023. С. 263.

[3] *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. С. 26.

начал в 1727 г., предприняв попытку собрать уже существующие карты, при этом рассчитывая получить и те, что хранились в Сенате.

Кирилов же, будучи не только ученым-географом, но и энергичным и целеустремленным организатором, состоявшим к тому же в должности обер-секретаря Сената, намеревался такую карту издать самостоятельно. Дабы ускорить дело, отдельные работы по оформлению гравировавшихся в эти годы ландкарт он финансировал «за свой счет».

По долгу службы, в связи с подготовкой мероприятий, связанных с коронацией императора Петра II, с конца 1727 г. И. К. Кирилов вместе с правительством и важнейшими государственными учреждениями находился в Москве. Из его переписки с секретарем Академии наук в Санкт-Петербурге И. Д. Шумахером видно, что, несмотря на желание Кирилова как можно быстрее издать карту, дело шло неспешно, в т. ч. из-за недостатка мастеров-«грыдоровальщиков», которых он предполагал привлечь к работе над картой, и неутешительного состояния дел в Гравировальной мастерской Академии[4].

Намерение Делиля издать свою «Генеральную карту» ясно следует из письма секретаря Академии к Кирилову от 9 мая 1729 г[5]. У Делиля, как у ведущего и влиятельного профессора Академии наук, казалось, было несравненно больше возможностей привлечь имеющихся мастеров-«грыдоровальщиков» Академии, находящихся в Санкт-Петербурге, для реализации своего проекта. Однако и его работа над картой тоже затягивалась. Неудовлетворенный результатами подготовительной работы, Делиль с изданием Генеральной карты не спешил.

После возвращения в январе 1732 г. императрицы Анны Иоанновны, правительства и двора в Санкт-Петербург Кирилов спешит с составлением Генеральной карты в ущерб качеству, привлекая материалы, не всегда хорошо обработанные. Тем не менее «в 1734 году в Академии Наук Генеральная карта России И. К. Кирилова была напечатана и в том же году вышел в свет его Атлас, заключающий одну Генеральную и 14 специальных карт»[6]. Печатные доски для Атласа и Генеральной карты России резал «грыдоровальщик ландкарт и литер» Г. И. Унферцагт (G. I. Unverzagt). Его подпись стоит под титульным листом Атласа с посвящением императрице Анне Иоанновне. Генеральная карта не подписана, однако

---

[4] Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. М. И. Сухомлинов. Т. 1. СПб.,1888. С. 537. № 774

[5] Там же. С. 372–373, № 570.

[6] *Гнучева В. Ф.* Указ. соч. С. 33.

в том, что ее резал Унферцагт, сомнений нет. Возможно, в гравировании «прикраски» для Генеральной карты Кирилова принимал участие и коллега Унферцагта, «грыдоровальщик прошпектов и кунштов» О. Эллигер (O. Elliger). Оба мастера совместно гравировали многие издания Академии в конце 1720-х — начале 1730-х гг.

В фондах РГА ВМФ хранится рисунок (РГА ВМФ. Ф. 3л. Оп. 34. Д. 3099. Л. 1), имеющий заголовок: «Новая всей Российской Империи генеральная карта с настоящими границами и назначенными крепостями учиненная 1732 года» (илл. 1). Название рисунка и дата позволяют предположить, что перед нами подготовительный вариант (эскиз) оформления Генеральной карты России, изданной в 1734 г. Однако среди известных печатных изданий Атласа и Генеральной карты России Кирилова такое их оформление не встречается.

Рисунок, хранящийся в РГА ВМФ, — анонимный и очевидно неоконченный. Заметим также, что сохранилась лишь правая его часть, о чем свидетельствует как отсутствие композиционного равновесия изображения, так и нарушение целостности отдельных его деталей, в частности: утраченная часть изображения герба города Киева; отсутствие части корабля, проплывающего у стен крепости; а также оборванная рамка, ограничивающая изображение лишь с трех сторон.

Рисунок этот чрезвычайно любопытен не только высокохудожественным исполнением, но и необычным аллегорическим сюжетом. Подробное и детальное исследование содержания аллегорической композиции рисунка изложено в статье «Триумф Благодати или поверженное злоумышление»[7]. Тем не менее есть смысл указать на отдельные детали аллегорического сюжета, важные в контексте определения датировки и авторства исследуемого рисунка.

Центр композиции занимает женская фигура в богатом платье, корсет которого выполнен в виде чешуйчатых доспехов; на плечах ее плащ, подбитый горностаем, а голову венчает корона, которую в геральдике принято называть «башенной», или «городской». У ног этой фигуры лежит план крепости, а на заднем плане изображения — собственно крепость, с узнаваемым силуэтом Петропавловского собора, что не оставляет сомнений в том, что перед нами аллегория города-крепости и столицы Российского государства — Санкт-Петербурга.

---

[7] *Цыганков С. Г.* «Триумф Благодати или поверженное злоумышление» // Наука и библиотека: Сборник научных трудов. Вып. 4. СПб., 2022. С. 84–106.

Илл.1. Рисунок с аллегорическим сюжетом., 1732 г. Общий вид.
Источник: РГА ВМФ. Ф. 3 л. Оп. 34. Д. 3099. Л. 1.

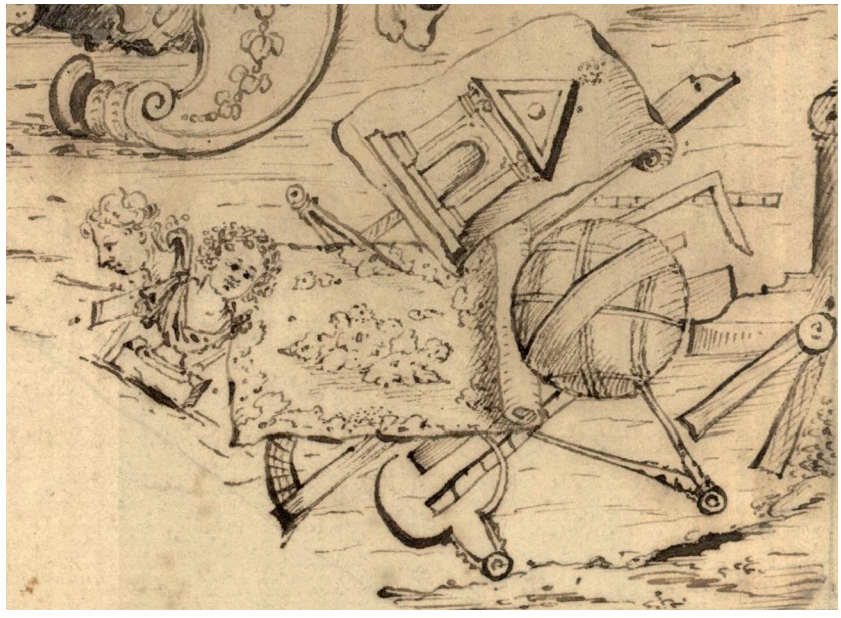
Автор рисунка, используя язык аллегорий, представляет зрителю целую череду важных государственных событий. Так, проиллюстрировано возвращение в Санкт-Петербург императрицы Анны Иоанновны, правительства и двора; продемонстрирована победа императрицы над «злоумышлениями» по ограничению самодержавной власти; рассказано о воцарении на Российском престоле старшей линии Романовых; и, наконец, представлен новый, только что построенный по проекту Ф. Б. Растрелли Летний дворец Анны Иоанновны в Летнем саду Санкт-Петербурга. Несмотря на сложность и многоплановость задачи, автору рисунка, использовавшему язык аллегории, удалось из столь разных по значимости и смыслу событий создать единую по сюжету новеллу, разрозненные фрагменты которой соединились в стройную и гармоничную композицию.

Поскольку в оформлении Генеральной карты, выполненной Кириловым, вышеуказанной аллегорической композиции не встречается, а надпись на рисунке, тем не менее, ясно говорит о его принадлежности, можно предположить, что описываемый рисунок относится к подготовительным работам по оформлению Генеральной карты России Ж. Н. Делиля.

Скорее всего, автором рисунка был художник-иностранец или художник, получивший навыки мастерства за границей. Об этом свидетельствует то, что гербы российских городов на рисунке изображены с некоторыми вольностями; при этом надписи, их сопровождающие, сделаны на латинском языке; а аллегорическая женская фигура увенчана «башенной короной», которая в европейской геральдике использовалась еще со времен Средневековья, а в российской стала широко применяться лишь со второй половины XVIII века.

О том, что это работа иностранного художника, недавно прибывшего в Россию, косвенно свидетельствует еще одна деталь рисунка, не сразу бросающаяся в глаза (илл. 2). У ног аллегорической фигуры, опирающейся на картуш с шифром Анны Иоанновны, на земле, среди разбросанных предметов, лежат два бюста. Несмотря на то, что размеры изображенных бюстов чрезвычайно малы, они выполнены не только четко, но и с важной деталировкой, благодаря чему в них без труда узнаются император Пётр I и его внук император Пётр II (илл. 3, 4).

Положение бюстов, валяющихся на земле, несет в себе очевидную пренебрежительную коннотацию, как чего-то ненужного, низвергнутого. Столь пренебрежительное изображение Петра Великого



Илл. 2. Рисунок с аллегорическим сюжетом. 1732 г.
Фрагмент с масонскими атрибутами и бюстами.
Источник: РГА ВМФ. Ф. 3л. Оп. 34. Д. 3099. Л. 1.

и Петра II не следует трактовать буквально. Это, безусловно, некий художественный прием, посредством которого языком аллегории рассказано о воцарении на российском престоле старшей ветви династии Романовых в лице Анны Иоанновны и об отрешении от наследования престола потомков Петра I.

Столь «дерзкая» трактовка образов монархов, правящей династии очень необычна, однако в контексте поиска автора рисунка нас интересует не столько причины, объясняющие ее появление, сколько сама возможность использования подобной аллюзии.

Для художника-иностранца, приехавшего в Россию по приглашению Петра, видевшего Петра, работавшего для Петра, художника, карьера которого была связана с проектами Петра, не говоря уже про художников, родившихся в России, использование такой пренебрежительной трактовки образа Петра Великого вряд ли было возможно.

Напротив, художник-иностранец, приехавший в Россию спустя несколько лет после смерти Петра, творчество которого было свободно от гнета авторитета «Великого преобразователя и Отца Отечества»,

Илл. 3. Портрет Петра I, гравер Д. Гендрик.
Источник: Браун Э. Новейшие основания в практике артиллерии, (табл. 14). М.1709 г.

Илл. 4. Портрет Петра II на аверсе серебряного рубля. 1728 г.
Источник: Узденников И. Б. Монеты России 1700–1917. М. 1986.

для создания яркого аллегорического контекста, иллюстрирующего события воцарения Анны Иоанновны, такую аллюзию вполне мог себе позволить. Кто же мог быть автором этого рисунка?

В исследовании истории строительства здания Кунсткамеры в Санкт-Петербурге, предпринятом А. Е. Ухналёвым, профессор Делиль представлен не только как ученый, но и как умелый художник, «имеющий твердую руку, <...> вкус и художественное чутье»[8].

Тем не менее авторство Делиля в рассматриваемом нами случае представляется маловероятным. Перед нами рисунок, выполненный не просто профессиональным художником, а, несомненно, настоящим мастером, — уверенной рукой, свободно и размашисто, без подготовительного рисунка карандашом, а сразу пером и тушью, в некоторых местах с растушевкой.

Поскольку Генеральная карта России готовилась к изданию Делилем в рамках академических программ, участвовать в создании и оформлении карты могли только академические или привлеченные мастера, выполняющие работы по договорам с Академией.

К концу 1728 г. в Академии числилось девять граверов и художников (не считая учеников); из них трое русских и шестеро иностранцев. Однако вскоре возник творческий конфликт между российскими и иноземными мастерами, который вылился в открытое противостояние. Поскольку, по мнению русских мастеров, руководство Академии «ориентируется на художников иностранцев», привлекая русских художников лишь на «подсобные работы», в начале 1729 г. «Зубов и Ростовцев переезжают в Москву, а Коровин, которого в Академии не используют как гравера, оставляет академическую службу»[9].

Перечень «рисовальщиков и грыдоровальщиков», работавших в Академии в эти годы, приведен, наряду с ярким описанием общего состояния дел в гравировальной мастерской Академии, в письме в Канцелярию Высокого Сената (название Правительствующего сената во времена царствование Петра II. — *С. Ц.*) из Академии от 27 августа 1729 г.:

> «...по справке, в академии наук грыдоровальных и тушеванных мастеров из иноземцев имеются: ВОРТМАН, персональной [от «персона». — *С. Ц.*] и прочих, касающихся до онаго

---

[8] *Ухналёв А. Е.* Чертежи архитектора Гаэтано Киавери в Санкт-Петербурге // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 52. Петровское время в лицах — 2010: Материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 309.

[9] Гравировальная палата Академии наук: Сборник документов / Сост.: М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий. Л., 1985. С. 9.

художества искусств; ЭЛЛИГЕР — першпектив и архитектуры; УНФОРЦАХТ — разных манеров литер; КЕЙЗЕР — анатомических <... >Из русских учеников токмо при Унфорцахте один имеется Михайло Иванов, да при вышеописанных мастерах санкпетербургские уроженцы из иноземных детей три человека, а именно: Яган Готфрид Кейлер, Филип Матерновий, Франц Андриус Беэрнс. И оные только обучаются рисовать...»[10].

Немногим от вышеприведенного перечня отличается и «Реестр коликое число в академии наук профессоров, студентов и прочих служителей на лицо» от 19 октября 1730 г. К вышеперечисленным персонам добавились из художников: «МАРСЕЛИУС — архитектор; резных фигур на дереве мастер ЯГАН КУПИЙ... да живописец КСЕЛЬ и малярица жена его», и несколько учеников[11]. Очевидно, что исследуемый эскиз-рисунок для оформления Генеральной карты России мог выполнить кто-то из ограниченного числа художников или мастеров-иностранцев, входивших в реестр Академии 1730 г.

Графические работы мастера «персональной и прочих, касающихся до онаго художества искусств» Х. А. Вортмана характеризуют его как выдающегося художника портретного жанра. Он прибыл в Россию по приглашению И. Д. Шумахера для работы в Академии наук в 1728 г. Среди его первых крупных работ в России — портреты П. И. Шувалова, царя Алексея Михайловича, императора Петра II. В 1730 г. в составе группы «грыдоровальщиков» Академии наук он работает над коронационным альбомом императрицы Анны Иоанновны. В 1731 г. «за многое гуляние» (за прогулы. — *С. Ц.*) Вортман «лишен жалования в Академии наук, но продолжал работать за сдельную плату»[12]. Будучи блистательным рисовальщиком, Вортман, тем не менее, в сложившихся обстоятельствах формально не мог участвовать в работе над ключевым проектом Географического департамента Академии наук.

Автором исследуемого рисунка не мог быть и швейцарский «живописец Гзель». Приказом по Академии наук от 7 сентября 1731 г. Георг Гзель (Georg Csell) был «отослан» в канцелярию от строений «для приуготовления к пришествию Е. И. В. триумфальных ворот»[13], для которых он выполнил 69 живописных картин, а позже

---

[10] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 537–538. № 774.

[11] Там же. С. 649–651. № 893.

[12] Гравировальная палата Академии наук. С. 217.

[13] Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 68. № 80.

был задействован и в оформлении расположенного в Летнем саду Летнего дворца Анны Иоанновны, работы по строительству и отделке которого велись всю весну 1732 г. и, судя по косвенным свидетельствам, продолжались вплоть до 1734 г.

Не могли быть авторами рисунка ни жена Георга Гзеля, «малярица» Мария Доротея (Maria Dorothea), занимавшаяся в то время копированием ботанических коллекций и «разных диковин» из Кунсткамеры, ни мастер «анатомических образов» Кейзер.

Нельзя приписать авторство рассматриваемого нами рисунка «мастеру разных манеров литер» Г. И. Унфорцагту. Фронтисписы для придворных календарей 1733 (илл. 5) и 1735 г. (илл. 6) с аллегорическими композициями, оттиски которых также хранятся в БАН, не позволяют говорить об авторе как о виртуозном рисовальщике.

Признанный виртуоз рисунка «Филипп Матерновий» достиг высот мастерства лишь к середине 1740-х гг., а в 1730 г. он еще только «учится рисованию».

Таким образом, из вышеперечисленных художников и «грыдоровальщиков», входивших в состав служащих Академии к концу 1730 г., только О. Эллигер мог выполнить рисунок такого высокого уровня мастерства.

Оттомар Эллигер (1703–1735), родившийся в Амстердаме в семье живописца, приехал в Россию в 1727 г. и первое время работал в конторе садовых дел. С 1728 г. он числится в штате Академии наук. Его первые работы позволяют говорить о нем как о художнике, склонном к внимательному и подробному копированию архитектуры, однако с излишне сухой, лишенной живости манерой рисунка. Тем не менее его творчество разнообразно и охватывает самую разную тематику: от городских перспектив до книжных гравюр.

В конце мая 1732 г. Эллигер совместно с Унферцагтом гравирует антиминс для придворной церкви Летнего дворца императрицы Анны Иоанновны (Илл. 7). Руке Эллигера принадлежит центральная часть композиции антиминса — «Положение во гроб Спасителя». В этой работе уже видна рука мастера композиции, умелого «грыдоровальщика», способного отобразить сложные нюансы пластики человеческого тела, детали костюмов и предметов. При внимательном взгляде на рисунок антиминса и на оформление Генеральной карты 1732 г. видно, что художник в обоих случаях использует схожие приемы прорисовки лиц и рук персонажей, деталей их костюмов и тканей (илл. 8, 9). Все это позволяет с большой

Илл. 5. Г.-И. Унферцахт. Фронтиспис придворного календаря 1733 г.
Источник: Академии наук с грыдоровальных досок отпечатанные листы.
1774–1775 гг. Т. VI [БРАН (А.кр./2233(6)].

Илл. 6. Г.-И. Унферцахт. Фронтиспис придворного календаря 1735 г. Источник: Академии наук с грыдоровальных досок отпечатанные листы. 1774–1775 гг. Т. VI [БРАН (А.кр./2233(6)].

Илл. 7. Г.-И. Унферцахт, О. Эллигер.
Антиминс для придворной церкви в Летнем дворце Анны Иоанновны. 1732 г.
Источник: Академии наук с грыдоровальных досок отпечатанные листы.
1774–1775 гг. Т. VI [БРАН (А.кр./2233(2)].

Илл. 8. Рисунок с аллегорическим сюжетом. 1732 г.
Фрагмент с женской фигурой.
Источник: РГА ВМФ. Ф. 3л. Оп. 34. Д. 3099. Л. 1.

Илл. 9. О. Эллигер. Положение Господа во гроб.
Центральная композиция антиминса придворной церкви
в Летнем дворце Анны Иоанновны. 1732 г. Фрагмент.
Источник: Академии наук с грыдоровальных досок отпечатанные листы.
1774–1775 гг. Т. VI [БРАН (А.кр./2233(2)].

долей уверенности утверждать, что у обеих работ был один и тот же автор.

Как уже упоминалось выше, исследуемый нами рисунок благодаря сопроводительной карандашной надписи легко датируется 1732 г. Однако такая датировка требует уточнения. Поскольку на рисунке запечатлен Летний дворец Анны Иоанновны в Летнем саду столицы, строительство которого было официально окончено 18 мая 1732 г., когда императрица Анна Иоанновна его «высочайшей апробации удостоила»[14], можно говорить о том, что рисунок был исполнен не ранее мая, а скорее всего, в период с июня по декабрь 1732 г.

На основании вышеизложенного логично, с известными оговорками, приписать авторство рисунка из собрания РГА ВМФ художнику и граверу Российской академии наук Оттомару Эллигеру, выполнившему эту работу во второй половине 1732 года, что позволяет дополнить перечень его произведений еще одним, ранее неизвестным.

Сам же рисунок, без сомнения, является не только интереснейшим примером графики первой трети XVIII века, имеющим необычный аллегорический сюжет, но и ценнейшим графически оформленным документом эпохи, свидетельством политических событий и общественных настроений, которые нашли отражение в столь необычных и ярких художественных образах.

[14] Санктпетербургские ведомости. 1732. Май — июнь. С. 186.

Наталья Юрьевна Бахарева
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник
Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа

Петербургские достопримечательности и новости, удивившие барона Мюнхгаузена

Natalia Yu. Bakhareva

St. Petersburg's showplaces that impressed Baron Munchausen

Аннотация: Реальный исторический персонаж И. К. Ф. фон Мюнхгаузен прожил в России 12 лет. Здесь ему довелось увидеть много диковинок и услышать необычные известия, которые могли стать основой описания его знаменитых приключений. Сообщения печатавшейся Академией наук газеты «Санктпетербургские ведомости» были порой более невероятными, чем придуманные бароном сюжеты. Не могли оставить Мюнхгаузена равнодушным и экспонаты Кунсткамеры, которые не просто удивляли, но и порождали мечты о путешествиях и удивительных открытиях.
Abstract: The real historical figure I. K. F. von Munchausen lived in Russia for 12 years. He had the chance to see many wonders, which could become the basis for the description of his famous adventures. The reports in the "Sankt-Peterburgskie Vedomosti" published by the Academy of Sciences were more incredible than the stories invented by the baron. The exhibits of the Kunstkamera could not leave Munchausen indifferent. They surprised and inspired dreams about travels and discoveries.

Ключевые слова: барон Мюнхгаузен, «Санктпетербургские ведомости», народные картинки, Академия наук, Кунсткамера.
Keywords: Baron Munchausen, Sankt-Peterburgskie Vedomosti, folk art, The Academy of Sciences, The Kunstkamera.

Всем с детства хорошо знаком литературный герой барон Мюнхгаузен, его охотничьи истории, военные подвиги и фантастические путешествия. И мало кто задумывается над тем, что это был реальный человек и его рассказы в какой-то степени отражают впечатления от событий, участником или свидетелем которых он являлся.

Многие страницы биографии Иеронима Карла Фридриха фон Мюнхгаузена (1720–1797) связаны с Россией. В начале 1738 г. юноша прибыл в Санкт-Петербург, чтобы стать пажом герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского Антона Ульриха, который был выбран императрицей Анной Иоанновной в качестве жениха для ее племянницы принцессы Анны Леопольдовны. В течение почти двух лет он находился при Высочайшем дворе и даже принимал участие в Русско-турецкой войне (1735–1739), сопровождая своего господина. Затем Мюнхгаузен перешел на военную службу в Брауншвейгский кирасирский полк, размещавшийся в Риге. Здесь в 1744 г. он командовал караулом, встречавшим на границе юную принцессу Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую, которой суждено было войти в историю под именем императрицы Екатерины II. В Риге он обрел семейное счастье, женившись на российской подданной Якобине фон Дунтен.

В 1750 г. Мюнхгаузен покинул Россию и обосновался в родовом поместье в Боденвердере, расположенном в Нижней Саксонии. Многие часы он проводил в кабачках, где за чашей пунша рассказывал друзьям захватывающие истории о своих приключениях и путешествиях. Сам он никогда не писал книг, а его повествование предназначалось для узкого круга собеседников. Но затем, без его ведома, эти рассказы были опубликованы, они стали популярными, начали переиздаваться, дополняясь новыми эпизодами, сочиненными от имени барона другими авторами.

Несомненно, значительная роль в дружеских беседах Мюнхгаузена отводилась воспоминаниям о его пребывании в России, которая стала и местом действия многих приключений литературного «барона». На страницах книг создается образ страны, где по дорогам ездят кареты величиной с дом, в лесах обитают восьминогие зайцы и свирепые медведи, а в столицу можно въехать на санях, запряженных кровожадным волком. А так ли уж фантастичны были эти рассказы? Живя в России, Мюнхгаузен мог увидеть и услышать такое, по сравнению с чем его фантазии не кажутся столь неправдоподобными.

Чрезвычайно интересными оказываются в связи с «мюнхгаузеновской» тематикой сообщения газеты «Санктпетербургские ведомости», которую с 1728 г. дважды в неделю выпускала Императорская

академия наук, а значит, предполагалось, что содержащиеся в ней известия носили абсолютно официальный характер и содержали достоверную информацию. Современный же читатель находит в ней новости, ничем не уступающие по своей фантастичности шванкам, записанным со слов «барона-враля».

Взять хотя бы ужасное повествование о волке, настигнувшем сани неустрашимого барона, следовавшего в Петербург, и сожравшем его лошадь. Этот на первый взгляд сказочный эпизод полностью соответствует действительности того времени. В окрестностях столицы действительно водилось множество хищников, и путешествие было сопряжено с серьезными опасностями. Еще в начале XVIII века Ф. Х. Вебер писал о водящихся недалеко от города волках:

> «...едва ли проедешь две мили (будь то зимой или летом), не встретив их. Особенно зимой попадаются целые стаи в 30–40 и больше волков. В эту пору голод толкает их на большую дерзость, и совсем не ново, что они часто нападают на людей и на запряженных в сани лошадей»[1].

Эта опасность подстерегала и путешествующих по Европе. Вот сообщение петербургской газеты о «Венгерских землях», относящееся как раз к той самой зиме, когда Мюнхгаузен следовал в Россию:

> «Которыя проежжия конвою при себе не имеют, тем от находящихся в тамошних лесах волков больше опасности, нежели от самых разбойников, ибо сии страшныя звери иногда целыми стадами собираются, и как на людей, так и на лошадей нападают»[2].

Впечатления о такой встрече с обитателями леса не могли не возбудить в путешественнике желания поведать собеседникам страшную и несомненно героическую историю. А лучшим местом для таких рассказов, конечно, служили кабачки.

В Немецкой слободе в веселой компании за бутылкой вина можно было встретить необычных персонажей, вроде известного по литературным эпизодам непьянеющего генерала, выпускавшего винные пары через крышку в черепе. Как сообщал «вымышленный» Мюнхгаузен своим читателям:

---

[1] Из книги Ф. Х. Вебера «Преображенная Россия» (ч. 1): Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 124.

[2] Санктпетербургские ведомости. 1738. № 6. С. 41.

«Холодный климат и нравы страны отвели бутылочке, среди других светских развлечений, в России гораздо больше места, чем в нашей трезвой Германии. Мне приходилось поэтому встречать там людей, которые в благородном искусстве выпивки имели право считаться подлинными виртуозами»[3].

Застолья сопровождались беседами, легко переходившими в обмен рассказами о невероятных приключениях. Корабельные мастера, моряки рассказывали о дальних странах, об экзотических морских обитателях, о занимательных эпизодах своих путешествий. Повествования обрастали фантастическими подробностями, ведь без этого застольные разговоры были бы не столь интересны.

Они несомненно запомнились Мюнхгаузену, бывшему непревзойденным мастером увлекательных историй, в которых, как уверял собеседников автор, не содержалось ни капли вымысла. Правдивость его подтверждают не только документы и мемуары, описывающие реалии европейской и российской жизни середины и второй половины XVIII столетия, но и материалы самого авторитетного научного учреждения — Императорской академии наук, в первую очередь газеты «Санктпетербургские ведомости». Чаще всего они не являются прямыми аналогами описываемых бароном ситуаций, но характеризуют атмосферу эпохи, когда научные открытия уживались с кажущимися невероятными сообщениями.

В XVIII столетии ученые и мореплаватели совершали далекие путешествия в неизведанные уголки планеты, результаты которых отражались в научных описаниях, картах, зарисовках. Сообщения о необычных существах, встреченных в различных частях света, нередко публиковались в «Санктпетербургских ведомостях». Юный паж в первые годы пребывания в России вряд ли мог читать это русское издание. Но нет сомнений, что эти известия обсуждались как в кабаках, так и в покоях императорских дворцов. Обратимся к известиям 1738 г., когда Мюнхаузен уже находился на русской службе.

В одном из выпусков содержалась информация из Лондона о чрезвычайно необычном существе:

«На прибывшем сюда недавно из Каролины судне, привезена человеку подобная тварь, которая в гинейском лесу поймана, ростом она в четыре фута, и все части ея тела подобны жен-

[3] *Бюргер Г. А., Распе Р. Э.* Удивительные путешествия на суще и на море, военные походы и веселые приключения Барона Фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей / Изд. подг. А. Н. Макаров. М., 1985. С. 16.

скому, только голова у ней такая как у обезьяны. Сия креатура ходит, как обыкновенно и ест сидя, а пища ея по большей части в травах и в коренье состоит. Ей полюбился один на помянутом корабле бывшей молодой человек, и ежели он когда отлучится, то помянутая креатура в великой печали пребывает, а при том сие весьма в ней чрезвычайно и удивительно, что она в то время безмерно скушлива, и сердита зделается, когда ея людям казать хотят»[4].

Иногда за такими забавными описаниями скрываются хорошо знакомые нам сегодня создания, казавшиеся людям той эпохи «чудами». Вот, например, как в газете описывался орангутанг:

«Из Вест-Индских Колоний никаких новин ныне нет, кроме того что одно из наших судов [английских — *Н. Б.*], из Ефиопскаго города Анголы, в Королину пришло и привезло с собою урода, которой по Вест-Индски Оронотан, или дикой человек называется. Сие чудище в своем роде женочка, тело его в два фута длины, имеет человеческия руки, ноги составы, и нохти по препорции величины, обыкновенным образом ходит, на стуле сидит, стакан рукою держит, и как человек из него пьет. По всему телу на нем шерьсть как на медведе. Кожа на теле бела, а на лице и руках красна, и впротчем она вся на Индианца похожа»[5].

Не менее удивительно сообщение, опубликованное в следующем, 1739 г.:

«Из Гишпанскаго местечка Вигоса; от 6 апреля. Фаустинскаго села рыбаки, поймали недавно чудище морское, или так называемова водянова мужика, и с великим трудом насилу ево в неводе на берег вытащили. Сие удивительное, и еще мало виданое монструм, или морское чудо, имеет от головы до ног полшеста фута длины. Голова у него на козью похожа, и так гладка, что на верьху ни одного волоса нет, только в низу борода, с долгими локенами; кожа на голове и на всем теле у нево черна, и местами тонкия волосы на ней есть. Шея у сего водянова дедушки безмерно долга, а туловище необыкновенной длины и толщины, только во многом человеческому подобно. Плеча и локти очень коротки, руки весьма широки, персты у рук через меру долги, и до перьваго згиба, так как у гуся ноги вместе срослись, а оттуда уже наподобие человеческих перстов пошли. Чрезвычайно долгия ево нохти подобны звериным; а хотя сей урод нисковисящия груди имеет,

[4] Санктпетербургские ведомости. 1738. № 85. С. 677.

[5] Санктпетербургские ведомости. 1738. № 77. С. 613.

Илл. 1. «Известие 1739 года о двух чудах, морском и лесном, пойманных в Испании». Лист 309 из издания Д. А. Ровинского «Русские народные картинки. Атлас». Т. 2. СПб., 1881. Государственный Эрмитаж. Инв. № Шт. 1948.

> только он по всем знакам мужеска полу. Лядвеи у нево коротки, и по самые колени срослись, берцы также не очень долги, только розно идут. Ноги у нево хотя и во всем на человечьи похожи, только большия пальцы, весьма блиско один подле другова, как утиныя лапки висят. На пятах имеет сие чудище у нево рыбьи перья, тем подобием как летящей Меркурий с крылами пишетца. В самом низу на конце спинной кости, выросло у нево поперечное перо, власное так как женское опахало, около 12 дюймов длины, а когда распушится то и больше 16 дюймов бывает»[6].

Это весьма впечатляющее описание неведомого существа легло в основу народной картинки (илл. 1), сопровождавшейся комментарием, в целом повторявшим газетную заметку[7]. Подобные печат-

[6] Санктпетербургские ведомости. 1739. № 41. С. 323.

[7] Картинка воспроизведена в издании: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Атлас. Т. 2. СПб., 1881, № 309.

ные листы были чрезвычайно популярны, поскольку заменяли неграмотным людям газеты. Среди народных картинок неоднократно встречаются относящиеся к XVIII столетию сообщения о фантастических существах, объявившихся в Испании, Франции и других странах[8]. В издании Д. А. Ровинского, посвященном этому виду печатной графики, новость 1739 г. воспроизводится на одном листе с не менее удивительным известием, относящимся к 1721 г.:

> «Чудо лесное поймано весною. Фигура онаго чуда, которое обрели в Гишпании солдаты на охоте ходечи в лесу и оным чудом подарили они Винцероя в Ниции которой его садил на такой галиот от флота которой сребром нагружен в Гишпанию и недавно прибыл оный туда благополучно и сие чудо посылается ныне чрез галиот в Мадрит которому весь народ удивляется в городе Соломонке и повел его гишпанский король окрестить и привесть в католическою веру. 1721 году».

На фоне этих официальных «академических» сообщений фантазии Мюнхгаузена не выглядят такими уж невероятными. Слушатели барона, регулярно читавшие газетные новости, вряд ли удивлялись его описаниям обитателей Сириуса, у которых лица «напоминают бульдожьи морды. Глаза помещаются по бокам кончика или, вернее, нижней части их носа. У них отсутствуют веки, и, укладываясь спать, они прикрывают глаза языком»[9].

Новости академической газеты, гравированные изображения «чуд» убеждали, что подобные существа действительно встречаются на Земле. А что уж говорить о том, кто может населять другие планеты! И, несомненно, если, как это сделал Мюнхгаузен, добраться до Сырного острова в Молочном море, то там можно познакомиться с местными жителями, у которых три ноги и одна рука, а на лбу вырастает рог, которым они ловко пользуются[10].

Все сомнения в правдивости рассказов Мюнхгаузена рассеивались при посещении академического публичного музея — Кунсткамеры, открывшейся в специально построенном для нее здании на Васильевском острове за несколько лет до приезда юного пажа в Россию. Здесь имелись многочисленные экспонаты, демонстрирующие аномалии тела у человека и животных. Они служили наглядным подтверждением газетных сообщений: на нашей необъятной планете действительно встречаются совершенно необычные создания. Среди препаратов зоологической коллекции были двух-

---

[8] Р*овинский Д. А.* Указ. соч. № 309, 321, 344, 348.

[9] *Бюргер Г. А., Распе Р. Э.* Указ. соч. С. 117.

[10] Там же. С. 127.

головый теленок, шестиногий грызун, восьминогие крыса и поросенок[11]. Возможно, именно они стали основой рассказа барона о зайце, имевшем четыре дополнительные лапы на спине.

Диковинки Кунсткамеры будили воображение. Астрономические приборы, огромный Готторпский глобус позволяли мысленно совершить путешествие к далеким планетам и звездам. Луна в телескопе казалась такой близкой, что до нее можно было дотронуться рукой. И не так уж нелепо выглядели тогда истории Мюнхгаузена о его «космических» путешествиях на птицах или корабле или о попадании на Луну по побегу быстрорастущего турецкого боба.

Представленные в том же музее Академии приборы и инструменты, собранные Петром Великим, служили примером того, как трудолюбие и занятие науками делают человека способным совершить великие преобразования, овладеть различными профессиями и достичь невероятного мастерства. Первый российский император собрал среди прочего большую коллекцию артиллерийских инструментов. Эти экспонаты демонстрировали возможность произвести такой меткий выстрел, который позволит безошибочно направить ядро в цель, да и самому пролететь на нем прямо во вражескую крепость. Или, как в менее известном эпизоде приключений Мюнхгаузена, произвести такой выстрел, который сможет оттолкнуть своим ядром вражеское назад, в сторону неприятеля. Главное здесь — умело воспользоваться приборами, точно прицелиться и правильно рассчитать диаметр ядра и меру пороха.

Барон рассказывал друзьям не только о полетах к далеким планетам, но и о необыкновенных морских путешествиях и даже о спуске внутрь вулкана Этна, где он встретился с Вулканом и его циклопами. И даже этот диковинный сюжет находит аналогию в действительных событиях, описываемых в академической газете. Одной из новостей, которые могли обсуждаться в декабре 1738 г. в Петербурге, было такое сообщение из Неаполя:

> «Хотя до сего времени и надеялись, что внутри горы Везувия, находящияся пустыя места непроходны, и для того одному такому человек которой похвалялся, бутто он прошлой весны, во внутреннейших местах помянутой горы был, никто верить нехотел, а ныне сия правда в самом деле оказалась; потому что Обер Шталмейстер Короля обеих Сицилий, Граф Гостиллар, с Камергером Короля Полскаго Графом фон Бри-

[11] «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 / Сост. и науч. ред. Р. Е. Кистемакер, Н. П. Копанева, Д. Й. Мейерс, Г. В. Вилинбахов: В 2 т. Т. I. СПб., 2004. С. 82, № 33, 34, 40, 41.

лем, и с разными служительми из свиты Кур Принца Саксонскаго, пред недавным временем намерение принял, в устье сея горы опустившись, во внутреннейшия ея места сходить, что они без всякаго время самым действом учинили...»[12]

И кажется, что упоминаемый в начале заметки человек, которому никто не хотел верить, был столь же правдивым рассказчиком, как и Мюнхгаузен, сообщавший своим друзьям о путешествии на Этну.

Не только новости, поступавшие из других стран, но и происходящее в российской столице казалось порой более сказочным, чем повествования барона. Чего стоит возведение в Петербурге морозной зимой 1740 г. дома, полностью сделанного изо льда! В 1741 г. в типографии при Академии наук вышла книга профессора физики Георга Вольфганга Крафта с описанием этого необыкновенного сооружения[13]. Начиналось сочинение с описания физических характеристик льда, а затем следовало подробнейшее описание сооружения, воздвигнутого недалеко от императорской резиденции. В реальность происходящего трудно было поверить. Сам Крафт писал:

«...в Немецкой земле некоторые нашлись, которым наибольшая часть вышепомянутого описания невероятна и вымышленна казалась. И сия невероятность час отчасу больше возрасти может, чем далее в полуденные страны слух о ледяном доме распространится»[14].

И это замечательная фраза для истории о Мюнхгаузене! Удивительным в описании Крафта выглядело не только ледяное здание со всеми находящимися в нем предметами, сделанными из замерзшей воды, но и ледяные пушки, стрелявшие железными ядрами, а также дельфины, выбрасывающие изо рта огонь от зажженной нефти. Рядом стоял сделанный в натуральную величину слон, который мог кричать как настоящий (эти звуки издавал сидящий внутри

---

[12] Санктпетербургские ведомости». 1738. № 101. С. 803–804.

[13] Подлинное и обстоятельное описание построеннаго в Санктпетербурге в генваре месяце 1740 года Ледянаго дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов с приложенными при том градорованными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всех Эвропе жестокой стуже сочиненное для охотников до натуральной науки чрез Георга Волфганга Крафта Санктпетербургския Императорския Академии наук члена и Физики Профессора. СПб., 1741.

[14] Там же. С. 22.

него человек с трубой). Из хобота слона ночью выбрасывалась горящая нефть, и лед при этом не таял и не трескался.

Мюнхгаузен имел возможность познакомиться с описанием Ледяного дома не только по доходившим до Риги, где он в то время служил, рассказам очевидцев, но и по немецкоязычному варианту книги Крафта, вышедшему в том же 1741 г. Он-то вряд ли сомневался в реальности описанного, ведь бывший паж знал придворную жизнь не понаслышке. Не забыл он и суровую зиму 1740 г., заморозившую не только Петербург, но и Ригу. Безусловно, именно тогда родился его рассказ о том, как при встрече с идущей навстречу каретой везший его кучер не смог извлечь ни единого звука из замерзшего рожка. Затем висевший недалеко от очага на постоялом дворе рожок отогрелся, звуки внутри него «оттаяли», и раздалась чудеснейшая мелодия. Но этот забавный рассказ уже не воспринимается как фантастический после описания ледяного слона, издающего громкие звуки и изрыгающего настоящее пламя.

Можно было бы продолжить перечислять примеры реальных событий, новостей, будораживших воображение экспонатов академического музея, которые могли послужить источником для рассказов знаменитого барона. Но даже приведенные немногочисленные эпизоды показывают, что окружавшая его действительность располагала к сочинению увлекательных рассказов. Люди того времени открывали для себя много неизведанных земель и стремились познать окружающий их мир. Академия наук являлась не только средоточием исследовательской деятельности, но и основным источником известий о новых открытиях и изобретениях. Интерес ко всему необычному, недосягаемому в XX и XXI веке, порождает научную фантастику, а в XVIII столетии он вызывал к жизни «правдивые» истории Мюнхгаузена и других мечтателей и фантазеров.

Игорь Николаевич Юркин
(Москва)
Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Петр Великий у Демидовых в Петербурге (из истории Кунсткамеры после пожара 1747 г.)

Igor' N. Yurkin

Peter the Great at the Demidovs' in St. Petersburg (From the History of the Kunstkamera after the Fire of 1747)

Аннотация: В статье рассмотрен период пребывания в петербургском доме Демидовых на Васильевском острове коллекций Кунсткамеры, перенесенных туда после пожара 1747 г. Там же находилась и «восковая персона» — скульптура императора Петра Великого, выполненная Б. К. Растрелли. Выявлены сведения о ее реставрации, выполнявшейся Ф. Б. Растрелли, по версии автора, в расположенном поблизости доме В. А. Лопухина.
Abstract: The article examines the stay of the Kunstkamera collections in the Demidovs' house on Vasilievsky Island in St. Petersburg, which were moved there after the fire of 1747. The Wax Persona, a sculpture of Emperor Peter the Great by B. K. Rastrelli, was also located there. Information is revealed about its restoration, which was carried out by F. B. Rastrelli, according to the author, in the nearby house of V. A. Lopukhin.

Ключевые слова: Академическая библиотека, Кунсткамера, Демидовы, Б. К. Растрелли, Ф. Б. Растрелли.
Keywords: Academic Library, Kunstkamera, Demidovs, B. K. Rastrelli, F. B. Rastrelli.

Одним из первых эпизодов в легендарной истории рода Демидовых является встреча его основателя, тульского кузнеца Никиты Демидовича Антюфеева (1656–1725) с царем Петром Алексеевичем в доме мастера в Кузнецкой слободе Тулы. Документы, которые подтверждают этот факт, не обнаружены. Не существует и дома — простой избы, в которой могла состояться эта встреча. Место, где она находилась, однако, установлено. На нем сын родоначальника Акинфий Никитич (1678–1745) впоследствии построил роскошный каменный дом, зафиксированный на планах Тулы второй и третьей четверти XVIII века. Но побывал ли на этом месте во время одной из своих поездок между Москвой и Воронежем царь Петр Алексеевич — остается неизвестным.

Тем не менее можно утверждать, что Петр в доме Демидовых побывал и даже продолжительное время в нем оставался. Только произошло это не в Туле, а в Петербурге.

Двор и дом в Петербурге были Демидовым необходимы в силу характера их предпринимательской деятельности, причем с течением времени все больше.

Их успехи в немалой степени зиждились на отношениях с казной, включая при этом умело выстроенные личные контакты. Носители власти — люди и учреждения — постепенно перебирались в новую столицу, вслед за высокопоставленными патронами тянулись туда их клиенты, среди которых был и Демидов.

Одновременно с этим власть стягивала в новый город торгово-ремесленное население. Показательна кампания по принудительному переселению в Петербург предпринимателей из провинции. По подтвердившему прежний указ распоряжению, данному 3 июня 1714 г., требовалось, чтобы выбранные городскими посадами торговые люди и ремесленники (две группы по 300 человек) немедленно приступили к строительству домов в Петербурге[1]. Сохранилась разнарядка по губерниям на такую высылку[2] — в ней на долю городов Московской губернии (в которую входила и Тула) приходится 30 % переселенцев. По ведомости 1720 г. санкт-петербургскими жителями

[1] РГАДА. Ф. 248. Кн. 513. Л. 625–625 об.

[2] Среди них были горшечники, обжигальщики, солодовники, «оконнишники», «фонарники», гончары, колесники, «медного мастерства», котельники, токари, столяры, шорники, портные, каретные, мыльники, золотари, переплетчики, резчики, «мастерства шпажных ножей» (Там же. Л. 621–621 об.). То есть переселяли с целью максимально полно обеспечить Петербург мастерами специальностей, которые могут понадобиться в городе.

числились пять вчерашних туляков с семьями, и все — успешные предприниматели. Демидовых (сыновей Никиты) в этой группе не находим. Но их быть в ней и не могло: к посаду они не принадлежали. К тому же Никита со старшим Акинфием учитывались уже по новому, сибирскому (на Невьянском заводе) их местопребыванию. Однако важна тенденция. В новый центр стягивались капиталы, умы, умелые люди. Таким, как Демидов, дом в Петербурге был абсолютно необходим. Такие, как Демидов, — абсолютно необходимы молодому Петербургу.

В Москве двор у Н. Д. Демидова появился в 1705 г.[3] О существовании у него двора в Петербурге можно уверенно говорить относительно последних лет его жизни. 29 июля 1724 г. Главная полицмейстерская канцелярия отвела Демидову дворовое место на Васильевском острове. Демидов владел им недолго — в 1726 г. его сын передал его П. М. Апраксину. На момент передачи (30 апреля) на демидовском дворе уже существовал фундамент строившегося владельцем дома[4]. Учитывая, что зимой строительство не велось, а Никита Демидов умер поздней осенью предшествующего года, можно утверждать, что он не только планировал иметь резиденцию в Петербурге и получил нужный для этого земельный участок, но и начал его застройку. И это — в случае, если у него не было в Петербурге какого-то другого, более раннего дома, сведения о котором до нас не дошли[5].

Впрочем, даже если он таковым и владел, появление в нем Петра Алексеевича маловероятно. В том числе потому, что в первой половине 1720-х гг. в отношении царственного патрона к Демидову наметилось охлаждение[6].

Примирить это с утверждением, что царь Демидовых в Петербурге все-таки посетил, можно, только если как-то расширить

---

[3] *Юркин И. Н.* Демидовы: Столетие побед. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 103.

[4] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 765. Л. 1–2.

[5] Историю принадлежавших А. Н. Демидову и его потомкам петербургских дворов и домов автор попытался рассмотреть в недавней статье: *Юркин И. Н.* Демидовский след в истории молодого Петербурга // Санкт-Петербург — город петровской мечты: Материалы XVI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 года. СПб., 2024. С. 126–135. После находок новых документов приходится признать, что в этой статье учтены и корректно интерпретированы были не все детали реальной картины.

[6] *Юркин И. Н.* Демидовы: Столетие побед. С. 102.

хронологические рамки посещения. Например, за пределы жизни Петра Алексеевича.

В декабре 1747 г., 5-го числа, в Академической библиотеке и Кунсткамере произошел пожар. Спасенные коллекции на первое время разместили в уцелевших частях здания Кунсткамеры и в стоявших неподалеку арендованных Академией палатах баронов Строгановых. Для длительного пребывания присмотрели находившийся «в самой близости» — на Васильевском острове, на берегу Малой Невы — дом, принадлежавший Демидовым. За полтора года до пожара его владелец Акинфий Никитич умер, готовился раздел его имущества, в доме никто из сыновей-наследников не жил.

Президент Академии граф К. Г. Разумовский в рапорте императрице от 7 декабря, указывая на «каменныя палаты дворян Демидовых», спрашивал про этот дом: «Не повелите ли, В. И. В., оный всемилостивейше повелеть отдать под библиотеку и кунсткамеру до будущаго соизволения и высочайшей своей резолюции»[7]. Императрица к рекомендации прислушалась: 23 декабря распорядилась «отдать под Библиотеку нашу и Кунсткамеру дом дворян Демидовых впредь до нашего указу, по коих мест академическия полаты построены будут»[8].

Стали готовить «для разстановления вещей удобныя... места»; приготовили их к 14 января. Полки под книги сделали новые, музейные шкафы отобрали из переживших пожар[9].

18 января И. И. Тауберт внес в Академическую канцелярию проект расположения книг и экспонатов в новых помещениях[10], на следующий день его утвердили[11]. Если предметы расставляли в согласии с этим проектом, можно точно указать, где конкретно что находилось[12]. На верхнем и нижнем этажах расположили книги, на среднем — коллекции Кунсткамеры. По соседству от естественнонаучных коллекций разместили Минцкабинет, предметы историко-художественные и мемориальные[13].

---

[7] Материалы для истории Императорской академии наук (далее — Материалы...). Т. 8: 1746–1747. СПб., 1895. № 859. С. 633–634.

[8] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.

[9] *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 120.

[10] Материалы... Т. 9: 1748–1749 (январь — май). СПб., 1897. № 28. С. 19–20.

[11] Там же. № 29. С. 20.

[12] Этот вывод был сделан еще в работе: *Станюкович Т. В.* Указ. соч. С. 122.

[13] Материалы... Т. 9. № 28. С. 19. Имели место и отклонения от схемы: токарные машины отправили на нижний этаж, «иллуминованныя» книги — к музейным экспонатам на средний.

Для переноски экспонатов Академическая канцелярия запросила у Военной коллегии 20 солдат с унтер-офицером и капралом[14]. К работе приступили, вероятно, около 21 января — в день, когда Коллегия известила о готовности предоставить грузчиков[15].

В демидовском доме зарезервировали место и для хранившейся в Кунсткамере с 1732 г. «восковой персоны» — скульптурного портрета Петра Великого, изготовленного из воска Бартоломео Карло Растрелли. До пожара его демонстрировали в Императорском кабинете в составе особой экспозиции, посвященной личности Петра[16]. Неподалеку находились машины петровской токарни.

При пожаре «персоне» повезло. Огонь, охвативший башню и верхний этаж, мемориальный кабинет не тронул. А. К. Нартов сообщал в рапорте К. Г. Разумовскому, что пожар бушевал в покоях, «под которыми состоял в средних департаментах [этаже. — *И. Ю.*] ... государя императора Петра Великаго портрет и собственныя токарныя махины». Увидев, что «верхний апартамент кругом весь сильно горит», Нартов приказал «оный вощеный портрет вынести». Следом занялись спасением «махин, укрепленных к полам». Они были отделены от фундамента и спущены по веревкам. Спасли и другие предметы[17].

Восковую скульптуру уберегли. Но мемориальный комплекс, который прежде составляли Императорский кабинет и токарня, планом Тауберта был разрушен. Громоздким «махинам» отдали две комнаты нижнего этажа, а Петру и связанным с ним вещам назначили место, общее с коллекциями Кунсткамеры, — на втором этаже, где находились 16 комнат, зала и вестибюль[18].

Академическое имущество оставалось в демидовском доме долго — последние предметы вывезли в 1767 г.[19] Что все время там находилась и «персона» — не утверждаю, поскольку в это время проводилась ее реставрация.

---

[14] Там же. № 21. С. 16.

[15] Там же. № 42. С. 31. Какая-то, вероятно небольшая, часть имущества была перемещена раньше, до начала 1748 г. Об этом можно заключить, в частности, из документа от 28 декабря 1747 г. (Материалы... СПб., 1895. Т. 8. № 903. С. 666).

[16] *Станюкович Т. В.* Указ. соч. С. 108.

[17] Материалы... Т. 8. № 834. С. 620–621.

[18] *Станюкович Т. В.* Указ. соч. С. 121, 122.

[19] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 42–42 об.

Смутное воспоминание о том, что при пожаре скульптура получила повреждения, осталось у ее хранителя О. П. Беляева, в 1793 г. писавшего:

> «...сказывали, что сия статуя действительно прежде... поднималась и имела в членах движение по желанию каждаго; но при переноске ея в Кунст-камеру все, способствовавшия к движению ея пружины были разрушены»[20].

Нартов в цитированном рапорте о повреждениях «вощенной персоны», однако, не упомянул, из чего заключаем, что повинен в них был не огонь. Остается предположить, что они появились при транспортировке. Ниже цитирую письмо Тауберта, в котором он, протестуя против спешки при освобождении дома Демидовых, указывает, что «при скором переносе неотменно великое множество долженствует переломатца, повредится и утратится, а иных вещей ни за какия денги возвратить невозможно». Что при перемещении «персоны» она хотя и «не переломалась», но была повреждена, отмечает журнал Канцелярии Академии за 1748 г. В записи от 15 февраля читаем, что

> «во время учинившагося при академии пожара вынесен из академических апартаментов е. и. в. блаженныя памяти государя императора Петра Великаго восковой портрет, у котораго руки при выноске несколько повреждены»[21].

Автор скульптуры устранить повреждения не мог — он уже умер. Однако, как выяснила Академическая канцелярия, «у обер-архитектора графа фон-Растрелия [сына скульптора. — *И. Ю.*] есть тому формы». Было решено к нему «о исправлении того на французском языке послать письмо»[22].

Архитектор Франческо Бартоломео Растрелли занялся реставрацией «персоны». Он работал, полагаю, не в демидовском доме. Для осмотра академических коллекций последний посещали высокопоставленные гости, в т. ч. иностранные. Работа с полуразобранной фигурой императора, сопровождаемая запахами и технологическими шумами, требовала организации особого, изолированного от экс-

---

[20] *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великаго, или Подробное и обстоятельное описание восковаго Его Величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных Его изделий и прочих достопамятных вещей, лично Великому сему Монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской императорской Кунст-камере сохраняющихся...: [В 2 ч.]. Ч. 1. СПб., 1793. С. 29.

[21] Материалы... Т. 9. № 99. С. 71.

[22] Там же.

позиции помещения. Создать его в условиях дефицита экспозиционной площади было невозможно.

О необходимости реставрации предметов, поврежденных при пожаре, заговорили в первые же дни после несчастья. К. Г. Разумовский в цитированном рапорте императрице от 7 декабря 1747 г., хлопоча о предоставлении Академии во временное пользование демидовского дома, выражал надежду, что тот, хотя и мал, все же позволит «несколько разобраться», какие вещи сохранились, какие утрачены «и которыя от повреждения исправить в непродолжительном времени должно»[23]. За два прошедших с этого времени месяца предметы, которые было возможно и стоило реставрировать, были определены. К числу важнейших принадлежала поврежденная при переноске «персона».

Не исключаю, что часть связанных с ней реставрационных работ проводилась в мастерской Растрелли, но главные — скорее всего, на площадке, подготовленной Академией. О создании временной реставрационной мастерской для экспонатов, поврежденных при пожаре, узнаем из данного Нартову распоряжения махины и инструменты, которые требовали «исправления»,

> «перенесть в нанятые под академию в доме господина генерала-лейтенанта Лопухина покои, в которых... занять ему... два или три покоя, где и дела его исправляться имеют; с другой же стороны потребное число покоев занять мастеру Скотту для исправления глобуса; токмо б предписанными мастерскими не было занято напрасно без самой нужды лишних покоев, ибо надлежит во оных еще другия художества вместить»[24].

Перед нами — описание реставрационного участка, где одновременно лечат жертв пожара: махины, инструменты, сильно пострадавший глобус Блау — и готовятся спасать другие «художества». Если здесь работал мастер Скотт, то ничто не мешало разместиться поблизости и Растрелли.

Каменный дом «о двух этажах» генерал-поручика Василия Абрамовича Лопухина располагался очень удобно — на Васильевском острове около Биржи и был отделен от демидовского всего двумя небольшими участками[25]. Его сроком на пять лет арендовал петербургский житель Еган-Балтазар[26]. Теперь Академия за 225 руб. в год

---

[23] Материалы... Т. 8. № 859. С. 634.

[24] Материалы... Т. 9. № 115. С. 81.

[25] *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. М., 2014. С. 99–103.

[26] Так в контракте. Подпись под документом Johann-Balthasar Francar (Материалы... Т. 9. № 92. С. 66–67).

арендовала у него на неограниченный срок в верхнем апартаменте 13 покоев с залом и кухней — примерно треть того, что получила в демидовском доме. Договор на поднаем был заключен 9 февраля 1748 г.[27] — через два месяца после рапорта президента Академии и через три недели после представления Таубертом плана размещения имущества у Демидовых.

Сохранился датированный 4 июля того же года и подписанный Растрелли документ — реестр материалов, необходимых для «поправления» восковаго «патрета». В нем четыре позиции: воск белый, венецейский белый терпентин, киноварь, хорьковые кисти[28]. Материалы для «мастеровых людей» (как видим, в реставрации скульптуры принимали участие помощники) Растрелли просил передавать через него — можно предположить, для предварительной проверки их качества[29].

На протяжении первого десятилетия затягивавшегося пребывания академических коллекций в доме Демидовых никто их там не тревожил. Позже положение изменилось. По окончании в 1757 г. раздела имущества у дома, приютившего академические коллекции и книги, появился конкретный хозяин — Никита Акинфиевич Демидов, который потребовал его освобождения. Оно затянулось надолго, что осложняло отношения сторон.

В предыдущих работах я описал эволюцию этих отношений, в связи с чем характеристику их опускаю[30]. Ограничусь цитатой из письма Тауберта генерал-прокурору князю Я. П. Шаховскому от 28 августа 1761 г. Оно примечательно присутствующей в нем оценкой вклада Петра в формирование коллекций Кунсткамеры и библиотеки. По словам Тауберта, возбуждающий «любопытство» посетителей «как природных российских, так и всех приезжающих сюда иностранных» демидовский дом «чрез все три апартамента сверху до низа наполнен как вещми, так и книгами». Тауберт

---

[27] Там же.

[28] Материалы... Т. 9. № 351. С. 284. Перечисленное требовалось для работы с восковыми деталями, однако не факт, что реставрировали только их.

[29] Материалы. Т. 9. № 351. С. 284.

[30] *Юркин И. Н., Калита С. П.* Академия наук в гостях у Демидовых: Первый российский музей и академическая библиотека после пожара 1747 года // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 102–128; *Юркин И. Н.* «...Хотя и тесен, все же достаточен» (Дом Демидовых на Васильевском острове в судьбе Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук) // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 3 (55). С. 103–110.

подчеркивал личное участие царя в собирании этих сокровищ — он писал, что

> «бóлшую часть сих редкостей сам собрал из разных государств, не жалея никакого иждивения, и столь высоко оныя поставлял, что первоначалную Кунстъкамеру... имел в собственном своем дворце. А потом для пространнейшаго расположения вещей с пристойным украшением велел построить особливой дом, в котором Библиотека и Кунсткамера находились в наилутчем порядке»[31].

Как видим, Академия по-прежнему с великим почтением относилась к наследию и реликвиям, связанным с ее основателем. Собственная восковая его скульптура занимала в ее коллекции важнейшее место.

Тауберт утверждал, что к нему «беспрестанно приходят знатныя особы как иностранные, так и здешние любопытствующие видеть Кунстъкамеру и Библиотеку». В связи с этим он высказывал мнение о состоянии, в каком пребывают академические собрания в демидовском доме, который

> «ныне принужден почти со стыдом и со всегдашнею оговоркою сказывать, что оныя вещи хранятся в том партикулярном доме не инако, как в магазеине, толко до того времяни, пока настоящее для них место, где они до пожару были, пристойным образом шкафами и протчим внутри украшением отделается»[32].

Данное письмо не позволяет согласиться с высказываемым иногда мнением о том, что академические коллекции, находившиеся в доме Демидовых, были по сути законсервированы. Кунсткамеру посещали — об этом Тауберт говорит прямо. Более того, не думаю, что выражение «хранятся как в магазеине» указывает на закрытость коллекции от публики. Скорее, верно обратное: речь идет о допускавшей доступ посетителей форме хранения фондов — той, которую в настоящее время называют «открытым хранением» и в музейной практике реализуют достаточно часто. Любопытно, что Тауберт, надеясь добиться получения Академией дополнительного финансирования, был заинтересован преувеличить трудности, которые испытывали академические учреждения. Однако прощаться с демидовским домом отнюдь не спешил. Он, хотя и был в сравнении со зданием Академии невелик, многим ее устраивал. Разрывать

[31] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 29 об. — 30.

[32] Там же. Л. 29–29 об.

контакты с Н. А. Демидовым в преддверии освобождения его городской усадьбы Тауберт не хотел, о чем писал ему в 1765 г.[33]

Два десятилетия, проведенные академическими музеем и библиотекой в доме Демидовых, — период длительный. Можно ли считать факт этого пребывания примером обширной благотворительной деятельности, обычно ассоциируемой с представителями этого рода? Однозначного ответа на вопрос не имею. Дом, в котором Академия задержалась на 20 лет, она получила во временное пользование не по их, Демидовых, инициативе. Однако половину срока, в течение которого она в нем находилась, наследники — потенциальные владельцы — недовольства по этому поводу не высказывали (во всяком случае, мне такие факты неизвестны). Появление у особняка конкретного хозяина, который намеревался его использовать для собственных нужд, ситуацию изменило. Никита Акинфиевич пытался Академию из занятого ею здания вытеснить, и его действия, конечно, трудно интерпретировать как благотворительную акцию. Вместе с тем они носили достаточно мягкий характер: отношения он не обострял, конфликтный характер они не приобретали. Владелец дома терпел в нем Академию, если считать с начала «освободительной кампании», на протяжении еще десяти лет — вплоть до того, как, полностью завершив подготовку помещений, она вывезла из него последнее свое имущество. Как говорил герой одного фильма: «Это конечно не подвиг, но что-то героическое в этом есть».

За ту поддержку, которую Петр Великий оказывал энергичному и амбициозному тульскому кузнецу, его внуки отплатили многолетней работой на благо российской экономики, поддержкой российской науки и культуры. Появление уникальной его статуи в их доме — результат случайности. Но долгое ее пребывание там — это, полагаю, помимо прочего, еще и знак уважения Демидовых к человеку, без которого история их рода могла оказаться совсем другой.

---

[33] *Юркин И. Н.* Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. С. 155–156.

Олеся Александровна Зотова
(Санкт-Петербург)
Начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ)

Первые хранители военно-морской документальной истории: имена и судьбы (к 300-летию РГА ВМФ)

Olesya A. Zotova

The First of Naval Documentary History Keepers: Names and Fates (on the 300th Anniversary of the Russian State Naval Archive)

Аннотация: Статья посвящена 300-летию Российского государственного архива Военно-Морского Флота и первым архивариусам, благодаря которым сохранились документальные материалы не только по военно-морской истории, но и по истории всей России. Основное внимание уделено сложностям, с которыми сталкивались архивариусы в 1724–1770 гг.
Abstract: The article is dedicated to the 300th anniversary of the Russian State Naval Archive and the first archivists, thanks to whom documentary materials not only on naval history, but also on the history of all of Russia have been preserved. The main attention is paid to the difficulties that archivists faced in 1724–1770.

Ключевые слова: архивариус Адмиралтейств-коллегии, архив, комплектование, хранение документов.
Keywords: Admiralty Board archivist, archive, staffing, storage of documents.

27 января 2024 г. РГА ВМФ отметил свой 300-летний юбилей. Самым значимым и ценным подарком в этот день, без сомнения, стала книга «Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории»[1], над которой сотрудники архива работали многие годы. В ходе ее подготовки удалось на основе документов Адмиралтейств-коллегии и подчиненных ей учреждений относительно полно реконструировать имена первых архивариусов. Одним из менее изученных периодов в силу ограниченного числа источников все еще остается XVIII век. В статье речь пойдет как раз о хранителях военно-морской документальной истории, которые служили в архиве в период с 1724 по 1770 г., их судьбах (где удалось получить такого рода информацию), условиях работы и т. д.

В 1717–1719 гг. в России была проведена реформа государственного управления. Вместо существовавших до этого приказов были созданы подчиненные Сенату коллегии[2]. В задачи Адмиралтейств-коллегии входило управление флотом и всем, что с ним связано[3].

Формирование нового учреждения было длительным и сложным процессом. Становление архива при нем началось также далеко не сразу и затянулось на несколько лет. Реорганизация государственного аппарата естественным образом повлекла за собой изменение всей системы ведения делопроизводства и хранения документов. Трудно назвать сферу жизни русского человека, которую бы не затронули преобразования, осуществленные Петром I. Касалось это и документальных собраний:

> «Как бы нащупывая для них [архивных материалов московских приказов. — *О. З.*] надлежащее место и целесообразное их использование, Петр сначала привел архивы в состояние непрерывного брожения: по отношению друг к другу, и внутри приказных архивов стала происходить спорадическая перегруппировка: архивные фонды то смешивались, то разъединялись; архивы перебрасывались из Москвы то в провинцию,

---

[1] Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории / Отв. сост. А. Ю. Емелин. М., 2023. 272 с.

[2] ПСЗ. Т. 5. № 3129, 11.12.1717; № 3133, 15.12.1717; № 3255, 12.12.1718. Первоначально было учреждено девять коллегий: Коллегия иностранных дел, Камер-коллегия, Юстиц-коллегия, Ревизион-коллегия, Военная коллегия, Адмиралтейств-коллегия, Коммерц-коллегия, Штатс-контор-коллегия, Берг- и Мануфактур-коллегии. Сферы их деятельности были разграничены, а отношения внутри них решено строить по принципу коллегиальности.

[3] Там же. Т. 6. № 3937, 05.04.1722.

то в новую столицу, то опять в Москву; старые архивы то сливались с новыми, то резко обособлялись от них»[4].

Архиву при Адмиралтейств-коллегии в известной степени повезло, т. к., во-первых, есть отправная точка его истории. Изустный приказ Петра I был записан в журнале Адмиралтейств-коллегии 17 (по новому стилю — 28) января 1724 г. следующим образом: «...Его Величество... между тем изустно повелел учинить следующее: Для собирания дел в архиву определить архивариуса и к нему копиистов...»[5]. Во-вторых, четкая подчиненность и инструкция к действию[6] должны были обеспечить порядок. На деле все сложилось иначе.

Вначале несколько слов о размещении архива. На протяжении первых двухсот лет своей истории он находился при главном органе управления Военно-морского флота (сначала при Адмиралтейств-коллегии, потом при Морском министерстве). В 1720–1730-е гг. в документах упоминаются «колодничьи палаты» Адмиралтейской крепости и «академический двор» Морской академии, где также находилась Адмиралтейств-коллегия с конторами. В 1727 г. они были переведены в Кикины палаты. В 1732 г. — в Главное Адмиралтейство. Архив покинет эти стены лишь в 1926 г.

Первым архивариусом был назначен Михайло Фомин. Мы практически ничего о нем не знаем, кроме того, что он к началу 1724 г. занимал должность канцеляриста в Адмиралтейской канцелярии. Очевидно, что выбор пал на него не случайно. Предыдущее место службы позволило ему создать ядро архива Адмиралтейств-коллегии из документов именно Адмиралтейской конторы.

Первые полгода существования архива Фомин работал в одиночестве. На короткий срок вместе с ним был сторож, имя которого нам не удалось установить: достаточно скоро его забрали в гребцы на галерный флот. Указывая на невозможность работать в одиночку, Фомин просил установить следующий штат архива: одного архивариуса, одного подканцеляриста (как первого помощника и заместителя), двух копиистов и двух сторожей — всего шесть человек. Адмиралтейств-коллегия сократила это количество до четырех: одного архивариуса, двух копиистов и одного сторожа. На должности

---

[4] *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР (опыт систематического руководства): В 2 ч. Ч. 1 История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М., 1941. С. 163.

[5] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 37. Л. 104 об. — 105.

[6] Речь идет об утвержденном 28 февраля 1720 г. «Генеральном регламенте», глава XLIV которого была посвящена деятельности коллежских архивов.

копиистов были назначены Фёдор Бунин и Фёдор Зеленин[7]. В обязанности сторожа было также включено поддержание «теплоты и чистоты палат»[8].

Михайло Фомин писал в Адмиралтейств-коллегию о том, что сложно справиться даже втроем с возложенной на сотрудников работой. Помимо приема дел, необходимо было приводить в порядок имеющиеся документы и составлять справки для Коллегии. Самой серьезной проблемой оставалось именно комплектование нового архива. Повытчикам и канцеляристам было предписано передавать дела на хранение[9]. Проблема заключалась в том, что делали они это практически одновременно. Помимо этого, сдатчики не соблюдали главное условие — передавать дела вместе с составленными реестрами и «алфабетами», т. е. описями и алфавитами[10].

Составление описей и алфавитов для принятых в архив документов, делопроизводители которых уже скончались, правление Адмиралтейств-коллегии возложило на Михайло Фомина.

Необходимо было найти остальных повытчиков, даже если они были переведены в другие конторы и на другие должности, и обязать их довести работу до конца. Указом Адмиралтейств-коллегии искали Федора Слащёва, Максима Овошникова, Семена Фадеева, Саву Богданова, Василия Страхова, Степана Ефтифеева, Никифора Зыкова, Фому Оловеникова, Захара Кузмина. Каждый из них должен был описать все дела по своему столу и составить реестр и алфавит, совмещая это со своей работой. Например, указом Адмиралтейств-коллегии от 13 января 1725 г. для секретаря Обер-сарваерской конторы Максима Овошникова и канцеляриста той же конторы Степана Ефтифеева был установлен специальный распорядок дня: с шести утра до двух дня они работали в конторе, а с трех дня до десяти вечера — в архиве «безотлучно». За соблюдением этого распорядка дня и «безотлучностью» должен был следить коллежский

---

[7] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 379. Л. 677.

[8] Там же. Л. 676 (резолюция П. Бредаля к пункту № 13 донесения М. Фомина).

[9] Нами установлен круг учреждений, которые должны были в 1724 г. передавать свои документальные материалы в архив при Адмиралтейств-коллегии: Адмиралтейская контора, Адмиралтейская провиантская контора, Контора Партикулярной верфи, Академическая контора, Контора генерал-кригс-комиссара, Подрядная контора, Контора вахмейстерских дел, Обер-сарваерская контора.

[10] Алфабет (от греч. ἄλφαβήτα) — сейчас «Алфавит», вид научно-справочного аппарата, широко распространенный в XVIII–XIX столетиях, не потерявший актуальность до сих пор, видоизменившийся в указатели.

вахмистр. Любое нарушение этого указа должно было сказываться на жаловании делопроизводителей[11].

Федор Слащёв, ранее служивший в Обер-сарваерской конторе и вызванный из Ревеля в Петербург для разбора дел, в своем рапорте от 26 января 1725 г. вкратце описал то, что увидел в архиве[12]. Размещены документы были в бывших колодничьих палатах в сундуках, ящиках и ларях. На сундуке с документами его стола не было ни замка, ни печати. Дела, с которыми он работал, относились к периоду 1712–1715 гг. Слащёв разобрал их по месяцам и годам. В сундуке им также были обнаружены документы, не относящиеся к его столу. Часть своих материалов он вовсе не обнаружил и предположил, что они находятся в других сундуках: «...а в других сундуках дел без показания товарищей моих отыскивать не смею понеже в той палате как видно имеется сундуков множество а надписания те же печатей и замков многих не находится».

Вопрос о несоблюдении порядка сдачи дел в архив поднимался постоянно. При смене архивариусов он становился особенно насущным. Первым проблему обозначил Михайло Фомин. В 1730 г. он скончался и на его место был назначен Яков Паюсов. На его долю выпала первая попытка подсчета документов в связи с предполагаемым переездом в достраиваемое здание Двенадцати коллегий. Всего насчитали «от разных кантор с делами 46 сундуков и ящиков, в том числе умерших повытчиков 14 сундуков и ящиков». Переезд не состоялся: ранее мы уже упомянули, что с академического двора архив переехал в Главное Адмиралтейство.

Иногда архивариус совмещал несколько должностей. Ярким примером стал третий начальник архива, Адмиралтейств-коллегии регистратор и нотариус *Иван Васильев*, сменивший скончавшегося в 1734 г. Якова Паюсова. Столкнулся он с той же самой проблемой: наличие большого количества дел, не имеющих описей и алфавитов. Он обратился в Адмиралтейств-коллегию с просьбой уволить его от должности нотариуса[13]. Там очень долго принимали решение и в конце концов оставили Васильева нотариусом, а в «адмиралтейскую архиву» был назначен канцелярист *Иван Кедрский*[14], который должен был «во всем над той архивой иметь крепкое смотрение»[15].

---

[11] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 379. Л. 696 об., 698, 703.

[12] Там же. Л. 730 об.

[13] Там же. Д. 689. Л. 49–50.

[14] В других документах также встречается следующее написание фамилии: Кедрисой, Кедрекой. См. Ф. 212. Оп. 11. Д. 689. Л. 337.

[15] Там же. Л. 49–50.

Так архивариусы сменяли друг друга. Каждый сталкивался с одними и теми же проблемами. Со временем только увеличивалось количество хранящихся дел, постоянно не хватало людей, помещений и т. д.

Серьезные изменения произошли с приходом в 1761 г. *Ивана Меньшова*. О его судьбе удалось найти более подробные сведения. Он был дворянского происхождения, в 1719 г. из недорослей[16] был определен на службу матросом в корабельный флот.

Морю отдал 11 лет жизни. Занимая должности комиссара и секретаря, половину этого времени занимался составлением ведомостей, табелей, описей, ведением книг приказов и корабельных журналов. В 1730 г. его отправили в Санкт-Петербург и определили в Адмиралтейскую контору для составления счетов. В том же году из-за нехватки там приказных служителей Меньшов был записан в копиисты. Так началась его «сухопутная» служба.

Десять лет спустя, в 1740 г., Меньшова пожаловали в канцеляристы; в 1743 г. определили временно исполняющим обязанности бухгалтера для составления счетов и освидетельствования всех мастерских и мастеров, комиссаров и прочих служителей при Адмиралтействе; а три года спустя утвердили в должности бухгалтера, и до 1 сентября 1751 г. он состоял в штате Экипажеской экспедиции.

На его карьере сказались очередные реорганизации Морского ведомства, когда экспедиции стали вновь конторами и их штаты изменились. Он был сокращен, но быстро вернулся в штат — здесь большую роль сыграли его связи и опыт.

9 октября 1761 г. Иван Меньшов сменил *Василия Шубникова* на должности архивариуса в Адмиралтейском архиве. В первую очередь при переводе на новую должность он добился сохранения за ним прежнего оклада Прежде оклад архивариуса составлял 150 руб., бухгалтера — 250 руб.[17]

8 января 1762 г., подписываясь еще «бухгалтером», новоиспеченный архивариус в «покорнейшем доношении» Адмиралтейств-коллегии подробно описал общее состояние архива, организацию работы и то, в каком виде он принял дела. При этом он подчеркнул, что у него нет никаких особых предписаний, только назначение

---

[16] В XVIII веке недорослями называли молодых дворян, которым еще не исполнилось 15 лет. Предполагалось, что они еще не получили образование и не поступили на государственную службу. После достижения 15-летнего возраста они должны были приобщаться к служению «по отечеству», но обязательно начиная с низшего воинского звания.

[17] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1374. Л. 1.

на должность. Далее, ссылаясь на Адмиралтейский регламент[18], сообщил, что его предшественник Шубников нарушил правила, покинув место без какой-либо генеральной описи и оставив все дела неописанными: «...мною усмотрено, что принятые вархиве дела весма лежат непорядочно и разбросаны повсей архиве порознь, анекоторыя лежат, неимея описей ибезпереплету, ноодними листами»[19], часть из них уже сгнила. Меньшов указал, что многие дела даже при наличии описей нельзя найти, а к нему уже приходят повытчики и просят принять новые дела, но он не в состоянии разместить не только новые, но и имеющиеся. Меньшов отметил дряхлость полов, дверей и окон, мебели (одни шкафы развалились, в других перебиты стекла, испорчены замки и ключи); отсутствие стола, чернильниц, ножниц, бумаги, перьев и чернил; подчеркнул, что помощников ему не назначили («одному в архиве быть не можно»), и потому вступить в должность, как того требует Регламент, он даже при наличии помощников сможет лишь через три года. Такой срок Меньшов дал себе для приведения архива в должный порядок[20].

В январе 1763 г. в ответ на «доношения» Меньшова Адмиралтейств-коллегия предписала безоговорочно и немедленно принимать все дела от повытчиков, активнее разбирать обнаруженные документы, о проделанной работе еженедельно отчитываться. Более того, караульным офицерам Главного Адмиралтейства велели смотреть за Меньшовым, «чтоб он при помянутом деле был всякой день и проходил в указанные часы», а в случае нарушения архивариусом распорядка рабочего дня или отсутствия на работе — доложить Коллегии[21].

В 1770 г. архивариус Иван Меньшов обратился с прошением уволить его от службы. Написав о том, что занимался разбором многочисленных дел в Адмиралтейском архиве (при этом счел нужным указать, что «с 1696 году... всего государства в оном архиве дела имеются [подчеркнуто нами. — *О. З.*]), он ни словом не обмолвился

---

[18] Адмиралтейский регламент, или «Регламент о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии Адмиралтейской, и протчих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся», — свод законов и положений, регламентировавших жизнь и деятельность морского ведомства. Издан в 1722 г. Иван Меньшов внимательно изучил все документы, связанные с учреждением архива Адмиралтейств-коллегии.

[19] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1374. Л. 4 об.

[20] Там же. Л. 4–5 об.

[21] Там же. Л. 20 об. — 22.

о тяжести работы на флоте. Обосновывая свою просьбу, Меньшов писал, что у него

> «от пыли и грязи на правом глазу наросло бельмо, також и левой помутился, и неточию при огне, но в самои светлои день в очках писать и читать, но и человека в трех или четырех саженях в лицо с нуждою оглядеть могу; к тому же пришел в самую настоящую старость и ногами дряхл».

Далее Меньшов указывал, что ни с какой службой он справиться уже не сможет, и просил об увольнении и выдаче ему паспорта, а за долговременную и беспорочную службу — о пожаловании пенсиона: «...ибо я, нижайший, поместья, вотчин и других доходов к пропитанию себе не имею»[22].

15 января 1771 г. Меньшов по его прошению был уволен со службы. Ему выдали аттестат и паспорт, повысили до коллежского протоколиста. В пенсионе отказали, объяснив тем, что не выслужил в офицерском чине положенного срока[23].

Из-за того, что на место архивариуса никого не определили и дела Меньшов пока никому не передал, ему продолжали выплачивать жалованье. Позднее в справке коллежской канцелярии указали, что из его жалованья вычитались суммы на медикаменты и госпиталь, из чего можно заключить, что последние месяцы он провел на лечении.

3 ноября 1771 г. Иван Меньшов скончался «будучи в совершенной старости». Об этом сообщила его дочь Татьяна Ивановна Чернышева, жена секретаря Правительствующего сената Андрея Потаповича Чернышева[24], в челобитной о выдаче ей как единственной законной наследнице оставшегося жалованья отца (речь шла о 50 руб. 37 коп. с четвертью). Просьба была удовлетворена.

Подводя итоги деятельности первых архивариусов, обратим внимание на один и тот же круг проблем, с которыми им приходилось сталкиваться: нехватка людей, невыполнение порядка сдачи документов в архив, ненадлежащие условия хранения. Донесения и рапорты Михайло Фомина, Якова Паюсова, Ивана Васильева, Ивана Кедрского, Василия Шубникова и Ивана Меньшова не оставались без ответа. Каждая бумага рассматривалась правлением Адмиралтейств-коллегии, издавались указы. Напомним, что за исполнением

---

[22] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1690. Л. 186–186 об.

[23] Там же. Д. 1690. Л. 194 об. — 197. Требовалось 30 лет службы в офицерском чине, Меньшов отслужил только 22 года и 8 месяцев.

[24] Там же. Д. 1690. Л. 341–347.

указов всех коллегий наблюдал прокурор, который должен был «смотреть на крепко, чтоб в Коллегии не на столе токмо дела вершились, но чтоб по оным самые действа по указам, как скоро возможно, исполнены были»[25].

Эта статья посвящается нашим предшественникам, благодаря которым сохранились документальные материалы, с помощью которых мы изучаем историю нашего государства.

[25] ПСЗ. Т. 6. № 3937, 05.04.1722.

Елизавета Петровна Казакова
(Астрахань)
Заведующая филиалом «Краеведческий музей» Астраханского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Обзор академических изданий в коллекции Астраханского музея-заповедника

Elizaveta P. Kazakova

Review of Academic Publications in the Collection of the Astrakhan' Museum

Аннотация: В статье представлен обзор академических изданий XVIII–XIX веков из коллекции Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника — одного из старейших музеев Российской Федерации.
Abstract: The article presents an overview of academic publications of the 18th and 19th centuries in the collection of the Astrakhan State United Historical and Architectural Museum, one of the oldest museums in the Russian Federation.

Ключевые слова: П. С. Палас, С. Г. Гмелин, атлас, Астраханский музей-заповедник.
Keywords: P. S. Pallas, J. G. Gmelin, atlas, Astrakhan' Museum.

Реформы Петра Великого способствовали началу научных исследований в Российской империи и стимулировали новые географические исследования. В начале XVIII века по указанию Петра I были организованы несколько картографических экспедиций: на Каспий, в Сибирь и на Камчатку. Результатом систематических исследований стали: создание карты Каспийского моря, которая

была высоко оценена Парижской академией наук, открытие Берингова пролива в 1728 г. и выпуск первого академического атласа Российской империи в 1745 г.

Дело государя продолжало жить и после его кончины. Под эгидой Академии наук были проведены значительные исследования, включая астрономическую экспедицию Л. Д. де ла Кройера в Архангельске и на Кольском полуострове в 1727–1730 гг., Вторую Камчатскую экспедицию В. Беринга в период 1732–1743 гг., путешествия И. Я. Лерхе на Кавказ и в Персию в 1733–1735 и 1745–1747 гг., а также Оренбургскую экспедицию И. К. Кириллова в 1735–1737 гг.

Период правления Екатерины II — эпоха просвещенного абсолютизма — считается временем расцвета российской науки. В это время начались Большие академические экспедиции, которые имели огромное значение для развития российской науки. Под руководством выдающихся умов своего времени — И. И. Лепёхина, П. С. Палласа, С. Г. Гмелина, И. П. Фалька — началось системное изучение территорий страны. По словам Л. С. Берга, они открыли новую часть мира — Россию.

Сформированный за почти двухвековую историю существования Астраханского музея фонд редкой книги насчитывает около 18 тыс. музейных предметов, а коллекция музея стала серьезной научной базой исследовательской, экспозиционной и просветительской работы.

В основном фонд включает научную и справочную литературу по таким отраслям знания, как история и археология, музееведение и культурология, искусствоведение, естествознание. Краеведческие издания, давно ставшие библиографической редкостью, содержат необходимые сведения для изучения истории Нижнего Поволжья, начиная с глубокой древности и заканчивая современной эпохой. Разнообразие имеющихся источников позволяет широко использовать предметы фонда при проведении научных исследований и экспозиционно-выставочной работы.

Каждый предмет фонда «Редкая книга» выступает одновременно и как источник информации, аккумулированного знания, и как предмет духовной и материальной культуры, являющийся потенциальным элементом репрезентации, раскрытия определенного периода, темы, события в экспозиции. И в этом аспекте книга представляет собой важное звено музейной коммуникации.

Безусловно, одним из наиболее значительных отечественных картографических трудов является первый полный атлас Российской империи 1745 г.

Для своего времени этот атлас был грандиозным прорывом. Впервые огромная территория России, занимавшая 1/8 часть поверхности суши, была изображена на картах, составленных на основе инструментальных съемок.

Сведениям о создании Академического атласа 1745 г. и методике картосоставительских работ было посвящено много научных публикаций, в которых достаточно детально рассмотрен весь продолжавшийся более двух десятилетий ход работ над этим произведением.

Исходной информацией для составления атласа служили в основном съемки петровских геодезистов, осуществленные в первой четверти XVIII века и охватившие огромные территории Российского государства, однако по причине нехватки времени и материальных средств эти работы носили в основном рекогносцировочный характер и выполнялись преимущественно полуинструментальным способом.

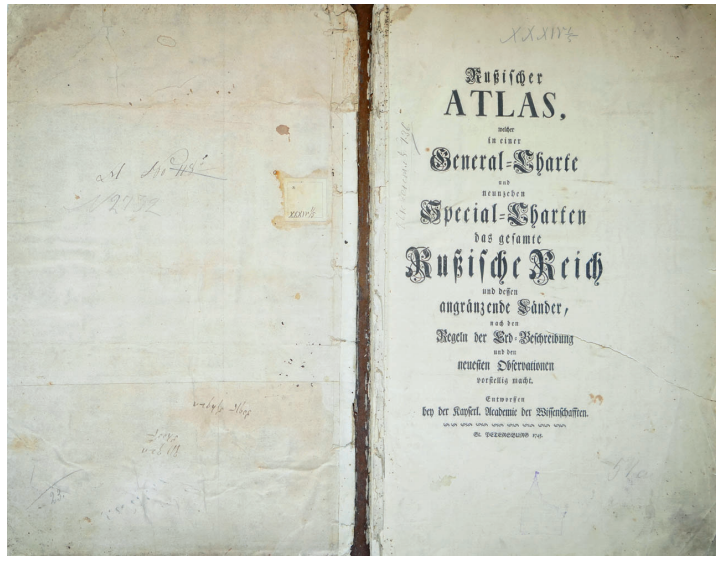
С целью популяризации географических знаний атлас был выпущен значительным тиражом. В традициях XVIII века атлас был вскоре издан также на латинском, французском и немецком языках. Отдельные листы карт атласа переиздавались в России в конце XVIII — начале XIX века.

В фонды музея в 1978 г. поступил Атлас Российский (АМЗ КП 27898 КН 18253). Текст внутри размещен в двух колонках — на немецком языке и на латыни. Подписи на картах сделаны на латыни. Передал в дар этот предмет астраханский краевед Александр Марков. Но, к сожалению, легенда предмета неизвестна: бытовал ли он в нашем регионе или куплен в другом городе — история об этом умалчивает (илл. 1, 2).

Еще одно издание, «Путешествие по России для исследования трех царств природы» С. Г. Гмелина, напечатанное в Типографии при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в 1777 г. (АМЗ КП 14868/32 КН 11786), поступило в музей из библиотеки преподавателя Астраханского педагогического института В. П. Пороха (илл. 3).

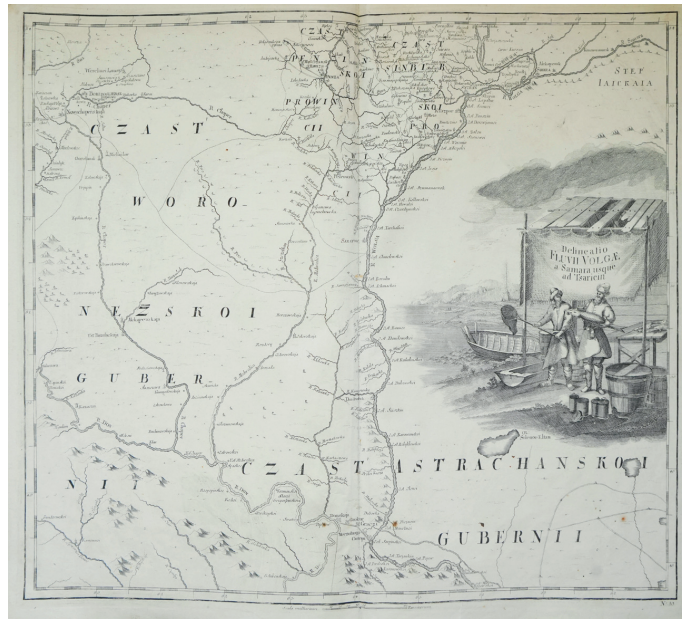
Василий Петрович Порох — известный в Астрахани педагог. В 1911 г. окончил отделение математики и педагогики Тифлисского учительского института. В 1918 г. учитель Высшего начального училища при Тифлисском Александровском учительском институте был вынужден перебраться в Астрахань, где в этом же году был приглашен на должность учителя Высшего начального училища при Астраханском учительском институте, а чуть позже стал преподавать математику в опытной школе при Астраханском педагогическом

Атлас Российской империи. 1745.
АМЗ КП 27898 КН 18253

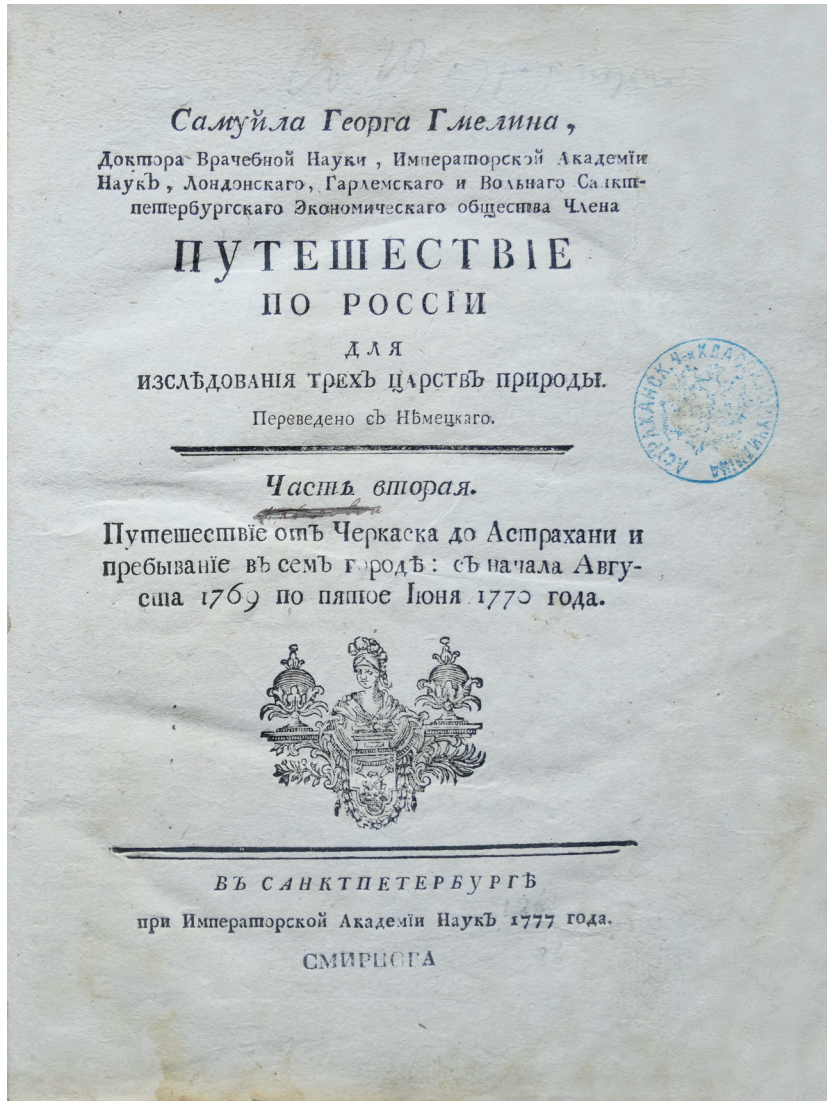


Rußischer
ATLAS,
welcher
in einer
General-Charte
und
neunzehen
Special-Charten
das gesamte
Rußische Reich
und dessen
angränzende Länder,
nach den
Regeln der Erd-Beschreibung
und den
neuesten Observationen
vorstellig macht.
Entworfen
bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften.
St. Petersburg 1745.

Илл. 1



Илл. 2



Самуйла Георга Гмелина,

Доктора Врачебной Науки, Императорской Академіи Наукъ, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго Санктпетербургскаго Экономическаго общества Члена

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО РОССІИ
ДЛЯ
ИЗСЛѢДОВАНІЯ ТРЕХЪ ЦАРСТВЪ ПРИРОДЫ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

Часть вторая.

Путешествіе отъ Черкаска до Астрахани и пребываніе въ семъ городѣ: съ начала Августа 1769 по пятое Іюня 1770 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1777 года.

СМИРНОГА

Илл. 3. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы / Пер. с нем. Ч. 2. Путешествие от Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: Типография при Императорской Академии наук, 1777. АМЗ КП 14868/32 КН 11786.

институте. В 1946 г. приказом Министерства просвещения Василий Петрович был назначен директором Астраханского государственного педагогического института (ныне Астраханский государственный университет).

В 1969 г. в фонды музея поступила обширная коллекция В. П. Пороха, насчитывающая около двухсот изданий. В основном в коллекции были книги рубежа XIX–XX веков, связанные непосредственно с его профессиональной деятельностью (учебная литература, методические разработки, отчеты и проч.). В данной коллекции оказалась и книга Гмелина «Путешествие по России...». На издании есть экслибрис Астраханского 4-классного городского училища, что позволяет с уверенностью говорить о том, что книга находилась в библиотеке данного учебного заведения.

Интересно отметить, что к 1915 г. в Астраханской губернии насчитывалось 600 различных учебных заведений. В самом городе действовало 18 мужских начальных и приходских (не путать с церковно-приходскими школами) училищ и 18 женских начальных училищ. Кроме этого, к системе начального образования города Астрахани относились четыре высших начальных мужских училища, 5-е городское четырехклассное мужское училище и 1-е городское женское четырехклассное училище.

При учебных заведениях были и библиотеки. Например, в библиотеке 1-й мужской гимназии в начале XIX века находилось более 600 книг, библиотека Астраханской 2-й мужской гимназии к началу XX в. была укомплектована уже более чем 2000 фундаментальных работ и ученической литературы. К этому же времени в Астраханском реальном училище насчитывалось около 6000 томов литературы. Кроме библиотек, во многих учебных заведениях Астрахани располагались кабинеты естествознания. Так, в 1794 г. «натуральный кабинет» народного училища г. Астрахани пополнился коллекцией гербариев, изготовленных Н. Докучаевым, сопровождавшим профессора П. С. Палласа в его путешествии по югу России[1].

После смутных революционных времен о судьбе книг из многих фундаментальных и учебных библиотек было ничего не известно. К слову, и библиотека Петровского общества исследователей Астраханского края — отцов-основателей Астраханского музея в конце 1920–1930-е гг. была передана в городской архив (ныне ГААО), откуда в коллекцию музея вернулось далеко не все. Тем значительнее тот

[1] *Кирокосьян М. А.* Очерки истории школьного образования в Астрахани. Астрахань, 2009. С. 21.

факт, что книга Гмелина «Путешествие по России...» 1777 г. по воле судьбы оказалась в руках астраханского педагога, а затем была передана в дар музею.

Еще одним редким изданием, хранящимся в фондах Астраханского музея-заповедника, является «Second voyage de l'Empire de Russie» («Второе путешествие Палласа ... по Российской империи») 1793–1794 гг., опубликованное во Франции в 1811 г. (АМЗ КП 30315-3017 КН 684-686). В коллекции музея имеются 1-й, 2-й и 4-й тома, посвященные путешествиям от Петербурга до юга Волги, линии Кавказа и путешествию по Крыму (илл. 4).

В фонды издание поступило в 1980 г. из библиотеки кандидата исторических наук археолога Николая Михайловича Булатова (Москва). К акту передачи прилагалось письмо с легендой о книгах:

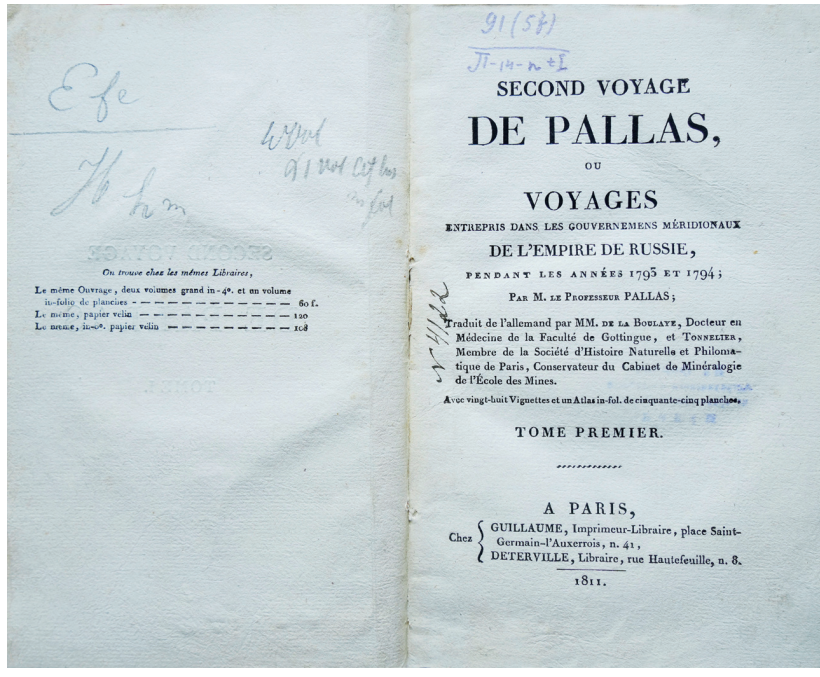
> «Сообщаю, что три тома (из четырехтомника) "Второе путешествие Палласа по России" на французском языке издания 1811 г., предложенные для покупки музею, находились в моей домашней библиотеке с 1974 г. Попали они ко мне в качестве подарка из г. Саранска от тов. В. Н. Шитова, который выбрал эти книги из кучи макулатуры, предназначенной для сожжения, во дворе одного из домов, определенных к сносу. Более ранняя судьба, или биография, этих книг мне неизвестна. Могу сказать только то, что книги, предложенные Астраханскому музею, имеют несомненную ценность в качестве краеведческого материала для всего Нижнего Поволжья».

Фонд редкой книги Астраханского музея-заповедника является благодатным местом для исследовательской работы. Он представлен и в рамках экспозиционно-выставочной деятельности музея.

Издания экспонируются на знаковых выставках Астраханского музея-заповедника: «Астрахань: краеведческий портрет» (2015), «300 лет Астраханской губернии. Музей в истории Астраханского края» (2017), «Астраханской губернии быть особо» (2021) и т. д.

Кроме того, в октябре 2024 г. в музее была открыта выставка «Дабы науки размножены и в лучшее состояние приведены были...», приуроченная к 300-летию со дня учреждения Российской академии наук. Она знакомила посетителей с основными вехами становления академической науки в России, а также с деятельностью членов Российской академии наук в регионе. Кроме предметов из коллекции музея-заповедника, на ней были представлены книги из собрания Астраханской областной научной библиотеки имени Н. К. Крупской.

Это, во-первых, «Дневные записки путешествия» Ивана Ивановича Лепёхина, которые содержат описание природы, хозяйства,



On trouve chez les mêmes Libraires,

Le même Ouvrage, deux volumes grand in-4°. et un volume in-folio de planches — — — — — — — — — — — — 60 f.
Le même, papier vélin — — — — — — — — — — — — 120
Le même, in-8°. papier vélin — — — — — — — — — 108

SECOND VOYAGE

DE PALLAS,

OU

VOYAGES

ENTREPRIS DANS LES GOUVERNEMENS MÉRIDIONAUX

DE L'EMPIRE DE RUSSIE,

PENDANT LES ANNÉES 1793 ET 1794;

PAR M. LE PROFESSEUR PALLAS;

Traduit de l'allemand par MM. DE LA BOULAYE, Docteur en Médecine de la Faculté de Gottingue, et TONNELIER, Membre de la Société d'Histoire Naturelle et Philomatique de Paris, Conservateur du Cabinet de Minéralogie de l'École des Mines.

Avec vingt-huit Vignettes et un Atlas in-fol. de cinquante-cinq planches.

TOME PREMIER.

A PARIS,

Chez GUILLAUME, Imprimeur-Libraire, place Saint-Germain-l'Auxerrois, n. 41,
DETERVILLE, Libraire, rue Hautefeuille, n. 8.

1811.

Илл. 4. Second voyage de Pallas... de l'Empire de Russie... T. I. 1793–1794. Paris, 1811 (Второе путешествие Палласа ... по Российской империи... Т. I. 1793–1794. Париж, 1811). АМЗ КП 30315 КН 684.

населения районов Поволжья, Прикаспия, Урала, Архангельского края и Белого моря. В первом томе записок, изданном в 1795 г. при Императорской академии наук, приведено описание Астраханской губернии. И, во-вторых, книга «Путешествие по разным провинциям Российского государства» П. С. Палласа, изданная также при Императорской академии наук в 1788 г. Владельцем этих изданий был Максим Данилович Смирнов (? — 1835), купец II гильдии, приехавший в Астрахань из Вольска. Библиотека управляющего семьи Сапожниковых, винного откупщика Максима Смирнова и несколько других книжных собраний стали основой первоначального фонда Астраханской общественной библиотеки. Коллекция М. Д. Смирнова входит в состав фонда редких книг научной библиотеки.

Кроме указанных двух изданий, экспонировался на выставке и первый том «Наблюдений, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах»

П. С. Палласа, изданный в Лейпциге в 1799 г. Эта книга принадлежала Николаю Филипповичу Леонтьеву (1845–1914), преподавателю Астраханской духовной семинарии, магистру богословия, статскому советнику, историку, краеведу, инициатору создания и активному члену Петровского общества исследователей Астраханского края, товарищу (заместителю) Председателя Комитета Астраханской городской общественной библиотеки. Собрание Леонтьева включает отечественные и западноевропейские издания XVIII — начала XX века. В коллекции широко представлена справочно-библиографическая литература, в т. ч. не потерявшие своего значения составленные ее владельцем указатели содержания астраханских периодических изданий[2].

Также на выставке был впервые представлен широкой общественности ряд документов из фондов Государственного архива Астраханской области о проведении академических экспедиций в регионе: дела, связанные с научной деятельностью Иоганна Иериги; переписка С. Г. Гмелина, И. П. Фалька и профессора Г. М. Ловица с астраханскими губернаторами и в целом переписка с Академией наук, посвященная предоставлению сведений для академических изданий[3].

---

[2] *Алиева А. Н.* Книги из собрания Астраханской областной научной библиотеки имени Н. К. Крупской на выставке «Астрахань: краеведческий портрет». 09.12.2015 // Астраханский музей-заповедник [Электронный ресурс]. URL: https://astmuseum.ru/ru/about/scientific-activity/publication/novosti/knigi-iz-sobraniya-astrakhanskoy-oblastnoy-nauchnoy-biblioteki-imeni-n-k-krupskoy-na-vystavke-astrakhCg7X/ (дата обращения: 9.04.2024).

[3] *Курапов А. А.* Экспедиции и исследования Академии наук на Нижней Волге во второй половине XVIII в. (по материалам ГААО). [В печати].

Назир Гаджимагомедович Эминов
(Дербент)

Заведующий научно-исследовательским отделом Дербентского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника

К вопросу изучения эпиграфических памятников Дербента

Nazir G. Eminov

On the Issue of Studying Epigraphic Monuments of Derbent

Аннотация: В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению эпиграфических надписей Дербента, которое является одним из основных источников обогащения знаниями о древности, ее восприятия и понимания. В данной статье речь идет о выдающихся и ярких личностях, которые посещали Дербент в различные периоды Средневековья и внесли вклад в развитие отечественной эпиграфики и науки: Ф. А. Котове, А. Олеарии, Эвлии Челеби, Д. Кантемире.

Abstract: There is an increased interest in the study of epigraphic inscriptions of Derbent which is one of the main sources of enrichment of knowledge, perception and understanding of antiquity. This article discusses outstanding and bright personalities who visited Derbent in different periods of the Middle Ages, who contributed to the development of domestic epigraphy and science: F. A. Kotov, A. Olearius, Evliya Celebi, D. Kantemir.

Ключевые слова: Дербент, экспедиция, эпиграфические памятники, историческая наука.

Keywords: Derbent, expedition, epigraphic monuments, historical science.

История изучения эпиграфических памятников Дербента насчитывает почти три столетия. За столь долгое время дербентские надписи на восточных языках изучались в той или иной степени многими отечественными и зарубежными путешественниками, исследователями и учеными (илл. 1). Изначально интерес к надписям не выходил за пределы простого любопытства. Эпиграфические письмена Дербента попадали на страницы сочинений лишь благодаря своей литературной форме и загадочности начертания.

Если говорить о Раннем и Развитом Средневековье как периоде наивысшего развития мусульманской культуры, Дербент находился в это время в орбите активных духовных и интеллектуальных поисков представителей религиозных наук и всего исламского мира. В городе функционировали многочисленные мечети (илл. 2). Одним из памятников мусульманской культовой архитектуры города Дербента является Джума-мечеть. Она входит в пятерку древнейших мечетей Европы, признана объектом культурного наследия РФ. Сооружение мечети датируется 115 годом хиджры, или 733–734 гг. по григорианскому календарю. Об этом свидетельствуют арабские надписи, сохранившиеся над центральным входом в мечеть.

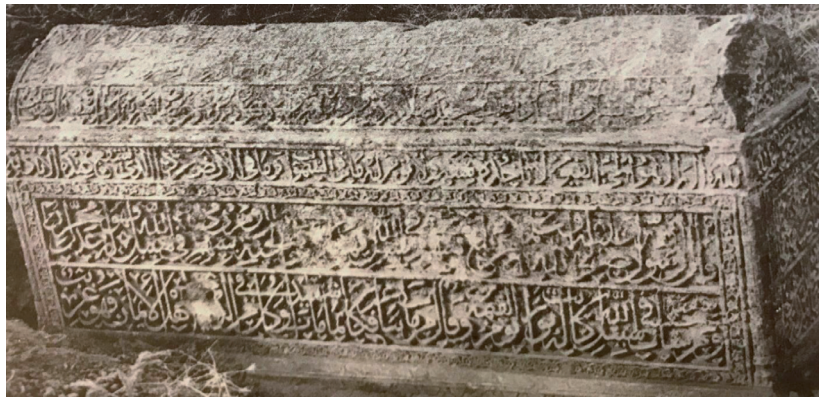
Их текст гласит:

«Год 115. Аллах и его посланник.
Боже благослови Мухаммада и род Мухаммада».
«Входите сюда с миром и в спокойствии.
Построена в сто пятнадцатом году Хиджры пророка.
Да благословит его Аллах и приветствует Его и весь его род!»

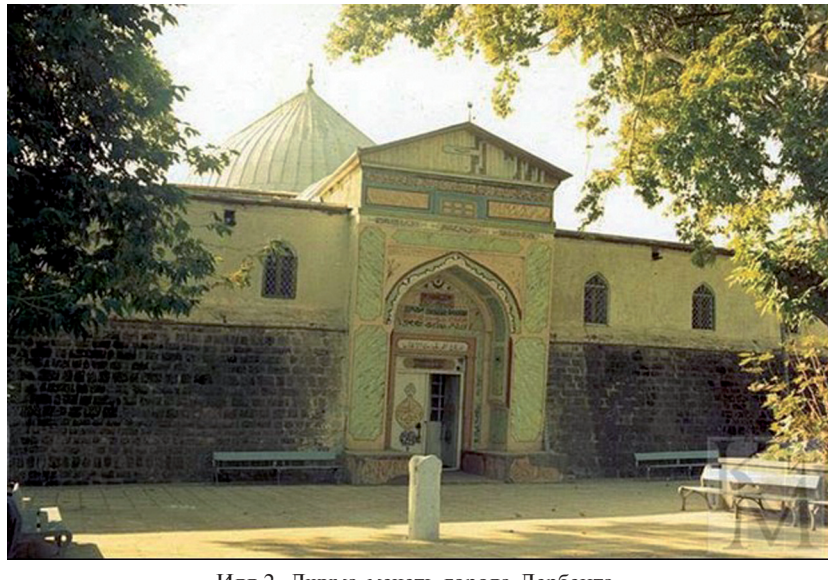
Возникали и приобретали известность святыни и культовые места, которые посещали многочисленные паломники. Надписи отражали религиозную идеологию и религиозные формулы. Все эти тексты высекали на долговечном материале — камне, таким способом сохраняя не только язык, но и мысли прошлых поколений, а также факты политической, экономической, бытовой или идеологической истории. Поэтому Дербент по праву можно назвать библиотекой под открытым небом.

Первым автором, обратившим внимание на эпиграфические надписи, был русский путешественник Ф. А. Котов, который, в 1624 г. посетив Дербент, писал:

> «И от того города Дербеня подле моря вверх огорожено стоячими плитами каменными и тут лежат 40 мучеников, а лежат они по своим гробницам и на них по великому камению белому, а резанна на них подпись, а никто тое подписи прочесть не умеет ни бусормани и армения ни турки, а подпись



Илл. 1. Надмогильный камень эмира Дербента Исфандийара. 1462 г.



Илл.2. Джума мечеть города Дербента.

резь велика... Да к той же ограде пригорожена также каменем бусорманское кладбище... а около великия кладбища старые и на них гробницы и подписи, а сказывают, что подпись греческая».

Здесь речь идет о непонятных населению куфических надписях Кырхларского кладбища, на северной стороне Дербента (илл. 3).

Приведем перевод эпиграфии:

«Это могила благоухающего мученика и почитаемая гробница усопшего, прощенного, счастливого мученика, достигшего милосердия всевышнего Аллаха ал-амир ал-кабир ал-а'зам (главнокомандующего), гордого и величайшего, наисведущего, благороднейшего, обладающего великодушием и храбростью, главы великих амиров, амира Исфандийара сына покойного Хамза-аги. В восемьсот шестьдесят шестом году.»

«О судьба, не стыдно ли тебе, когда льется кровь! Доколе будешь ты обагрять меч смерти кровью? Ослепятся да взоры твои, не увидишь ты впредь в мире такого победоносного амира — метателя стрел. Как только враг в битве внезапно видел его шпоры, вода в его теле превращалась в яд, а кровь высыхала.

Увы! Где эти Мухаммад Хамза и Исфандийар, Шейх Абу Исхак с двадцатью слугами? Тот, сабля которого рубила врага как зу-л-фикар. Тот, кто в момент кровопролития обладал силой Хайдара и был подобен Гиву, Рустаму и Гударзу на поле

Илл. 3.

битвы. Дерзающий государь Исфандияр, вырубающий строй [врагов]. В день воскресенья месяца зу-л-ка'да шестнадцатого (16 зу-л-ка'да 866 г. х. — четверг 12 августа 1462 г. — *Н. Э.*), дали от вражеского меча, рисковали жизнью. В восемьсот шестьдесят шестом году хиджры пророка стал Исфандияр мучеником с двадцатью сподвижниками».

Коран, сура 2, аят 256 «Аль-Бакара».

В 1636 году голштинский путешественник А. Олеарий одним из первых сделал зарисовки памятников эпиграфики, увиденных им на кладбище и над воротами южной крепостной стены Дербента.

И сегодня над прямоугольным проемом ворот с внешней стороны сохраняется арабская надпись почерком куфи (илл. 4).

Текст гласит:

«Во имя Аллаха милостивого и милосердного.
Эта работа Лютфуллаха бен Хасана,
Ахмада бен Абу Али бен Юнуса и Емена бен Баята.
В месяце раджаб в году от хиджры пророка
спустя пять и тридцать, и четыреста.
Во имя Аллаха милостивого и милосердного.
Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха
после... и да приветствует! Да помилует его Аллах!»

Илл. 4. Ворота «Орта-Капы».

Указанная в надписи дата — 435 г. хиджры — соответствует 1043/4 г. и является датой одной из многочисленных реставраций и перестроек ворот.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби сообщал, что на стенах Дербента и на кладбищах есть древние сирийские, арабские и неизвестные надписи.

Основной этап изучения памятников эпиграфики Дербента и начало их сбора связаны с именем Петра Великого, который пребывал здесь некоторое время в конце августа — начале сентября 1722 г., в период Персидского похода. Личное внимание Петра к эпиграфическим памятникам дало толчок к изучению древних надписей в Дагестане в целом и в Дербенте в частности.

Символично, что при вступлении Петра I в город ему был преподнесен экземпляр ставшей впоследствии известной широкому кругу ориенталистов рукописи «Дербенд-наме», а во время его нахождения здесь и, очевидно, по его прямому указанию были сделаны зарисовки ряда древних надписей Дербента. Хотя мы не имеем прямых свидетельств об этом предписании императора, следует заметить, что еще в 1718 г. Пётр издал указ, а затем и записку о сборе и скупке археологических ценностей, в т. ч. «старых надписей на каменьях», а в начале Персидского похода именно по повелению Петра, после посещения им развалин древнего города Болгар, были срисованы и затем переведены 50 средневековых надписей. В Дербенте копированием древних памятников эпиграфики занимался знаток турецкого и арабского языков, член Берлинской академии наук, активно способствовавший созданию Петербургской академии наук и бывший среди главных кандидатов на пост первого ее президента князь Дмитрий Константинович Кантемир (1673–1723), который возглавлял походную канцелярию императора. Сопровождая императора на всем пути следования по Волге и Каспийскому морю к Дербенту, князь в перерывах между военными действиями находил возможность вести дневниковые записи; предпринял ряд географических, исторических, археологических исследований; собирал материалы по истории Дагестана, сведения о традициях и обрядах местных народов; изучал древние памятники Дербента. Его перу принадлежит первое описание Кавказских гор. В частности, в Дербенте внимание князя Дмитрия Кантемира привлекла древняя крепость. Он подробно осмотрел ее, измерил, срисовал арабские надписи. Его исследование арабских надписей было изложено в сборнике “Collectanea orientalia” («Восточная коллекция»). Из-за военных действий в районе Дербента Кантемир имел

возможность лишь один день находиться около Кавказской стены, и все же он успел осмотреть этот археологический памятник и описать его.

За столь короткое время пребывания в Дербенте им было зафиксировано и частично зарисовано 13 средневековых надписей, в т. ч. 10 арабских, 2 среднеперсидских и еще одна неопределяемая. Можно сказать, что этим было положено начало изучению эпиграфики Дербента (в т. ч. среднеперсидской). Правда, Кантемир не определил эти надписи как среднеперсидские.

Скоропостижная смерть Д. К. Кантемира в 1723 г. не позволила ему опубликовать свои записки и обнаруженные надписи. Эти эпиграфические памятники Дербента, как и надписи из Болгара, увидели свет спустя много лет. Они были опубликованы только в 1883 г., спустя 160 лет после его кончины. Но в 1828 г. основатель и первый директор Азиатского музея АН академик Х. Д. Френ (1782–1851) опубликовал выдержки из записок и краткий перечень (с некоторыми иллюстрациями) собранных Кантемиром надписей.

В противоположность Кантемиру, другие путешественники XVIII века не знали арабского, поэтому их сообщения об арабских эпиграфических памятниках, основанные на сведениях, полученных от других лиц, были ошибочны и фрагментарны.

И. Г. Гербер, говоря о Дербенте, куда он попал 1728 г., передает, что

> «везде около города находится не сказанное множество гробниц, с турецкими, арапскими, персидскими, халдейскими и древне скифскими и древне куфийскими надписями, из коих иных совсем не можно прочесть, так что должно из этого заключить великую древность сего города» (илл. 5).

В 1850 году Дербент посетил известный любитель древностей, коллекционер и знаток сасанидской нумизматики, член-корреспондент АН, генерал-лейтенант И. А. Бартоломей (1813–1870). Во время пребывания в городе им была выявлена одна среднеперсидская надпись «вероятно, V–VI века».

Если говорить о 80-х гг. XIX века, то все достижения в сфере изучения мусульманской эпиграфии Северного Кавказа, в т. ч. Дербента, были ограничены констатацией новых находок, сделанных неспециалистами, которые в лучшем случае могли только сообщать об их содержании, и то слов местного населения. Этот процесс длился почти 40 лет. Уже после Великой Октябрьской революции произошло оживление в области изучения мусульманской эпиграфии.

Илл. 5.

Важными в этот период нужно признать исследования Е. А. Пахомова о пехлевийских надписях Дербента. Вышедшая в свет в 1929 году его статья содержит тексты двух древних арабских надписей. В статье приведены некоторые сведения о ряде других неизвестных ранее дербентских надписей XI–XII веков. Также Пахомовым были предложены уточнения к интерпретации Н. В. Ханыковым и Д. К. Кантемиром некоторых эпиграфических памятников в Дербенте (илл. 6).

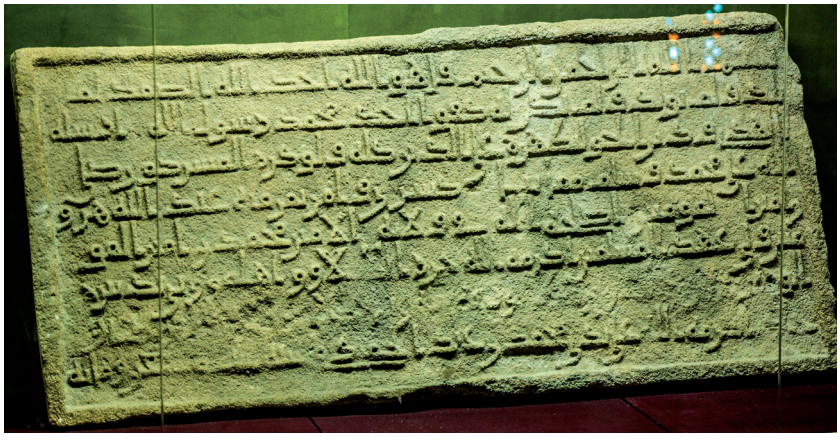
Обилие эпиграфики в Дербенте наводит на мысль о пересмотре представления о том, что народы Дагестана были бесписьменны, демонстрирует попытки применения арабской письменности в местных языках и свидетельствует о существовании грамотных людей, которые создавали указанных надписи.

Эпиграфические памятники и их хронологическая последовательностью обогащают нас не только историческими фактами, но и сведениями о политической и религиозной жизни Дербента.

Это большая каменная плита, обнаруженная в 2001 г., размерами 154 х 73х 10 см, с великолепно вырезанной рельефной куфической надписью 176 г. хиджры (792–793).

Текст ее гласит:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Скажи: “Он — Аллах — един, Аллах — вечный, не родил и не был рожден,



Илл. 6. Древнейшая официальная арабская надпись, рассказывающая о ремонтных работах на Даг-бары, 176 г.х. (792 г.).

и не был Ему равным ни один". Мухаммад — посланник Аллаха, который послал его с ведением по правильному пути и верой истины, чтобы открыть ему всю веру, хотя это и ненавистно многобожникам. Да благословит Аллах Мухаммада и приветствует.

Это построил Кисра и приказал [затем обновить это] раб божий Харун, повелитель правоверных, — да возвеличит его Аллах — в назначение аль-Амин Мухаммада, сына повелителя правоверных, наследником престола мусульман, да возвеличит Аллах его [род] и его семью.

Построил... — да возвеличит его Аллах. [Написано] рукой Мухаммада, сына Абдаллаха, в сто семьдесят шестом году».

Если говорить об эпиграфических памятниках, а конкретно о куфических надписях, то Дербенту принадлежит первое место на Кавказе и одно из ведущих в мире. Материал, на который нанесены надписи, — преимущественно крупнозернистый ракушечник, который не способен долго сохранять гладкую поверхность. И очень часто бывает трудно идентифицировать принадлежность эпиграфических надписей. Это относится ко всем техникам нанесения, включая не только рельефные надписи, но и углубленные в поверхность камня, в особенности если буквы не были глубоко врезаны или процарапаны.

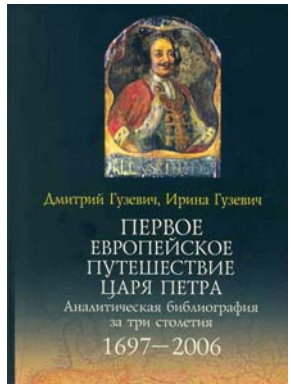
Трудно переоценить значение эпиграфических памятников для освещения истории конкретного региона. Несмотря на присущий им лаконизм и форму изложения, они очень часто содержат уникальный материал.

Принятые сокращения

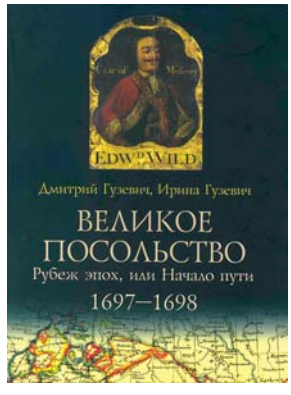
АН СССР	Академия наук СССР
ВИМАИВиВС	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
Б(Р)АН	Библиотека Российской академии наук
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ДРВ	Древняя и новая Россия (ежемесячный исторический иллюстрированный сборник)
ИГИиПМНС СО РАН	Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЯЛИ ЯФАН СССР	Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР
ЛВВМИУ	Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени В. И. Ленина
МАКИД	Московский архив Коллегии иностранных дел
МГАМИД	Московский главный архив Министерства иностранных дел
НАРК	Национальный архив Республики Карелия
НИОР БАН	Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук
НСШ	Неполная средняя школа
ОР БАН	см. НИОР БАН
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ	см. ПСЗРИ
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
ПСЗ-1	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е

ПФА РАН	см. СПбФ АРАН
РАН	Российская академия наук
РГА ВМФ	Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИО	Российское историческое общество
РНБ	Российская национальная библиотека
РОБАН	см. ОР БАН
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СПбДА	Санкт-Петербургская духовная академия
СПбИИ РАН	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
т. с.	тайный советник
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ЦГАДА	Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	см. ЦГИА СПб
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
Ч. неофиц.	Часть неофициальная
ЯЕВ	Ярославские епархиальные ведомости

ИЗДАНИЯ ПО ПРОГРАММЕ «ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»



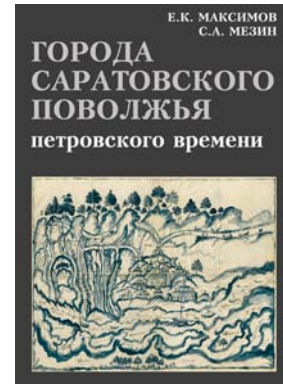
Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.
Науч. ред. Э. Вагеманс.
СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. — 912 с.



Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 696 с.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ.
Сост., вступ. статья, прим. И. Н. Сухих.
СПб.: Геликон Плюс, 2009. — 552 с.

Максимов Е. К., Мезин С. А.
Города Саратовского Поволжья петровского времени.
СПб.: Европейский Дом, 2011. — 178 с.

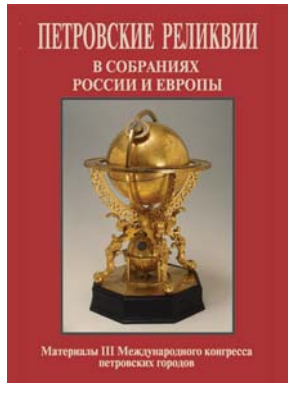


Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч.
Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы.
Подгот. изд. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базарова.
СПб.: Издательский дом «Міръ», 2011. — 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого.
Материалы II Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов, Н. Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М. Г. Вадейша, А. В. Кобак.
СПб.: Европейский Дом, 2011. — 294 с.

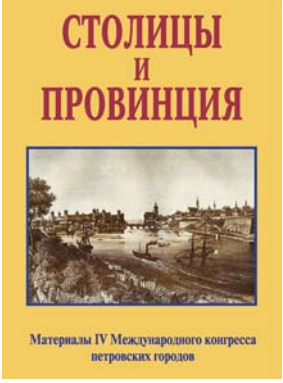
Андреева Е. А.
Рождение Петербурга.
СПб.: Лики России, 2011. — 184 с.

Юркин И. Н.
Пётр железный.
Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.
СПб.: Европейский Дом, 2012. — 352 с.



Петровские реликвии в собраниях России и Европы.
Материалы III Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов,
Н. Л. Корсакова. Сост. А. В. Кобак,
О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2012. — 352 с.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 344 с.



Кросс Э.
Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII — XX веков.
Пер. с англ. М. А. Вишняков.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 232 с.

Вагеманс Э.
Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.).
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 256 с.

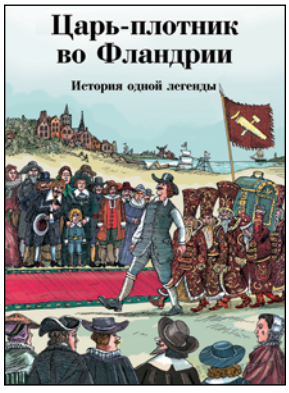
2-е изд., испр.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 260 с.

Гузевич Д. Ю.
Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 336 с.

Макаров Б. С.
Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.
СПб.: Изд-во ВМА, 2013. — 320 с.

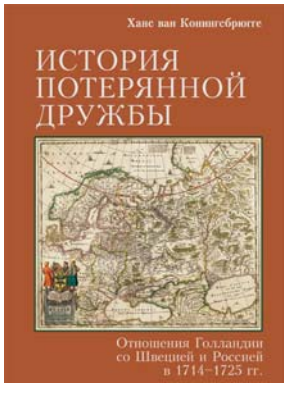
Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 558 с.

Царь-плотник во Фландрии:
История одной легенды.
Две повести Абрахама Ханса.
Публ., коммент., статьи Э. Вагеманс,
Д. Гузевич. Пер. с нидерланд. В. Ронин.
Рис. В. Ненашев.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 106 с.



Пунин А. Л.
Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко.
Часть 1.
СПб.: Лики России, 2014. — 216 с.

Конингсбрюгге Х., ван.
История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 256 с.



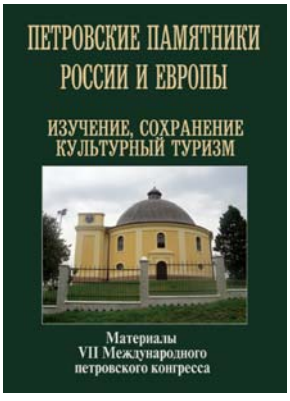
Мезин С. А.
Пётр I во Франции.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 312 с.

2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 320 с.

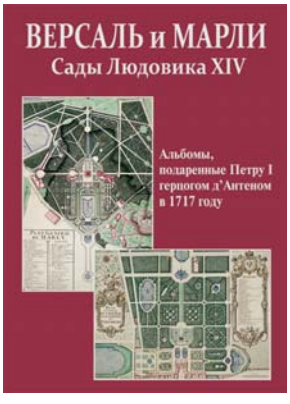
Дворцы Романовых как памятники истории и культуры.
Материалы международной конференции.
Санкт-Петербург–Царское Село–Петергоф, 7–9 октября 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, А. Д. Марголис.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 540 с.

Россия–Великобритания: Пять веков культурных связей.
Материалы VI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 768 с.

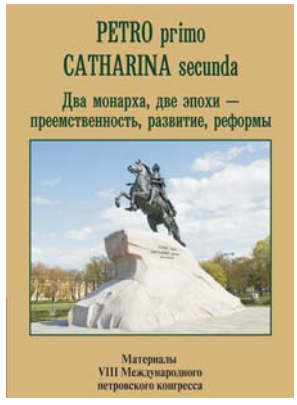
Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм.
Материалы VII Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года.
Сост. А. В. Кобак, О. В. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2016. — 696 с.



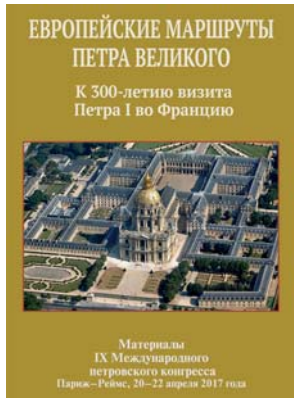
Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антеном в 1717 году.
Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бентц.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 396 с.



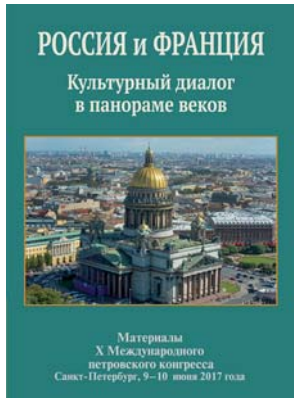
Баггер Х.
Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений.
Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датск. Б. Жаров.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 188 с.



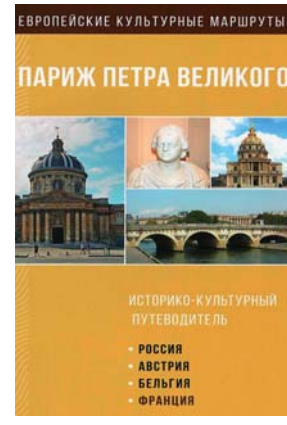
PETRO primo CATHARINA secunda.
Два монарха, две эпохи —
преемственность, развитие, реформы.
Материалы VIII Международного
петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 570 с.



Европейские маршруты Петра Великого:
К 300-летию визита Петра I во
Францию.
Материалы IX Международного
петровского конгресса.
Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2018. — 464 с.



Россия и Франция: Культурный диалог
в панораме веков.
Материалы X Международного
петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2018. — 584 с.

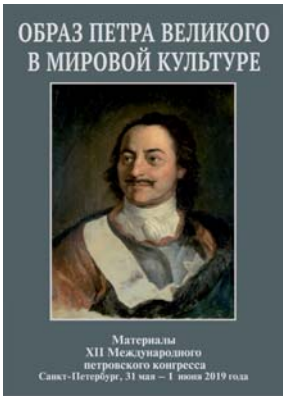


Париж Петра Великого:
Историко-культурный путеводитель.
Авт.-сост. С. А. Мезин, К. И. Пахоруков.
СПб.: Маматов, 2019. — 64 с.

Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого.
Биографический словарь выходцев из Франции, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727.
Ред. В. С. Ржеуцкий, Д. Ю. Гузевич
при участ. А. Мезен.
М.: Ломоносовъ, 2019. — 800 с.

Пётр I и Восток.
Материалы XI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 1–2 июня 2018 года.
Сост. А. В. Кобак, М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2019. — 560 с.

Мезин С. А.
Неизвестное произведение французской Россики середины XVIII века. «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской».
СПб.: Европейский Дом, 2019. — 156 с.



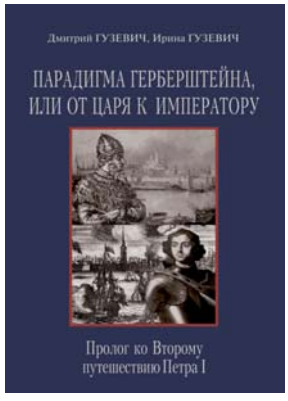
Образ Петра Великого в мировой культуре.
Материалы XII Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2019 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, В. В. Лихачёва.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 740 с.

Пётр Великий и европейский интеллектуальный мир: Циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727).
Коллективная монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 г.
Ред. Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич.
Париж – СПб.: Европейский Дом, 2020. — 760 с.

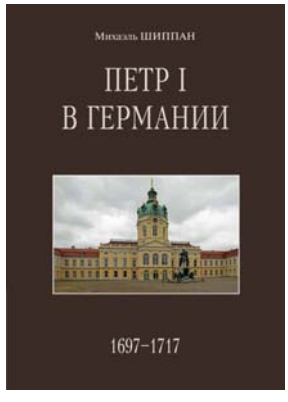
Вагеманс Э.
Путешествие Петра I по Южным Нидерландам в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 272 с.

Россия и Германия в эпоху Петра Великого: Исторические и культурные связи.
Материалы XIII Международного петровского конгресса.
Берлин, 24 – 25 октября 2019 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
В. В. Лихачёва.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 496 с.

Вагеманс Э., Кобак А., Гузевич Д., Гусейнова Ф.
Петр Великий в Нидерландах. По следам европейских путешествий Петра I: Историко-культурный путеводитель.
СПб.: Европейский Дом, Пропилеи, 2021. — 184 с.



Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.
Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко второму путешествию Петра I.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 439 с. — (Второе большое европейское путешествие Петра I: 1716–1717. Кн. 1).



Шиппан М.
Петр I в Германии: 1697–1717.
Науч. ред. Д.Ю. Гузевич,
Пер. с нем. И.Ю. Тарасовой.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 618 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Шварц И.
Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 414 с. (Серия «Петр I в Европе»).

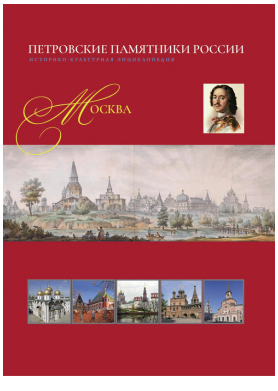
Кросс Э.
Английский Петр. Петр Великий глазами британцев.
Пер. с англ. М. Вишнякова.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 240 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Баггер Х.
Петр I в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений.
Пер. с датск. Б. С. Жарова.
2-е изд., испр. и доп.
СПб: Европейский Дом, 2022. — 196 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Мезин С. А.
Петр I во Франции.
3-е изд., испр. и доп.
СПб: Европейский Дом, 2022. – 328 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Вагеманс Э.
Царь в Республике. Второе путешествие Петра в Нидерланды. 1716 — 1717.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронина.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 266 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Вагеманс Э.
Путешествие Петра I по землям Бельгии в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронина.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 274 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

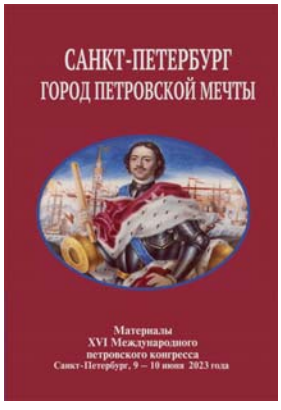


Петровские памятники России: Историко-культурная энциклопедия. Том 1. Москва.
Сост. А. В. Кобак, Н. Л. Корсакова, Р. Э. Рахматуллин.
СПб: Пропилеи, Европейский Дом, 2022. — 516 с.

«Великая Елисавет дела петровы совершает...» Материалы XIV Международного петровского конгресса, *Санкт-Петербург, 18 – 19 июня 2021 года*
Сост. А. В. Кобак, В. В. Лихачёва, И.Ф. Свидерская
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 516 с.

«Не чародей, а гений...»: Личность Петра Великого на фоне эпохи Материалы XV Международного петровского конгресса, *Санкт-Петербург, 9 – 11 июня 2022 года*
Сост. А. В. Кобак, В. В. Лихачёва, И.Ф. Свидерская
СПб.: Европейский Дом, 2023. — 590 с.

***Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Гибель царевича Алексея Петровича: 24–30 июня 1718 года: Версии, споры, реалии**. СПб.: Европейский Дом, 2024. — 456 с.



Санкт-Петербург — город петровской мечты. Материалы XVI Международного петровского конгресса,
Санкт-Петербург, 9—10 июня 2023 года.
Сост. И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2024. — 532 с.

АКАДЕМИЯ, ИЛИ СОЦИЕТЕТ ХУДОЖЕСТВ И НАУК

Материалы
XVII Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2024 года

978 5 8015 0443 8

Директор издательства
Е. Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Т. Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 28,2.
Тираж 350 экз.

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в ООО «Контраст»
Железнодорожный пр., д. 20.
Заказ №